А.Б. Мартиросян

200 МИФОВ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

К РЕШАЮЩИМ БИТВАМ

Annotation

Успешное контрнаступление под Москвой в декабре 1941 г. шокировало весь мир, показав полный провал блицкрига. Однако в наступившем 1942 г. стране пришлось пережить ещё немало трудностей, в том числе и трагических. Именно этот период войны подвергается особым клеветническим нападкам. Всё это требует соответствующих историческим реалиям разъяснений.

Ответы на эти и многие другие вопросы читатель найдет в третьем томе нового пятитомного проекта историка А. Б. Мартиросяна — «200 мифов о Великой Отечественной».

Автор известных книг «Заговор маршалов. Британская разведка против СССР», «22 июня. Правда Генералиссимуса», «Трагедия 22 июня: Блицкриг или Измена? Правда Сталина», «Кто привёл войну в СССР? Сенсационные разоблачения», пятитомника «200 мифов о Сталине» развенчивает многочисленные мифы, созданные западными и российскими историками, писателями и журналистами.

* * *

Книга содержит несколько таблиц, для просмотра рекомендуется использовать читалки, поддерживающие отображение таблиц: CoolReader 2 и 3, ALReader.

- Арсен Мартиросян
  - Миф № 1. Сталин совершил колоссальную ошибку, не эвакуировав заблаговременно предприятия оборонного комплекса на восток страны
  - Миф № 2. Идёт война, нужно снабжать фронты вооружением, боеприпасами, материальными средствами, а в это время несколько тысяч промышленных предприятий демонтируются и эвакуируются в глубь страны?! Но можно и спросить: почему все это делается с началом войны и как же предвидели и планировали её ведение?
  - Миф № 3. С началом войны эвакуация более всего была похожа на бесконечный драп от противника

- Миф № 4. В годы войны не было единства тыла и фронта, всё делалось из-под палки
- Миф № 5. Сталинская экономика не выдержала испытания войной
- Миф № 6. Основу советской экономики в войну составлял ГУЛАГ и репрессии против занятых в промышленности рабочих
- Миф № 7. Если бы не ленд-лиз, то Советский Союз не выстоял в первые полгода и, тем более, проиграл бы войну
- Миф № 8. Получив колоссальную помощь по ленд-лизу, сталинский Советский Союз ответил США чёрной неблагодарностью и ничего не заплатил
- Миф № 9. Зоя Космодемьянская вела войну против своего же народа, потому Сталин и присвоил ей звание Героя Советского Союза
- Миф № 10. Не было никаких героев-панфиловцев — всё это выдумки услужливой сталинской пропаганды
- Миф № 11. Вместо того, чтобы защищать столицу в 1941 г., органы госбезопасности в ходе Московской оборонительной операции занимались охраной только высшего руководства и минировали Москву, чтобы превратить её в руины
- Миф № 12. С началом войны всех, кого призывали в армию, без какой-либо подготовки кидали в бой
- Миф № 13. Надо было сдать Москву, как это сделал Кутузов, а не устраивать мясорубку
- Миф № 14. Москву спасли, забросав врага трупами советских солдат
- Миф № 15. Москву спасло не мужество и героизм наших войск, а то обстоятельство, что германское командование отдало приказ на отступление
- Миф № 16. Ни в начале войны, ни впоследствии Верховный Главнокомандующий Сталин никогда не выезжал на фронт и не знал, что там творится
- Миф № 17. Миллионы солдат и офицеров Красной Армии оказались в плену в начале войны
- Миф № 18. От имени советского руководства Верховный Главнокомандующий Сталин злоумышленно отрёкся от попавших в фашистский плен советских военнопленных и никак не стремился облегчить их участь
- Миф № 19. По приказу Сталина из нацистского концлагеря всех советских военнопленных направляли в ГУЛАГ

- Миф № 20. Мало того что отрекались от попавших в плен военнослужащих, так ещё и над их родственниками измывались, ссылая их на спецпоселения
- Миф № 21. В начале 1942 года советская разведка вновь допустила серьёзный просчёт в определении главного удара вермахта на Восточном фронте
- Миф № 22. Верховный Главнокомандующий Сталин в первый период войны ничего не смыслил в стратегии и руководил военными операциями по глобусу
- Миф № 23. По приказу Сталина весь 1942 год осуществлялись бессмысленные Ржевские операции, которые привели к катастрофическим потерям. Ржевская «мясорубка»
- Миф № 24. Операция «Марс» — крупнейшее поражение маршала Жукова
- Миф № 25. Верховный Главнокомандующий Сталин специально направлял на различные фронты своего бездарного в военном деле, но «верного пса» Л. З. Мехлиса, чтобы тот в страхе держал командование, вследствие чего в итоге и произошла Крымская катастрофа
- Миф № 26. Верховный Главнокомандующий Сталин виновен в трагедии Харьковского «котла» 1942 г
- Миф № 27. Подготовка к Сталинградской битве осуществлялась спонтанно, потому и понадобился самый жестокий приказ № 227 «Ни шагу назад!», приведший к резкому увеличению потерь
- Миф № 28. Верховный Главнокомандующий Сталин умышленно создал штрафные батальоны, чтобы загнать туда побольше солдат и использовать их в самых кровавых операциях на фронте, правду о чём поведали создатели дважды показанного по телевидению многосерийного фильма «Штрафбат»
- Миф № 29. В начале Сталинградской битвы Сталину показалось мало созданных по приказу № 227 от 28 июля 1942 г. штрафных батальонов, и он создал ещё штурмовые батальоны
- Миф № 30. Во время войны Сталин не щадил даже своих любимчиков — «сталинских соколов» — ссылал их в специально созданные для них штрафные авиаэскадрильи, а некоторых даже в штрафбаты
- Миф № 31. Во время войны провинившихся лётчиков по приказу Сталина ссылали не просто в штрафные авиаэскадрильи, а в эскадрильи смертников, которые летали на штурмовиках Ил-2
- Миф № 32. Берия планировал сдать Кавказ

    - Миф № 33. Если бы союзники своей славной победой под Эль-Аламейном не помогли Советскому Союзу, то в 1942 г. Гитлер разгромил бы СССР
    - Миф № 34. Всенародное партизанское движение — блеф сталинской пропаганды
    - Миф № 35. В годы войны отсутствовала взаимосвязь между военной стратегией и партизанским движением
    - Миф № 36. Партизанское движение было затеяно ради «рельсовой войны», а остальные направления деятельности партизанских отрядов и засылавшихся в тыл врага специальных групп центр не интересовали
    - Миф № 37. Накануне войны Сталин осуществил незаконные депортации населения из западных районов Украины, Белоруссии, прибалтийских республик и Молдавии. В результате, например, чуть ли не половина населения прибалтийских республик была подвергнута геноциду
    - Миф № 38. В начале войны Сталин жестоко обошёлся с советскими немцами
    - Миф № 39. Осуществленная в конце войны незаконная депортация крымских татар, чеченцев, ингушей, калмыков и других из мест их постоянного проживания стала актом сталинского геноцида этих народов
    - Миф № 40. В конце войны и сразу после её окончания центральные власти СССР осуществляли политику геноцида в отношении прибалтийских народов (на примере Эстонии)
    - Миф № 41. «Я солдата на фельдмаршала не меняю»
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13

- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53

- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62
- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88
- 89
- 90
- 91
- 92
- 93

- 94
- 95
- 96
- 97
- 98
- 99
- 100
- 101
- 102
- 103
- 104
- 105
- 106
- 107
- 108
- 109
- 110
- 111
- 112
- 113
- 114
- 115
- 116
- 117
- 118
- 119
- 120
- 121
- 122
- 123

Арсен Мартиросян
К РЕШАЮЩИМ БИТВАМ

Миф № 1. Сталин совершил колоссальную ошибку, не эвакуировав заблаговременно предприятия оборонного комплекса на восток страны

Миф № 2. Идёт война, нужно снабжать фронты вооружением, боеприпасами, материальными средствами, а в это время несколько тысяч промышленных предприятий демонтируются и эвакуируются в глубь страны?! Но можно и спросить: почему все это делается с началом войны и как же предвидели и планировали её ведение?

Миф № 3. С началом войны эвакуация более всего была похожа на бесконечный драп от противника

Автор «идей», заключенных в названии первых двух мифов, — мне известен. Но называть его фамилию не буду. И дело вовсе не в том, что чего-то опасаюсь. Нет, отнюдь не в этом дело. Суть дела в том, что не хочу публично подвергать сомнению одно из самых высших воинских званий, которое он носит. А фамилия — фамилия ничего не даст. Так что не в этом дело. Когда впервые узнал о таком мнении, а произошло это в 2006 г., то оказался в крайне затруднительном положении — потому что было до чрезвычайности трудно поверить, что подобное могла вывести рука профессионального, казалось бы, до мозга костей военного. Как будто этому человеку не было известно, что до **70–80 %** (в зависимости от отрасли) предприятий военно-промышленного комплекса СССР накануне войны находилось в европейской части Союза?!

* * *

В европейской части СССР тогда проживало **40 %** всего населения страны, было расположено **31 850** промышленных предприятий. Из них **37** заводов черной металлургии, **749** заводов тяжёлого и среднего машиностроения, **169** заводов сельскохозяйственного, химического, деревообрабатывающего и бумагоделательного машиностроения, **1135** шахт, свыше **3** тыс. нефтяных скважин, **61** крупная электростанция, сотни текстильных, пищевых и других предприятий. Здесь же было сосредоточено большое количество оборонных предприятий.

* * *

Или, если исходить из смысла мифа № 2, как можно было допускать мысль о том, что эти предприятия могли быть оставлены врагу?! Или что, неизвестно, что подавляющее большинство эвакуированных предприятий демонтировались и грузились только в момент непосредственной угрозы захвата гитлеровцами той или иной части советской территории, то есть в

прямом смысле слова под артиллерийскими обстрелами и бомбардировками?! Или, быть может, неизвестен тот факт, что то, чего не могли вывезти, взрывалось и уничтожалось?! Но ровно до этого момента каждое из подлежавших эвакуации предприятий производило оборонную продукцию. Более того. В связи с предстоявшей эвакуацией специально выпускали небольшой задел деталей, чтобы по прибытии на новое место практически сразу наладить производство крайне необходимой фронту продукции. Но это всего лишь присказка.

Более всего в шокирующую оторопь меня ввергло заявление профессионального военного о том, что-де надо было об эвакуации подумать и организовать её **заранее**, до начала войны?! Но разве профессиональному военному с гигантским стажем службы не известно, что даже в угрожаемый период никто не пойдёт на демонтаж тысяч фабрик и заводов в пределах предполагаемого театра военных действий, потому как это будет расценено как очевидный и не подлежащий сомнению признак явной слабости государства, на которое планируется нападение?! Меры по защите и мобилизационной готовности, а также готовности к эвакуации всенепременно должны быть приняты, но никак не сама эвакуация, тем более в таких масштабах. Заблаговременная эвакуация в таких масштабах, по сути, то же самое, или, по меньшей мере, близко примыкает к известной формуле **«Мобилизация — это война», если не вообще совпадает с ней. Причём с показом, что жертва предстоящей агрессии чуть ли не заранее лапки крестом складывает!**

Любопытно, что сама мысль о заблаговременной эвакуации исподволь была связана с попыткой бросить очередной булыжник в адрес того, на кого и так пытаются свалить всю ответственность за трагедию 22 июня 1941 г. — то есть на Сталина. Странная затея. Странная она именно тем, что булыжник-то в буквальном смысле слова на автопилоте бумерангом шандарахнул по Жукову и Тимошенко! И знаете почему?! Да потому, что только им в голову пришло предвидеть, что у гитлеровцев хватит ума и сил лишь на то, чтобы продвинуться в глубь советской территории всего на **150 километров**! Это именно они, и более всего Жуков, повинны в таком незаконном и негласном пересмотре глубины стратегической обороны СССР на всех азимутах западного направления. Ведь мудрый ас Генштаба Шапошников предвидел её на **400** километров, а высшее политическое руководство и того более предполагало. Но только Жуков в конце февраля 1941 г. произвольно (но по согласованию с наркомом обороны Тимошенко) ограничил глубину возможного прорыва гитлеровцев **150 километрами**?! Это чётко зафиксировано малоизвестными документами ГРУ[1]. И если даже и захотели бы осуществить заблаговременную эвакуацию из этой зоны, то,

откровенно говоря, эвакуировать-то было бы нечего. Ведь это зона воссоединенных с СССР ранее незаконно отторгнутых у него территорий. Там не было оборонной промышленности, во всяком случае там не было особо значимых для обороны предприятий.

Что же до снабжения фронта, о чем в упомянутой цитате так пекся её автор, то объяснил бы он, желательно вразумительно, следующее. Как могло получиться такое, что в прямом смысле слова **сотни** воинских эшелонов, **десятки тысяч** вагонов и ж.-д. платформ с крайне необходимыми приграничной группировке наших войск военными грузами болтались неизвестно где?! Причём отправленные ещё до начала войны. К тому же перегонялись по каким-то странным, не предписанным маршрутами?! Одних только платформ с автотранспортом для военных на дорогах страны болталось **50 347 единиц, или 1320 эшелонов. А в это время даже механизированные корпуса РККА пешком передвигались к линии соприкосновения с врагом! Эшелоны с новейшими танками гонялись по замкнутому треугольнику, 47 эшелонов с крайне необходимым для войск автотранспортом вообще выгрузили неизвестно где, эшелоны со 100 000 мин вообще пропали. А ведь все это должно было быть в войсках ещё до нападения. Приведенные масштабы загруженности эшелонов свидетельствуют об их довоенной отправке. И это всего лишь запредельный мизер тех данных, которые следовало бы привести. Просто не хочется шокировать читателей до состояния комы.**

Что же до подлинной сути дела, связанного с эвакуацией, то должен сказать следующее. Об эвакуации заботились давно. Это вообще одна из обязательных мер подготовки страны к войне. Сталин заблаговременно начал размещение дублирующих производств сил, особенно военно-промышленного комплекса, в недосягаемых для авиации наиболее вероятного противника регионах. Прежде всего за Уралом и в Сибири. В течение всех предвоенных пятилеток там создавалась дублирующая промышленная база, темпы формирования которой были резко ускорены ещё в начале 1939 г. Это **во-первых**. **Во-вторых**, из-за «безграмотного сценария вступления в войну», на который Жуков и Тимошенко негласно и незаконно подменили официальный план обороны страны, в наитяжелейших условиях начального периода войны пришлось организовывать переброску на восток **2593** промышленных предприятия вместе со всем их оборудованием. Из них только крупных **1360**. **Было эвакуировано 12 млн.** человек, из них **10 млн**. по железной дороге. А, кроме того, без малого **2,5 млн**. голов скота, уведенного из прифронтовой полосы! За **193** дня до конца 1941 г. объём перевозок составил **1,5 млн**. вагонов, то есть по **7772** вагона в сутки! И там, на востоке, нередко прямо в

голом поле начиналось производство оружия и боевой техники. Сначала ставили станки и приступали к производству, в том числе и используя привезенные запасы деталей, и лишь затем появлялись стены. Одна только эта эпопея с переброской промышленности на восток достойна того, чтобы коленопреклоненно почтить память наших предков, сотворивших этот великий подвиг под руководством Сталина.

Был в Америке такой известный журналист — Э. Сульцбергер. Мягко выражаясь, далеко не поклонник Советского Союза. Так вот этот далеко не советофил и уж тем более не русофил 20 июля 1942 г. опубликовал в журнале «Лайф» огромную статью о борьбе СССР с гитлеровской агрессией, в которой были следующие строки: **«Легендарным стал перевод промышленных предприятий из западной части СССР на восток… Теперь десятки сибирских заводов выпускают станки, запчасти, танки, противотанковые ружья, тягачи, самолеты, снаряды, орудия, винтовки, боеприпасы, ручные гранаты, минометы, артиллерию, дизельные моторы, карбюраторы, перерабатывают медную и железную руду, нефть. На юго-востоке действуют новые текстильные предприятия… Этот осуществленный в гигантских масштабах перевод промышленности на восток — одна из величайших саг истории»**. Слово **«сага»** в широком смысле означает — героическая повесть. Так вот, творцом **«одной из величайших саг в истории»** и был советский народ, действовавший под руководством посмертно нещадно оболганного и оклеветанного И. В. Сталина! И эта сага была сотворена во имя будущей Победы, потому как тем самым создавалось то самое единство фронта и тыла, без которого первый ни при каких обстоятельствах не смог бы выиграть войну. Ведь воюют-то не армии — они только убивают друг друга. Воюют экономики, а это и есть тыл, без которого фронт не может прожить и дня. **Величайшая сага истории — едва ли не тотальная переброска промышленности на восток — наполнила могучей силой жизнь глубокого тыла, которая затем переправлялась в непобедимую мощь нашей армии.**

А для того чтобы было понятней, как это произошло, полагал бы уместным привлечь внимание читателей к содержанию статьи доктора исторических наук, профессора, академика РАЕН, руководителя Центра военной истории России Института российской истории РАН Георгия Александровича Куманева — **«Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы»**. Она была опубликована в № 6 за 2006 г. журнала «Новая и новейшая история».

Так вот, в упомянутой статье уважаемый Г. А. Куманев отмечает, что беспримерной в мировой истории, поистине героической и драматической

эпопеей явилось массовое перемещение в первый период Великой Отечественной войны из угрожаемых районов СССР на восток населения, промышленных предприятий, имущества МТС, колхозов и совхозов, культурных и научных учреждений, запасов продовольствия, сырья и других материальных ценностей. Осуществленная в Советском Союзе эвакуация по своим масштабам и срокам была уникальной производственно-транспортной операцией. По этому поводу известный английский публицист Александр Верт, всю войну находившийся в Советском Союзе как корреспондент Би-би-си и газеты «Санди таймс», писал: **«Повесть о том, как целые предприятия и миллионы людей были вывезены на восток, как эти предприятия были в кратчайший срок и в неслыханно трудных условиях восстановлены, и как им удалось в огромной степени увеличить производство в течение 1942 года — это, прежде всего, повесть о невероятной человеческой стойкости»**. А. Верт особо подчёркивал **«великолепнейший организаторский подвиг»**, который был совершен в СССР в самый разгар германского вторжения, когда «огромной важности промышленные районы европейской части» страны оказались захвачены врагом.

Анализируя итоги тотальной эвакуации, Г. А. Куманев совершенно справедливо приходит к выводу о том, что без успешного выполнения столь грандиозной производственно-транспортной операции, проведенной в СССР в 1941–1942 гг., невозможно было не только сохранить основную экономическую базу страны, но и организовать прочный тыл и оперативно переключить народное хозяйство на массовый выпуск необходимой фронту военной продукции. Эвакуация была хотя и вынужденной, но крайне важной мерой, вызванной трагической обстановкой, сложившейся в зоне боевых действий уже в самом начале войны.

Ведь гитлеровцы надеялись, как это им удалось в порабощенных странах Европы, использовать огромный промышленно-экономический потенциал, имущество сотен колхозов, МТС, совхозов и другие мелкие материальные ценности и людские ресурсы СССР. После овладения столь внушительной экономической базой они рассчитывали быстро покончить с советским государством. Соответственно, необходимо было принять адекватные экстренные и эффективные меры, чтобы сорвать эти планы агрессора. Именно этим целям служила директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., которая призывала население при вынужденном отходе Красной Армии **«угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего»**. Понятно, что в полном объеме выполнить подобное требование было не реально, однако

призыв к максимальному спасению от врага всего, что можно было спасти, был воспринят в стране, как и полагается патриотически настроенному обществу. Все ценное имущество и продовольственные запасы, которые невозможно было эвакуировать в тыл, разрушалось и уничтожалось. Как сама эвакуация, так и неизбежное уничтожение и разрушение имущества, которое невозможно было вывезти, обусловило значительные материальные и финансовые потери. Одно лишь прекращение производственного процесса на тысячах предприятий означало для советского государства ущерб в десятки и сотни миллионов рублей. Но на это пришлось идти во имя спасения от врага и сохранения большой части производительных сил страны и последующего их использования в интересах фронта, скорейшего создания и развертывания мощной военной экономики СССР.

В связи с этим, конечно же, возникает и вопрос о заблаговременно подготовленных эвакуационных планах. Куманев отмечает, что их фактически не существовало, хотя перед войной некоторая работа в этом направлении проводилась. Черновые варианты таких документов составлялись, например, Военно-промышленной комиссией при СНК СССР в 1939–1940 гг. и в начале 1941 г. Более того, когда 21 апреля 1941 г. Совнарком СССР вынес постановление «О мероприятиях по улучшению местной противовоздушной обороны г. Москвы», дабы обеспечить безопасную эвакуацию, была даже создана специальная Комиссия по эвакуации из г. Москвы населения в военное время во главе с председателем Моссовета В. П. Прониным. 3 июня эта комиссия представила И. В. Сталину свой план и проект постановления Совнаркома СССР «О частичной эвакуации населения г. Москвы в военное время». Предусматривалось, в частности, с началом войны вывезти в тыловые районы 1 млн. 40 тыс. москвичей. 5 июня на докладной записке председателя комиссии Сталин наложил следующую резолюцию: **«Т-щу Пронину. Ваше предложение о „частичной“ эвакуации населения Москвы в „военное время“ считаю несвоевременным. Комиссию по эвакуации прошу ликвидировать, а разговоры об эвакуации прекратить. Когда нужно будет и если нужно будет подготовить эвакуацию — ЦК и СНК уведомят Вас»**.

*** * ***

Небольшой комментарий. Насчёт того, что заблаговременно разработанных планов эвакуации вообще не было, — согласиться трудно. Потому что это обязательные мероприятия, которые отдельным разделом

входят в общегосударственный мобилизационный план на случай войны. С 1926 г. в СССР разрабатывались мобилизационные планы на случай войны, в которых предусматривалась и эвакуация. То есть соответствующие планы или, по крайней мере, хотя бы черновые проекты на этот счет все же имелись. Сталин тем и отличался, что обо всем думал наперед, причем задолго до наступления тех или иных событий, которые он предвидел. Да и сам Куманев отмечает, что черновики все-таки были. Другое дело, что эти проекты даже вчерне не доводились до сведения конкретных исполнителей. И в том был тогда громадный политический, скорее даже стратегический, смысл. Потому что в таком случае неизбежно поползут всевозможные слухи, которые будут очень сильно нервировать население, фактически провоцируя его на панику задолго до войны. Уж что-что, но язык за зубами у нас держать не умеют. Даже в условиях жесткого сталинского режима и то болтали столь много и на такие ненужные темы, что не только оказывались за решеткой из-за невоздержанности собственного языка, но и обеспечивали иностранные разведки вполне серьезной информацией. А оно надо было Сталину, чтобы о его планах по мобилизации государства и эвакуации во время войны заранее знали бы в том же Берлине?! Собственно говоря, именно поэтому-то он и отписал председателю Моссовета В. П. Пронину такую резолюцию. Иначе было нельзя. Если бы об этом стало известно хотя бы в Москве именно в тот момент, то есть в начале июня, то началась бы паника буквально по всей стране.

Но в то же время любопытна иная деталь. Опираясь на ранее особо секретные архивные документы, Куманев отмечает, что черновые варианты планов эвакуации составлялись задолго до начала войны. В качестве подтверждения он ссылается на деятельность Военно-промышленной комиссии при СНК СССР в 1939–1940 гг. и в начале 1941 г. и даже на факт создания в конце апреля специальной Комиссии по эвакуации из г. Москвы населения в военное время во главе с председателем Моссовета В. П. Прониным. Без санкции Сталина она не могла быть создана. Тем более в увязке с постановлением Совнаркома СССР от 21 апреля 1941 г. «О мероприятиях по улучшению местной противовоздушной обороны г. Москвы». **Обращаю на это особое внимание читателей, так как это одно из убойных свидетельств того, что ни на кого нападать ни Сталин, ни СССР не собирались даже гипотетически! Все упомянутые Куманевым мероприятия сугубо оборонного предназначения!**

* * *

24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации в составе Л. М. Кагановича (председатель), А. Н. Косыгина (заместитель председателя), Н. М. Шверника (заместитель председателя), Б. М. Шапошникова, С. Н. Круглова, П. С. Попкова, Н. Ф. Дубровина и А. И. Кирпичникова. 26, 27 июня и 1 июля решением тех же органов в Совет по эвакуации были дополнительно введены А. И. Микоян (первым заместителем председателя), Л. П. Берия и М. Г. Первухин (заместитель председателя). **«Тогда считалось, —** вспоминал А. И. Микоян, — **что Наркомат путей сообщения должен играть главную роль в вопросах эвакуации. Объем же эвакуации из-за ухудшения военной обстановки расширялся. Всё подряд эвакуировать было невозможно. Не хватало ни времени, ни транспорта. Уже к началу июля 1941 г. стало ясно, что Каганович не может обеспечить четкую и оперативную работу Совета по эвакуации»**. 3 июля 1941 г. председателем Совета по эвакуации был назначен кандидат в члены Политбюро ЦК, секретарь ВЦСПС Н. М. Шверник. Однако на этом организационный процесс не завершился. 16 июля последовало новое решение ГКО «О составе Совета по эвакуации». На этот раз в его реорганизованный состав вошли: Н. М. Шверник (председатель), А. Н. Косыгин (заместитель председателя), М. Г. Первухин (заместитель председателя), А. И. Микоян, Л. М. Каганович (в отсутствие Кагановича его заменял Б. Н. Арутюнов), М. З. Сабуров (в отсутствие Сабурова его заменял Г. П. Косяченко) и В. С. Абакумов (НКВД).

16 августа 1941 г. постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) в Совет по эвакуации дополнительно ввели заместителя начальника Главного управления тыла Красной Армии генерал-майора М. В. Захарова. 26 сентября 1941 г. при Совете по эвакуации было создано Управление по эвакуации населения во главе с заместителем председателя СНК РСФСР К. Д. Памфиловым. Одновременно Памфилов пополнил состав Совета по эвакуации в качестве одного из заместителей председателя Совета. Вся работа по спасению людей, промышленного оборудования, ресурсов сельского хозяйства, материальных и культурных ценностей постоянно находилась в центре внимания ГКО, ЦК ВКП(б), СНК СССР и Совета по эвакуации. За практическое осуществление перебазирования производительных сил стали отвечать центральные комитеты партии и совнаркомы союзных республик, обкомы, райкомы и горкомы партии, исполкомы местных советов прифронтовых и многих областей страны, где были созданы специальные комиссии, комитеты, бюро или советы по

эвакуации. К выполнению этой чрезвычайно важной военно-хозяйственной задачи были также привлечены Госплан СССР и наркомат обороны СССР. В этой ситуации полностью оправдала себя в интересах более четкого управления всей системой перебазирования организационная перестройка тыла Красной Армии, проведенная в августе 1941 г. Вывоз промышленного оборудования и других материальных ценностей в восточные районы страны стал одной из важнейших обязанностей начальников тыла фронтов и армий. Объединение в одних руках функций планирования, подвоза и снабжения позволило более гибко и оперативно решать многие вопросы, связанные с эвакоперевозками. При наркоматах и ведомствах были образованы бюро, комитеты, советы и комиссии по эвакуации с выделением уполномоченных для каждой группы предприятий. Контроль за вывозом населения, оборудования и других материальных ценностей осуществляла созданная при Совете по эвакуации группа инспекторов во главе с А. Н. Косыгиным. В постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» от 27 июня 1941 г. были определены главные задачи и первоочередные объекты эвакуации. Перемещению на восток в первую очередь подлежали квалифицированные кадры рабочих и служащих, старики, женщины и молодежь, промышленное оборудование, станки и машины, цветные металлы, горючее, хлеб и другие ценности, имеющие государственное значение. Вскоре это постановление было дополнено утвержденной Совнаркомом СССР специальной инструкцией о порядке демонтажа и отгрузки оборудования заводов и фабрик. В тот же день, 27 июня, были приняты и решения «О вывозе из Ленинграда ценностей и картин ленинградского Эрмитажа, Русского и других музеев» и «О вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней, алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля». Оба эти постановления, особенно второе, несомненно, свидетельствовали о большой тревоге, которая охватила на шестой день войны Сталина и высшее руководство страны в результате угрожающего развития боевых действий.

В гигантскую операцию по перебазированию производительных сил страны уже в течение первых недель войны были активно включены все виды советского транспорта. Но главная тяжесть при этом выпала на долю железных дорог. Совет по эвакуации поддерживал постоянную оперативную связь с НКПС через представителей наркомата путей сообщения в Совете. На крупные железнодорожные станции правительство направило уполномоченных Совета по эвакуации с широкими полномочиями. Только на девяти железных дорогах центра находилось до 30 уполномоченных Совета по эвакуации. Позднее было дано указание направить во все морские

бассейны заместителей наркома морского флота и ответственных работников политуправления наркомата. В самом НКПС вопросами эвакуации населения и материальных грузов занимались Грузовое управление и Управление движения. Здесь была сформирована оперативная группа в составе 25 человек. Состоявшая из опытных работников группа осуществляла выполнение решений Совета по эвакуации: обеспечивала подачу вагонов под погрузку, вела учет погруженных вагонов, контролировала их продвижение и выгрузку. Наркоматом путей сообщения было срочно начато составление конкретных планов и мероприятий, связанных с беспрепятственным продвижением эшелонов с эвакуированными грузами. Как вспоминал бывший заместитель наркома путей сообщения и начальник Грузового управления НКПС Н. Ф. Дубровин, **«конкретными, заблаговременно разработанными эвакуационными планами на случай неблагоприятного хода военных действий мы не располагали. Положение осложнялось тем, что многие предприятия прифронтовых районов до последней возможности должны были давать продукцию для обеспечения нужд обороны. Наряду с этим нужно было своевременно подготовить оборудование промышленных объектов к демонтажу** и **эвакуации, которую приходилось часто осуществлять под артиллерийским обстрелом и вражескими бомбардировками. Между тем необходимого опыта планирования и проведения столь экстренного перемещения производительных сил из западных районов страны на восток у нас не было. Помню, как по заданию директивных органов мы специально разыскивали в архивах и библиотеках Москвы, в том числе в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина, хотя бы отрывочные сведения об эвакуации во время первой мировой войны, но найти почти ничего не удалось. Опыт приобретался в ходе военных действий»**.

В направленном в Совет по эвакуации письме от 18 июля 1941 г. Генеральный штаб Красной Армии отмечал: «Эвакуация населения и промпредприятий с Западной границы СССР происходила без заранее составленного в мирное время эвакоплана, что, несомненно, отражается и на её осуществлении». В связи с этим Генштаб предложил Совету по эвакуации «дать указания соответствующим наркоматам на проработку плана вывоза подведомственных им предприятий, определив для них заранее эвакобазы», а также районы размещения эвакуируемого населения. В июле же была осуществлена и попытка разработать общий план эвакуации из прифронтовой зоны как населения, так и промышленности, ресурсов сельского хозяйства и других материальных и культурных ценностей. При этом, полагая, что Красная Армия вскоре остановит слишком резво наступающего противника, плановые органы намечали

переместить основную массу людей только в районы ближайшего тыла и то в количестве немногим более 2 млн. человек. Из этого числа значительную часть эвакуируемых планировалось вывезти в Поволжье. Что касается более восточных областей, то, например, на Урал должны были переселиться всего лишь 440 тыс. человек. Но быстрое развитие событий на фронте приняло угрожающий характер. Указанный план оказался совершенно нереальным. Встал вопрос о спасении многих миллионов советских людей.

Работавший в начале войны первым секретарем Челябинского обкома ВКП(б) Н. С. Патоличев впоследствии отмечал, что «случалось, что в открытых полувагонах или на платформах ехали люди. Хорошо, если был брезент, которым можно было прикрыться от дождя. Иногда и этого не было. Здесь же станки или материалы, кое-что из вещей эвакуированных. Именно кое-что. Люди спасались от нашествия варваров, и было, конечно, не до вещей. При более благоприятной обстановке два-три крытых вагона выделяли для женщин с детьми. Вместо 36 человек в них набивалось по 80–100. Никто, разумеется, не роптал — горе объединяло людей, кров которых был захвачен фашистами». Перевозки населения были взяты под постоянный и строгий контроль руководства страны. Начальники дорог ежесуточно не позднее 22 часов сообщали в НКПС о следовании людских эшелонов и отдельных вагонов с эвакуируемым населением по состоянию на 18 часов. В свою очередь наркомат путей сообщения ежедневно представлял в ГКО подробную справку о находящихся на железных дорогах составах с эвакуируемыми гражданами СССР. ещё в июле на ряде железнодорожных узлов, станций и пристаней были организованы эвакуационные пункты, которые принимали и отправляли эшелоны с людьми, организовывали их питание и медицинское обслуживание. «Цепь эвакопунктов протянулась на тысячи километров от прифронтовых железнодорожных станций юга и запада страны до Восточной Сибири, Казахстана, Средней Азии», — вспоминал позднее А. Н. Косыгин. Для оказания помощи спасающемуся от угрозы фашистского порабощения населению государство выделило значительные средства. В эвакуационных пунктах старшие вагонов получали хлеб и другие продукты. Организовывались столовые, душевые, санпропускники, было обеспечено снабжение людей кипятком. Только во второй половине 1941 г. государство израсходовало в помощь эвакуированным советским гражданам около 3 млрд. рублей.

В то же время Куманев справедливо замечает, что все это, конечно, не означало, что эвакуация советских граждан с самого её начала протекала гладко и слаженно. Срочно поднять миллионы людей с «обжитых мест», организовать их погрузку, перевозку и обеспечить размещение в тылу было

чрезвычайно сложно. Как и во всяком большом деле, да к тому же без соответствующей подготовки, здесь в разное время было немало неполадок. Тут и отсутствие транспортов, длительное простаивание ряда эшелонов на некоторых станциях (нередко из-за нераспорядительности местных властей или ответственных лиц), перебои со снабжением продуктами питания, кипятком, потери родных в пути следования, кражи вещей эвакуируемых, отсутствие оперативной медицинской помощи и т. п. Однако, как свидетельствовали впоследствии сами участники событий и многочисленные документы, эти недостатки все же не носили массового характера. С ними боролись, их преодолевали весьма решительно и последовательно по законам военного времени. Имели место и упущения другого рода, во многом связанные с отсутствием необходимого опыта при проведении столь масштабного перебазирования.

Погрузка эвакуационных грузов на станциях и узлах западноевропейской части СССР зачастую распылялась, что затрудняло быстрое формирование эшелонов. Точные направления продвижения эвакопоездов и конечные пункты их следования были указаны в большинстве случаев только для пассажирских составов. Новые места размещения многих предприятий первоначально устанавливались самими наркоматами. Они нередко планировали или чрезмерно дальнюю переброску некоторых грузов (в Сибирь и даже на Дальний Восток), или в районы ближайшего тыла, которые вскоре сами становились зоной боевых действий. Бывали случаи, когда вместе с эвакогрузами в глубокий тыл без всякой надобности отправлялись вагоны с боеприпасами и вооружением, предназначенные для действующей армии. И все же в целом грандиозная операция по перемещению в тыл целой индустриальной базы страны, включая огромные людские контингенты, принимала все более планомерный и целеустремленный характер. Советом по эвакуации был выработан твердый порядок планирования и организации эвакуационных перевозок. Наркоматы заблаговременно представляли в Совет по эвакуации заявки по каждому предприятию, подлежавшему перебазированию в тыл. В них содержалось требуемое число и тип вагонов (крытых, полуплатформ, цистерн, полувагонов и т. п.). **«Ночью еду по темной Москве в Кремль, в Совет эвакуации, „выбивать“ эшелоны под погрузку,** — вспоминал нарком авиационной промышленности военных лет А. И. Шахурин. — **Докладываю, сколько погрузили за день и сколько нужно на завтра. Для авиации — первая очередь, но ведь вагоны нужны** и **другим. Поэтому строгая проверка: весь ли транспорт использован, насколько обоснована новая заявка»**. По свидетельству бывшего заместителя председателя Совета по эвакуации М. Г. Первухина, **«Совет по эвакуации с**

участием представителей наркоматов и почти всегда с участием представителя Наркомата путей сообщения уточнял представленные проекты решений, определял сроки эвакуации, пункты размещения и количество требуемых для этого железнодорожных вагонов. Проекты постановлений об эвакуации вместе с короткой запиской посылались на рассмотрение ЦК ВКП(б) и ГКО». Затем выносились согласованные решения по каждому крупному промышленному объекту, который следовало эвакуировать. В них указывались сроки перебазирования, необходимое количество вагонов, которое должен выделить НКПС, скорость продвижения грузов, пункты назначения и т. п. Постановления Совета по эвакуации или ГКО немедленно поступали в НКПС и соответствующие наркоматы для исполнения. С середины июля 1941 г. Совет по эвакуации совместно с НКПС стал составлять планы эвакоперевозок (промышленности, ресурсов сельского хозяйства, населения, культурных ценностей и т. п.) на каждую декаду месяца. Эти планы рассматривались и утверждались Государственным Комитетом Обороны. Был уточнен весь наличный вагонный парк и предусмотрено наиболее целесообразное его использование под перевозки. В частности, было намечено, что многие эшелоны, осуществляющие мобилизационные перевозки на запад, должны после разгрузки немедленно предоставляться для эвакогрузов. С этой же целью в прифронтовые области перебрасывалась часть порожних вагонов и платформ. Но вагонов не хватало, и потребность в них все время увеличивалась. Это заставляло искать дополнительные резервы, усиливать контроль за правильностью погрузки и заполнения емкости вагонов. Ввиду нехватки порожних вагонов наркомату путей сообщения неоднократно приходилось обращаться в Совет по эвакуации или в ГКО с просьбой разрешить досрочную разгрузку части неоперативных эвакогрузов. Преимущественно с этой целью на всех магистралях периодически проводилась перепись вагонов с эвакогрузами, в которой указывались номер каждого вагона, откуда, куда и с грузом какого предприятия и наркомата он следует и т. п. Такие переписи, например, состоялись на железнодорожной сети 14 и 25 июля, 25 августа, 5 и 30 сентября, 5 и 10 октября, 15, 17 и 27 ноября, 12 декабря 1941 г.

Далее Куманев отмечает, каких огромных усилий потребовало перебазирование сотен и тысяч промышленных объектов. При демонтаже многих предприятий ощущалась острая нехватка рабочей силы, грузоподъемных и транспортных средств. Чрезвычайно сложно было в крайне ограниченное время, часто под огнем противника демонтировать и размещать на железнодорожных платформах крупногабаритные грузы: оборудование электростанций, горной, угольной промышленности,

металлургии. В условиях быстро ухудшающейся военной обстановки нередко приходилось ограничиваться вывозом только наиболее важных и технически современных агрегатов, станков, машин и механизмов. Одним из основных правил, которые постоянно стремились соблюдать местные органы во время демонтажа и перемещения предприятий, было сохранение комплектности оборудования. Эшелоны с ценным оборудованием формировались так, чтобы каждый из них, а иногда и часть могли на новом месте быстро развернуться в самостоятельное предприятие и выпускать необходимую фронту и стране продукцию.

Эвакуация из различных регионов и областей европейской части страны происходила по-разному. С наименьшим успехом она прошла в западных приграничных районах, откуда вследствие быстрого продвижения противника организовать более или менее полный вывоз населения и материальных ценностей не представлялось возможным. По свидетельству, например, руководства Брест-Литовской железной дороги, эвакуацию пришлось начать под огнем наступающего врага **«при полнейшем отсутствии связи с военным командованием» и при противоречивых указаниях местных организаций, «рассматривавших вопрос об эвакуации как создание паники, как нарушение государственной дисциплины»**. Только после получения в 22 часа 23 июня 1941 г. приказа НКПС об эвакуации были приняты меры по вывозу различных материальных ценностей и документов. Во второй половине дня в глубь страны отправились составы с семьями трудящихся, прибывшие из зоны военных действий. Потери оказались значительными: из **10 091** вагона с материальными грузами удалось отправить в тыл только **5675**.

В крайне тяжелой обстановке проходила эвакуация из Молдавской ССР. Лишь благодаря оперативным и энергичным действиям республиканских и местных органов, рабочих предприятий и железнодорожников Кишиневской дороги было вывезено из угрожаемых районов до **300** тыс. граждан республики, а также **4076** вагонов с ценным промышленным оборудованием, сельскохозяйственными машинами, зерном, продовольствием и большое количество скота. **«В первые два-три дня военных действий**, — вспоминал нарком путей сообщения СССР (1944–1945 гг.) генерал-лейтенант И. В. Ковалев, — **вопросы эвакуации населения, воинского имущества, промышленного оборудования и других народнохозяйственных ценностей в значительной мере приходилось решать военному командованию, партийным и советским органам по собственному усмотрению. В одних случаях местные органы, трезво оценив обстановку, принимали решительные меры для эвакуации гражданского населения и материальных ценностей, в**

других — проявляли колебания, и в результате советские люди не по своей воле остались на оккупированной врагом территории, а материальные ценности либо в последний момент приходилось уничтожать, либо, что ещё хуже, они доставались немецко-фашистским захватчикам».

Куманев справедливо указывает, что к решению эвакуационных задач с первых дней войны были подключены и органы военных сообщений (ВОСО) фронтов и армий. Когда в середине июля 1941 г. на железнодорожном узле Великие Луки скопилось большое число вагонов с эвакогрузами, офицеры военных сообщений пришли на помощь железнодорожникам. За двое с половиной суток отсюда было отправлено в тыл страны около 1000 вагонов ценных грузов. Вместе с населением, промышленным и сельскохозяйственным оборудованием, продовольствием и культурными ценностями из прифронтовой зоны вывозилось транспортное хозяйство магистралей, заводов и предприятий НКПС. Большую роль в этом деле играли части железнодорожных войск. С первых дней войны они приняли на себя не только основную тяжесть проведения заградительных и восстановительных работ на головных железнодорожных участках, но и техническое прикрытие железных дорог. Важной составной частью их деятельности стало также обеспечение эвакуации подвижного состава, станционного оборудования, верхнего строения и т. п. Так, воины 4-й железнодорожной бригады (командир полковник М. Т. Ступаков) Особого корпуса железнодорожных войск, находясь с начала боевых действий по август 1941 г. в составе Юго-Западного фронта, сумели вывезти или разрушить 244 км главного и 32 км станционного пути. За это же время они обеспечили переброску в тыл 25 400 вагонов и 692 паровоза. Части того же корпуса сумели угнать с Львовской железной дороги в тыл более 150 паровозов.

Значительный объём эвакуационных работ в юго-западных приграничных районах на железнодорожных узлах Самбор, Стрый, Тернополь выполнили также воины 5-й железнодорожной бригады (командир полковник П. А. Кабанов) и другие части. С громадными трудностями, под непрекращающимися бомбардировками и обстрелами осуществлялось перебазирование предприятий и населения Украины и Крыма. 4 июля ЦК КП(б) Украины и Совнарком УССР направили всем партийным и советским организациям специальную директиву. В ней ставилась задача **«немедленно выделить ответственных людей за каждую МТС, совхоз, отвечающих за уничтожение ценного имущества, которое не может быть взято на случай эвакуации». Директива требовала усилить «отгрузку ценностей, оборудования предприятий и**

продовольствия (зерно, сахар и другие ценные товары), приняв меры к тому, чтобы подготовиться к уничтожению всего оборудования, продовольственных и других товаров, которые не могут быть вывезены при вынужденном отходе частей Красной Армии». Поток грузов на восток из важнейших промышленных центров УССР быстро возрастал. Уже в первых числах июля значительных размеров достигли эвакуационные перевозки из областей Правобережной Украины. Много усилий прилагали местные органы, чтобы обеспечить вывоз всего намеченного к перебазированию. Один из руководящих работников Днепропетровской области К. С. Грушевой впоследствии отмечал, что **«для проведения полного демонтажа этих заводов, для погрузки станков и различного оборудования в железнодорожные составы мы имели считанные дни. Эвакуацию провели организованно, без нервозности и спешки. Оборудование, буквально до последнего винтика и гайки, установили и уложили на своевременно поданные платформы. Инженерно-технический персонал, рабочих и служащих обеспечили продовольствием, деньгами и усадили в теплушки. К середине июля был отправлен последний, как мы его называли, „специальный“ эшелон»**. Одновременно развернулась эвакуация из Одесской области. Днем и ночью в условиях постоянных воздушных налетов демонтировалось наиболее важное промышленное оборудование, и шла его погрузка в эшелоны и на морские суда. В начале августа немецко-фашистские войска перерезали основную коммуникацию дороги, и Одесса оказалась изолированной с суши. Тогда было решено организовать вывоз основных железнодорожных грузов водным путем через Одесский порт в Николаев. Прибывшие в Николаев локомотивы подали к подготовленным составам, и они увезли в тыловые районы свыше 20 эшелонов с ценными грузами. К моменту занятия города противником вывоз населения и промышленного оборудования железнодорожным и морским путем был завершён.

Вскоре ввиду угрозы широкого выхода немецко-фашистских войск к Днепру в полосе обороны Юго-Западного и Южного фронтов стала неизбежной массовая эвакуация промышленных районов Приднепровья и Крыма. Только через Киевский узел было отправлено на восток **450** эшелонов, которые эвакуировали оборудование **197** крупных предприятий украинской столицы и свыше 350 тыс. киевлян. **«Обстановка здесь была исключительно тяжёлой,** — отмечал в своих воспоминаниях бывший уполномоченный Совета по эвакуации Л. И. Погребной. — **С утра до ночи Киев бомбили. Все торопились с эвакуацией. Однако рабочие в столь напряжённой обстановке проявляли беспримерный героизм и сумели вывезти из Киева основное оборудование, сырье и материалы»**.

В начале августа 1941 г. ГКО и Совет по эвакуации обязали НКПС, наркоматы черной металлургии, электростанций, боеприпасов, химической промышленности, среднего и тяжелого машиностроения и земледелия ускорить перебазирование предприятий, расположенных на правом берегу Днепра. При демонтаже многих предприятий здесь ощущалась острая нехватка рабочей силы, грузоподъемных и особенно транспортных средств. Так, в докладной записке уполномоченного наркомата тяжелого машиностроения СССР Н. И. Гусарова от 7 августа 1941 г. о ходе эвакуации с Украины оборудования, материалов и рабочей силы Первомайского машиностроительного завода им. 25 Октября говорилось, что **«отгрузка заводского хозяйства была прекращена только после того, как военный комендант станции заявил, что вагонов больше нам не даст, т. к. положенную норму мы уже забрали… Вагоны под погрузку поступали очень плохо, медленно, несмотря на наши категорические требования о нормальной и своевременной их подаче»**.

Как отмечает Куманев, основной поток эвакуационных перевозок из Приднепровья и Крыма проходил через Южную и особенно Сталинскую магистрали. В течение 15 дней августа 1941 г. только по Сталинской дороге (начальник дороги Н. Т. Закорко) было погружено около 14 тыс. вагонов эвакогрузов. С середины августа развернулось перебазирование предприятий и населения с левого берега Днепра, в первую очередь заводов, фабрик, электростанций Запорожской и восточной части Днепропетровской областей. Местными органами вместе с уполномоченными ГКО и Совета по эвакуации — председателем СНК УССР Л. Р. Корнийцом и заместителем наркома черной металлургии СССР А. Г. Шереметьевым, представителями НКПС С. И. Багаевым и Н. Ф. Дубровиным, начальниками военных сообщений Южного и Юго-Западного фронтов генерал-майором А. Н. Королевым, полковником А. А. Коршуновым, а также Военными советами этих фронтов были приняты энергичные меры по демонтажу, погрузке и вывозу наиболее ценного оборудования. 20 августа с запорожских заводов ушел первый эшелон, и с этого дня размеры эвакуационных перевозок из города и области ежесуточно нарастали. Завершалось перебазирование важнейших предприятий Днепропетровска, а после его захвата противником (25 августа) эвакуация продолжалась в левобережье области. В тесном контакте с железнодорожниками демонтировали и грузили эшелоны коллективы запорожских и днепропетровских заводов «Запорожсталь», «Днепроспецсталь», «Правда», им. В. И. Ленина, «Светофор», «Коминтерн», «Коммунар», им. Карла Либкнехта, им. Ф. Э. Дзержинского, им. Г. И. Петровского, им. Артёма, им. Шевченко, алюминиевого, магниевого, ферросплавного, коксохимического,

азотнотукового, авиамоторов и др. Отвечавший за эвакуацию запорожской группы заводов А. Г. Шереметьев в послевоенное время вспоминал, что **«с правого берега гитлеровцы просматривали заводы. Враг видел, как увозят оборудование запорожских предприятий, бомбил и ежедневно обстреливал территории заводов артиллерийским и миномётным огнём. Ежедневно были раненые и убитые. Но люди работали, спешили. Были дни, когда из Запорожья уходило по 800–900 вагонов, груженных оборудованием и материалами»**. В обычных условиях для перевозок по железным дорогам негабаритных грузов, в том числе и особо тяжелых, применялись специальные платформы. Десятки таких платформ требовались для вывоза оборудования запорожских заводов, но их на месте не было. Тогда для этой цели были приспособлены нормальные **60** — тонные платформы. Каждая усиленная платформа грузилась и отправлялась только после тщательного осмотра представителями железных дорог. На таких платформах были перевезены **22** станины прокатных станов и другие детали, вес которых превышал **60** тонн. По предложению железнодорожников для вывоза тяжелого оборудования были использованы тележки тендеров паровозов **«ФД»**. А вскоре прибыло около **100** большегрузных платформ и транспортеров, направленных сюда по указанию Совета по эвакуации.

Ситуация складывалась так, что в условиях постоянно ухудшающегося положения на фронте нередко приходилось ограничиваться вывозом только наиболее ценных и технически современных агрегатов, станков, машин, механизмов. При этом необходимо было, с одной стороны, обеспечить оперативную переброску определенного числа и профиля предприятий для развертывания военного производства на востоке, а с другой — требовалось не допустить, чтобы эвакуация вызвала резкие перебои в обеспечении первоочередных нужд действующей армии. В то время как одна часть промышленных предприятий находилась в пути на восток, другая продолжала на старом месте до последней возможности производить продукцию для фронта. Принцип очередности и поэтапности эвакуации зависел, таким образом, прежде всего от складывавшейся обстановки, а также типа и значения предприятий. При этом одним из основных правил, которые постоянно стремились соблюдать местные органы во время демонтажа и перемещения предприятий, было сохранение комплектности оборудования. Эшелоны с ценным оборудованием формировались так, чтобы каждый из них, а иногда и часть, могли быстро развернуться в самостоятельное предприятие и выпускать продукцию. К началу октября вывоз важнейшего оборудования запорожских и днепропетровских заводов был завершен.

С большими трудностями и потерями осуществлялась эвакуация из Харьковской области и Донбасса. Как отмечалось в одном из спецсообщений Транспортного управления НКВД СССР от 4 октября 1941 г., перебазирование харьковских предприятий **«из-за неподготовленности заводов к погрузке, отсутствия средств механизации погрузочных работ и глазным образом из-за нераспорядительности и растерянности администрации заводов»** проводилось неудовлетворительно. И все же к 16 октября все крупные заводы города и области (45 предприятий) удалось эвакуировать. Вместе с заводами выехали в тыл **24,5 тыс**. рабочих, инженерно-технических работников и служащих. Решение Совета по эвакуации о перемещении в восточные районы страны предприятий Донецкого бассейна состоялось лишь, 9 октября 1941 г., когда противник уже завязал бои на территории Донбасса. Всего за пять дней до захвата врагом Макеевки началась эвакуация местного металлургического завода. Постановление ГКО о перебазировании на восток Мариупольского металлургического завода было вынесено 5 октября, эвакуация началась на следующий день, но уже 8 октября была прервана противником. **«По важнейшим металлургическим, коксохимическим и огнеупорным заводам Сталинской области фактически эвакуация была сорвана»**, — сообщал в ГКО нарком черной металлургии СССР И. Ф. Тевосян. Из Сталинской и Ворошиловградской областей местные органы успели отправить в тыл только **11 870** вагонов с людьми, оборудованием и материалами. Чрезвычайно сложной задачей являлось перебазирование энергетического хозяйства Украины, которое нельзя было демонтировать одновременно с другими оборонными предприятиями. Ведь значительная часть из них выполняла срочные заказы фронта и нуждалась в бесперебойной подаче электроэнергии. Поэтому переброска из угрожаемых районов основного оборудования таких крупных электростанций, как Киевская, Кураховская, Зуевская, Северо-Донецкая, Штеровская ГРЭС, Одесская ТЭЦ, проходила буквально перед отходом советских войск, в самые последние дни и часы. На Днепропетровской ГЭС местные работники успели снять только некоторые детали с трех турбин, а плотину пришлось взорвать. Всего с Украины только с июля по октябрь были вывезены в тыл миллионы людей, около **500** крупных промышленных предприятий. Кроме того, удалось эвакуировать за пределы республики свыше **6 млн.** голов скота, **1667,4 тыс.** тонн зерна и **269,5 тыс.** тонн зернопродуктов, тысячи тракторов, автомашин и много других материальных и культурных ценностей. Нелёгкой была эвакуация и из Крыма, где пропускная способность участков была недостаточной и отсутствовало необходимое количество порожних вагонов и погрузочных

механизмов. В этих условиях и несмотря на близость фронта, только с 7 по 31 августа работниками Сталинской дороги было отправлено в тыл из Приднепровья и Крыма **54 000** вагонов с эвакогрузами и населением — значительно больше, чем это было предусмотрено планом, установленным правительством на вторую и третью декады августа 1941 г.

Куманев далее справедливо отмечает, что эвакуация производительных сил с территории Белорусской ССР осуществлялась в исключительно тяжёлых условиях. Уже 23 июня 1941 г. встал вопрос о незамедлительной эвакуации населения и материальных ценностей из городов, подвергавшихся обстрелу в полосе военных действий. «**Это было нелёгкое решение**, — рассказывал бывший первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко. — **Ещё тяжелее было ставить этот вопрос перед ЦК ВКП(б) и правительством. В середине дня я позвонил Сталину и после краткой информации сообщил ему о нашем решении. Он удивился и спросил: „Вы думаете это надо делать? Не рано ли?“ Я ответил: „Обстановка сложилась такая, что в половине западных областей республики (в Брестской, Белостокской, Пинской, Барановической) широкая эвакуация уже невозможна. Боюсь, что опоздание с этим для Минска и восточных областей станет непоправимым“. Подумав, Сталин сказал: „Хорошо, приступайте к эвакуации…“**» Была срочно создана республиканская комиссия во главе с председателем Совнаркома БССР И. С. Былинским, которая приступила к работе. Между тем обстановка стремительно ухудшалась, что не позволило организовать эвакуацию в достаточно широких размерах из западных областей БССР, которые уже через несколько дней были оккупированы врагом. В несколько больших размерах эвакуация прошла в восточной части республики. Только из Гомеля и одноименной области ежедневно отправлялось в тыл не менее **250–300** вагонов с эвакогрузами. Между тем для эвакуации оборудования только «Гомсельмаша», паровозоремонтного и станкостроительного заводов требовалось более **2500** вагонов и платформ. В докладной записке от 18 августа 1941 г. на имя Председателя ГКО Сталина Пономаренко сообщил, что все наиболее значительные предприятия числом 83 из Белоруссии эвакуированы полностью, в том числе станкостроительные заводы, «Гомсельмаш», очковая фабрика, ПРЗ, пресса для изготовления дельта-древесины (важнейший материал для изготовления самолетов того периода), Могилевский авиазавод, Оршанский льнокомбинат, Кричевский цементный завод, труболитейный завод, судоремонтные мастерские и др. В записке отмечалось, что в тыловые районы удалось вывезти более **16,5** тыс. единиц ценного технологического оборудования, **842** т цветных металлов, **44** км силового кабеля, более **3400** вагонов готовой продукции, свыше **2130**

вагонов металлолома, а также **44 765** тонн зерна, **600** тыс. голов скота, **4** тыс. тракторов, **400** комбайнов, **150** молотилок и др. Всего из Белоруссии было эвакуировано свыше **1,5** млн. человек, **109** крупных и средних промышленных предприятий, из них 39 союзного и 70 республиканского значения.

По справедливому замечанию Куманева, в не менее напряженных условиях прошла эвакуация и в республиках Прибалтики. В первые дни войны, несмотря на непрерывные налеты вражеской авиации и действия диверсантов, железнодорожники и рабочие коллективы предприятий Риги, Елгавы, Вентспилса, Даугавпилса и других грузили в 4–5 раз больше вагонов, чем обычно. В работу по эвакуации включились и транспортные суда, расположенные вдоль Балтийского побережья. Недостаток времени и быстрое продвижение вражеских войск не позволили эвакуировать из этого региона страны много материальных ценностей. Не было вывезено оборудование ряда предприятий металлообрабатывающей, цементной, текстильной промышленности, в частности Рижского электротехнического завода, Кренгольмской и Балтийской мануфактур и др. Эвакуация дольше всего продолжалась в Эстонской ССР, где непосредственные боевые действия развернулись несколько позднее. Она началась по решению Комитета обороны республики в конце июня 1941 г. В соответствии со срочно разработанным планом эвакуации в первую очередь было полностью вывезено оборудование и часть основных производственных кадров машиностроительного завода «Красный Крулль», завода № 463 и завода радиоаппаратов «Радио-Пионер». С 15 июля по решению того же Комитета демонтаж производственного оборудования на заводах и фабриках Эстонии был приостановлен, а часть предприятий даже установила это оборудование и приступила к работе по выполнению военных заказов. Перевозки по Эстонской железной дороге были прекращены лишь после того, как 7 августа 1941 г. противник захватил станцию Раквере, перерезав тем самым основную линию Таллин — Нарва. На западном участке перерезанной линии осталось более 1 тыс. вагонов и 40 паровозов. В эвакуационном отчете Совнаркома Эстонской ССР отмечалось, что **«условия эвакуации были крайне тяжелые из-за нехватки железнодорожного подвижного состава и больших потерь вследствие бомбежек при перевозках морским транспортом. Мобилизация в армию и на фортификационные работы вызвала острый недостаток в рабочей силе при погрузочно-разгрузочных работах»**. И всё же за время эвакуации удалось перебросить в тыл значительную часть людей и материальных ценностей: около **13 тыс**. единиц различного производственного оборудования предприятий республики, **65** паровозов и мотовозов, более **6 тыс**. единиц

электрооборудования, **750 тыс**. кв. м хлопчатобумажных тканей и т. п. на сумму свыше **600 млн**. рублей.

Согласно постановлению Военного совета Северо-Западного фронта от 28 июня 1941 г. началась эвакуация из Ленинграда и области. В первую очередь по указанию местных партийных и советских организаций стали вывозиться старики и женщины с малолетними детьми. Одновременно был организован вывоз ленинградских архивов, импортного оборудования, уникальных станков, агрегатов; началась разгрузка города от ряда оборонных предприятий. В начале июля Отделом военных сообщений штаба главнокомандующего Северо-Западным направлением совместно с начальниками военных сообщений Северного и Северо-Западного фронтов был составлен декадный план эвакуации военного имущества и различных материальных ценностей с территории фронтов. Этот план предусматривал погрузку **600** вагонов в сутки. Как отмечал в своих мемуарах М. Д. Опендик, работавший начальником службы движения Октябрьской железной дороги, погрузка оборудования ленинградских заводов и фабрик проходила тогда **«не совсем организованно. Это объяснялось отсутствием не только достаточного опыта, но и приспособлений для погрузочных работ. И все же на грузовые и сортировочные станции Ленинградского железнодорожного узла, на подъездные пути фабрик и заводов подавались тысячи вагонов и платформ»**. Массовая же эвакуация ленинградских промышленных предприятий и населения по решению ГКО от 11 июля 1941 г. развернулась после того, как противник овладел Псковом и вышел к р. Луге. Работа Ленинградского узла резко осложнилась. Значительно возрос поток эшелонов с грузами из Прибалтики, со станций Карельского перешейка и других районов. Ход эвакоперевозок находился под контролем заместителя председателя Совнаркома СССР А. Н. Косыгина, направленного в Ленинград в качестве уполномоченного ГКО. В первую очередь вывозилось оборудование тех оборонных предприятий, которые не могли в создавшихся условиях выпускать продукцию. Решение ГКО о перемещении в тыл Кировского и Ижорского заводов было вынесено 26 августа 1941 г., однако через два дня по указанию ГКО их вывоз был временно остановлен. В то же время демонтаж и эвакуация других ленинградских предприятий продолжались. Но 29 августа 1941 г. враг перерезал последнюю железнодорожную линию. 8 сентября замкнулось кольцо блокады, и эвакуировать в тыл многих ленинградцев, а также материальные и культурные ценности полностью не удалось. К этому времени из города Ленина было эвакуировано, согласно оперативным сводкам НКПС (с 29 июня по 26 августа включительно), **773 590** человек (в том числе беженцев из Прибалтики и Карело-Финской ССР) и десятки

крупных предприятий. Вывоз из Ленинграда населения и оборудования возобновился воздушным путем и через Ладожское озеро, которое использовалось для этой цели и в зимние месяцы. Как сообщал в ГКО Косыгин, только с 22 января по 11 апреля 1942 г. из Ленинграда по льду Ладожского озера удалось переправить на автомашинах и специально оборудованных товарных вагонах **539 400** человек.

Эвакуация из Мурманской области и Карело-Финской ССР была проведена главным образом по Кировской железной дороге, которая на протяжении более чем 1500 км находилась в прифронтовой полосе. Из Советского Заполярья железнодорожники перебазировали в глубокий тыл несколько тысяч вагонов грузов, в том числе все оборудование комбинатов «Северони-кель» и «Апатит», Кандалакшского алюминиевого завода, Левозерского горнообогатительного комбината, гидростанции Нива-3, часть турбин Туломской ГЭС, Нива-ГЭС-II, рыбокомбинат, часть оборудования судоремонтных заводов Главсевморпути, морского пароходства и судоверфи Наркомрыбпрома. Было также вывезено большое число рабочих и **115** тыс. человек женщин и детей. С территории Карелии были отправлены в тыл почти **90** % населения, а также оборудование и имущество Онежского завода, слюдяной и лыжной фабрик, Соломенского, Сунского и Ильинского лесозаводов, часть оборудования Кемского и Беломорского лесозаводов, Кондопожского и Сегетского комбинатов, большинство МТС, колхозов и совхозов и т. д.

Эвакуационными перевозками были заняты и железные дороги Кавказа. С 28 октября началось перебазирование «Майкопнефти» и «Грознефти». К 9 ноября 1941 г. с Орджоникидзевской магистрали на Закавказскую железную дорогу поступило **16 208** вагонов с эвакогрузом, в том числе **10 758** вагонов с промышленным оборудованием и материалами. Почти все грузы направлялись на перевалку в Бакинский порт. Через кавказские магистрали эвакуировались и таганрогские заводы им. Андреева, авиационный им. Дмитрова и «Красный котельщик», Новочеркасский листопрокатный завод им. Буденного, Ростовский завод «Красный Аксай», Краматорский завод тяжелого машиностроения, Новочеркасский станкостроительный завод и другие крупные предприятия.

Как справедливо замечает Куманев, много усилий от транспортников потребовал вывоз хлеба и других продуктов питания из зоны военных действий и прифронтовых районов. К 1 августа 1941 г. по Калининской, Западной, Одесской, Ленинградской, Юго-Западной, Московско-Киевской, Южной и Белорусской дорогам удалось эвакуировать **32 731** вагон с хлебом. А между тем в связи со сбором нового урожая зерновых в западных и южных областях на местах погрузки начали скапливаться целые горы зерна,

которые требовалось любой ценой спасти от немецко-фашистских захватчиков. По указанию НКПС вывоз хлеба стал проводиться только маршрутами или укрепленными группами вагонов. На станции массовой погрузки хлеба направлялись руководящие работники дорог. Несмотря на постоянную острую нехватку порожняка, только железнодорожники Сталинской магистрали с начала эвакуации по 1 октябри сумели вывезти **35 514** вагонов хлеба. По решению Совета по эвакуации от 5 августа 1941 г. по южным и юго-западным магистралям намечалось эвакуировать также **5385** вагонов сахара, но работники этих дорог обеспечили вывоз к началу сентября не менее **6,5** тыс. вагонов. Темпы массовых эвакуационных перевозок в осенние месяцы 1941 г., когда противнику удалось захватить около **40 %** протяженности сети, были весьма напряженными.

Всё возраставшая угроза советской столице вызвала необходимость проведения эвакуации также Москвы и Московской области. Так, уже в первые недели войны развернулась подготовка к перебазированию из столицы на восток двух заводов наркомата судостроительной промышленности. Одновременно была начата довольно широкая эвакуация населения. Следует учесть, что с конца июня через Москву, как важнейший транспортный узел, стал проходить большой поток беженцев из западных районов СССР, На пути этого потока наркоматом внутренних дел были организованы заслоны железнодорожной милиции, которая на близко расположенных к столице станциях вела строгую проверку всех прибывавших лиц. Только в течение одной недели — с 28 июня по 4 июля 1941 г. — ею было задержано для проверки **49 730** человек, из них оказались арестованными по разным причинам — **2116** человек. Одновременно органы милиции изъяли 29 пулемётов, 1026 винтовок, 1260 пистолетов, 223 боевые гранаты, свыше 47,2 тыс. патронов и др. По данным Пассажирского управления НКПС, с 29 июня по 29 июля специальные эвакопоезда вывезли из Москвы **959 530** человек (включая беженцев из прифронтовых областей). Быстрое приближение линии фронта потребовало форсировать эвакуационные мероприятия. 26 июля 1941 г. Совет по эвакуации вынес решение об ускорении эвакуации гражданского населения столицы. Наркомату путей сообщения было предписано с 26 июля по 2 августа ежедневно эвакуировать не менее 64 тыс. человек. Более широкие масштабы эвакоперевозки из Москвы и Московской области приняли в осенние месяцы 1941 г., когда гитлеровское командование начало операцию «Тайфун» — генеральное наступление на советскую столицу. **«Ввиду неблагополучного положения в районе Можайской оборонительной линии»** ГКО вынес 15 октября постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». На 12 декабря, по данным 24 наркоматов, эвакуацией

было охвачено **523** предприятия Москвы и Московской области. На 10 декабря вместе с предприятиями удалось переместить в тыл **564 248** работников промышленности и членов их семей. Общее число эвакуированных москвичей достигло 2 млн. человек.

Как отмечает Куманев, несмотря на чрезвычайные трудности, перемещение производительных сил в тыловые районы страны в 1941 г. прошло в целом слаженно и в основном в соответствии с намеченными сроками. Из прифронтовой зоны в течение второго полугодия 1941 г. на восток только по железным дорогам, согласно сводкам НКПС, было вывезено **2593** промышленных предприятия. Однако эти данные нельзя считать сколько-нибудь полными, хотя в отечественной военной историографии и сегодня их постоянно используют в качестве итоговых и даже гордятся ими. Куманев справедливо замечает, что значительную часть перевезённых на восток промышленных объектов составляли нигде не учтенные так называемые бездокументные грузы, спасенные от врага зачастую в «последний час». Между тем на подвергшейся оккупации территории СССР накануне войны действовало 31 850 крупных и средних предприятий. То есть 2593 эвакуированных предприятия составляли лишь ничтожно малую долю из действительно переброшенных и быстро восстановленных в интересах фронта в глубоком тылу производственных мощностей. Однако если бы в восточные районы страны было переведено только 2593 предприятия из 31 850, то никакой военной перестройки советской экономики не получилось бы. Хуже того. Советский Союз войну проиграл бы. Следовательно, вполне закономерно и обоснованно вести речь о куда более масштабной переброске на восток промышленных предприятий, нежели постоянно фигурирующие в исследованиях 2593 предприятия. Хотя бы потому, что производство оружия и боевой техники того периода требовало густой сети весьма разветвленных кооперационных связей между предприятиями. Без этого оно было бы невозможно. Тем более что многочисленные факты и документы свидетельствуют, что в районы новой военно-промышленной базы страны, где создавалось оружие Победы, действительно удалось перебросить подавляющую часть предприятий оборонного комплекса и их оборудования. Без этого не был бы возможен рост производства оружия, боевой техники и боеприпасов уже в 1942 г.

Наиболее полно было перебазировано оборудование военных, машиностроительных, металлообрабатывающих) алюминиевых, химических предприятий, а также турбогенераторы электрических станций, чему помимо других факторов способствовала сравнительная легкость демонтажа и транспортировки этих видов оборудования. В меньшей степени ввиду громоздкости, ограниченности времени и транспортных

средств удалось перебросить в тыл котельное оборудование электростанций и основные фонды горной, металлургической и коксовой промышленности, которые в большей своей части состояли из крупных сооружений (шахты, мартеновские и доменные печи, коксовые батареи и т. п.). Лишь в некоторых случаях имела место полная эвакуация металлургических сооружений. Так было, например, при перемещении двух доменных печей Новолипецкого металлургического завода, которые удалось разобрать на части, перевезти на Урал и здесь использовать во время сооружения нового металлургического завода. Из прокатного оборудования в ряде случаев пришлось ограничиться переброской лишь особо важных и технически современных агрегатов.

Кроме приграничных районов Украины, Белоруссии и Прибалтики некоторые материальные ценности не успели вывезти и из ряда областей Российской Федерации. Так, по сообщению Управления НКВД по Смоленской области, здесь оставалось неэвакуированным **«значительное количество продовольствия, зерна и товаров, а также оборудование** и **сырье ряда предприятий»**. В частности, **«не вывезено все оборудование и продукция 30 льнозаводов» и «все имущество, оборудование** и **сырье смоленских хлебокомбинатов»**. В 20 занятых противником районах осталось 20–22 процента крупного и 18–20 процентов мелкого колхозного скота.

Почти **70 %** перемещенных из России промышленных объектов размещалось на Урале, в Западной Сибири, Средней Азии и Казахстане. Вместе с перебазированными фабриками и заводами на восток прибыло до **30–40 %** рабочих, инженеров и техников. Всего же по железным и шоссейным дорогам, а также водным и воздушным путям с начала войны до конца 1941 г. было переправлено в тыловые районы более **12** млн. человек. Одновременно была осуществлена и операция по спасению от врага ресурсов сельского хозяйства. Колхозы и совхозы восточных районов страны приняли во втором полугодии 1941 г. **2393,3** тыс. голов скота, перемещенного из прифронтовой полосы. Все эвакоперевозки 1941 г. потребовали одних железнодорожных вагонов более **1,5** млн. Построенные в одну линию, эти вагоны заняли бы путь от Бискайского залива до Тихого океана. Первостепенную роль в осуществлении беспрецедентного в истории перемещения производительных сил сыграл самоотверженный труд коллективов эвакуированных предприятий и учреждений. Люди работали с громадным напряжением, по нескольку суток не уходя с эвакуируемых объектов, чтобы своевременно и как можно полнее демонтировать и погрузить оборудование и другие материальные ценности. В прифронтовой зоне это происходило в обстановке постоянных вражеских ударов с воздуха и обстрелов. Нужны были исключительная выдержка, мужество,

самопожертвование, преданность делу, чтобы в таких условиях, нередко за несколько часов или дней, проделать огромную, буквально титаническую работу.

Небезынтересно и такое обстоятельство, которому Куманев справедливо уделил повышенное внимание. Процесс перебазирования производительных сил СССР означал не только вывоз в тыловые районы огромных масс населения, промышленного оборудования, ресурсов сельского хозяйства, материальных и культурных ценностей. Не менее важной задачей являлось их рациональное размещение на новых местах в соответствии с военно-хозяйственными интересами Советского государства. Государственные и общественные органы восточных областей страны активно готовились к приему эвакуированных. В центре их внимания постоянно находились вопросы расселения, трудоустройства и бытового обслуживания прибывших из угрожаемых районов рабочих, служащих, колхозников и членов их семей. Примерно треть всех прибывших расселялась в городской местности, а остальные — в сельской.

По указанию ГКО от 1 февраля 1942 г. во всех регионах тыла Центральным справочным бюро при Совете по эвакуации была проведена перепись прибывшего из угрожаемой зоны СССР населения. Можно только поражаться, как в таких экстремальных условиях удалось провести столь сложную и трудоемкую работу. Материалы этой чрезвычайно ценной и интересной переписи, составляющие несколько сотен объемистых папок и долгие годы хранившиеся в секретном архивном фонде, позволяют определить более точную численность эвакуированных в первые месяцы войны, их возрастной и национальный состав, основные профессии, прежние и новые должности и адреса. Изучение материалов указанной переписи позволяет опровергнуть встречающиеся сегодня утверждения о том, что из угрожаемых районов вывозились будто бы преимущественно лица русской национальности и семьи комиссаров, что при её осуществлении якобы господствовали различные проявления национальной дискриминации, антисемитизма и т. п. Согласно переписи, только в Закатальский, Ждановский, Имишлинский и Пушкинский районы Азербайджанской ССР было эвакуировано **2745 чел.**, из них: русских — **114 чел.,** украинцев — **65 чел.,** евреев — **2545 человек**. В числе остальных были армяне, татары, молдаване, грузины и даже 13 поляков. В Городской и Дзержинский районы г. Баку из **1067** эвакуированных к 1 февраля 1942 г. прибыло **387** русских, **386** евреев, **168** украинцев, **73** армянина, **5** грузин, **7** азербайджанцев, **11** поляков, **8** татар и представителей некоторых других национальностей. В Дербентском районе Дагестанской АССР из **330** прибывших из угрожаемой зоны было **47** русских, **212** евреев, **43** украинца и

35 болгар, татар и поляков. При эвакуации семьи не разобщались. Жители регионов с умеренным климатом, а также выходцы из южных регионов в северных районах страны не размещались. По данным переписи, Беломорский и Виноградовский районы Архангельской области к началу февраля 1942 г. приняли **2242** эвакуированных из Мурманской области, Карело-Финской ССР и Ленинграда, в том числе русских **1869**, украинцев — **102**, карелов — **201**, мордвы — **26**, белорусов — **15**, татар — **14**, вепсов — **5**, финнов — **5**, башкир — **3**, евреев — **1**, немцев — **1**.

Особое внимание Куманев уделяет искренним проявлениям настоящего интернационализма советских людей. Он, в частности, подчёркивает, что местные жители многонациональных восточных регионов страны в абсолютном большинстве случаев проявляли большое радушие и гостеприимство по отношению к эвакуированным беженцам войны. Они делились с ними своим, зачастую и без того тесным и скудным кровом, одеждой, продуктами, лекарствами и др. Многие сибиряки, уральцы, жители центральных районов, республик Закавказья, Средней Азии и Казахстана брали в свои семьи эвакуированных детей-сирот. Только Узбекистан, где зародилось движение за усыновление эвакуированных детей-сирот, принял 200 тыс. малышей и подростков, оставшихся без родителей. Все они нашли здесь отеческое внимание, приют и заботу. Настоящий гражданский подвиг совершили кузнец из Ташкента Шаахмед Шамахмудов и его жена Бахри, усыновившие и воспитавшие 16 сирот, среди которых были русские, узбеки, чуваши, татары, казахи, евреи и цыгане. Садовод из г. Ош (Киргизская ССР) Иминахун Ахмедов усыновил 13 детей. У этих патриотов нашлось немало последователей. Миллионы трудоспособных советских граждан, спасенных от фашистского геноцида, активно включались в работу для фронта.

По справедливому замечанию Куманева, чрезвычайно важное военно-хозяйственное значение имел скорейший ввод в действие прибывавших в восточные регионы предприятий. От этого во многом зависела успешная перестройка на военный лад народно-хозяйственного комплекса СССР. 29 октября 1941 г. Совнарком СССР вынес постановление «О графике восстановления заводов, эвакуированных на Волгу, Урал, в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан». Согласно этому постановлению наркомам оборонных наркоматов и ведущих отраслей тяжелой промышленности предписывалось не позднее 1 ноября 1941 г. представить в Совнарком СССР график восстановления эвакуированных из Москвы, Тулы, Харькова, Донбасса, Ленинграда и других мест заводов. В графике требовалось указать сроки пуска оборудования и выпуска продукции с программой на ноябрь и декабрь 1941 г., а также обеспечения предприятий рабочей силой и инженерно-техническими кадрами.

В постановлении «О порядке размещения эвакуируемых предприятий» ГКО особо указал на то, что в размещении предприятий, подлежащих эвакуации из угрожаемых зон, преимущество должно быть отдано авиационной промышленности, промышленности боеприпасов, вооружения, танков и бронеавтомобилей, черной, цветной и специальной металлургии, химии. Наркомам предписывалось согласовывать с Госпланом СССР и Советом по эвакуации конечные пункты для вывозимых в тыл предприятий и организацию дублирующих производств. ГКО предложил местным организациям принять необходимые меры для быстрого развертывания восстанавливаемых предприятий. В ряде восточных республик, краев и областей состоялись специальные пленумы райкомов, обкомов и ЦК, собрания партийного советского и хозяйственного актива, посвященные ходу выполнения этой чрезвычайно важной военно-хозяйственной задачи. Однако большинство текущих вопросов, связанных с восстановлением эвакуированных фабрик и заводов, решалось в оперативном порядке на заседаниях бюро и секретарями обкомов по соответствующим отраслям промышленности. Такая практика оправдывала себя, поскольку далеко не везде местные хозяйственные органы проявляли высокую ответственность в этом деле. Как отмечалось, например, в конце сентября 1941 г. на заседании бюро Молотовского обкома ВКП(б), **«на предприятия и в хозяйственные организации… области прибыло и прибывает в большом количестве всевозможное ценное эвакуированное оборудование, станки и материалы. Однако руководители предприятий и учреждений до сих пор не приняли надлежащих мер к сбережению и сохранению государственного имущества, имеются факты, когда это имущество находится безнадзорно, никем не учитывается, хранится на открытых площадках, подвергается порче и поломке»**.

Бюро обкома обязало секретарей райкомов и горкомов партии взять под контроль состояние учета, хранение и сбережение эвакуированного имущества и привлекать к строжайшей ответственности лиц, допустивших порчу или поломку при его хранении. Областные комитеты партии каждую декаду отчитывались перед ЦК ВКП(б) и ГКО о ходе восстановления эвакуированных промышленных предприятий на новых местах. Преодолевая огромные трудности, рабочие и служащие эвакуированных предприятий вместе с трудящимися восточных районов в невиданные сроки, в среднем 1,5–2 месяца, монтировали поступавшее промышленное оборудование и вводили его в действие. Быстрое восстановление перемещенных в восточные районы заводов стало возможным в значительной мере благодаря усилиям строителей, их творческой смекалке, смелым техническим решениям. Между тем строить приходилось в

неимоверно тяжелых условиях. Нередко переброшенные в тыл предприятия начинали свою жизнь буквально на пустом месте. Возведение цехов и монтаж оборудования зачастую проходили одновременно. Работы не прекращались ни днем, ни ночью. Под открытым небом, в непогоду, в лютые сибирские и уральские морозы, при ледяном пронизывающем ветре люди рыли котлованы, строили железные дороги, разгружали поезда, монтировали оборудование.

По данным Куманева, к концу года на новых местах действовали уже многие заводы и фабрики. В различных тыловых районах было размещено **122** предприятия наркомата авиапромышленности, **43** — наркомата танковой промышленности, **71** — наркомата вооружения, **96** — наркомата боеприпасов, **80** — наркомата миномётного вооружения, **199** — наркомата чёрной металлургии, **91** — наркомата химической промышленности, **45** — наркомата цветной металлургии и т. д. Уже в марте 1942 г. промышленность восточных районов с учетом восстановленных здесь эвакуированных предприятий произвела военной продукции столько, сколько в начале войны выпускалось на всей территории СССР. Это ли не величайший подвиг советского народа?! Наряду с этим в связи с ликвидацией непосредственной угрозы столице в конце декабря 1941 г. — первые месяцы 1942 г. была проведена реэвакуация части предприятий центрального промышленного района СССР, в том числе Москвы. Так, уже в начале 1942 г. в Москву было возвращено несколько крупных объектов, в том числе станкостроительный завод «Красный пролетарий». С конца мая 1942 г. военная обстановка вновь вызвала необходимость проведения эвакуации. Правда, она проходила на этот раз на ограниченной территории и в гораздо меньших масштабах. В это время эвакуация проводилась из Ростовской, Воронежской, Орловской, Сталинградской, Ворошиловградской областей и Северного Кавказа.

В соответствии с постановлением ГКО от 22 июня 1942 г. при нём была образована комиссия по эвакуации, куда вошли Н. М. Шверник (председатель), А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, Б. Н. Арутюнов, П. А. Ермолин и В. Н. Меркулов. Опираясь на опыт по перемещению производительных сил 1941 г., комиссия обеспечила возобновление работы эвакопунктов, эвакобаз и эвакокомитетов, созданных на местах в первые месяцы войны. В течение лета и осени 1942 г. удалось вывезти из угрожаемых районов оборудование более 150 крупных промышленных предприятий, многие материальные и культурные ценности и сотни тысяч беженцев. Как и в 1941 г., эвакуация позволила спасти для военной экономики СССР значительные производственные ресурсы, которые немедленно подключались к работе для фронта.

Обобщая результаты своих исследований, Куманев указывает, что согласно предварительным результатам изучения данных переписи эваконаселения от 1 февраля 1942 г. и по ряду других источников из угрожаемой зоны удалось переместить на восток различными видами транспорта в 1941–1942 гг. около 17 млн. человек. Бывший генерал вермахта К. Типпельскирх считал, что **«всё население, способное носить оружие, удалось своевременно эвакуировать»**, но на фоне **63–65 млн. советских граждан**, оставшихся на оккупированной территории, такое утверждение представляется явно завышенным. По разным причинам многие наши граждане оказались под фашистским игом.

Своё исследование Г. А. Куманев завершает абсолютно точным выводом, гласящим, что хотя эвакуация в СССР в 1941–1942 гг. и сопровождалась многими, зачастую неизбежными потерями, тем не менее её главная цель — спасти от фашистских захватчиков миллионы советских граждан, основную часть промышленных и сельскохозяйственных ресурсов и других материальных ценностей — была успешно достигнута.

*** * ***

Небольшой комментарий. В то же время нельзя не отметить, что было бы глупо отрицать тот факт, что не всегда эвакуация происходила организованно, осмотрительно, с соблюдением всех интересов государства, общества и отдельного человека. Если, например, Сталин искренне заботился о сохранении народного достояния, то на местах, увы, далеко не всегда ему подражали и выполняли его указания. Чтобы не быть голословным, позвольте привести несколько документальных примеров, содержащиеся сведения в которых долгое время являлись особо секретными, но в настоящее время уже официально рассекречены. Приводимые ниже документы следует рассматривать как сравнительные иллюстрации. Вот, например, как действовал Сталин:

«№ П 34/144
Строго секретно
27 июня 1941 г.
Выписка из протокола № 34 заседания Политбюро ЦК
Решение от 27. VI. 41 г.
144 — о вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней. Алмазного фонда

СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля.

Утвердить следующее постановление СНК СССР:

„Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Разрешить НКФ СССР, НКВД СССР и Управлению Кремля НКГБ вывезти из Москвы в Свердловск и Челябинск находящиеся в Государственном хранилище драгоценные металлы, драгоценные камни, Алмазный фонд СССР и ценности Оружейной палаты Кремля.

2. Предложить Наркомторгу СССР немедленно сдать НКФ СССР имеющиеся у него, сверх необходимого для реализации количества, запасы драгоценных металлов и драгоценных камней в изделиях, слитках, ломе и монете.

3. Предложить НКПС СССР срочно предоставить в распоряжение НКФ СССР и НКВД СССР необходимое количество вагонов для вывоза указанных в п. 1 данного постановления ценностей.

4. Обязать Наркомлес РСФСР немедленно предоставить Гохрану НКВД СССР необходимое количество тары (ящики) для упаковки.

5. Предложить НКВД СССР и НКФ СССР выделить необходимое количество служебного персонала и воинской охраны для сопровождения и охраны вывозимых ценностей.

6. Обязать НКВД СССР и НКФ СССР всю операцию по вывозу ценностей провести в трехдневный срок.

7. Обязать НКВД СССР изъять в Гохран НКВД СССР изделия из драгоценных металлов и камней, на ходящихся в музеях и Эрмитаже“.

Секретарь ЦК»[2].

А вот как действовал будущий разоблачитель культа личности Н. С. Хрущев — первый секретарь ЦК КП(б) Украины:

Н. С. Хрущёв — Г. М. Маленкову

«г. Киев
9 июля 1941 г.
ЦК ВКП (б)

т. МАЛЕНКОВУ

Считаем необходимым более точно определить, когда уничтожать имущество МТС и другое оборудование, которое не может быть вывезено. Вносим следующие предложения:

1. В зоне 100–150 километров от противника местные организации обязаны немедленно приступить к уничтожению всех комбайнов, лобогреек, веялок и других сельскохозяйственных машин. Трактора своим ходом перегонять в глубь страны, остальные трактора, которые не могут быть использованы отступающими частями Красной Армии и которые почему-либо нельзя вывезти в этой же зоне, подлежат немедленному уничтожению.

2. В этой же зоне необходимо немедленно раздавать колхозникам страховые и все остальные зерновые и прочие колхозные фонды.

3. В этой же зоне немедленно приступать к угону всего скота колхозов, совхозов, волов и молодняка лошадей. Рабочие лошади, которые могут понадобиться отступающим частям Красной Армии, подлежат угону тогда, когда противник подошел на расстояние 10–30 километров. Категорически запретить гнать скот по дорогам, где происходит передвижение войск, скот гнать по посевам, по свекле и по дорогам, которые не использует Красная Армия.

4. Свиньи колхозных ферм и совхозов в этой же зоне должны быть забиты. Мясо и сало необходимо передать воинским частям, колхозникам, рабочим в городах, госпиталям, больницам, ученикам ФЗО. Определённое количество свиней подлежит оставлению в этой зоне в живом виде для проходящих частей Красной Армии. Птица колхозных и совхозных ферм в этой же зоне также подлежит раздаче в убойном виде воинским частям, колхозникам, рабочим.

5. В зоне 100–150 километров местные органы власти, по согласованию с военным командованием, сами принимают решение о том, какое именно ценное оборудование, погруженное в вагоны, должно быть уничтожено в эшелонах, вследствие невозможности вывоза его. Такую директиву военным и местным органам власти надо дать потому, что у нас есть случаи, когда, например, часть эшелонов с ценнейшим грузом, погруженных во Львове, досталась неприятелю, так как этим эшелонам противник перерезал путь.

6. В зоне 100–150 километров от противника надо уничтожать все ценное оборудование на заводах, хлеб на складах, товары, которые не могли быть вывезенными при вынужденном отходе частей Красной Армии.

Секретарь ЦККП(б) Украины Хрущев»[3].

А теперь взгляните на ответ Сталина на приведенное выше паническое послание Хрущева:

И. В. Сталин — Н. С. Хрущёву

«10 июля 1941 г, 14.00
Киев
Хрущёву

1) Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат установкам, данным в речи т. Сталина, где об уничтожении всего ценного имущества говорилось в связи с вынужденным отходом частей Красной Армии. Ваши же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100–150 километров от противника, независимо от состояния фронта.

Такое мероприятие может деморализовать население, вызвать недовольство Советской властью, расстроить тыл Красной Армии и создать, как в армии, так и среди населения, настроения обязательного отхода вместо решимости давать отпор врагу.

2) Государственный Комитет Обороны обязывает вас ввиду отхода войск, и только в случае отхода, в районе 70-верстной полосы от фронта увести все взрослое мужское население, рабочий скот, зерно, трактора, комбайны и двигать своим ходом на восток, а чего невозможно вывезти, уничтожать, не касаясь, однако, птицы, мелкого скота и прочего продовольствия, необходимого для остающегося населения. Что касается того, чтобы раздать все это имущество войскам, мы решительно возражаем против этого, так как войска могут превратиться в банды мародеров.

3) Электростанции не взрывать, но снимать все те ценные части, без которых станции не могут действовать, с тем, чтобы

электростанции надолго не могли действовать.

4) Водопроводов не взрывать.

5) Заводов не взрывать, но снять с оборудования все необходимые ценные части, станки и т. д., чтобы заводы надолго не могли быть восстановлены.

6) После отвода наших частей на левый берег Днепра все мосты взорвать основательно.

7) Склады, особенно артиллерийские, вывезти обязательно, а чего нельзя вывезти, взорвать.

8) Что касается эвакуации заводов дальше 70-верстной полосы, где прямой угрозы со стороны противника пока не имеется, то эту эвакуацию осуществлять заблаговременно, вывозя главным образом станки и прочее наиболее ценное оборудование.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин»[4].

А вот как происходила эвакуация из Литвы.

Председателю Государственного Комитета Обороны И. В. Сталину

О ПОЗОРНОМ БЕГСТВЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЦК КП (б) ЛИТВЫ И ИХ ПРЕДАТЕЛЬСКОЙ РОЛИ.

В день вероломного военного нападения фашистской Германии на нашу родину, т. е. 22 июня с. г., правительство и ЦК КП (б) Литвы позорно и воровски бежали из Каунаса в неизвестном направлении, оставив страну и народ на произвол судьбы, не подумав об эвакуации гос. учреждений, не уничтожив важнейших государственных документов.

В 9 часов 22.VI мы, коммунисты гор. Каунаса, были собраны в горком партии, где и просидели до 23 час. 20 мин. 22.VI, не имея никакой информации ни от руководства горкома, ни от руководства ЦК КП (б) Литвы. В 12.30 слушали выступление Вячеслава Михайловича Молотова по радио, и всем стало ясно, что нам шакал Гитлер навязал войну. Мы ждали решительных мероприятий от правительства и ЦК КП(б) Литвы:

1. Учитывая прифронтовое положение Литвы, правительство и ЦК КП(б) Литвы должны были незамедлительно выступить с экстренным обращением к народу Литвы с разъяснением текущего момента на основе выступления В. М. Молотова.

2. Зная и имея сигналы о ненадежности тыла и многочисленности врагов в Литве (таутенников, шяулистов, ляуденников, вольдемаристов, атейтинников, железных волков и прочих, всех тех, кто составляет пятую колонну), правительство и ЦК КП (б) Литвы обязаны были незамедлительно принять ряд решительных и оперативных мероприятий по усилению и укреплению революционного порядка в связи с навязанной нам войной.

3. К слову, и до войны руководство ЦК КП (б) и правительство Литвы проводили гнилую националистическую политику к врагам народа. Рассматривали шяулистов как безобидных и тихих ягнят. На все донесения в ЦК КП (б) и НКГБ Литвы (см. докладные записки секретарю ЦК КП (б) по кадрам Гридину и НКГБ т. Гладкову) всё складывалось под спуд, а нам, коммунистам, присланным ЦК ВКП (б), отвечали: «потише», «поосторожней».

Проведенная операция 14 июня с. г. по выселению и арестам в Литве социально опасных элементов была запоздалой операцией и проведена из рук вон плохо: не подготовлена, не организована, и брали в большинстве случаев второстепенных лиц, а весь контрреволюционный актив, пятая колонна, по существу, осталась нетронутой.

4. Правительство и ЦК КП (б) Литвы обязаны были по всей стране мобилизовать весь партийный, комсомольский и общественно-советский актив, расставить их по важнейшим объектам и ответственным участкам, умело, по-большевистски, руководя последним.

5. Видя угрожающее положение, руководители правительства и партии Литвы обязаны были организовать вывоз детей, женщин и стариков в безопасный тыл, дабы тем самым развязать руки всем тем, кто способен носить оружие и вести борьбу с фашистской гадиной и пятой колонной внутри республики. Однако ничего подобного не было принято. Правительство и ЦК КП (б) Литвы с первого дня войны вступило на позорный и предательский путь, отсюда и катились дальше по наклонной плоскости. На неоднократные телефонные звонки с мест и из уездов

коммунистов в ЦК Лит. компартии и СНК ЛССР нельзя было добиться. Можно подумать, что они были заняты важными государственными делами. Нет! Все руководящие работники ЦК и правительства Литвы были заняты втихомолку организацией вывоза своих семей из Каунаса в Москву, забыв о долге и ответственности перед партией, народом и страной в целом. Уже в 15 часов 22.VI правительство и ЦК КП (б) Литвы формировали транспортный состав классных вагонов для эвакуации своих семей.

Каунас — город небольшой, настороженное население видело караван транспорта правительственных автомашин, идущих на предельной скорости по направлению вокзала, нагруженных женщинами, детьми и чемоданами. Все это внесло деморализацию среди населения, и последние стихийно потянулись к вокзалу.

В 16 часов 22.VI на вокзале можно было видеть такую картину: поголовно все члены правительства, члены ЦК и ответработники ЦК и правительства Литвы во главе с секретарями ЦК и уполномоченным ЦК ВКП (б) и СНК СССР Поздняковым выстроились на перроне вокзала в Каунасе, провожая свои семьи на Москву, будто отправляя их на курорты, единственно, чего не хватало, так это цветов для отъезжающих. И все это происходило на глазах большого скопления людей на вокзале.

В 19 часов 22.V1 правительство и ЦККП (б) Литвы со своим тесным активом на своих автомашинах бесславно и позорно покинули Каунас, держа путь на Двинск. Об этом бегстве знало все население Каунаса, за исключением нас, коммунистов, сидевших в горкоме партии.

Часом позже оставили Каунас НКГБ и НКВД, и вся милиция была снята с постов. Погрузившись на автомашины со всем домашним скарбом (вплоть до кроватей и матрацев), потянулись из города по направлению Утян вслед за правительством. Эта чудовищная картина окончательно внесла замешательство и невообразимую панику среди населения.

В 23 ч. 20 мин. 22.VI первым секретарем Каунасского горкома партии Григолавичусом нам была подана команда (на литовском языке) немедленно двигаться из Каунаса по направлению Утян (здоровые — пешим ходом, больные и слабые — на автомашинах и автобусах).

До этого приказа мы уже были вооружены винтовками, сформированы по группам для охраны важнейших объектов и

поддержания революционного порядка. Поданная команда двигаться на Утяны для нас была неожиданной и непонятной, тем более что мы, сидя в горкоме, не знали истинного положения вещей и цели этого марша на Утяны, т. к. мы руководством горкома и ЦККП(б) Литвы не были информированы. Мы же полагали, что идем на прорыв для установления революционного порядка. Характерно одно, что и руководство горкома унаследовало позорную и предательскую политику ЦК КП (б) Литвы и правительства, а именно:

1. Руководство горкома не дало четкого разъяснения и задания о причинах движения на Утяны.

2. Руководство горкома не возглавило походного движения коммунистов на Утяны, а наоборот, выпроводив коммунистов пешими, сами же руководители поспешили уехать на автомашинах за правительством.

3. Бесстыдно обманули коммунистов, направляя нас пешими, обещав подобрать на автомашины по дороге за городом.

4. Оставив весь низовой партактив (секретарей первичных парторганизаций, парторгов и комсомольский актив) в городе, не дав им никаких заданий и целевых установок, ясно одно, что оставили их без руководства на съедение немецким фашистам.

Итак, не имея ни единого артиллерийского выстрела, не нюхая вражеского пороха, горе-правители и руководители ЦК КП (б) Литвы на первый день войны, в животном страхе позорно бежали, предав партию, предав народ немецкому фашизму. Получается в сто крат хуже, чем поступили печальной памяти бывшие польские незадачливые правители или ныне румынские правители. Уж если нужно было отступать, так надо уметь отступать по-большевистски, организованно, как учил нас Ленин, как неустанно учишь ты нас, т. Сталин, как учит вся история большевизма. А эти жалкие и позорные трусы, предатели народа и страны социализма спасали лишь свою шкуру.

1. Никакой организации не было наведено по эвакуации государственных учреждений, имущества, детей, женщин и стариков. Мирное население в страхе, узнав о предательстве правительства и руководства ЦК КП (б) Литвы, стихийно бежало по всем дорогам и направлениям, спасая свою жизнь. Окрестные населённые пункты и города, видя паническое и беспорядочное отступление из Каунаса, стихийно потянулись за ними, наводняя территорию Латвии, сея среди латышей ненужную панику.

2. Вместо того, чтобы отступать организованно и в порядке вместе с действующей армией, эти руководители Литвы поспешили удрать на машинах первыми, а за ними потянулись милицейские органы, тем самым были развязаны руки контрреволюционным бандам в Литве и пятой колонне в целом во главе с сброшенными парашютными десантами. К тому же Каунас и вся Литва вообще в течение нескольких дней находились без гражданских властей. 23 и 24 июня контрреволюция организовала боевые дружины, привлекая гимназистов 5-го класса, стали патрулировать и задерживать бежавшее население.

3. Как учит история большевизма, надо было направить коммунистов в глубокое подполье для расстройства и подрыва фашистского тыла на занятой им территории. Конечно, нам, коммунистам, присланным ЦК ВКП (б), без знания языка было бы несколько трудней быть в подполье, тем не менее, зная условия местности и людей, мы бы считали за честь разить врага и подрывать фашистский тыл.

4. В беспорядочном и паническом бегстве наши руководители оставили все немцам: электростанции, радиостанцию и узлы, почту, телеграф, типографии, государственные документы и архивы, хлеб, мясо, мясные изделия, скот и т. д. и т. п. Больше того, эти руководители, убегая, оставили ВЧ — прямой провод (по заявлению т. Дмитровича, работника СНК ЛССР). Большинство из руководителей Литвы страдают местным национализмом, и понятно, почему они проводили гнилую политику. Что касается некоторых руководящих работников, присланных ЦК ВКП (б), к примеру: Гридин, Никитин, Щупиков, Зубов и др. страдают большим подхалимством и безмерной трусостью. Они не только повинны в том, что своевременно не пресекли трусливого паникерства руководителей ЛССР, но и вместе с тем плелись у них в хвосте и позорно бежали с ними.

Конечно, первая скрипка принадлежала уполномоченному ЦК ВКП (б) и СНК СССР Позднякову. Этот человек, проработавший в Литве на руководящей работе в течение 6–7 лет, прижился к вольготной и широкой жизни, притерся, ожирел, потерял большевистское чутье и революционную бдительность. Он растерял все, что у него было коммунистического. Он возглавил весь этот позорный и преступный побег.

Ныне эти позорные правители и руководители скрываются уже на территории СССР, боятся Москвы, боятся партии. Да, они

достойны сурового наказания, они должны держать ответ перед партией, перед советским народом.

Причины такого большого прорыва на линии фронта Литвы главным образом можно отнести за счёт позорного бегства правительства и руководства ЦК КП(б) Литвы.

Чл. ВКП (б) п/б № 0038302. 7.VII.1941 г. С. Болотский.

Адрес: ул. Горького, д. 14, кв. 32.

Вышеизложенные факты могут подтвердить члены партии, работавшие в Литве: Данилин, Тарасов М. И., Писеев Н. А., Кусков А. А., Дьяконов, Писчелко П. Ф., Дмитрович, Майский и ряд других.

С. Болотский

II. Вместе с тем прошу отправить меня на фронт для защиты любимой родины. В бывшем — пастух и батрак, был добровольцем Красной Армии, политсостав. Ныне инженер-электрик. Здоров, с 1902 года рождения. Советская власть меня взрастила, комсомол меня воспитал, партия большевиков закалила во мне стойкость, решимость и безграничную преданность социалистической родине. За родину, за Сталина я буду драться до последнего вздоха. Приехав в Москву, я не имею в данное время первичной парторганизации, а поэтому я обращаюсь к Вам и прошу уважить меня.

Член ВКП(б) с 1925 г. ч/б № 0038302 С. Болотский[5].

Сравните этот «героический драп» литовского руководства с тем, как была организована эвакуация из славной Белоруссии:

«ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП (б)

товарищу СТАЛИНУ И. В.

Все наиболее значительные предприятия числом 83 из Белоруссии эвакуированы полностью. Крупные предприятия эвакуировались комплектно: оборудование, материалы, рабочая сила, и уже восстанавливаются в других городах Союза. В числе

этих предприятий — станкостроительные заводы, Гомсельмаш, очковая фабрика, паровозоремонтный завод, пресса дельта-древесины (очевидно, пресса для производства авиационной дельта-древесины. — *А.М.*). Могилевский авиационный завод № 459 эвакуирован в Куйбышев; вывезено более 400 станков, все металлы, инструменты, электромоторы, кабели. Весь состав квалифицированных рабочих и ИТР. Вывезены полностью также Оршанский льнопрядильный комбинат, Кричевский цементный завод, судоремонтные мастерские, труболитейный завод и другие.

Кроме этого большое количество средних и мелких предприятий (спиртзаводы, льнозаводы, кирпичные) и оборудование, и материалы промышленной кооперации.

Из ценного технологического оборудования эвакуировано:

1. Металлообрабатывающих станков 3201

2. Производственно-техническ. Оборудования (станки и машины — 9607 единиц), в том числе:

а) текстильные 975 ед.

б) швейные 2650 ед.

в) кожобувные 568 ед.

г) лесообрабатывающей, спичечной и бумажной промышленности 486 ед.

д) трикотажные 4740 ед.

е) прочие 538 ед.

3. турбогенераторов мощностью в 32 тыс. кВт. 18 шт.

4. Электромоторов (без моторов и индивидуальных приводов) 3664 шт.

5. Трансформаторов мощностью в 58 тыс. кВт. 69 шт.

6. Кабель силовой 44 км

7. Цветных металлов 842 тонны

Ценой огромных усилий, в сложной обстановке, удалось вывезти пресса Микашевичского завода дельта-древесины. Они уже установлены в другом месте и работают.

ЗЕРНОПРОДУКТЫ

1. Было зернопродуктов в БССР 151 475 т.

В том числе — муки 67 913

2. Отгружено в Ярославскую, Московскую и другие области 44 765

3. Уничтожено 42 500

4. Передано воинским частям 10 350

5. Использовано на снабжение областных и райцентров 26 115

6. Оставшееся зерно в тылу у противника (об уничтожении которого не донесено) 27 745

ЭВАКУИРОВАНО СКОТА, ТРАКТОРОВ И КОМБАЙНОВ

1. Эвакуировано скота всех видов — всего 600 000 голов. В том числе: крупного рогатого скота 340 000

2. Эвакуировано тракторов 4000. Кроме того, передано РККА 300

3. комбайнов 400

4. молотилок 150

Эвакуация комбайнов, тракторов, хлеба продолжается.

АРХИВЫ И ЦЕННОСТИ

Полностью эвакуированы денежные знаки и ценности Белорусского отделения Госбанка в Минске и у 9 областных банков (о Бресте сведений нет). То же относится и к сберегательным кассам.

Центральный партархив КП (б) Белоруссии вывезен полностью и находится в Уфе. Секретный архив, учетные дела парткадров также полностью вывезены.

Из 222–201 горкомов и райкомов КП (б) Б учетные партийные карточки и другие секретные материалы эвакуировали, и они направлены для хранения через ЦК ВКП(б). Один райком сжег документы на месте, в трех райкомах документы остались, и о семи нет сведений.

Архивы НКГБ и НКВД эвакуированы также полностью.

Многие наркоматы и Президиум Верховного Совета БССР секретные архивы уничтожили.

Минские предприятия не эвакуированы вследствие перехвата коммуникации врагом, разрушений и общего пожара города в результате беспрерывных бомбардировок.

Станкостроительный завод Кирова разгромлен и сожжен в первые же дни целиком. На заводе им. Ворошилова оборудование испорчено.

Архив Совнаркома БССР и ряда наркоматов остался в Минске и не уничтожен. Получилось это из-за преступной растерянности, проявленной работниками и председателем СНК БССР. Друг другу поручали вывезти или сжечь и не проследили. Сейчас дело расследуется. Мною был послан отряд 27.VI.1941 г. для уничтожения, но пробраться в Минск уже не мог.

Эвакуация продолжается даже из занятых немцами областей. Колхозники через Полесье выгоняют к нам скот.

№ 447/ф

Секретарь ЦККП (б) Белоруссии Пономаренко».

18. VIII.1941 г.[6]

А теперь посмотрите, как драпали руководители Одессы.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Перед нашей страной нависла угроза германского фашизма, вероломно напавшего на нашу родину. Фашизму не будет пощады! Мы, советские патриоты, отомстим германскому фашизму за кровь наших братьев, жен и детей. Сломит германский фашизм свои собачьи зубы о наш советский стальной кулак.

И вот, когда перед нами нависла такая угроза со стороны агрессора, вероломно напавшего на нашу родину, где пришлось нам оставить на время города и села, принадлежавшие нашей стране, мы, партийные и беспартийные большевики, не должны бросаться в панику, мы должны подымать дух в народе на разгром германской фашистской собаки.

Мы должны бороться до последнего дыхания, защищая каждую пядь нашей родной земли. Но есть ряд партийных и советских организаций, которые не учли важности данной обстановки, создают панику внутри страны.

Руководители Одесской области создали не только панику в гор. Одессе, но и по всей области. Начали эвакуацию почти всего населения ещё 22-го июля 1941 года, оставив на полях тысячи гектар нескошенного и неубранного хлеба, с обильным, небывалым урожаем, где угроза нашествия врага ещё была на сотни километров от Одесской области, можно было убрать хлеб и зерно вывезти в глубокий тыл страны. Но прежде чем поднимать дух народа, ряд членов партии брали государственные и колхозные деньги и уезжали на машинах в глубь страны.

Много работников торгующих и финансово-банковских организаций г. Одессы, не отчитавшиеся перед своими организациями и не получившие путевки на выезд, ограбив

магазины и другие учреждения, первым делом умчались на машинах в г. Мариуполь. Ряд случаев, когда в Мариуполе у беженцев из Одессы обнаруживали по 20–30 и больше тысяч рублей денег. Ведь такие деньги честным трудом иметь нельзя.

Выгоняемый скот с колхозов Одесской области также без учета, на произвол судьбы брошен и перегонялся на Мариуполь. Для групп дойных коров не позаботились предоставить походные агрегаты с необходимым оборудованием и посудой, чтобы можно было производить дойку коров и вырабатывать масло и творог и по пути сдавать в любом населенном пункте заготовительным или торгующим организациям. Этого не проделывалось, и дойные коровы в дороге портились, а наша страна в продуктах нуждается. Много людей, бежавших оттуда, бродит без учета. Наблюдались ещё такие факты, что ряд тех жуликов, набивших карманы деньгами, забирали свои семьи и имущество свое грузили на машины и уезжали, даже собачек комнатных брали с собой и ехали под зонтиками, а тысячи 14-летних учеников школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ шли пешим строем, заливаясь потом и слезами от жары.

Вот на основании этого народ ропщет, а иногда и говорят — значит, у кого карман с деньгами, тот едет на машине, а дети-школьники должны идти пешеходом.

Приехав в Мариуполь, ряд жителей Одессы, кому удалось присвоить товары и деньги, кричат во все горло — мы пострадавшие, мы беженцы, а этим моментом по спекулятивным ценам продают товары на рынке. Вот таких людей, которые не получили расчета в учреждениях и не отчитались перед учреждениями, а была возможность, надо беспощадно их уничтожать.

Ведь сейчас наши братья проливают кровь на фронтах Отечественной войны, а паникёры и дезертиры создают панику и разлагательство. С таким народом надо будет беспощадно вести борьбу.

Заканчивая на этом, я хочу сказать, может быть, я и неверно рассуждаю по своей малограмотности, может быть, я глубоко ошибся, но я советский гражданин, если надо будет, то и жизнь отдам за советскую родину, и я решил написать своему родному правительству и открыть все наболевшее.

Ведь об этом письме знаю я один, да Вы, если его получите, будете знать, да четыре стены, в которых я писал. Если я этим

письмом нанес политическую ошибку, то пусть меня советский закон покарает жестоко.

18 августа 1941 г.

И. Ковалев

Мой адрес: Сталинская область, город Мариуполь, х. Бердянский, п/я № 86, с/х артель им. М. Горького.

Ковалев Иван Иванович.[7]

Однако не надо думать, что в центральных партийных органах ситуация была лучше. 21 октября 1941 г. заместитель начальника первого отдела НКВД СССР старший майор госбезопасности Шадрин направил своему начальнику заместителю наркома внутренних дел СССР, комиссару госбезопасности 3-го ранга В. Н. Меркулову рапорт.

Прочитав этот документ, он написал резолюцию: «Послать т. Маленкову». В тот же день рапорт Шадрина был передан Г. М. Маленкову, который ознакомил с ним руководство ВКП(б) и, конечно же, Сталина.

«После эвакуации аппарата ЦК ВКП(б), — говорилось в рапорте старшего майора госбезопасности, — охрана 1-го отдела НКВД произвела осмотр всего здания ЦК. В результате осмотра помещений обнаружено:

1. Ни одного работника ЦК ВКП(б), который мог бы привести все помещение в порядок и сжечь имеющуюся секретную переписку, оставлено не было.
2. Все хозяйство: отопительная система, телефонная станция, холодильные установки, электрооборудование было разбросано.
3. Пожарная команда также полностью вывезена. Всё противопожарное оборудование было разбросано.
4. Все противохимическое имущество, в том числе больше сотни противогазов „БС“, валялись на полу в комнатах.
5. В кабинетах аппарата ЦК царил полный хаос. Многие замки столов и сами столы взломаны, разбросаны бланки и всевозможная переписка, в том числе и секретная, директивы ЦК ВКП (б) и другие документы.
6. Вынесенный совершенно секретный материал в котельную для сжигания оставлен кучами, не сожжён.

7. Оставлено больше сотни пишущих машинок разных систем, 128 пар валенок, тулупы, 22 мешка с обувью и носильными вещами, несколько тонн мяса, картофеля, несколько бочек сельдей, мяса и других продуктов.

8. В кабинете товарища Жданова обнаружены пять совершенно секретных пакетов.

В настоящее время помещение приводится в порядок. Докладываю на Ваше распоряжение»[8].

Все вышеприведенные архивные документы настолько красноречивы, что комментарии не требуются. Как, впрочем, и остальное содержание вышеприведенного анализа упомянутых мифов.

Миф № 4. В годы войны не было единства тыла и фронта, всё делалось из-под палки

Миф № 5. Сталинская экономика не выдержала испытания войной

Честно говоря, установить, кто же «сработал» первый из указанных мифов, не представилось возможным. Но, к глубокому сожалению, миф существует и периодически используется отдельными «деятелями» от Истории. К не меньшему сожалению, «адекватно» этому мифу о великой работе тыла и его астрономическом вкладе в нашу Победу у нас знают разве что отдельные пафосные выражения. Между тем без единства фронта и тыла первый ни при каких обстоятельствах не смог бы выиграть войну. Подчеркиваю, что воюют-то не армии — они только убивают друг друга. Воюют экономики, а это и есть тыл, без которого фронт не может прожить и дня. И потому для начала позвольте внести некоторую ясность в эту тему.

«Творцы» первого из указанных мифов обычно пользуются, причем, что далеко не редкость, отнюдь не сознательно, одним малоизвестным широкой публике обстоятельством. Оно связано с самим понятием тыла в разные периоды войны. На это особое внимание обратил в свое время авторитетный отечественный историк Ю. А. Поляков, который, в частности, отмечал, что «дело, прежде всего, в том, что применительно к истории Отечественной войны территориальное определение всего тыла не было и не могло быть постоянным, стабильным, однозначным. Что же касается отдельных регионов, то одни (Восточные районы) все годы войны свое определение сохраняли, а в других (преобладающая часть европейской территории СССР) оно, напротив, постоянно менялось. Это, разумеется, меняло границы тыла в целом. А положение в различных тыловых районах отличалось коренным образом. В самом деле, как можно объединить одним, равнозначным понятием „тыл“ Ленинград, где в 1941–1943 гг. противник находился в предместьях города, или Москву осени 1941 г., ощетинившуюся противотанковыми „ежами“, перекрывшую улицы баррикадами, с районами за Уральскими хребтом, с оазисами Средней Азии, со всеми теми городами и селами, „где не было затемнения“? Понятие „тыл“ в территориальном смысле требует конкретно-исторического, дифференцированного рассмотрения. Это совсем не простой вопрос. Своеобразие военных действий было таково, что обстановка менялась на протяжении недель, дней, а иногда и часов. Места, ещё недавно отдаленные от фронта, становились прифронтовыми, а затем и прямой ареной боевых операций.

Первоначальное отступление советских войск сменилось в декабре 1941 г. наступлением, длившимся до весны 1942 г. Новое наступление фашистских армий, начавшееся летом 1942 г., привело к новому изменению в соотношении фронта и тыла. А после Сталинграда и Курской дуги, когда развернулось освобождение временно оккупированных врагом территорий, эти районы на какое-то время оказывались прифронтовыми, а затем по мере продвижения наших войск на запад все больше и больше превращались в тыловые. Поэтому определение понятия „тыл“ не может быть абстрактным, оно обязательно должно сочетаться с выяснением обстоятельств времени и места. На наш взгляд, следует различать понятия „глубокий тыл“, „средний тыл“, „близкий (или ближний) тыл“ и „прифронтовой тыл“ или „непосредственный тыл“. При этом применительно к различным этапам войны территориальное содержание каждого из этих понятий существенно менялось.

…Для первого этапа войны (с июня по декабрь 1941 г.) глубокий тыл составляли районы Урала и Приуралья, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, Казахстана, Закавказья (в первые недели войны глубоким тылом являлось и Поволжье). Эти районы, находившиеся вне воздействия вражеской авиации, стали (прежде всего Урал, Сибирь, Казахстан, Среднеазиатские республики) главной кузницей страны. Известное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 августа 1941 г., одобрившее военно-хозяйственный план на IV квартал и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии[9] предусматривало, как очевидно из перечня регионов, прежде всего глубокий тыл и частично средний (Поволжье). О первоочередном развитии в глубоком тылу предприятий оборонного назначения говорили и другие партийные и правительственные постановления (постановление Политбюро ЦК, принятое в ноябре 1941 г., „О развитии черной металлургии на Урале и в Сибири в 1942 году“, постановление СНК СССР от декабря 1941 г. „О развитии добычи угля в восточных районах СССР“ и Др.)[10]. Сюда шел главный поток эвакуированных предприятий и населения. Как известно, во второй половине 1941 г. в тыл было эвакуировано полностью или частично 1523 предприятия. Из них 667 было размещено на Урале, 322 — в Сибири, 308 — в Казахстане и Средней Азии[11]. Здесь сооружались новые фабрики, заводы, стремительно росло производство. Несколько иным было положение дальневосточных районов. Наиболее отдаленные от линии фронта, они в то же время являлись форпостом Родины на восточных рубежах, где империалистическая Япония не оставляла мысли о нападении на СССР. Дальневосточные районы наращивали производство, но новое промышленное строительство носило сравнительно ограниченный

характер. Развитие каждого из районов глубокого тыла в первые месяцы войны характеризовалось рядом особенностей, в общем, неплохо изученных в… историографии. Без глубокого тыла с его мощнейшим потенциалом Советский Союз был бы после потерь лета и осени 1941 г. обречен на поражение.

Средний тыл включал в 1941 г. большинство районов Поволжья, Северного Кавказа, Европейского Севера, восточную часть европейской России, Эти районы были в зоне досягаемости вражеской авиации (и ряд железнодорожных узлов и промышленных объектов подвергался атакам с воздуха), линия фронта постепенно становилась ближе (некоторые из них в дальнейшем, в 1942 г., были захвачены врагом и стали зоной военных действий), но в 1941 г. для них не было прямой угрозы со стороны гитлеровских войск. Волжские города Ярославль и Горький, Ульяновск и Казань, Куйбышев, Саратов, Сталинград, Астрахань, такие центры Европейской России, как Иваново, Владимир, Муром, Пенза, Тамбов, северные города — Вологда, Киров, а также города Северного Кавказа приняли часть эвакуированных с запада предприятий и населения. (В Поволжье во второй половине 1941 г. было эвакуировано 226 предприятий[12], то есть около 15 % от общего числа перебазированных на Восток заводов и фабрик.) Здесь формировалась и сосредотачивалась значительная часть стратегических резервов Красной Армии. 5 октября 1941 г. ГКО решил сформировать девять резервных армий на Волжском рубеже[13]. Во всех этих районах в неослабевающем темпе развертывалось военное производство. Трудно переоценить значение большинства из них в производстве оружия и боеприпасов для фронта на протяжении всей войны и в особенности в её первые месяцы. В ряде работ Поволжье упоминается или рассматривается применительно к 1941 г. как единый тыловой регион[14].

Однако нельзя забывать, что осенью 1941 г. возникли существенные различия в военно-стратегическом положении отдельных областей и районов Поволжья. Районы Верхнего Поволжья (Ржев, Калинин) были захвачены врагом, а ряд других областей оказались в зоне возможного продвижения фашистских войск. Н. С. Патоличев, являвшийся тогда секретарем Ярославского обкома ВКП(б), пишет, что такая ситуация возникла в октябре 1941 г. после взятия Калинина (Тверь. — *А.М.*), применительно к Ярославской, Костромской, Ивановской, Горьковской областям. В Ярославской области, например, сооружались оборонительные рубежи, был создан Комитет обороны, предпринимались другие меры на случай приближения противника[15]. Этот пример ещё раз показывает

сложность и относительность классификации тыловых районов в условиях непрерывно и быстро передвигающейся линии фронта.

Эта сложность особенно наглядна на примерах районов близкого (ближнего) тыла. Близкий тыл — это районы, находящиеся в зоне возможного продвижения противника. Враг ещё не создал непосредственной угрозы, но его приближение сделало эту угрозу вероятной, поэтому следовало готовиться к её отражению. К осени 1941 г. вражеское наступление превратило многие районы, летом являвшиеся средним тылом, в близкий тыл. К их числу можно отнести, например, упоминавшийся Ярославль, а также расположенные к югу и юго-востоку от Москвы Рязань, Воронеж. В этих районах с особой напряженностью ковалось оружие для фронта, с особой напряженностью потому, что накладывала свой отпечаток задача возможной непосредственной их обороны.

Наконец, ряд районов можно отнести к непосредственному тылу. Это — те районы, которые подвергались прямой, непосредственной угрозе вражеского захвата, которые вели оборону, выдерживая натиск противника или осаду с его стороны. Здесь главные усилия партийных организаций, всех трудящихся сосредотачивались для отпора врагу, для осуществления защиты города, района. Сосредотачивая силы на строительстве оборонительных рубежей, создании новых боевых отрядов, укреплении ПВО, трудящиеся в то же время, несмотря на проводимую в больших или меньших масштабах эвакуацию, продолжали работу на фабриках и заводах. Самыми яркими примерами непосредственного тыла могут служить Москва, Тула во время обороны этих городов осенью 1941 г. Совершенно особое место занимают города, державшие оборону и оказавшиеся в жесткой блокаде, — Одесса, Севастополь, Ленинград.

В ходе контрнаступления советских войск (декабрь 1941 г. — апрель 1942 г.) произошли определенные изменения. Ранее захваченные врагом, а теперь освобожденные города и районы снова стали тыловыми. Тихвин, Калуга, Калинин, Ростов-на-Дону оказались в зоне близкого советского тыла. Перед освобожденными районами во весь рост встали задачи ликвидации ущерба, нанесенного вражеской оккупацией при одновременной интенсивной работе на помощь фронту. Москва и Тула перестали быть обороняющимися городами, зоной непосредственного тыла. Отдаление линии фронта позволило Рязани и некоторым другим районам перейти из зоны близкого тыла в зону среднего тыла.

Некоторые существенные изменения в соотношении районов советского тыла произошли летом 1942 г. Врагу удалось снова захватить Ростов-на-Дону, оккупировать нижнюю и большую часть среднего течения

Дона, большую часть Северного Кавказа, прорваться к Волге на юге. Сталинград, в конце 1941 г. находившийся сравнительно далеко в тылу, стал осенью 1942 г. местом ожесточённейших боев, продолжавшихся до февраля 1943 г. Непосредственно на линии фронта оказались и такие города, как Новороссийск, Воронеж. Во время боев за Сталинград районы, примыкавшие к нему с юга, севера и востока, превратились в близкий тыл. Например, в Западно-Казахстанской области (с 1962 г. — Уральская область) в контакте с командованием Сталинградского фронта проводилась подготовка к обороне, в частности, намечалось создание шести оборонительных рубежей.

Восточные районы Северного Кавказа стали районами близкого, а некоторые (Орджоникидзе[16], Грозный) — непосредственного тыла. Это относится и к Черноморскому побережью Северного Кавказа. Близким тылом стали и многие районы Закавказья.

С конца 1942 — начала 1943 гг. положение стало быстро и кардинально меняться. Нет надобности… прослеживать все этапы изменений. Это несложно сделать, поскольку наука располагает всеми необходимыми данными и датами о продвижении фронтов, об освобождении ранее оккупированных врагом территорий. С лета 1943 г. после победы на Орловско-Курской дуге освобождение пошло ещё более быстрым темпом. В марте 1944 г. советские войска вышли на государственную границу в районе реки Прут. После победы в Белоруссии советские войска вышли за пределы Советского Союза, вступив на территорию Польши. К началу 1945 г. почти все территории страны (за исключением остававшегося в руках фашистов плацдарма в Курляндии) были освобождены. Война завершалась за рубежами СССР. Ранее находившиеся во вражеском тылу территории, став на какое-то время (в большей или меньшей степени) местом боевых действий, пройдя этап близкого тыла, превратились в тыл глубокий.

…Такая поразительная по своему трагическому динамизму, длившаяся почти два года (июнь 1941 — февраль 1942 гг.) начальная стадия войны, такое стремительное изменение положения отдельных регионов на огромной территории от Прута, Дуная, Западного Буга до Волги и обратное движение Советской Армии от Москва-реки, Терека, Дона, Невы и Волги к Висле вели к калейдоскопической смене конкретных задач, стоявших перед регионами. От проблем налаживания военной экономики к проведению эвакуации, а затем, по мере продвижения противника, к уничтожению оставшегося промышленного потенциала, сооружения оборонительных сооружений. От налаживания элементарных жизненных условий в освобожденных городах к реэвакуации, началу восстановления промышленности и жилищ, организации сельхозработ и т. п.»[17].

И тем не менее, при всем трагическом динамизме калейдоскопических изменений в тылу, советский тыл, где бы он ни находился, работал с потрясающей, фантастически невиданной эффективностью, обеспечивая фронт всем необходимым. Где бы тыл ни находился, как бы он ни назывался, какой бы статус он ни имел, но за годы войны **«…воины тыла приняли от народного хозяйства и доставили в действующую армию… миллионы единиц различного вооружения и боевой техники, более 10 млн. т боеприпасов, около 16,4 млн. т горючего и огромное количество других материальных ценностей. Только автомобильным транспортом перевезено 145 млн. т снабженческих грузов. Воинские железнодорожные перевозки превысили 19 млн. вагонов, что эквивалентно почти 300 млн. т грузов»**[18]. **Вы только вдумайтесь в эти астрономические масштабы! Осознайте вселенский масштаб поддержки фронта тылом! И тогда наверняка вы с порога будете отметать любые мифы на тему об отсутствии единства фронта и тыла! Потому как никому не дозволено оскорблять подвиг тыла во имя Победы!**

Потому что в течение войны, но прежде всего в период с 1942 по 1944 г. советская промышленность в среднем ежегодно выпускала **126,6** тысячи орудий всех видов и калибров, **25,8** тысячи танков и САУ, **28,2** тысячи боевых самолетов, **102,1** тысячи минометов, **3,3** млн. винтовок и карабинов, **417,9** тысячи пулемётов всех видов. В Германии же, которая в период войны из-за концентрации в своих руках экономической мощи всей Западной и Центральной Европы производила в **2,1** раза больше электроэнергии, выплавляла чугуна и стали в **3,7** раза больше, добывала угля в **4,3** раза больше, чем Советский Союз, ежегодно в среднем производилось:

— 87,4 тыс. орудий всех калибров;
— 11,7 тыс. танков, САУ и штурмовых орудий;
— 21,6 тыс. боевых самолётов;
— 21,9 тыс. миномётов;
— 2,2 млн. винтовок и карабинов;
— 296,4 тыс. пулемётов всех видов.

Уступая нацистской Германии в выпуске важнейших видов базовой промышленной продукции, Советский Союз чрезвычайно эффективно использовал каждую тонну металла и топлива, каждую единицу станочного оборудования. **В расчёте на 1 тысячу тонн выплавленной стали на оборонных заводах производилось в 5 раз больше танков и артиллерийских орудий, а на 1 тысяче металлорежущих станков — в 8 раз больше самолетов, чем в германской индустрии.**

Не могу не обратить внимания и на организованную Сталиным систему высокоэффективной, экономически выгодной утилизации подбитой трофейной техники и стреляных гильз (орудийных). В результате за весь период войны трофейные команды собрали **24 615** немецких танков и самоходных артиллерийских установок, **68** тысяч орудий и **30** тысяч минометов, более **114** миллионов снарядов, **16** миллионов мин, **257** тысяч пулемётов, **3** миллиона винтовок, **2** миллиарда винтовочных патронов и **50** тысяч автомобилей. Общий вес трофейного металла составил свыше **10** миллионов тонн. Только в 1943 г. стреляных орудийных гильз было собрано на сумму **738 млн**. рублей, выплачено — **38** млн. рублей. За указанный год экономия только латуни составила свыше **100 000** тонн. Даже в 1945 г. гильз было собрано на **799** млн. рублей. **Трофейный металл вовсю работал на нашу Победу!**

А какое гигантское значение в годы войны имели такие факторы, как материальная заинтересованность, колоссальное развитие фундаментальных наук, бурный всплеск изобретательства и рационализаторства. Всё это поворачивало производство оружия и боевой техники к резкому удешевлению. Причем при снижении себестоимости продукции в одном месте волна эффективности пробегала по всей технологической цепочке. Интересы потребителя (воюющей армии) и производителя (оборонки) полностью совпадали. Это блестяще проявилось в военные годы. Так, если бомбардировщик **«Пе-2»** в 1941 г. стоил **420** тысяч рублей, то к 1945 г. — всего **265** тысячи рублей. Или, например, прекрасно отработанный в серийном производстве ещё с 1937 г. бомбардировщик **«Ил-4»** в 1941 г. стоил **800** тысяч рублей, а к 1945 г. — всего **380** тысяч рублей. Снижение стоимости более чем вдвое в условиях тотальной войны! Возьмите стоимость легендарного танка **«Т-34»**: в 1941 г. он стоил **269,5** тысячи рублей, а к 1945 г. — всего **142** тысячи рублей. И это с учётом многочисленных модернизаций! Принятая на вооружение ещё в 1938 г. гаубица **«М-30»** в 1941 г. стоила **94** тысячи рублей, а к 1945 г. — всего **35** тысяч рублей. Сокращение без малого в три раза! В условиях такой войны! Или тот же знаменитый пистолет-пулемёт **«ППШ»**, который в 1941 г. стоил **500** рублей, а в 1945 г. — **148** рублей, то есть более чем в три раза дешевле! И все ведь в условиях войны! Наконец, стоимость донельзя отработанной в серийном производстве легендарной русской трёхлинейки — знаменитой винтовки Мосина, которая и в 1941 г. стоила-то всего **163** рубля, уже в 1943 г. составляла **100** рублей! Вновь подчёркиваю, что все это было достигнуто в условиях тяжелейшей тотальной войны! Причем прежде всего только за счет умелого хозяйствования! Никогда более экономика Советского Союза, тем более в постсталинское время, столь

эффективно не работала. А западная экономика за всю войну и тем более за весь послевоенный период так и не смогла превзойти эффективность советской экономики. И это притом, что они даже авианосцы клепали как сосиски на конвейере. Вот так-то!

Так что говорить о том, что не было единства тыла и фронта, что советская экономика не выдержала испытания войной, — нет ни малейшего основания. В том числе и потому, что Советская Армия водрузила Знамя Победы над рейхстагом, а не вермахт водрузил свой поганый штандарт над Кремлем. Советская Армия именно потому водрузила Великое Знамя Победы над рейхстагом, что за её спиной стояла могучая советская экономика, прежде всего наимощнейший военно-промышленный комплекс, который, работая в условиях разного тыла, обеспечивал фронт всем необходимым. Причем даже в самое трудное время — в первом полугодии войны. Из обзора немецкого генштаба о положении дел на фронтах по состоянию на 1.12.1941 г.:

> «Неожиданным оказалось не количество соединений, которое можно было создать при таких больших людских ресурсах страны, а наличие запасов оружия, техники и обмундирования. Танков и орудий СССР имел больше, чем любая страна мира. *Русская промышленность в своем развитии шагнула так далеко, что даже после утраты важных районов она оказалась в состоянии производить самое необходимое для нужд войны*».

Так что адептам антисталинизма давно пора заткнуться и более на эту тему не выступать. Ибо любой факт на эту тему — смертоносное оружие для их лжи. Даже письменное свидетельство бывшего врага!

Миф № 6. Основу советской экономики в войну составлял ГУЛАГ и репрессии против занятых в промышленности рабочих

Как и в целом тема ГУЛАГа, так и его роль в годы войны — любимая тема антисталинистов. Как только они не упражняются на эту тему — только и остается, что диву даваться! Пользуются тем, что раньше об этом было не принято говорить. Ну что ж, коли так, то и мы не будем особенно стесняться, и по мере возможности расскажем правду о ГУЛАГе в годы войны. Подлинная правда о вкладе ГУЛАГа в нашу Победу не менее смертоносна для этих негодяев от Истории. И говорить о ней надо, потому что и это было. И от этого никак не отмахнешься.

Итак, если откровенно, ГУЛАГ действительно сыграл значительную роль в годы Великой Отечественной войны. Любопытно, что ещё приказом по НКВД СССР № 00767 от 12 июня 1941 г. в действие был введен мобилизационный план для предприятий ГУЛАГа и Главпромстроя по производству боеприпасов. В производство запускались: **50-мм мина**, **45-мм** картечь и ручная граната **РГД-33**. Прежде всего этот приказ любопытен тем, что наглядно свидетельствует о заблаговременной подготовке НКВД СССР к войне. Но это одна сторона медали. Вторая куда более существенна. Обратите внимание на то, какие боеприпасы полагалось производить в первую очередь. **Это боеприпасы прежде всего оборонительного боя — ручные гранаты, 45-мм картечь, 50-мм мины (главным образом осколочные)**. Ручные гранаты используются лишь в ближнем бою — одновременно как для выбивания живой силы противника, так и его танков. Картечь используется артиллерией для массового поражения живой силы противника в случае его наступления. Тем более что в приказе речь шла о **45-мм** картечи, то есть для знаменитых «сорокапяток» — самой массовой пушки РККА того времени, в том числе и в стрелковых дивизиях. 50-мм мины предназначены для 50-мм миномета Шавырина и тоже использовались в оборонительных боях. ***Всё это к тому, чтобы ещё раз показать, что советское руководство ни к каким наступательным войнам не готовилось!*** **Ведь глава НКВД СССР — Лаврентий Павлович Берия — к тому времени уже несколько месяцев являлся первым заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР. То**

есть первым вице-премьером, если по-современному. А главой Советского правительства с 6 мая 1941 г. являлся Иосиф Виссарионович Сталин!

По состоянию на 1 января 1941 г. в лагерях и колониях насчитывалось **1 929 729** чел. (непосредственно к 22 июня 1941 г. за ГУЛАГом числилось **2 300 000** чел.[19]) заключённых, в том числе примерно **1680 тыс. мужчин** трудоспособного возраста. Кстати говоря, в этот период времени общая численность рабочих в народном хозяйстве СССР составляла **23,9** млн. человек, а рабочих промышленности — **10** млн. человек. То есть заключенные ГУЛАГа трудоспособного возраста составляли примерно **7 %** от общей численности рабочих в Советском Союзе.

Прошу обратить на это особое внимание. И вот почему. Приведённая выше цифра **7 %** беспристрастно свидетельствует о том, что ни при каких обстоятельствах эти **7 %** просто физически не смогли бы заменить собой всю советскую экономику как таковую. Это к тому, что суть мифов о ГУЛАГе в войне вечно сводится к тому, что экономика СССР тогда держалась на заключенных ГУЛАГа. Да, их вклад существенен, а в ряде случаев и велик, и никто этого ни отрицать, ни забывать не собирается. Однако же утверждать, что указанное выше количество заключенных, а ведь далеко не всегда оно было именно таким, сыграло решающую роль в годы войны в производстве вооружений — попросту бессовестно и подло. А многомиллионная армия рабочих, в том числе женщин и подростков, в таком случае что делала? Дружно в носу ковыряла?! Право же, не грех бы и меру знать в мифах. Особенно если учесть, что по ходатайству руководства НКВД СССР Президиум Верховного Совета СССР дважды, 12 июля и 24 ноября 1941 г. принимал указы об амнистии и освобождении заключенных ГУЛАГа, которые сразу же организованными командами направлялись из мест заключения прямо в военкоматы. Только по этим двум указам до конца 1941 г. для укомплектования РККА было передано **420 тысяч** амнистированных советских граждан. Если исходить из норматива штатной численности стрелковых дивизий 1941 г. в **14 483 чел.**, то выходит, что таким образом были созданы **29** полнокровных дивизий. Всего же за годы войны в ряды вооруженных сил было направлено **975 тысяч** амнистированных и освобождённых граждан СССР, за счёт которых было укомплектовано 67 дивизий.

* * *

(Небольшой комментарий. А это в свою очередь к тому, что с подачи пресловутого предателя В. Суворова — печально известного Резуна-Брехуна — по страницам современных исследований о войне шастает идиотская байка о том, что Сталин чуть ли не до войны запланировал использовать заключенных ГУЛАГа в боевых операциях. Потому, мол, на фронте и появились так называемые черные дивизии. То есть по цвету их бушлатов и телогреек. В действительности же они предварительно были амнистированы и освобождены (к слову сказать, с началом войны многие заключенные ГУЛАГа искренне выражали желание попасть на фронт и тем самым снять судимость, что и было учтено руководством НКВД). Решение было исключительно правильное. Чего держать огромную ораву здоровых мужиков в лагерях, когда идет такая война?! Испокон веку и во многих государствах мира заключенным давали реальный шанс в случае войны на поле брани кровью смыть позор судимости. Советский Союз в этом отношении не стал исключением.)

*** * ***

То есть если все это принять во внимание, то трудовые резервы ГУЛАГа были значительно ниже тех, что имелись к началу войны. Тем не менее с началом войны самым главным направлением деятельности ГУЛАГа по-прежнему оставалось экономическое. В августе 1941 г. был определен перечень **64** строек, завершение которые приобрело в условиях начавшейся войны приоритетное значение. Это и строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали, и Куйбышевских авиазаводов, и ряда других оборонных предприятий и цехов, в том числе за Уралом и в Сибири. Не говоря уже о производстве военной продукции. За годы Великой Отечественной войны в системе исправительно-трудовых учреждений НКВД СССР было произведено **14 %** миномётных боеприпасов, **22 %** инженерных мин и **14 %** ручных гранат, поставленных промышленностью вооруженным силам, в том числе:

корпусов мин — 37 млн. 685 тыс. 700 шт., в том числе:
— осколочных 50-мм — **2 млн. 23 тыс. 300** шт.;
— осколочных 82-мм — **29 млн. 90 тыс. 300** шт.;
— осколочных 120-мм — **5 млн. 972 тыс. 100** шт.;
ручных гранат — 25 млн. 269 тыс. 600 шт., в том числе:
— РГД-33 — **3 млн. 733 тыс.500** шт.;
— РГ-42 — **14 млн. 240 тыс.** шт.;
— Ф-1 — **4 млн. 223 тыс. 500** шт.;

— РПГ — 40 — **3 млн. 72 тыс. 300** шт.;

инженерных мин — 14 млн. 775 тыс. 100 шт., в том числе:

— противотанковых — **12 млн. 510 тыс. 100** шт.;

— противопехотных — **2 млн. 265 тыс**. шт.

Кроме боеприпасов, в системе исправительно-трудовых учреждений НКВД СССР было произведено:

— **27 млн. 900 тыс**. комплектов спецукупорки для мин; снарядов и авиабомб;

— **500 тыс**. катушек для телефонного кабеля;

— **30 тыс**. укороченных лодок-волокуш (УЛВ) для войск связи РКК;

— **1 млн. 700** тыс. противогазных масок;

— **2250 т** медного снарядного пояска;

— громадное количество уплотнительных колец и прокладок для различных артиллерийских систем из поливинилхлорида (метод изготовления был разработан специалистами 4-го спецотдела НКВД);

— пошито **22** млн. единиц обмундирования для Красной Армии (в целом же в части касавшейся производства обмундирования, вклад ГУЛАГа составляет **12 %**).

На производственных мощностях ИТЛ ГУЛАГа производились также котелки для солдат, армейские термосы, пищевые котлы, полевые кухни, формы для выпечки хлеба, различная казарменная мебель, ружейные пирамиды, пожарные лестницы, лыжи для РККА, автомобильные кузова, госпитальное оборудование и ещё очень много крайне востребованного действующей армией.

Трудовые ресурсы ГУЛАГа использовались также и в промышленности. До войны только **350** промышленных предприятий СССР использовали труд заключенных. Однако к 1944 г. уже **640** предприятий пользовались трудом заключенных. В основном их использовали в «горячих» цехах, заменяя женщин и подростков. Естественно, что труд заключенных использовался и в капитальном строительстве. Так, именно усилиями заключенных во время войны в рекордно короткие сроки был построен гигантский Челябинский металлургический завод, который внес громадный вклад в производство особенно специальных сталей для оборонных нужд. Кроме того, заключенных использовали и для добычи угля, золота и иных полезных ископаемых. В этом плане очень характерны цифры, которые приводятся в исторической литературе.

За 1941–1944 гг. строительными организациями НКВД СССР выполнено капитальных работ на 14,2 млрд рублей, что составляет 14,9 %, или почти седьмую часть, всех выполненных за это время строительных

работ по народному хозяйству СССР в целом. За указанный период НКВД СССР построил и сдал в эксплуатацию:

— **612** оперативных аэродромов и **230** аэродромов с взлётно-посадочными полосами;

— **группу авиационных** заводов в районе г. Куйбышева;

*** * ***

(Небольшой комментарий. Решение о создании в районе г. Куйбышева трех авиационных заводов было принято советским правительством ещё 6 августа 1940 г. Строительство было возложено на НКВД СССР. Через полтора года после начала войны весь комплекс Безы-менских заводов, состоящий из 10 единиц, мощной ТЭЦ, большого жилого города с населением более 100 тысяч человек, с водопроводом, канализацией и развитой сетью железных и шоссейных дорог был готов. В этой связи весьма любопытен следующий документ.)

*** * ***

«13 декабря 1941 г. И-20/132

Секретно экз. № 1

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ И. В.

В ближайшее время в Безымянском лагере НКВД в Куйбышеве из заключенных, работающих на строительстве заводов НКАП, освобождается около 30 тысяч человек заключенных с незначительными преступлениями (прогулы, опоздания и пр.). Среди них большое количество квалифицированных рабочих: токарей, слесарей, монтёров, монтажников, строителей и др. специальностей, необходимых Наркомату авиационной промышленности. По данным, полученным тов. Дементьевым в НКО в Куйбышеве, основная квалифицированная часть освобождаемых в количестве 18 тысяч человек передается в НКО как военнообязанные, из них около 9 тысяч призываются в армию, а остальные 9 тысяч организуются в воинские рабочие батальоны, которые будут передаваться предприятиям. В целях обеспечения заводов № 1, 18, 24 рабочей силой для выполнения производственной программы и окончания

строительства отдельных решающих программу объектов, прошу закрепить из освобождаемых квалифицированную часть в количестве 15–18 тысяч человек за строительством и заводами НКАП в городе Куйбышеве. Проект решения по этому вопросу прилагаю. А. Шахурин». Служебная записка отпечатана на бланке народного комиссара авиационной промышленности Союза ССР. Имеется резолюция И. В. Сталина: «т. Берия». По этому вопросу специального постановления ГКО не было. Однако на проекте постановления, представленном А. И. Шахуриным, имеется резолюция: «Тов. Щаденко. Надо для НКАП это сделать.

Л. Берия. 25/XII-41 г.»[20].

* * *

— **3** доменные печи общей мощностью **980** тыс. т чугуна в год;
— **16** мартеновских и электроплавильных печей производительностью **445** тыс. т стали;
— прокатные станы общей производительностью **542** тыс. т проката;
— **4** коксовые батареи производительностью **1740** тыс. т кокса;

* * *

(***Небольшой комментарий***. 28 апреля 1944 г. Тагил-строй НКВД СССР закончил строительство и сдал в промышленную эксплуатацию на Ново-Тагильском металлургическом заводе мощную доменную печь № 3 производительностью **400** — **450** тыс. т чугуна. Накануне печь выдала первый чугун. Одновременно там же заканчивалось строительство двух мартеновских печей по 75 тыс. т стали в год, химического и литейного цехов. Основные строительно-монтажные работы по коксовой батареи на этом заводе были выполнены за 10 месяцев, а по доменной печи за 9 месяцев. Объекты были приняты правительственной комиссией с оценкой отлично.)

* * *

— угольные шахты и разрезы общей производительностью **6790** тыс. т угля;

* * *

(Небольшой комментарий. К 15 марта 1944 г. Карагандастрой НКВД СССР доложил в ГКО о выполнении в срок постановления ГКО по строительству угольного разреза Карагандинского бассейна производительностью 1,5 млн. т угля в год. В докладе Комиссии наркомугля и НКВД от 12 марта 1944 г. говорилось, что работы по строительству выполнены на отлично и в исключительно короткие сроки.)

* * *

— **46** электрических турбин общей мощностью **596** тыс. кВт;
— **3573** километра новых железных дорог;
— **4700** километров шоссейных дорог;
— **1056** километров нефтепроводов;
— **6** гидролизных и сульфатно-спиртовых заводов общей производительностью **3** млн. декалитров спирта;
— **10** компрессорных станций для нефтяной промышленности;
— **2** химических завода по производству соды и брома;
— завод нитроглицериновых порохов;
— мощную радиовещательную станцию.

По главнейшим видам продукции промышленными предприятиями НКВД СССР за указанный период 1941–1944 гг. выдано:
— золота в переводе на химически чистое **315** т;
— олова в концентратах **14 398** т;
— вольфрамового концентрата **6795** т;
— молибденового концентрата **1561** т;
— никеля электролитного **6511** т;
— меди черновой **6081** т;
— хромовой руды **936** тыс. т;
— угля **8924** тыс. т;
— сажи газовой **10 150** т;

* * *

(Небольшой комментарий. Если в отношении всех вышеперечисленных видов продукции читателям более или менее понятно, зачем они нужны, то в отношении сажи газовой — едва ли. Между тем это продукция огромного стратегического назначения. Являясь продуктом неполного сгорания или термического разложения углеродистых веществ, сажа газовая (иногда ранее называли канальная сажа) по своему значению в военное время была равнозначна металлу. Дело в том, что она нашла широкое применение в производстве шин различного назначения, разных резинотехнических изделий с высокой механической прочностью и эластичностью. Без сажи газовой невозможно было произвести ни одной шины, потребность армии в которых была просто астрономическая. Ведь ни один автомобиль, ни одна пушка без соответствующей «обувки» двигаться не могут. Помимо этого сажа используется и в производстве электродов, коллекторных щеток, сухих и наливных элементов и даже солдатских кирзовых сапог (кирзовый материал был изобретён в 1938 г.). До войны в СССР сажу газовую производили только заводы Майкопа. Однако в связи с угрозой оккупации этого региона производство сажи было перебазировано на Крайний Север, в Заполярье, в Ухтинский район. Там ещё перед войной было открыто месторождение нефти и газа, начало освоения которому было положено буквально накануне войны. Уже 7 ноября 1941 г. здесь был получен первый газ, которой сразу же пошёл на Ухтинские сажевые заводы, которые в дальнейшем всю войну обеспечивали оборонные отрасли народного хозяйства своей универсальной продукцией.)

*** * ***

— нефти **407** тыс. т;
— мин [(82-мм и 102-мм) — для минометов Шавырина] **30,2 млн**. шт.;
— леса и дров **90** млн. куб. м.

И в заключение хотелось бы отметить вклад ГУЛАГа в решение некоторых стратегических, в том числе и военно-стратегических, задач, имевших для СССР исключительное значение.

1. В сентябре — декабре 1941 г. силами НКВД вдоль берега Белого моря была сооружена железнодорожная ветка Сорока (Беломорск) — Обозерская. После того как германские и финские войска перерезали Кировскую железную дорогу, новая ветка стала единственным путём связи Кольского полуострова с остальной страной и перевозки поступавших в Мурманск грузов по ленд-лизу. Переоценить её значение во время войны невозможно.

2. Один из решающих вкладов в победу в Сталинградской битве внес именно ГУЛАГ. Дело в том, что 23 января 1942 г. Государственный Комитет Обороны принял решение о строительстве рокадной дороги от Ульяновска до Сталинграда. Значительная часть дороги от Саратова до Сталинграда сооружалась силами Главного управления лагерей железнодорожного строительства под общим руководством заместителя начальника главка Ф. А. Гвоздевского. Разработанный Желдорпроектом НКВД проект, по которому трасса проходила вне поймы Волги, позволил обойтись минимальным количеством мостов и глубоких отходов. Для ускорения работ с законсервированных в связи с началом войны участков БАМа были срочно сняты и немедленно переброшены к Волге рельсы. И, несмотря на то, что с июля 1942 г. строительство дороги велось под непрерывными бомбардировками авиации противника, уже 7 августа 1942 г. головной участок трассы от ст. Иловля до Камышина был сдан в эксплуатацию. В Сталинград стали бесперебойно поступать воинские эшелоны с различными грузами.

В целом же рокадная дорога Сталинград — Петров Вал — Саратов — Сызрань протяженностью в 240 км была введена в строй за 100 дней. В сентябре — ноябре в строй были введены участки Иловля — Саратов протяженностью в 331 км и Свяжск— Ульяновск протяженностью в 202 км.

Как видите, в годы войны хозяйственная деятельность пенитенциарной системы НКВД СССР в лице ГУЛАГа играла существенную роль. Однако утверждать, что все оружие победы в тылу ковали только заключенные ГУЛАГа, нет ни малейших оснований. Ни по одному виду деятельности или продукции ГУЛАГ даже в годы войны не достигал и 25 % от общесоюзного уровня такой деятельности или продукции. Предельный уровень экономической роли ГУЛАГа в экономике СССР в годы войны — от силы $^1/_7$ от всего объёма производства и строительных работ.

В связи с ГУЛАГом накануне и особенно в годы войны очень часто, но без малейшего понятия о том, что же в действительности происходило, упоминают, что-де за малейшую провинность на производстве людей осуждали и отправляли в ГУЛАГ. Это полный бред. Да, действительно осуждали — это факт непреложный. Как, впрочем, и то, что к необходимости соблюдения трудовой дисциплины в России не могут привыкнуть даже в XXI веке. Однако абсолютное большинство получивших такие приговоры никуда не ссылались, а оставались на своем производстве и продолжали трудиться, как и прежде. Но у них при этом вычитали из зарплаты штрафы. В случае если провинностей более не было, то судимость быстро снималась и погашалась. Да, понимаю, что, мягко говоря, меры не самые приятные, но ведь и война-то была страшная, особенно по целям

агрессора, намеревавшегося едва ли не поголовно уничтожить население СССР, особенно славянские народы. И тут уж не до сантиментов. А вот фокусничать на производстве, к глубокому сожалению, у нас очень любят. Но ведь это же категорически недопустимо в принципе, иначе получится не продукция, а чёрт знает что, а уж что касается оружия и боевой техники, то тут последствия могут быть столь трагичными, что… впрочем, не приведи Господь.

* * *

В 1996 году кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института военной истории МО РФ В. А. Пронько и кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН **В. Н. Земсков** опубликовали в № 5 журнала «Новая и новейшая история» обнаруженный ими в архивах уникальный документ. Называется он «Доклад о работе Главного Управления Исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР за годы Великой Отечественной войны», который был представлен народному комиссару внутренних дел СССР Л. П. Берия. Ввиду особой важности этого документа полагаю правильным довести его до сведения читателей. Сноски и ссылки к тексту принадлежат указанным авторам, как, впрочем, и на их же данных построены небольшие комментарии автора настоящих строк.

* * *

* * *

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
Генеральному Комиссару государственной безопасности — […] БЕРИЯ Л. П.

ДОКЛАД О РАБОТЕ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЕЙ И КОЛОНИЙ НКВД СССР ЗА ГОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В соответствии с историческими указаниями товарища Сталина о перестройке всей работы тыла на военный лад и подчинении её интересам фронта и задачам организации разгрома врага, вся оперативная и производственно-хозяйственная деятельность ГУЛАГа НКВД СССР была направлена:

— на усиление изоляции заключенных и борьбу с антисоветскими проявлениями среди них;

— сохранение физического состояния заключенных и их полное трудовое использование;

— комплектование важнейших оборонных строительств и предприятий рабочей силой из заключённых;

— всемерное усиление производства боеприпасов, спецукупорки и другой оборонной продукции и

— на расширение собственной продовольственной базы.

Практическая работа ГУЛАГа НКВД СССР за годы Великой Отечественной войны характеризуется следующим:

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ПОСТРОЕНИЕ ГУЛАГа И ПРОИСШЕДШИЕ В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

ГУЛАГ НКВД осуществляет руководство исправительно-трудовыми лагерями, подчиненными непосредственно Центру, республиканскими, краевыми и областными управлениями и отделами исправительно-трудовых лагерей и колоний, входящими в состав НКВД-УНКВД по территориальности. По состоянию на 1 июля 1944 года имеется: исправительно-трудовых лагерей — **56**, республиканских, краевых и областных управлений и отделов исправительно-трудовых лагерей и колоний (УИТЛК-ОИТК) — **69**. В состав исправительно-трудовых лагерей, УИТЛК-ОИТК НКВД-УНКВД республик, краев и областей входит отдельных лагерных подразделений **910**, исправительно трудовых колоний **424** и городских — районных инспекций исправительно-трудовых работ — **1549**[21]. Штатная численность указанных выше подразделений составляет **85 000** единиц (без военизированной охраны). За время войны вновь организовано 40 исправительно-трудовых лагерей, 11 УИТЛК и 15 ОИТК НКВД-УНКВД. Вместе с тем за тот же период подверглось расформированию 69 исправительно-трудовых лагерей, 1 УИТЛК и 15 ОИТК НКВД-УНКВД. Центральный аппарат ГУЛАГа НКВД СССР в своем

составе имеет 3 управления и 13 самостоятельных отделов со штатной положенностью 525 единиц.

НАЛИЧИЕ И ДВИЖЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ, ПРОИСШЕДШИЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ ИЗМЕНЕНИЯ В ИХ СОСТАВЕ

Военный период характерен постепенным снижением численности заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД. Снижение числа заключенных в основном объясняется применением досрочного освобождения в соответствии с Указами Президиума Верховного Совета Союза ССР, постановлениями Государственного Комитета Обороны и Пленума Верховного Суда Союза ССР. К началу войны общее число заключенных, содержавшихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях, составляло 2 300 000 человек. На 1 июля 1944 года число заключенных снизилось до 1 200 000 человек. За три года войны из лагерей и колоний убыло 2 900 000 человек и вновь поступило осужденных 1 800 000 человек. Одновременно произошли изменения в составе заключенных по характеру совершенных преступлений. Если в 1941 году осужденные за контрреволюционные и другие особо опасные преступления составляли только 27 % от общего числа заключенных, содержавшихся в лагерях и колониях, то к июлю 1944 года число осужденных этой категории возросло до 43 %. Кроме того, в настоящее время в исправительно-трудовых лагерях содержится 5200 заключённых, осужденных к каторжным работам. В составе заключённых снизилось число осужденных мужчин, с одновременным увеличением женщин. В 1941 году заключённых мужчин содержалось 93 %. В настоящее время: мужчин 74 %, женщин — 26 %[22].

В первый период войны возникла необходимость эвакуации заключенных с территории, находившейся в непосредственной близости к зоне военных действий, где дислоцировалась значительная группа исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД (Беломорско-Балтийский, Мончегорский, Вытегорский, Сегежский лагери аэродромных строительств и другие). Эвакуация лагерей и колоний в основном была проведена организованно, ГУЛАГом разрабатывались планы эвакуации заключенных в увязке с перебазированием промышленности, предусматривая вывоз людей, материальных ценностей и демонтируемого оборудования. В связи с известными транспортными затруднениями, значительная масса заключенных эвакуировалась пешим порядком нередко на расстояния до 1000 км. Аппараты ГУЛАГа в тыловых районах были

мобилизованы на обеспечение проходивших эшелонов и этапов заключенных медико-санитарным обслуживанием и питанием. Эвакуации подверглись 27 исправительно-трудовых лагерей и 210 колоний, с общим числом заключенных — 750 000 человек.

ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ И ПЕРЕДАЧА ИХ В КРАСНУЮ АРМИЮ

По представлению НКВД СССР Президиумом Верховного Совета Союза ССР 12 июля и 24 ноября 1941 года были изданы Указы о досрочном освобождении некоторых категорий заключенных, осужденных за прогулы, бытовые и незначительные должностные и хозяйственные преступления, с передачей лиц призывных возрастов в Красную Армию.

*** * ***

Небольшой комментарий. 12 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета принял Указ «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений». В соответствии с этим Указом в местностях, объявленных на военном положении, подлежали освобождению заключенные, осужденные: по указам от 26 июля и 10 августа 1940 года («О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство»), кроме злостных хулиганов и рецидивистов; за маловажные бытовые преступления, имевшие остаток срока менее года; беременные женщины и женщины, имевшие малолетних детей (кроме осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм и рецидивисток); учащиеся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО, осужденные по указу от 28 декабря 1940 г. за нарушение дисциплины и самовольный уход из училища (школы). 24 ноября 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР распространил действие Указа от 12 июля 1941 г. на все местности СССР и принял решение о дополнительном освобождении некоторых категорий заключённых, например бывших военнослужащих, осужденных за несвоевременную явку в часть и малозначительные должностные, хозяйственные и воинские преступления, совершенные до начала войны, при этом они передавались в части действующей армии.

Освобождению также подлежали нетрудоспособные инвалиды, старики, имевшие остаток срока наказания до 3 лет, кроме осуждённых за контрреволюционные преступления.

* * *

Во исполнение Указов Президиума Верховного Совета СССР ГУЛАГом было проведено освобождение 420 000 заключённых. По специальным решениям Государственного Комитета Обороны, в течение 1942–1943 гг. произведено досрочное освобождение с передачей в ряды Красной Армии 157 000 человек из числа осужденных за незначительные преступления. Кроме того, по установленному ГУЛАГом порядку все заключенные, освобождаемые из лагерей и колоний за отбыванием сроков наказания, годные к строевой службе, также передавались в армию. Всего за три года Отечественной войны было передано на укомплектование Красной Армии **975 000** человек.

* * *

Небольшой комментарий. С учетом кадровых сотрудников — **117 000**, в том числе **93 500** человек из военизированной охраны, — за три годы войны из ГУЛАГа на комплектование Красной Армии было передано **1 092 000** человек.

* * *

Придавая особое значение вопросу досрочного освобождения заключенных и передаче их в Красную Армию, в лагерях и колониях проводилась большая работа по персональному отбору, материальному обеспечению и политической подготовке передаваемых. Из освобождаемых создавались специальные команды, которые организованно направлялись в военкоматы и места формирования воинских частей. Многие бывшие заключенные, находясь на фронтах Отечественной войны, проявили доблесть и геройство, за что награждены орденами и медалями Советского Союза. Бывшим заключенным: Матросову, Бреусову, Отставнову, Сержантову, Ефимову присвоены звания Героев Советского Союза.

* * *

Небольшой комментарий. **Матросов Александр Матвеевич** — родился 5 февраля 1924 г. в Екатеринославе. На фронте с 1942 г. Автоматчик, рядовой (22-я армия, Калининский фронт). 23 февраля 1943 г. в бою за деревню Чернушки (Псковская обл.), израсходовав все боеприпасы, телом закрыл амбразуру вражеского дзота. Звание Героя Советского Союза присвоено 19 июня 1943 г. посмертно. **Бреусов Владимир Ефимович** — родился 25 июля 1925 г. в Алма-Ате. На фронте с июля 1943 г. Пулеметчик 960-го стрелкового полка (299-я стрелковая дивизия, 53-я армия Степной фронт). 15 августа 1943 г. при штурме высоты выдвинулся со своим пулеметом вперед и уничтожил несколько вражеских автоматчиков. Огнем из пулемета обеспечил штурм высоты и её захват. Звание Героя Советского Союза присвоено 1 ноября 1943 г. **Отставнов Алексей Иванович** — родился 18 октября 1905 г. в деревне Копнино Собинского района Владимирской области. На фронте с 1942 г. Командир взвода 77-й гвардейской отдельной разведывательной роты (73-я гвардейская стрелковая дивизия, 7-я гвардейская армия, Степной фронт), гвардии младший лейтенант Отставное умело организовал переправу через Днепр. 10 октября 1943 г., обороняя наблюдательный пункт полка, гранатами отразил атаку танков и БТР, подбив БТР противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 26 октября 1943 г. **Сержантов Иван Яковлевич** — родился 17 февраля 1919 г. в деревне Первые Яковлевичи Оршанского района Витебской области. На фронте с января 1942 г. Летчик 9-го гвардейского истребительного авиационного полка (8-я воздушная армия, Южный фронт). Гвардии лейтенант Сержантов к апрелю 1943 г. совершил 258 боевых вылетов, в 85 воздушных боях лично сбил 13 и в группе 8 самолетов противника. Погиб 29 апреля 1943 г. Звание Героя Советского Союза присвоено 24 августа 1943 г. посмертно. **Ефимов Василий Мефодьевич** — родился 25 августа 1919 г. в деревне Красный Яр Уссурийского района Приморского края. На фронте с 1942 г. Водитель боевой установки 315-го гвардейского минометного полка (37-я армия, Степной фронт). При форсировании Днепра и в кровопролитных боях по расширению плацдарма 30 сентября — 19 октября 1943 г. 14 раз выводил установку на прямую наводку, подбил и сжег 2 танка, штурмовое орудие, 2 автомашины. Всего за время боевых действий с 5 июля по 20 октября 1943 г. произвел 107 залпов, подбив 16 танков и уничтожив много живой силы противника. Звание Героя Советского Союза присвоено 22 февраля 1944 г.

Это далеко не полный перечень узников ГУЛАГа, ставших Героями Советского Союза в Великой Отечественной войне. Так, например, этого звания удостоены маршал К. К. Рокоссовский (дважды: 29 июля 1944 г. и 1 июня 1945 г.) и генерал армии А. В. Горбатов (10 апреля 1945 г.). Геройский поступок Матросова отмечен специальным приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина (речь идет о приказе НКО СССР от 8 сентября 1943 г., в соответствии с которым имя А. Матросова было присвоено 254-му стрелковому полку, в котором он служил, с зачислением погибшего навечно в списки 1-й роты этой части).

* * *

В 1941–1942 гг. из исправительно-трудовых лагерей, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР и постановлению Государственного Комитета Обороны, освобождено 43 тысячи польских граждан и 10 тысяч чехословацких граждан, направленных в своем большинстве на формирование национальных частей.

* * *

Небольшой комментарий. В соответствии с соглашением от 30 июня 1941 г. с польским эмигрантским правительством в Лондоне в сентябре 1941 г. на территории СССР стала формироваться армия Андерса, которая в 1942 г. была выведена на Ближний Восток. С 14 мая 1943 г. в Селецких лагерях под Рязанью начала формироваться из добровольцев поляков, проживавших в СССР, 1-я польская пехотная дивизия им. Т. Костюшко (командир — полковник З. Берлинг). В соответствии с соглашениями от 18 июля и 27 сентября 1941 г. с февраля 1942 г. в Бузулуке при активном участии чехословацких коммунистов стал создаваться 1-й отдельный чехословацкий пехотный батальон, командиром которого стал подполковник Л. Свобода.

* * *

КОМПЛЕКТОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВ И ЛАГЕРЕЙ НКВД РАБОЧЕЙ СИЛОЙ И СПЕЦИАЛИСТАМИ ИЗ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

За годы войны на строительства НКВД и в исправительно-трудовые лагери направлено за счет поступлений из тюрем и в порядке перераспределения заключенных между лагерями свыше **2 000 000** человек, в том числе:

— строительству железных дорог — **448 000**
— горно-металлургической — **171 000**
— промышленному строительству — **310 000**
— аэродромному и шоссейному строительству — **268 000**
— лагерям лесной промышленности — **320 000**

Наряду с этим ГУЛАГом выявлено и направлено строительствам НКВД — **40 000** специалистов и квалифицированной рабочей силы из заключенных: инженеров, техников, металлистов, железнодорожников, угольщиков. Основное внимание сосредотачивалось на выполнении решений Государственного Комитета Обороны и приказов Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР по обеспечению рабочей силой важнейших строительств, осуществляемых НКВД: строительства авиационных заводов в гор. Куйбышеве, металлургических комбинатов в Н. Тагиле, Челябинске, Актюбинске и Закавказье, Норильского комбината, Джидинского комбината Богословского алюминиевого завода, строительства Северо-Печорской жел. дор. магистрали, стратегической железной дороги Саратов-Сталинград, строительства железной дороги Комсомольск-Совгавань, нефтеперегонного завода в Куйбышеве. На местах дислоцирования новых строительств, в ряде случаев необжитых и необустроенных, создавались исправительно-трудовые лагеря НКВД. Это потребовало от ГУЛАГа напряженной работы по укомплектованию вновь организуемых лагерей руководящими кадрами, медицинским персоналом и военизированной охраной. Для обеспечения содержания заключенных развертывалось строительство зон, жилых и коммунально-бытовых помещений. В централизованном порядке завозилось продовольствие, вещевое имущество, медикаменты и необходимые предметы хозяйственного обихода. В связи с острым недостатком в квалифицированной рабочей силе ГУЛАГом совместно с производственными аппаратами строительств организовано в лагерях и колониях массовое техническое обучение заключенных. За три года подготовлено около 300 тысяч квалифицированных рабочих, используемых на строительствах и предприятиях НКВД. На комбинатах НКВД: Воркутинском, Норильском, Джидинском, Ухтинских нефтяных промыслах, Северо-Печорской железнодорожной магистрали и ряде других все работы по добыче и эксплуатации проводятся специалистами и квалифицированной рабочей силой из числа заключенных. Особо следует отметить, что в начале войны

полевые строительства Главного Управления оборонительных работ НКВД, перешедшие впоследствии в НКО, в основном укомплектовывались руководящими и рабочими кадрами за счет исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД. На работы по строительству оборонительных рубежей ГУЛАГом было передано 200 тысяч заключенных. Кроме того, по требованию Военного Командования на оборонительные строительства привлекались заключённые, следовавшие в порядке эвакуации вглубь страны. Полевые строительства оборонительных сооружений за счет эвакуируемых лагерей и колоний обеспечивались продовольствием, обмундированием, обувью, строительными материалами, механизмами, оборудованием, транспортом и другими материальными ресурсами, обеспечившими быстрый разворот строительств оборонительных объектов. Так, за счёт ресурсов Вытегорского строительства и лагеря НКВД были обеспечены рабочей силой, продовольствием и материальными ресурсами полевые строительства 2 Армейского Управления оборонительных работ НКО. За счет Беломорско-Балтийского лагеря НКВД — полевые строительства Управления оборонительных работ Карельского и Северного фронтов.

ВЫДЕЛЕНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ДРУГИМ НАРКОМАТАМ

Помощь, оказываемая ГУЛАГом рабочей силой другим наркоматам, приобрела особое значение в годы войны. В настоящее время в соответствии с решениями Государственного Комитета Обороны лагерная рабочая сила из заключенных выделяется 640 предприятиям и строительствам других наркоматов, в то время как до войны заключенные выделялись только 350 предприятиям. При этих предприятиях ГУЛАГом организовано 380 специальных исправительно-трудовых колоний НКВД, в которых созданы необходимые условия содержания заключенных, установлен соответствующий режим и охрана, обеспечивающие наиболее полное трудовое использование и изоляцию заключенных как на производстве, так и в колониях. Питание и снабжение вещевым довольствием заключенных ГУЛАГ обеспечивает за счет своих ресурсов. В специальных исправительно-трудовых колониях содержится 225 000 заключённых, выделяемых важнейшим оборонным предприятиям и строительствам, в том числе промышленности боеприпасов и вооружения — 39 000 чел., черной и цветной металлургии — 40 000, авиационной и танковой промышленности — 20 000, угольной и нефтяной

промышленности — 15 000, электростанциям и электропромышленности — 10 000, лесной промышленности — 10 000. По видам работ заключенные специальных колоний используются на строительных работах — 34 %, непосредственно в производстве (в цехах) — 25 %, горно-рудных работах — 11 % и прочих (лесозаготовки, погрузочно-разгрузочные работы) — 30 %. Заключенные, работающие на заводах, участвуют в производстве танков, самолетов, боеприпасов, вооружения.

Так, на заводе № 711 Наркомата Миномётного вооружения используются 2000 заключенных в литейном цехе на отливке 120-мм мин;

• на комбинате № 179 Наркомата Боеприпасов используется 1500 человек в цехах заводов на производстве снарядов, мин и других боеприпасов;

• на заводе им. Кирова Наркомата Танковой промышленности работает 2000 человек в кузнечном и литейном цехах на производстве танков;

• на Магнитогорском и Кузнецком комбинатах Наркомата Черной металлургии занято 4300 человек, используемых на выплавке чугуна, стали, сортового проката и складских работах;

• на Джезказганском медеплавильном комбинате Наркомата Цветной металлургии используется 3000 человек на выплавке меди;

• на строительствах Омского авиационного завода Наркомата Авиации занято 1600 человек; Уфимского нефтеперерабатывающего завода Наркомата Нефтяной промышленности — 2000 человек;

• на заготовку леса для заводов Наркомата Вооружения в Удмуртской АССР выделяется 2000 человек.

В результате проведенных мероприятий, выходы заключенных на основные работы составляют 83,5 % против 78 % до войны. Выработка на один человеко-день достигла 21 рубля в 1944 году, против 9 рублей 50 коп. в 1940 году. Валовая выработка заключенных только по зарплате составляет в год 1 000 000 000 рублей, или в два раза больше, чем в довоенное время.

МЕРОПРИЯТИЯ ПО УЛУЧШЕНИЮ ФИЗИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЗАКЛЮЧЁННЫХ

Уже в первый год войны произошло значительное изменение физического профиля заключенных в сторону снижения их трудоспособности. Удельный вес трудовых групп в общем составе заключенных по категориям труда составлял:

\	1940 г. (%)	1942 г. (%)
Годных к тяжёлому труду	35,6	19,2
Годных к среднему труду	25,2	17,0
Годных к легкому труду	15,6	38,3
Инвалиды и ослабленные	23,6	25,5

Таким образом, группа лиц, годных к тяжелому и среднему физическому труду, составлявшая в 1940 году 61 % к общему числу заключенных, в 1942 году снизилась до 36 %. Число заключенных, пригодных к легкому труду, возросло на 23 %, ослабленных и инвалидов на 2,0 %. Одной из причин, повлиявших на общее ухудшение физического состояния заключенных, явилось длительное пребывание их в пути в период эвакуации. Наряду со снижением физического профиля заключенных, ухудшилось общее состояние лагерного сектора в связи с вывозом 750 000 заключенных из временно оккупированных районов в лагери и колонии, расположенные на востоке, что привело к значительной перенаселенности и ухудшению санитарно-бытовых условий. Вновь создаваемые в восточных районах страны лагерные подразделения и колонии в организационный период не могли обеспечить нормального размещения и содержания заключенных. Это положение потребовало от ГУЛАГа проведения ряда решительных мер, направленных к созданию надлежащих жилищно-бытовых условий для заключенных и мероприятий по улучшению их физического состояния. Основными мероприятиями ГУЛАГа в этом направлении явились дополнительное строительство жилых бараков и коммунально-бытовых объектов, проведение капитального ремонта и утепление имеющегося жилищного фонда; переоборудование сплошных нар на двухъярусные вагонного типа; обеспечение жилых бараков необходимым инвентарем и благоустройство территорий зон. В результате проведенных мероприятий жилая площадь в настоящее время доведена в среднем до 1,8 кв. метра на одного заключенного, в то время как в первый период войны жилая площадь составляла менее 1 квадратного метра на человека. Лагерные подразделения и колонии обеспечены банями, прачечными, дезкамерами, сушилками и другими коммунально-бытовыми объектами. К началу войны 80 % заключенных размещалось на сплошных двух- и трёхярусных нарах; в настоящее время более половины лагерей и колоний полностью закончили переоборудование сплошных нар на двухъярусные вагонного типа, обеспечив каждого заключенного индивидуальным спальным местом. Полное переоборудование сплошных нар в остальных лагерях и колониях будет закончено к 1 октября сего года.

Жилые помещения, как правило, оборудованы столами, скамейками, тумбочками, бачками для кипяченой воды и другим хозяйственным инвентарем. Организованы камеры для хранения личных вещей заключенных. Для заключенных рекордистов и отличников производства во всех лагерях и колониях выделены специальные бараки из расчета 3 кв. метров жилой площади на человека, оборудованные койками с комплектом постельных принадлежностей. Для всех заключенных установлено три выходных дня ежемесячно и ежедневно восьмичасовой непрерывный отдых для сна. В большинстве лагерей и колоний созданы удовлетворительные жилищно-бытовые условия содержания заключенных. В данное время в соответствии с приказом Народного Комиссара Внутренних дел Союза ССР товарища Берия № 00640 — 44 года в лагерях и колониях проводится работа по дальнейшему улучшению жилищно-бытовых условий содержания заключенных, своевременной подготовке к зиме 1944/45 года и строительству недостающего жилого фонда.

Военная обстановка потребовала от ГУЛАГа принять на себя функции непосредственной реализации и транспортировки в лагери и колонии продовольственных и промышленных товаров. Для указанных целей в начале 1942 года в составе ГУЛАГа было организовано Управление Снабжения и периферийные конторы по реализации фондов. Это мероприятие в значительной мере улучшило работу по реализации выделяемых Правительством продовольственных и промышленных фондов. Общее количество реализованных продовольственных товаров за отчетный период составляет более 1 700 000 тонн, в том числе свыше 1 млн. тонн хлебопродуктов, около 600 тыс. тонн зернофуража, 66 тыс. тонн мяса, 130 тыс. тонн рыбы, 31 тыс. тонн жиров. За два с половиной года существования контор ГУЛАГа ими реализовано и отправлено в лагери и колонии продовольственных и промышленных товаров на — 1 136 000 000 руб. Одновременно с обеспечением заключенных продовольствием за счет централизованных фондов в лагерях и колониях проведена большая работа по созданию и расширению подсобного хозяйства. Так, посевная площадь подсобных хозяйств (без специализированных сельхозлагерей) в 1944 году доведена до 90 000 гектаров, против 16 000 га в 1941 году. Выход продукции этих хозяйств в 1944 году составляет по зерновым 35 000 тонн, против 3 тыс. тонн в 1941 году и соответственно по картофелю 102 000 т против 50 тыс. тонн, по овощам 76 000 т против 26 тыс. тонн. Поголовье крупного скота увеличилось почти в три раза с 15 тыс. в 1941 году до 40 000 голов в 1944 году. Подсобные хозяйства и специализированные сельхоз-лагери дали возможность создать собственную продовольственную и кормовую базу и

увеличить ресурсы продовольствия, явившиеся основным источником проведения мероприятий по улучшению физического состояния заключенных. Кроме того, в лагерях и колониях организован массовый сбор ягод, грибов и других дикорастущих (в 1942 году — 3800 т и в 1943 году — 4000 т), способствовавших повышению витаминовности питания заключённых. Установленные в 1942 году средне-расчетные нормы питания в течение 1943 и 1944 годов повышены за счёт централизованного получения дополнительных пайков и использования продукции собственного сельского хозяйства. Также повышены на 33 % нормы питания для заключенных, содержащихся в северных отдаленных лагерях (Норильский, строительство № 500, Воркутинский, Интинский, Северо-Печорский). Сверх этого увеличены нормы питания на 25 % заключенным, занятым на выработке боеприпасов, производстве спецукупорки, на работах в нефтяных и угольных шахтах.

ГУЛАГ в централизованном порядке ежеквартально получает 300 тысяч пайков для ослабленных заключенных и 250 тысяч вторых горячих блюд для выполняющих и перевыполняющих производственные нормы. За счет продукции подсобных хозяйств ГУЛАГ ежеквартально выделяет на улучшение питания заключенных 1300 тонн мяса-рыбы, 2500 тонн молока и 150 тонн крупы. Указанные мероприятия дали возможность увеличить среднерасчетную норму питания по хлебу на 12 %, крупе 24 %, мясу-рыбе — 40 %, жирам — 48 % и овощам — 22 %. Однако существующая норма питания заключенных со всеми дополнительными пайками по калорийности на 30 % ниже довоенной.

Потребность лагерей и колоний в вещевом довольствии для заключенных покрывалась централизованными фондами недостаточно, в частности, по хлопчато-бумажным тканям не более 40 %, по обуви 35 %. В целях улучшения снабжения лагерей и колоний вещевым довольствием ГУЛАГом было получено со складов НКО выбракованного зимнего и летнего обмундирования — 1 000 000 комплектов, обуви — 250 000 пар, ватных шаровар и телогреек — 130 000 комплектов и прочих предметов одежды свыше 2 000 000 единиц. За счет переработки пришедшей в негодность одежды и обуви в лагерях и колониях пошито 320 000 пар белья, 590 000 пар зимнего обмундирования и 1 400 000 пар разной обуви. Кроме этого, промышленными колониями ГУЛАГа изготовлено разной обуви 2 500 000 пар, валенок 540 000 пар, трикотажного белья 2 000 000 пар, полушубков — 70 000, одеял 500 000 штук. В результате проведенных мероприятий, обеспеченность вещдовольствием несколько повысилась. Вместе с тем необходимо отметить, что общая потребность лагерей и колоний в вещевом довольствии удовлетворена только в размерах 70–80 %.

В связи с неполучением от промышленности необходимых для лагерей и колоний предметов хозобихода ГУЛАГом было организовано их изготовление на базе местного сырья и отходов. За 1942–1943 гг. изготовлено мисок 800 000 штук, кружек 150 000, ложек 3 000 000, бачков 70 000, мыла 400 тонн.

Необходимость восстановления физического состояния заключенных потребовала проведения специальных медико-санитарных мероприятий. В первом полугодии 1941 года заболеваемость заключенных составляла в лагерях и колониях всего 6,7 %. За два года войны заболеваемость возросла до 22 %. Со второй половины 1943 года в результате улучшения жилищно-бытовых условий, своевременной госпитализации, повышения качества амбулаторного и стационарного лечения заболеваемость среди заключенных снизилась, составив во второй половине 1943 года 18 % и в 1944 году — 16 %. В снижении заболеваемости значительную роль также сыграли оздоровительные и профилактические мероприятия и развертывание дополнительной санитарно-лечебной сети. На 1 января 1943 года санитарно-лечебная сеть лагерей и колоний была доведена до 1480 больниц на 165 000 коек, против 845 больниц на 40 000 коек в 1941 году. В 1942 году были созданы специальные оздоровительно-профилактические пункты, которые по условиям режима и питания обеспечивали заключенным необходимый отдых и восстановление временно утраченной трудоспособности на производстве. В последующем в целях охвата оздоровительными мероприятиями основного состава работающих, и в первую очередь отличников производства, существовавшие оздоровительно-профилактические пункты реорганизованы в оздоровительные пункты для лучших производственников и в оздоровительные команды для ослабленных заключённых. Эти профилактические учреждения возвратили на производство значительное число заключенных. **В 1943/44** году через оздоровительные пункты прошло 135 000 заключенных, из которых выписано пригодными для использования на тяжелых физических работах 21 %, на работах средней тяжести 27 % и годными к легкому труду 27 %. Из оздоровительных команд на работы тяжелого и среднего физического труда выписано 35 000 человек. Исключительную роль имел приказ Народного Комиссара товарища Л. П. Берия за № 0033–1943 года, выполнение которого обеспечило коренной перелом в деле сохранения физического состояния заключенных. В данное время физическое состояние заключенных характеризуется следующим: группа тяжелого среднего труда повысилась на 6,3 % по сравнению с 1942 годом; выходы на производство увеличились на 10 %; среднемесячная смертность, составлявшая в 1942 году 2,1 %, в первом полугодии 1944 года снижена до 0,8 %. Серьезная работа проведена по

пресечению инфекционных заболеваний. Так, вспышка сыпного тифа, давшая в лагерях и колониях за первое полугодие 1943 года 2787 случаев, во второй половине того же года была снижена до 136 случаев. Также снижена заболеваемость дизентерией: 606 случаев за первое полугодие 1944 года против 2945 случаев в первом полугодии 1942 года. Имевшая место в 1942 году вспышка холеры (217 случаев) принятыми мерами была быстро и полностью локализована. На проведение лечебно-профилактических мероприятий среди заключенных ГУЛАГом были обращены значительные ресурсы медико-санитарного снабжения на общую сумму 47 млн. рублей. Одних только витаминных препаратов в лагери и колонии было направлено 625 000 000 человеко-доз.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОБИЛИЗОВАННЫХ КОНТИНГЕНТОВ

В соответствии с постановлениями Государственного Комитета Обороны о привлечении для работы в промышленность граждан СССР национальностей воюющих с Советским Союзом стран (немцы, финны, румыны) ГУЛАГом в течение 1942–1944 гг. проведено несколько мобилизаций этих контингентов и направление их на важнейшие строительства НКВД и предприятия других наркоматов. Всего мобилизовано за этот период свыше 400 000 человек, из которых 220 000 направлено для трудового использования в системе НКВД и 180 000 — на объекты других наркоматов. Мобилизованные контингенты используются в промышленности главным образом на добыче угля и нефти, на производстве вооружения, боеприпасов, черных и цветных металлов, а также на важнейших строительствах НКВД. В связи с тем, что мобилизованные являлись новыми для ГУЛАГа контингентами, были разработаны и изданы основные положения, предусматривающие вопросы правового порядка организации и трудового использования. Выходы мобилизованных контингентов на основные производственные работы на строительствах НКВД составили 84 %. Вместе с тем ГУЛАГ осуществляет контроль и наблюдение за использованием мобилизованных, занятых в промышленности других наркоматов, принимая необходимые меры к созданию надлежащих условий содержания мобилизованных и их трудового использования.

ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ ПРИГОВОРОВ НА ОСУЖДЕННЫХ К ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫМ РАБОТАМ (БЕЗ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ)

Одним из серьёзных участков работы ГУЛАГа является обеспечение исполнения судебных приговоров на осужденных к исправительно-трудовым работам без лишения свободы и удержаний из их заработка отчислений в доход государства. За последние три года отмечается уменьшение численности этих контингентов, составлявших к началу войны 1 264 000 человек и снизившихся в настоящее время до 700 000 осужденных в основном за прогулы. Число осужденных, привлеченных к отбытию наказания в порядке исправительно-трудовых работ, за отчетный период составило в среднем 97 %. За годы войны взыскано с осужденных к исправительно-трудовым работам в доход государства — 970 миллионов рублей.

КУЛЬТУРНО-ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА СРЕДИ ЗАКЛЮЧЁННЫХ

Проводимая в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД культурно-воспитательная работа среди заключенных была направлена на укрепление трудовой дисциплины и повышение производительности труда. Трудовым соревнованием в данное время охвачено 95 % работающих заключенных. Число отказчиков от работы по сравнению с 1940 годом сократилось в пять раз и составляет 0,25 % к общему числу работающих. Во многих лагерных подразделениях и колониях совершенно ликвидированы отказы от работы и весь состав заключенных выполняет производственные нормы. На местах с учетом особенностей военного времени широко применяются рекомендованные ГУЛАГом новые формы трудового соревнования — введение стахановских и фронтовых вахт, трудовых салютов, лицевых счетов по выпуску сверхплановой продукции в фонд Главного Командования, а также проведение производственных конференций и слетов отличников производства. Для заключенных, помимо политбесед и регулярных читок газет, систематически организовываются доклады и лекции. В 1941 году проведено докладов и лекций — 10 420; в 1942 году — 27 275; в 1943 году — 32 480. Для участия в этой работе привлечено, помимо культурно-воспитательных работников, свыше 6 тысяч сотрудников лагерей и колоний. Политическая и воспитательная работа

способствовала развитию чувства патриотизма среди заключенных, нашедшего свое выражение в массовой подаче заключенными заявлений об отправке на фронт, сдаче личных ценных вещей, денег и облигаций госзаймов в фонд обороны страны, приобретении за наличный расчёт облигаций государственных военных займов. В фонд обороны страны от заключенных поступило: в 1941 году свыше 250 тысяч рублей, в 1942 году свыше 2-х миллионов рублей, в 1943–44 гг. — 25 миллионов рублей. Культурно-массовое обслуживание заключенных проводится в клубах и культуголках, которых имеется в лагерях и колониях свыше 1500. К активной общественной работе привлечено 77 000 заключенных. Из состава заключенных организовано 2600 кружков художественной самодеятельности (драматические, музыкальные, хоровые и другие), силами которых за три года поставлено более 100 тыс. спектаклей, концертов и вечеров художественной самодеятельности. За этот же период времени проведено свыше 110 тыс. киносеансов. Для заключенных в лагерях и колониях имеется 950 стационарных и передвижных библиотек с книжным фондом в 400 тыс. экземпляров.

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУЛАГа НКВД СССР

Отечественная война коренным образом изменила существо и содержание производственно-хозяйственной деятельности ГУЛАГа НКВД СССР. Если в мирное время основной продукцией промышленных колоний ГУЛАГа являлись предметы ширпотреба, то с первых же дней войны ГУЛАГ организовал на своих предприятиях выполнение заказов для нужд фронта, перестроив производство всех промышленных колоний на выпуск боеприпасов, спецукупорки, обмундирования для Красной Армии и другой военной продукции.

ПРОИЗВОДСТВО БОЕПРИПАСОВ

За три года войны общий выпуск всех видов боеприпасов предприятиями ГУЛАГа НКВД составил 70 700 000 единиц, или 104 % плана. В том числе: мин М-82 и М-120–25,5 млн. штук, ручных гранат и запалов — 35,8 млн. штук, противопехотных мин — 9,2 млн. штук,

авиабомб — 100 тыс. штук. В неизменных ценах весь выпуск боеприпасов определяется в 1 250 000 000 рублей. НКВД СССР занимает второе место в Союзе по выпуску 82-мм и 120-мм осколочно-фугасных мин. Производство боеприпасов ГУЛАГ начал на базе мелких, полукустарного типа, промышленных исправительно-трудовых колоний, выпускавших кровати, скобяные изделия, ложки и прочие предметы ширпотреба. В период 1941–1942 гг. на выпуск боеприпасов было переключено 35 промышленных колоний. К производству были приняты: осколочно-фугасные мины «М-50» и ручные гранаты «РГД-33». Несмотря на ограниченность станкооборудования, отсутствие инструментальной базы, низкую культуру производства и недостаток инженерно-технических кадров, менее, чем за полтора месяца 15 промышленных колоний ГУЛАГа освоили массовое производство «М-50» и «РГД-33» и обеспечили выполнение задания Правительства по выпуску боеприпасов в 1941 году на 138 %, изготовив 770 000 штук мин и гранат. С начала 1942 года предприятия ГУЛАГа начали осваивать новые виды боеприпасов. В течение первого полугодия 1942 года было освоено 17 разных видов боеприпасов и элементов к ним (М-82, М-120, РГ-42, ХАБ-500 и др.), выпуск которых составил за этот период более 4 500 000 единиц. Расширение выпуска боеприпасов потребовало организационной перестройки в руководстве производством оборонной продукции в системе НКВД. Приказом Народного Комиссара Внутренних дел Союза ССР товарища Берия Л. П. от 18 февраля 1942 года в ГУЛАГе был создан специальный Отдел Военной Продукции, на который было возложено организационное и оперативно-техническое руководство всеми предприятиями НКВД СССР, вырабатывающими боеприпасы и спецукупорку. В июне месяце 1942 года, в связи с возросшей потребностью фронта в 82-мм осколочных минах, перед ГУЛАГом была поставлена задача развернуть производство этих мин с доведением месячного выпуска до 1 000 000 штук, т. е. увеличить в 33 раза. В осуществление этой задачи в течение одного месяца было перестроено производство 13-ти предприятий, изготовлявших 50-мм мины и 7 предприятий было привлечено к изготовлению М-82 вновь. Парк станочного технологического оборудования был доведен до 2200 единиц или увеличен против 1941 года в пять раз. Пополнение недостающего парка оборудования производилось в основном за счёт мобилизации внутренних ресурсов НКВД, вывоза некоторого количества станков с предприятий города Ленинграда и использования эвакуированного бесхозного оборудования, что увеличило станочный парк на 1600 единиц. По фондам, выделенным Правительством, было получено 150 универсальных и специальных операционных станков. Для обеспечения предприятий собственной литейной базой, построено: 10 литейных цехов,

17 вагранок, 38 отжигательных печей. На всех предприятиях были организованы инструментальные цеха для изготовления необходимых приспособлений, гладких калибров и частично специального режущего инструмента. Проведение указанных мероприятий, а также своевременное обеспечение предприятий материалами и инструментами, создало условия для массового выпуска М-82. Начиная с ноября 1942 года ежемесячный выпуск составлял более одного миллиона 82-мм мин. Общий выпуск боеприпасов за 1942 год составил 15 500 000 единиц, или в 20 раз больше, чем в 1941 году. Наряду с дальнейшим развертыванием уже освоенных видов боеприпасов в июле 1943 года перед ГУЛАГом была поставлена новая задача расширить производство 120-мм осколочно-фугасных мин с ежемесячным выпуском 250 000 штук. Значительное увеличение плана производства 120 мм мин потребовало вновь коренной перестройки действующих промколоний ГУЛАГа. В процессе освоения производства 120-мм мин пред приятиям ГУЛАГа пришлось преодолеть наибольшие трудности в технологии литья корпусов. Количество предприятий, занятых изготовлением 120-мм мин, было увеличено вдвое (с 4-х до 8-ми), а существующие значительно расширены. В обеспечение задания по увеличению выпуска М-120 ГУЛАГом изыскано и установлено дополнительно более 600 металлообрабатывающих станков, реконструировано 4 литейных цеха, построено 7 вагранок и 10 отжигательных печей. Предприятия были оснащены необходимым мерительным и режущим инструментом, технологической оснасткой и калибровым хозяйством. В течение одного месяца все предприятия освоили производство М-120 и приступили к их массовому выпуску, изготовив во втором полугодии 1943 года 1 000 000 штук мин или в 4 раза больше первого полугодия. В том же 1943 году ГУЛАГом была проведена работа по расширению производства унифицированных запалов «УЗРГ» для ручных гранат и освоению крупного калибра фугасных авиабомб «ФАБ-500». Несмотря на жёсткие сроки, предоставленные для освоения этой продукции, задание Государственного Комитета Обороны было выполнено. В 1943 году запалов «УЗРГ» изготовлено 11 000 000 штук и «ФАБ-500» — 2700 штук. Общий выпуск боеприпасов за 1943 год составил: 21 700 000 единиц или 140 % к 1942 году, в том числе: 82-мм и 120-мм мин 12 500 000 штук. В 1944 году количество выпускаемых боеприпасов в квартал исчисляется в 10 000 000 единиц. Непрерывный рост выпуска боеприпасов достигнут за счет систематической работы по организации производства, рационализации и усовершенствования технологии. Все предприятия работают по поточному методу производства, а на отдельных из них организован конвейерный выпуск продукции (промколонии гг. Пензы,

Известковой, Омска, Ховрино и других). Организация потока в производстве и ликвидация «штурмовщины» обеспечили снижение себестоимости и поднятие производительности труда. Себестоимость по минам 82 мм и 120 мм за 1943 год по сравнению с 1942 годом снижена по отдельным предприятиям от 20 до 50 %, а в 1944 году по сравнению с 1943 годом от 15 % до 25 %. Затраты времени (средние) на единицу изделия снижены: в 1943 году по отношению к 1942 году по М-82 и М-120 — до 35 % и в 1944 году по отношению к 1943 году до 27 %.

ПРОИЗВОДСТВО СПЕЦУКУПОРКИ

За три года войны предприятия НКВД изготовили и поставили 20 700 000 комплектов спецукупорки, выполнив задание Государственного Комитета Обороны на 107 %. В настоящее время НКВД СССР занимает второе место в Союзе по производству спецукупорки для боеприпасов. До начала Отечественной войны деревообрабатывающие предприятия ГУЛАГа были заняты в основном производством мебели, изделий ширпотреба и частично изготовлением пороховой спецукупорки. С первых дней войны на производство спецукупорки было переключено 58 промышленных деревообрабатывающих колоний ГУЛАГа. Развернув в течение июня-июля месяцев 1941 года производство спецукупорки, предприятия ГУЛАГа изготовили в течение второго полугодия — 2 376 000 комплектов.

Дальнейшее расширение выпуска спецукупорки потребовало увеличения мощностей, устранения отдельных «узких мест» и привлечения новых предприятий. За 1942 год было дополнительно построено 60 сушильных камер. Вновь организовано производство спецукупорки на 14 предприятиях. В 1941 году основным видом спецукупорки, изготавливаемой предприятиями НКВД, являлась упрощенная пороховая и патронная укупорка. Начиная с 1942 года заводы, изготовляющие боеприпасы, потребовали более сложную спецукупорку, предназначаемую для упаковки различных калибров снарядов, мин и авиабомб. В связи с этим проведена полная реорганизация деревообрабатывающих предприятий с перестановкой всего оборудования по новому технологическому процессу и изготовлением необходимых приспособлений и инструмента. Выпуск спецукупорки в 1942 году увеличен в 2,3 раза против 1941 года и составил 6 400 000 комплектов. В 1943 году достигнут дальнейший рост выпуска спецукупорки — изготовлено 7 800 000 комплектов. Следует отметить, что производство спецукупорки обеспечивается пиломатериалами за счет

собственных лесозаготовок. Спецукупорка, вырабатываемая предприятиями НКВД, поставляется в основном 52-м заводам оборонных наркоматов (НКБ, НКВ, НКМВ[23]), а также полностью обеспечивает потребность собственных предприятий, изготавливающих боеприпасы.

ПРОИЗВОДСТВО СРЕДСТВ СВЯЗИ, СНАРЯЖЕНИЯ, ОБМУНДИРОВАНИЯ И ДРУГИХ ИЗДЕЛИЙ ДЛЯ КРАСНОЙ АРМИИ

Наряду с выпуском боеприпасов и спецукупорки предприятия ГУЛАГа освоили впервые в Союзе (Бакинская промколония) производство комбинированных источников питания — аппаратов «КИП» для раций войск связи Красной Армии. За истекший период изготовлено и поставлено — 1400 аппаратов «КИП». Для войск связи Красной Армии изготовлено и поставлено: 500 000 катушек для полевого телефонного кабеля и 30 000 лодок-волокуш. Кроме того, предприятия ГУЛАГа изготовили и поставили: 2250 т снарядных поясков, 70 000 штук минометных лотков, 24 000 штук минометных вьюков, 1 700 000 штук масок для противогазов. В соответствии с постановлением ГКО начиная со второго полугодия 1942 года ГУЛАГ организовал на 20-ти предприятиях пошив обмундирования для Красной Армии. За период 1942–1944 гг. переработано 67 000 000 метров тканей, из которых пошито 22 000 000 единиц обмундирования. Рационализация раскроя тканей дала экономию в 850 000 метров, которые переработаны на готовые изделия и поставлены дополнительно армии. В целях обеспечения бесперебойной работы швейных предприятий в условиях острого дефицита игл, запасных частей и швейной фурнитуры, было организовано изготовление указанных предметов на своих предприятиях в размерах, обеспечивающих до 75 % потребности. До войны ГУЛАГ являлся основным и почти единственным в Союзе поставщиком кожтехнических изделий для оборонной промышленности и ГАУ Красной Армии[24].

Во второй половине 1941 года в связи с частичной эвакуацией производства (Сокольническая ИТК № 1 — Москва) выпуск кожтехизделий сократился до 2,4 млн. рублей. Перебазировав производство и создав дублер (Кунгурская ИТК № 5), с начала 1942 года производство кожтехизделий вновь было восстановлено и значительно расширено. В 1942 году было выпущено изделий на 48,6 млн. рублей и в 1943 году — на 51 млн. рублей. Рост потребностей в кожтехнических деталях при недостатке остродефицитной высококачественной кожи вызвал необходимость

изыскания заменителей. В 1942 году удалось создать полноценные полихлорвиниловые заменители, обладающие всеми качествами кожи для уплотнителей. На протяжении 1943 года уплотнители из полихлорвинила внедрены на 135 предприятиях 20-ти промышленных наркоматов. Внедрение изделий из полихлорвинила высвободило за один год 50 тонн высокосортной технической кожи и дало экономию в сумме 750 000 рублей. За успешное выполнение заданий Правительства по производству боеприпасов, спецукупорки и другой оборонной продукции, работники лагерей, колоний и центрального аппарата ГУЛАГа дважды награждались орденами и медалями Советского Союза: в ноябре 1942 года награждено 172 человека, в мае 1944 года — 63 человека. Специальными решениями Государственного Комитета Обороны за перевыполнение планов производства боеприпасов и спецукупорки, ГУЛАГу НКВД были выделены денежные премии на общую сумму 1 400 000 рублей.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ГУЛАГ НКВД имеет в настоящее время 414 сельскохозяйственных подразделений, в том числе: 3 сельхозлагеря (Карагандинский, Сибирский, Среднебельский), 96 сельскохозяйственных колоний и 315 подсобных хозяйств. Общая площадь пахотной земли сельскохозяйственных подразделений ГУЛАГа составляет 441 000 гектаров. За годы войны посевная площадь увеличена в полтора раза и в 1944 году доведена до 380 000 га против 250 000 в 1941 году. В том числе посевы картофеля и овощей расширены более чем в два раза. Росту посевных площадей способствовало создание в период войны собственной семенной базы. Семена зерновых культур и картофеля полностью выращиваются в своих хозяйствах. По плану текущего года должно быть собрано 211 тысяч тонн зерна против 140 тысяч фактически полученных в 1941 году; овощей и картофеля — соответственно 437 тысяч тонн против 203 тысяч тонн; сена 317 тысяч тонн вместо 225 тысяч тонн в 1941 году. Для повышения урожайности в хозяйствах проводятся агротехнические мероприятия. Площадь зяблевой вспашки со 100 тысяч га в 1941 году доведена в 1943 году до 130 тысяч га. Удобряемая площадь к весеннему севу текущего года увеличена до 350 тысяч га против 210 тысяч га в 1941 году. Значительная работа по расширению площади поливных земель проведена в Карагандинском лагере: полное и лиманное орошение возросло втрое (с 5600 га в 1941 году до 17 400 га в 1943 году), так же удвоена площадь

орошения сенокосов. Увеличение валового сбора сельхозпродукции дало возможность ГУЛАГу обеспечить потребность исправительно-трудовых лагерей и колоний овощами на 100 % и картофелем — на 80 %. Большое значение в снабжении исправительно-трудовых лагерей овощами приобретают построенные в течение последних 2-х лет 16 сушильных предприятий с годовой мощностью в 2000 тонн сухатов. Хозяйства ГУЛАГа за годы войны увеличили воспроизводство животных, численность которых неуклонно повышалась, что видно из следующих данных (в тыс. голов):

\	**1941**	**1943**	**1944 (ожид.)**
Крупный рогатый скот	55,6	76,2	80,5
в том числе коров	15,0	23,2	23,8
Свиньи	63,2	76,6	78,3
Овцы	221,2	235,4	272,8
Лошади	26,5	29,7	32,1

За счёт улучшения ухода за животными и снижения отходов увеличен приплод молодняка в 1944 году по сравнению с 1941 годом по телятам на 36 %, поросятам на 53 %. За отчетные три года сдано к забою животных живым весом 42 000 тонн, получено молока 112 000 тонн и выработано животного масла 2600 тонн. Потребность лагерей и колоний в мясе за этот период на 35 % была удовлетворена за счет продукции собственных хозяйств. Значительным подспорьем в продовольственном балансе является продукция рыболовецких лагерей и колоний. В ГУЛАГе имеется специализированный рыболовецкий лагерь (Астраханский), 8 рыболовецких колоний и 45 подсобных рыбных хозяйств. За 1941–1944 годы выловлено 420 000 центнеров рыбы, или 25 % от всей потребности исправительно-трудовых лагерей и колоний.

ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Потребность ГУЛАГа в древесине для выполнения заданий Правительства по спецукупорке, а также для удовлетворения производственно-хозяйственных и строительных нужд обеспечивалась в годы войны собственными лесозаготовками. Лесозаготовки характеризуются большой разбросанностью (организованы в 43 краях-областях Союза) и ведутся в лесах Наркомлеса, Главлесоохраны и лесах

местного значения. В связи с прекращением лесозаготовок во временно оккупированных районах была развернута заготовка древесины в восточных районах в объеме своей потребности. При этом вновь организуемые лесозаготовки были приближены к колониям, изготавливающим спецукупорку, что в значительной мере сократило перевозки древесины по железным дорогам. Для обеспечения бесперебойной работы лесозаготовительных колоний до 70 % автотракторного парка переведено на твердое топливо. В ряде областей (Новосибирская, Горьковская, Свердловская и др.) организовано производство заменителей смазочных за счет сухой перегонки древесины. Ремонт и восстановление автопарка производились в основном за счет мобилизации внутренних ресурсов хозяйств и изготовления запчастей силами своих предприятий. Лесозаготовительные колонии ГУЛАГа, не выполнявшие в течение пяти предвоенных лет плана лесозаготовок, за годы войны добились выполнения плана на 107 %. Заготовлено и вывезено 7 000 000 кбм. древесины, в том числе 3 000 000 кбм. деловой. Помимо обеспечения собственной древесины производства спецукупорки, боеприпасов, клепки для затаривания сельхозпродукции и лагерного строительства, по решениям ГКО и Правительства, ГУЛАГом поставлено более 600 тыс. кбм. древесины на восстановление Днепровских и Керченских мостов и оборонных заводов.

КАЧЕСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Наряду с выполнением производственной программы по объемным показателям ГУЛАГ систематически проводил работу по повышению качественных показателей своих предприятий. В этих целях проведен ряд мероприятий по улучшению технологического процесса, внедрению поточности производства, правильной расстановке заключенных на работах. В результате себестоимость товарной продукции за годы войны снизилась. Сумма экономии только по сравнимой продукции составила 117 000 000 рублей. Дополнительно получено сверхплановой экономии по всей товарной продукции 97 000 000 рублей. Себестоимость основных видов оборонной продукции снизилась: по минам 50 мм с 10 руб. 97 коп. до 6 руб. 55 коп., по минам 82 мм с 20 руб. 84 коп. до 10 руб. 21 коп., по запалам УЗРГ с 2 руб. 09 коп. до 1 руб. 03 коп. Производительность труда в 1943 году по сравнению с 1941 годом поднялась на 80 %, а в 1944 году рост производительности труда превысит довоенный уровень почти в два раза. Выработка на одного рабочего за годы войны возросла с 5600 рублей в 1940

году до 10 500 рублей в 1944 году. Качество боеприпасов, спецукупорки и прочей оборонной продукции, выпускаемой предприятиями ГУЛАГа, оценивается положительно. Существенных рекламаций и претензий за истекшие три года предъявлено не было.

ФИНАНСОВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Хозяйственные подразделения ГУЛАГа осуществляют свою производственную деятельность и содержание заключенных на основе полной самоокупаемости. Объем товарной продукции, выпущенной промышленными предприятиями ГУЛАГа за три года войны, в отпускных ценах выразился в 3 651 000 000 рублей, сельскохозяйственной продукции 1 188 000 000 рублей, поступления за выделяемую рабочую силу другим наркоматам — 2 570 000 000 рублей и взыскано с осужденных к исправительно-трудовым работам — 970 000 000 рублей, а всего с прочими поступлениями — 10 668 000 000 рублей. Ежегодные перечисления в доход государства возрастали и достигли в 1943 году 1 029 000 000 рублей, против 446 000 000 руб. в 1940 году, т. е. увеличились в 2,2 раза. Всего за годы войны перечислено в бюджет 2 650 000 000 рублей, в том числе сверх плана 300 000 000 рублей.

МЕРОПРИЯТИЯ ГУЛАГа ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ РАЙОНАМ, ОСВОБОЖДЕННЫМ ОТ ОККУПАЦИИ

В течение 1943–44 гг. ГУЛАГом НКВД оказана практическая помощь в деле восстановления промышленности и сельского хозяйства исправительно-трудовых колоний на территории, освобожденной от немецкой оккупации. Во всех освобожденных республиках, краях и областях вновь организованы управления (отделы) исправительно-трудовых колоний. Для укомплектования этих аппаратов и восстанавливаемых колоний командировано ГУЛАГом на постоянную работу 3500 работников лагерного и производственного сектора и 6800 бойцов и командиров военизированной охраны.

На капитальные работы связанные с восстановлением хозяйства в указанных районах израсходовано в 1943 году 5,2 млн. рублей. На 1944 год для этой же цели выделено 12 млн. рублей. За истекший период 1943–

1944 гг. направлено в освобожденные районы разного оборудования — 356 единиц, тракторов — 180, автомашин — 170, комбайнов — 30, плугов разных — 235, сеялок — 62 и другой сельхозинвентарь. Помимо этого завезено: крупного рогатого скота — 1956 голов, лошадей — 545, свиней — 710, овец — 1070 и подготовлено к отправке: крупного рогатого скота — 3200 голов, лошадей — 200, свиней — 1500, овец — 400. Осуществление указанных мероприятий создало минимальные условия для восстановления 44-х промышленных колоний из числа 56 имевшихся до войны и всех 40 сельскохозяйственных колоний. Частично восстановленные промышленные колонии за первое полугодие 1944 года выпустили продукции на сумму 87,0 млн. рублей, или 37 % довоенного уровня. Посевная площадь восстановленных сельскохозподразделений составляет 30 тысяч га, или 45 % к 1941 году. В данное время в подразделениях ГУЛАГа, находящихся на территории освобожденных районов, содержится 106 тысяч заключённых. Для питания заключённых выделено продовольствие по установленным нормам. Вещевое довольствие отгружено в следующих количествах: верхней теплой одежды — 35 тыс. комплектов, летнего обмундирования — 50 тыс. комплектов, белья — 130 тыс. комплектов, обуви — 70 тыс. пар, тканей разных — 100 тыс. метров. Для организации санитарной службы в освобожденные районы направлено 148 врачей и 156 человек среднего медицинского персонала. Развернуто 40 больниц на 2700 коек. Отгружены необходимые медикаменты, хирургический инструмент и перевязочные материалы. ГУЛАГом проводятся дальнейшие мероприятия, направленные к полному восстановлению хозяйств освобожденных районов.

НАЧАЛЬНИК ГУЛАГа НКВД СОЮЗА ССР

Комиссар государственной безопасности 3 ранга

(НАСЕДКИН) 17 августа 1944 г.

Миф № 7. Если бы не ленд-лиз, то Советский Союз не выстоял в первые полгода и, тем более, проиграл бы войну

Мифы на эту тему давно бродят по страницам трудов западных, а в последнее время и некоторых российских «историков». Их любимое утверждение состоит в том, что-де победы Красной Армии напрямую зависели от экономики США, от военно-экономических поставок Советскому Союзу по ленд-лизу. Однако все их лживые потуги ещё 20 мая 1944 года разоблачил лично президент Соединенных Штатов Америки Франклин Делано Рузвельт. Выступая в конгрессе, он заявил: **«Советский Союз пользуется вооружением со своих собственных заводов»**. Однако поскольку даже исключительно обоснованное мнение президента США далеко не указ для тех же американских историков и их прихлебателей, то обратимся к фактам. По данным председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, в течение всей войны промышленность СССР произвела **523,5** тыс. артиллерийских орудий, **142,8** тыс. самолетов всех видов[25], **110,3** тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок[26]. За это же время из США было получено: орудий — **7509**, самолётов — **14 018**[27], танков и САУ — **6903**. В сравнении с объемом советского производства эти поставки составили: по орудиям — **1,4 %,** по авиации — **9,8 %**, по танкам и САУ — **6,2 %**. Ещё сильнее выглядит сравнение по стрелковому оружию и боеприпасам. В сравнении с тем, что произвела советская промышленность, поставки по ленд-лизу составили: по автоматам — **1,7 %**, по пистолетам — **0,8 %**, по снарядам — **0,6 %**, по минам — **0,1 %**. То есть всеми необходимыми средствами ведения войны Красная Армия была обеспечена благодаря героическому труду тружеников советского тыла и исключительной эффективности советской экономики.

* * *

Если же говорить о цифрах иного порядка, то при общей стоимости ленд-лиза в **46,04** млрд дол. США на долю СССР пришлось лишь **10,8** млрд. долларов[28]. Великобритания же, которая не вела таких тяжелых и изнурительных боев на столь громадном фронте, получила от США в три

раза больше. В последний год войны поставки в СССР по ленд-лизу составляли менее **3 %** от отечественного производства.

Особое значение имеет фактор этих поставок в наиболее тяжелый первый период войны. Именно это обстоятельство чаще всего используется в мифотворчестве. Однако до конца 1941 года СССР получил всего лишь **0,1 %** от всей американской помощи, что была запланирована в соответствии с подписанными в тот период соглашениями. Так что нет ни малейшего основания говорить о некоем серьёзном значение помощи по ленд-лизу именно в этот период времени. И не случайно, что именно начальник генерального штаба американской армии генерал Дж. Маршалл прямо указал в своем докладе министру оборону и президенту страны в 1945 г.: **«В критические дни, когда Германия и Япония были так близки к мировому господству, решающую роль** в **предотвращении катастрофы сыграли не Соединенные Штаты… Русская армия… в смертельных и изматывающих сражениях развеяла легенду о непобедимости германских панцирных дивизий»**. Эти самые критические дни, о которых говорил Дж. Маршалл, и есть первые полгода войны, особенно последние его три месяца. И Красная Армия развеяла легенду о непобедимости германских танковых дивизий собственными силами, опираясь на помощь только своего тыла. А затем, опираясь в первую очередь на свой тыл, разгромила и Третий рейх. Государственный секретарь США Стеттиниус впоследствии отмечал: **«Американскому народу не следует забывать, что он находился на краю гибели в 1942 году. Если бы Советский Союз не удержал свой фронт, немцы получили бы возможность покорить Великобританию. Они были в состоянии захватить Африку, а затем создать плацдармы в Аатинской Америке. Президент Рузвельт постоянно имел в виду эту нависшую угрозу»**. Ему вторил **и** британский посол в Москве Криппс: **«Если бы не Россия, Гитлер уже сейчас был бы властелином Европы, а наши шансы добиться победы были бы равны нулю. Советская система… оказалась спасительницей того, что мы понимаем под демократией».**

В то же время нельзя не отметить, как справедливо замечает видный военный историк, генерал армии М. А. Гареев, что «в ходе поставок по ленд-лизу возникало и немало трений». Прежде всего очень слабыми по сравнению с советскими оказались американские и английские танки. Серьёзные недостатки имели боеприпасы, поставляемые к танкам; фугасные снаряды для 75-мм пушки были старого образца с взрывателями мгновенного действия. При возникновении пожара они сразу же взрывались. К тому же эти танки часто поставлялись неполностью укомплектованными, без прицелов, без монтажно-ремонтного инструмента.

Возникала острая нехватка запасных частей. В 1942 г. Сталин писал Рузвельту: «Считаю долгом предупредить, что, как утверждают наши специалисты на фронте, американские танки очень легко горят от патронов противотанковых ружей, попадающих сзади или сбоку. Происходит это из-за того, что высокосортный бензин, употребляемый американскими танками, образует в танке большой слой бензиновых паров, создающих благоприятные условия для загорания. Немецкие танки работают также на бензине, но бензин у них низкосортный, не дающий большого количества паров, ввиду чего они гораздо меньше подвержены загоранию. Наиболее подходящим мотором для танков наши специалисты считают дизель»[29]. После ряда обращений советских руководителей поставка американских легких и некоторых других танков была полностью прекращена. В последующем Советский Союз согласился получать американские танки М4-А2, которые отличались несколько лучшими качествами. Лобовая броня этих танков была увеличена на 60 мм, бронеплиты сваривались, а не клепались, в башне устанавливалась пушка с круговым обстрелом. Американца отказались также от высокооктанового бензина и перешли на дизельные двигатели.

Советский Союз был заинтересован, конечно, в получении не только готовой военной продукции, но и передовой научно-технической информации и технологии. Но власти США под предлогом опасений, что секреты попадут в «третьи страны», как правило, воспрещали получение сведений о перспективных видах оружия и военной техники.[30]

Однако как бы там ни было, но, откровенно говоря, было бы несправедливо не сказать и слова благодарности в адрес этой помощи. Поставки по ленд-лизу автомобилей[31], в частности, знаменитых с тех пор «студебекеров» и «виллисов» (**51 503** шт.), а также продовольствия — знаменитой американской тушенки, яичного порошка, комбижиров, муки, ряда других продуктов, — сыграли большую роль в обеспечении действующей армии и тыла. Ведь, например, советское сельское хозяйство пострадало от агрессии очень сильно. И поставки продовольствия были более чем кстати. Всего же по ленд-лизу было получено 5 млн. тонн продовольствия. А уж об автомобилях не говорю — с этим у нас проблема и по сию пору, а уж во время войны… Кроме того, было получено **15** млн. пар солдатских ботинок, **1,5** млн. км телефонного кабеля. Важное, но далеко не решающее значение имели и поставки по ленд-лизу боевой техники и иных материалов, что хорошо иллюстрирует ниже приводимая таблица:

Номенклатура поставок	**Произведено в СССР 1941–**	**Поставлено по ленд-лизу в 1941–1945 гг.**	**Доля импорта,**

	1945 гг.		в %
Бронетранспортеры	0	7172	100
Паровозы	92	1981	95
Грузовики	265 000	375 833	58
Авиационный бензин (тыс. тонн)	8091	2670	33
Шины (тыс. шт.)	14 561	3786	26
Истребители	60 000	13 857	18
Зенитные орудия	38 000	8218	17,7
Фронтовые бомбардировщики	18 000	3633	17
Танки и САУ	109 100	12 755	10,4

Кроме того, ввиду тяжелейших последствий «героического перехода» Краснознамённого Балтийского флота из Таллина в Кронштадт СССР вынужден был запросить у США и в итоге получил по ленд-лизу **202** торпедных катера, **140** охотников за подводными лодками, **77** тральщиков, **28** фрегатов. Наряду с этим **300** советских кораблей были оборудованы английскими гидролокаторами и американскими бомбометами для борьбы с немецкими подводными лодками, а также **1803** РЛС из Англии. Такой техники в СССР тогда не было. В целом же следует иметь в виду, что пик поставок по ленд-лизу пришелся на 1944 год.

Но как бы там ни было, однако Великая Победа Советского Союза в той страшной войне была достигнута как исторически беспрецедентными героизмом, храбростью и мужеством советских солдат и офицеров, так и столь же исторически беспрецедентным по своей эффективности трудом тружеников тыла. Вот это и есть подлинная правда!

И вот ещё что. По признанию аналитиков американской разведки в 1945 г., «Советский Союз вышел из войны в лучшем экономическом состоянии, чем любая из крупных стран Европы и Азии, за возможным исключением Англии»[32]. Это ли не лучшее доказательство того, что сталинская экономика выдержала даже такое страшное испытание, как Великое Отечественная война!?

Миф № 8. Получив колоссальную помощь по ленд-лизу, сталинский Советский Союз ответил США чёрной неблагодарностью и ничего не заплатил

Болезненно любимая тема всех антисталинистов и прочих русофобствующих историков. Как же, «неумытая Россия» тем всегда и отличалась (и отличается), по их высоколобому мнению, что вечно проявляет черную неблагодарность по отношению к Западу. Но справедливы ли подобные утверждения?! Адекватны ли они историческим реалиям?! Конечно же, нет! И не потому, что это утверждает автор этих строк, а потому что об этом свидетельствует сама История.

В соответствии с советско-американским соглашением о поставках по ленд-лизу от 11 июня 1942 г. (в действительности же поставки были начаты ещё в ноябре 1941 г.), Советский Союз поставил в Соединённые Штаты Америки **300** тыс. тонн хромовой руды, **32** тыс. тонн марганцевой руды, большое количество платины, золота, леса[33]. Так что платил Советский Союз за поставки по ленд-лизу, и платил исправно, хотя и нелегко ему было. Однако когда об этом начинаешь говорить, «демократы» от Истории начинают уводить разговор в сторону, стремясь перенести центр тяжести своих обвинений на тему незавершенности оплаты по этим поставкам, причем опять-таки начинают с попыток укора СССР и Сталина за то, что-де ничего не заплатили за ленд-лиз. Но и такая повторная попытка не срабатывает. Ведь даже американцы открыто признают, что поставки оплачивались золотом, причем сразу, а первые корабли с советским золотом ушли в США ещё в конце 1941 г. Тогда «демократы-историки» начинают обвинять СССР в мелочности и нежелании заплатить какие-то «несчастные оставшиеся», по их мнению, **700** с лишним миллионов долларов.

Во-первых, не надо делать из американцев белых и пушистых бессребреников, особенно если учесть, что они сами всегда подчеркивали, что **«ленд-лиз не был самым бескорыстным актом в истории человечества… Это был акт расчетливого эгоизма, и американцы всегда ясно представляли себе выгоды, которые они могут из него извлечь»**[34]**. Во-вторых**, даже для такой великой державы, как СССР, сумма в 700 млн. долларов с лишним — отнюдь не «несчастная», а весьма чувствительная. Тем более в первое послевоенное время, когда полстраны

лежало в руинах. **В-третьих**, неоплаченными действительно остались поставки на сумму **722** млн. долларов. Однако ещё в 1947–1948 и 1951–1952 гг., то есть ещё при Сталине, между СССР и США велись переговоры о расчётах по ленд-лизу. СССР возвратил часть полученного имущества и изъявил готовность произвести оплату оставшегося. Правда, стороны не смогли прийти к соглашению о величине компенсации, так как США значительно завысили её в сравнении с расчетами с другими странами. Кроме того, решение проблемы уперлось и разногласия по вопросу о том, чем конкретно платить. Причина заключалась в том, что Сталин хотел использовать для оплаты царское золото, которое тайно было вывезено в США как до 1917 г., так и в ходе иностранных интервенций в период Гражданской войны. А это, надо сказать, огромное количество золота. Только по тем данным, которые ныне опубликованы, речь идет о более чем 20 пароходах с золотом! США же ничтоже сумняшеся присвоили себе это золото и соглашались рассматривать его всего лишь как возможный вклад СССР в Международный валютный фонд. А это не устраивало СССР. И в итоге оплата 722 млн. долларов зависла. В 1960 г. к вопросу о завершении расчетов по ленд-лизу попытались вернуться. Однако опять ничего не вышло. Фактически по тем же причинам. В 1972 г. между СССР и США было заключено соглашение, по которому СССР обязался поэтапно погасить этот долг. Причем урегулирование ставилось советской стороной в прямую зависимость от предоставления режима наибольшего благоприятствования в торговле с США, а также экспортных кредитов и гарантий. Однако если второе и было в какой-то мере предоставлено, то вот первое — до сих пор нет. Однако уже при Горбачёве не взирая на все это, начались выплаты, которые были завершены уже при Ельцине. Насколько известно автору, на сегодня этот вопрос полностью закрыт. Так что любой миф на эту тему спокойно можно рассматривать как заведомую ложь.

Миф № 9. Зоя Космодемьянская вела войну против своего же народа, потому Сталин и присвоил ей звание Героя Советского Союза

Хотя этот миф и появился не так уж и давно, но по своей невиданной подлости и гнусности превзошел очень многие мифы о войне. Особенно же по гнусной подлости. Буквально руки чешутся, чтобы разорвать на части того, кто эту подлость выдумал. Знали бы те, кто додумался до этого, что эта скромная девушка вела себя на допросе у немцев более героически, чем многие из едва ли не по собственному желанию угодивших в плен наших генералов. На все вопросы отвечала «не знаю» — и все. А ведь тоже знала кое-что из того, что гитлеровцев тогда очень интересовало. Генералы же, не все, конечно, но все же некоторые на допросах вовсю развязывали свои языки. Знали бы те, кто сотворил этот подлый миф, что 18-летняя Зоя Анатольевна Космодемьянская открыла в войну почетный список женщин — Героев Советского Союза. Она была первой из 87 женщин, удостоенных в войну этого высочайшего звания. Указ о её посмертном награждении «Золотой Звездой» принят 16 февраля 1942 г. Кстати говоря, и её погибший на фронте брат Александр Анатольевич тоже Герой Советского Союза. Это звание ему было присвоено в 1945 г. У одной матери — двое детей — Героев Советского Союза! Впрочем, разве интеллигентской босячне есть до этого дело?! Ей все равно наплевать, лишь бы только ушаты помоев вылить на подвиги советских патриотов!

Что же до существа дела, то оно связано со следующими нюансами. Дело в том, что гужевой транспорт вермахта — знаменитые европейские породы лошадей першерон и битюки были хороши практически всем, за исключением одного, оно же главное в условиях России. При морозе от −10 — −15° по Цельсию они попросту начинали дохнуть без теплой конюшни. А поскольку именно на них лежала обязанность подвозить все необходимые пехотинцам грузы, то своей «героической смертью» в условиях наступившей русской зимы они приближали наше победоносное контрнаступление под Москвой. Впрочем, на морозе не только лошади дохли, но и сами фрицы, о чем сожалеть не приходится. Именно поэтому-то тактику выжженной земли с целью задержки немецкого наступления и стали применять во исполнение директив Сталина от 29 июня, 18 июля и 17

ноября 1941 г. Диверсионным отрядам (факельным командам) прямо предписывалось уничтожать жилые дома с находившимися там гитлеровцами, а также любые иные хозяйственные постройки, дабы «выкурить их из помещений и теплых убежищ и заставить мерзнуть под открытым небом». С этой целью несколько групп диверсантов-добровольцев были заброшены за линию фронта. За одну неделю факельные команды сожгли 53 населенных пункта. Группе под командованием П. Проворова, в которую входила и З. А. Космодемьянская, была поставлена следующая задача: «…Вы обязаны сжечь следующие населенные пункты, занятые немцами: Анашкино, Петрищево, Ильятино, Пушкино, Бугайлово, Грибцово, Усатново, Грачево, Михайловское, Коровино… После уничтожения этих пунктов задание считается выполненным. Срок выполнения задания 5–7 дней с момента перехода линии фронта». В Петрищево, где была поймана Космодемьянская, они сожгли три дома и конюшню.

Нет нужды отрицать, что после выполнения такого задания на морозе оставались не только немцы, но и местные жители. Спору нет, это жестоко. Ведь после того как через село прошла линия фронта, часть домов и так была разрушена и сожжена. Оставшиеся в живых вынуждены были ютиться в нескольких избах. А в мороз действительно страшно остаться без жилья. И потому в понимании местных жителей Космодемьянская хотела лишить их последнего крова (по воспоминаниям очевидцев, сразу же после задержания одна из местных женщин несколько раз ударила Зою веревкой, другая вылила на нее в сенях чугунок с помоями). Но русские могут выжить даже в такой ситуации, а немцы — нет. И как бы то ни было жестоко, но с военной точки зрения в тот момент это было оправданно. От выполнения в том числе и таких заданий тогда зависела судьба Москвы, а следовательно, и всей страны. К сожалению, у некоторых из местных жителей верх взяло чувство злобы… — в настоящее время более или менее точно известно, что Зою Анатольевну немцы схватили с помощью местных жителей деревни Петрищево. «Естественно», что не обошлось и без прямого предательства со стороны одного из членов её отряда. После трех дней зверских издевательств над 18-летней девушкой немцы её повесили 29 ноября 1941 г. И не все местные жители сожалели о её казни. Что поделаешь, было и такое…

Тело Зои Анатольевны Космодемьянской больше месяца висело на площади. Под Новый год пьяные гитлеровские ублюдки ещё и надругались над трупом, исколов его штыками. Лишь получив приказ об отступлении, командовавший расквартированной в Петрищево немецкой частью

подполковник Рюдерер приказал спилить виселицу, чтобы замести следы учиненной им расправы.

Когда советские войска 12 января 1942 г. вошли в Петрищево, З. А. Космодемьянская была перезахоронена со всеми почестями. А 27 января 1942 г. корреспондент Петр Лидов опубликовал в «Правде» статью «Таня» (Зоя на допросе назвалась Таней). Сталин одобрил материал, после чего и был принят Указ о присвоении З. А. Космодемьянской звания Героя Советского Союза. Затем были и другие публикации о Зое.

Несколько неточны приписанные Зое слова, которые она произнесла перед казнью: **«Смерть фашистским оккупантам! Да здравствует социалистическая Родина! Да здравствует товарищ Сталин!»** На самом же деле Зоя произнесла следующее: **«Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов. Всех не перевешаете. Вам отомстят за меня!.. Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь…»** Первый вариант был пропагандистским и вполне уместным для условий войны. В кинофильме «Освобождение» вообще прозвучали слова **«Сталин отомстит за меня!»**. Не знаю, насколько это соответствует действительности, но существует устойчивое мнение, что, узнав о мученической смерти Зои Космодемьянской, её мужественном поведении перед казнью, её последних словах, Сталин как Верховный Главнокомандующий строго приказал не брать в плен военнослужащих из той немецкой части, которые замучили З. Космодемьянскую, а расстреливать их на месте. Говорят, что к концу войны не осталось ни одного живого нацистского супостата из этой части. Если не выжили до конца войны именно по этой причине, то и слава богу! Но даже если это всего лишь легенда, то и тогда она очень поучительно-нравственная, особенно для того времени: **Сталин жестоко отомстит за каждого убитого или замученного советского гражданина! И это было серьезным устрашением для нацистских гадов!**

Жаль только, что сейчас нет Сталина, чтобы как следует и жестоко отомстить всем тем гадам, которые посмели во времена горбачёвско-яковлевской катастройки и постперестроечные времена вылить на подвиг Зои Анатольевны Космодемьянской ушаты грязи, выставив её как некую террористку, воевавшую против собственного народа!

Миф № 10. Не было никаких героев-панфиловцев — всё это выдумки услужливой сталинской пропаганды

Из Военной энциклопедии:

> «ПАНФИЛОВЦЫ, воины 316 сд (Режицкая стрелковая дивизия), мужественно сражавшиеся под командованием генерал-маойра И. В. Панфилова с немецко-фашистскими захватчиками на подступах к Москве на волоколамском направлении. В октябре — ноябре 1941 г. дивизия отражала массированные атаки пехоты и танков противника, рвавшегося к столице. Беспримерный героизм и стойкость проявили Панфиловцы у разъезда Дубосеково, что в 7 км юго-восточнее Волоколамска. 16.11.1941 произошёл жестокий бой 2-го батальона 1075 стрелкового полка 316 дивизии с 50 немецкими танками. Было подбито и сожжено 24 вражеских танка и более чем на 4 часа задержана танковая группа противника, что не позволило ей в этот день прорваться к Волоколамскому шоссе, ведущему к Москве. Наиболее массированный танковый удар пришелся по 4-й роте, которая уничтожила 14 танков. Многие воины батальона погибли, но части дивизии сумели отойти на заранее подготовленный рубеж, подтянуть силы и перегруппироваться. 27.71 942 28 воинам батальона было присвоено звание Героя Советского Союза. Этот бой вошел в историю как подвиг 28 героев-панфиловцев. В 1975 г. на его месте воздвигнут мемориальный ансамбль „Подвигу 28“».

* * *

Формально миф существует с очень давних пор. Уже 60 лет, если не того более. Началась эта история ещё в 1948 г. Дело в том, что ещё тогда, в июне 1948 г. один из тех, кого причислили к 28 героям — Е. И. Добробабин — был осуждён военным трибуналом Киевского военного округа за измену Родине на 15 лет ИТЛ, с конфискацией имущества и лишением медалей. Правда, потом, Военная коллегия Верховного суда СССР своим определением от 30 марта 1955 г. снизила ему срок наказания

до 7 лет. Суть дела в том, что в ходе того боя, Добробабин оказался засыпан землёй и очнулся уже на территории, захваченной врагом. Был пленён и помещён в лагерь военнопленных в г. Можайске. В начале 1942 г. бежал, добрался до родных мест — села Перекоп Харьковской области. И там же поступил на службу в немецкую полицию и до августа 1943 г. работал на фашистов в качестве полицейского, начальника караульной смены, заместителя и начальника кустовой полиции указанного села. Непосредственно участвовал в отправке советских людей на принудительные работы в Германию, производил аресты и задержание граждан, нарушавших оккупационный режим, изымал имущество у сельчан в пользу немецких властей. А в августе 1943 г., когда немцы стали отступать, Добробабин, испугавшись ответственности, махнул в Одесскую область, уже там, в марте 1944 г. был повторно призван в Красную Армию. Но как бы верёвочке ни виться, всё равно конец настанет. Настал он и для Добробабина — в 1948 г. Ведь по сводкам-то он числился погибшим ещё в ходе боя 16 ноября 1941 г., а на деле оказался жив, да ещё и успел послужить оккупантам.

В конце 1980-х гг. ситуацию вывернули наизнанку, к чему весьма деятельно приложили руки некоторые историки и журналисты. Ими была инициирована волна «требований ветеранов войны и труда» к Главной военной прокуратуре и Военной коллегии Верховного суда СССР осуществить реабилитацию «невинного пострадавшего от сталинизма» Добробабина. Характерно, что это заявление в ГВП было составлено со слов самого этого «ероя»[35], который, впоследствии, уже на допросе в ГВП заявил, что с этим заявлением ознакомился бегло, поэтому ряд моментов изложен неверно. В частности, Добробабин откровенно признал тот факт, что на службу в полицию пошел сознательно, прекрасно понимая, что он делает. Между тем, публикациями в «Московской Правде» от 25 октября 1988 г. и в «Правде» от 18 ноября 1988 г. Добробабина выставили чуть ли не героем, который ничем не запятнал себя перед Родиной. Вплоть до утверждений, что-де он даже помогал сельчанам, облегчал их участь в период оккупации, а следователи НКВД (кстати, не НКВД, а МГБ) оказались такими злыднями, что применяли к нему физическое насилие, из-за чего он признался в том, чего не делал.

Прокуратура всё тщательнейшим (масштаб проведенной ею работы просто поражает!) образом проверила и установила, что, мягко выражаясь, заявление и некоторые другие представленные документы «не совсем точно отражают деятельность Добробабина на временно оккупированной немцами территории». Более того. Было установлено, что мысль о «жестокости и незаконности следствия» была навязана Ивану Евстафьевичу Добробабину

ходатайствовавшими за него лицами. Хотя сам Иван Евстафьвич четко признал, что следователь Бабушкин никакого насилия к нему не применял. Хуже того. Было установлено, что практически все факты из деятельности Добробабина на службе у немцев были попросту безосновательно передернуты в его пользу. Зачем это было, сделано догадаться не трудно — в те времена многие зарабатывали себе «политический капитал» на огульной, полностью беспочвенной критике сталинизма и «зверств» НКВД.

Однако, несмотря на сильнейший нажим на ГВП и ВК ВС СССР со стороны «демократической общественности», заключение ГВП от 17 августа 1989 г. гласило, что никаких оснований для реабилитации Добробабина нет, что он был осужден законно! Более того, ГВП пришла к выводу, что Добробабин вообще не участвовал в том знаменитом бою, а попросту смылся с боевых позиций, два дня прослонялся в лесу и затем сдался немцам. И все его заявления о том, что он находился на поле боя без сознания двое суток — отпетая ложь. В ноябре 1941 г. уже были ощутимые морозы, и вряд ли бы он остался жив, пролежав двое суток на морозе. Он спасся лишь тем, что предал один раз — удрал с поля боя, второй раз — добровольно сдался в плен, и третий раз — добровольно пошел на службу в немецкую полицию. А затем все это скрывал, но в 1948 г. суровая длань справедливого сталинского правосудия его настигла.

Прокуратура даже сделала такой вывод: «Большая правда большого подвига была сфальсифицирована журналистами в „героизм взвода Добробабина“ (кстати говоря, ГВП однозначно установила, что он не был ни командиром взвода, ни помощником командира взвода. — *А.М.*)**. Массовый подвиг всей роты, всего полка, всей дивизии безответственностью не совсем добросовестных журналистов преуменьшили до масштабов мифического взвода. В результате нечистоплотный человек получил почести, которых не заслужил». ГВП жестко стоит на этой позиции до сих пор. И правильно делает. Хоть в чем-то она на страже правды.**

А что касается самого подвига панфиловцев, остановивших в 1941 г. врага на подступах к Москве, то руки коротки у всех этих деятелей «искусства демократической реабилитации» предателей и изменников. Как бы они ни пыжились, какую бы чернуху не выливали бы на страницы прессы, ни хрена у них не выйдет. Величие этого выдающегося подвига не померкло за 67 лет! И не померкнет никогда! Потому что это подвиг во славу Её Величества России!

Миф № 11. Вместо того, чтобы защищать столицу в 1941 г., органы госбезопасности в ходе Московской оборонительной операции занимались охраной только высшего руководства и минировали Москву, чтобы превратить её в руины

Такими нешуточными мифами наша «интеллигенция», не к ночи будь она помянута, забавляется по сию пору. Однако объяснять ей что-либо попросту бесполезно — не то что бы не поймет, а вовсе не пожелает хотя бы услышать нечто иное, идущие вразрез с её высоколобыми представлениями о «демократии» и «общечеловеческих ценностях». Раз речь о Лубянке, значит, все плохо. По её, «интеллигенции», высоколобому мнению, Лубянка это нечто вроде «империи зла». Ну да и бог с ней, с убогой-то… Лучше поговорим о реальном вкладе славных чекистов в оборону Москвы.

Официально органы государственной безопасности вступили в войну на основании двух совершенно секретных директив народного комиссара государственной безопасности СССР В. Н. Меркулова — от 22 и 24 июня. Вот полный текст первой из них:

«Директива НКГБ СССР о задачах органов госбезопасности в условиях начавшейся войны с Германией

22 июня 1941 г.
9 час. 10 мин. № 127/5809
Совершенно секретно

В связи с начавшимися военными действиями с Германией приказываю немедленно провести следующие мероприятия:

1) привести в мобилизационную готовность весь оперативно-чекистский аппарат НКГБ — УНКГБ;

2) провести изъятие разрабатываемого контрреволюционного и шпионского элемента;

3) мобилизовать внимание всей агентурно-осведомительной сети на вскрытие и предупреждение всех возможных вредительско-диверсионных актов в системе народного хозяйства, и в первую очередь — на предприятиях оборонной промышленности и железнодорожного транспорта;

4) при поступлении данных о готовящихся государственных преступлениях — шпионаж, террор, диверсия, восстания, бандитские выступления, призыв к забастовкам, контрреволюционный саботаж и т. д. — немедленно принимать оперативные меры к пресечению всяких попыток вражеских элементов нанести ущерб Советской власти;

5) совместно с НКВД — УНКВД обеспечить:

а) строгую охрану важнейших промышленных предприятий, железнодорожных узлов, станций, мостов, радиотелефонных, телеграфных станций, аэродромов, банков и т. д.;

6) мобилизовать внимание работников милиции на борьбу с возможными проявлениями паники;

в) привести в боевую готовность пожарные команды.

Намеченные вами мероприятия согласуйте с первыми секретарями ЦК компартий республик, крайкомов, обкомов ВКП (б) и о результатах проводимой работы телеграфируйте в НКГБ СССР немедленно.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

МЕРКУЛОВ»[36].

А вторая директива касалась органов госбезопасности прифронтовых областей:

«Директива НКГБ СССР о задачах органов госбезопасности прифронтовых областей

24 июня 1941 г.
136/6171
Совершенно секретно

Киев НКГБ — т. Мешик
Минск НКГБ — т. Цанава
Рига НКГБ — т. Шустину
Таллин НКГБ — т. Кумм
Кишинёв НКГБ — т. Сазыкину
Ленинград УНКГБ — т. Куприну
Петрозаводск НКГБ — т. Баскакову
Мурманск УНКГБ — т. Ручкину
Петропавловск-на-Камчатке УНКГБ
Александровск-на-Сахалине УНКГБ
Копия: всем НКГБ-УНКГБ

В дополнение к нашей директиве от 21 июня за № 127/5809 напоминаю ещё раз о необходимости соблюдения максимальной организованности, бдительности и напряжения всех сил в борьбе с врагами советского народа.

В условиях военного времени органы НКГБ должны ещё тверже стоять на своем посту, действуя в тесном контакте с командованием частей Красной Армии и рационально используя совместно с органами Наркомвнутдела чекистские оперативные войска.

Предлагаю:

1. Форсировать эвакуацию арестованных, в первую очередь из районов, в которых создалось напряжённое положение.

2. Архивные материалы и другие секретные документы, не являющиеся необходимыми для текущей оперативной работы, тщательно упаковать и отправить в тыловые органы НКГБ под надёжной охраной.

3. Особо охранять шифры, совершенно исключив возможность попадания их в руки противника.

4. Ни в коем случае не покидать обслуживаемой территории без специального разрешения вышестоящих органов НКГБ. Виновные в самовольной эвакуации, не вызванной крайней необходимостью, будут отданы под суд.

5. Совместно с органами НКВД организовать решительную борьбу с парашютными десантами противника, диверсионными и бандитско-повстанческими группа, организованными контрреволюционными элементами.

6. В каждом органе НКГБ создать крепкие, хорошо вооружённые оперативные группы с задачей быстро и решительно пресекать всякого рода антисоветские проявления.

7. Особое внимание обратить на вопросы связи, принимать все необходимые меры, чтобы быть в курсе происходящих событий, в частности, знать в каком состоянии находится тот или иной периферийный орган НКГБ.

8. Не ослаблять работы с агентурой, тщательно проверять полученные материалы, выявляя двурушников и предателей в составе агентурно-осведомительной сети. Агентуру проинструктировать: в случае отхода наших войск оставаться на местах, проникать в глубь расположения войск противника, вести подрывную диверсионную работу. При возможности обусловить формы и способы связи с ними.

9. Не реже двух раз в сутки информировать НКГБ СССР всеми доступными способами о положении дел на местах.

10. Решительно пресекать малейшие проявления паники и растерянности среди оперативного состава органов НКГБ, арестовывать паникеров и трусов.

Каждый сотрудник НКГБ должен проникнуться чувством огромной ответственности за дело, которое поручено ему партией и правительством Советского Союза.

Уверен, что органы НКГБ с честью выполнят свой долг перед Родиной.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

МЕРКУЛОВ»[37].

О вкладе чекистов в оборону Москвы и Московской области за последнюю четверть века написано немало. Слава богу, истекают сроки секретности, и становится возможным рассекретить многие документы, благодаря которым все больше раскрывается величественный подвиг этих скромных в обычной жизни людей. Ведь на их плечи в начале войны легла неимоверной тяжести ответственность. Здесь надо иметь в виду, что уже с 27 июня 1941 г. «в целях обеспечения общественного порядка и государственной безопасности» Москва находилась на военном положении. А в связи с приближением линии фронта к столице Постановлением

Государственного Комитета Обороны (ГКО) «Об охране Московской зоны» от 12 октября 1941 г.[38] НКВД СССР[39] предписывалось наведение «жесткого порядка» на тыловых участках фронта, прилегающих к территории Москвы с запада и юга по линии Калинин (ныне Тверь) — Ржев — Можайск — Тула — Кашира. Вся эта зона была разбита на семь секторов. Обязанности начальника охраны Московской зоны были возложены на заместителя наркома внутренних дел, комиссара госбезопасности 3-го ранга И. А. Серова[40]. При НКВД СССР был создан штаб охраны Московской зоны. Ему были подчинены войска НКВД численностью 6 тысяч бойцов, милиция, районные подразделения НКВД, истребительные батальоны, заградительные отряды. Ответственным за спецсвязь «ВЧ» был назначен заместитель наркома внутренних дел, комиссар госбезопасности 3-го ранга Б. З. Кобулов. В частности, именно под его руководством была создана исключительно надежная радио, телефонная и телеграфная связь запланированного к оставлению в Москве подполья с корреспондентами в тылу советских войск, а также в г. Свердловск (ныне Екатеринбург) и Куйбышев (ныне Самара)[41].

19 октября ГКО объявил Москву и прилегающие к ней районы на осадном положении. В то время как регулярные части Красной Армии и ополченцы мужественно сражались на подступах к столице, в самой Москве усилиями НКВД СССР велась напряжённая работа на случай вторжения противника в город. Прежде всего заблаговременно были эвакуированы в полном или усеченном составе подразделения НКВД СССР, архивы и картотеки. Одновременно осуществлялись меры по эвакуации части правительственных учреждений, важных объектов, материальных и иных ценностей, усилен контроль за соблюдением режима маскировки различных зданий и сооружений, в том числе и за маскировкой с воздуха Кремля и центра города. В обязанности чекистов входила, естественно, и охрана высших руководителей партии, правительства и военного командования, а также обеспечение безопасности важнейших политических мероприятий, в частности встреч иностранных делегаций, парада 7 ноября 1941 г., а также деятельности штабов и центров управления.

В задачи штаба Московской зоны НКВД СССР входило также наблюдение за соблюдением особого режима в городе, особенно на участках, прилегающих к важнейшим предприятиям жизнеобеспечения и оборонного значения. Ещё 21 августа нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия доложил Сталину о введении по инициативе НКВД вокруг 11 важнейших предприятий особого режима передвижения, проживания и светомаскировки. В их число вошли четыре авиазавода, ЗИС, ГПЗ, завод «Серп и молот», Электрокомбинат, в состав которого входили заводы

электромашин, автотракторного оборудования, трансформаторный и ламповый. По указанию Сталина в этот список были включены электростанции системы «Мосэнерго». С 29 августа 1941 г. на все ГЭС и ТЭЦ «Мосэнерго» были направлены офицеры госбезопасности.[42]

Под постоянный контроль органов госбезопасности перешли вопросы охраны многих объектов города, обеспечения милицией режима прописки, соблюдения всеми жителями столицы дома и на работе правил светомаскировки и комендантского часа. Одновременно были предприняты массированные усилия по выявлению судимых и лиц без документов, поиск дезертиров, сигнальщиков для вражеской авиации (к сожалению, были и такие), мародеров, выявление вражеских агентов и диверсантов, а также уголовного элемента. Подобные мероприятия осуществлялись как сугубо чекистскими средствами, так и с помощью гласных предупредительных мер, которые, несмотря на то, что они в определенной мере затрагивали некоторые гражданские права, с глубоким пониманием были встречены жителями столицы, которые, в свою очередь, оказывали сотрудникам органов госбезопасности посильную помощь.

В связи с создавшимся критическим положением на подступах к Москве, в соответствии с поставленными перед органами госбезопасности ГКО задачами, на сотрудников НКВД СССР возлагались обязанности по минированию и ликвидации ряда объектов города. Исключительная сложность этой работы состояла не только в необходимости обеспечения абсолютной конспирации, но и в необходимости её в буквальном смысле ювелирного осуществления. Были заминированы некоторые помещения в Доме правительства (впоследствии Госплана, ныне Госдума), в Большом театре, в храме Василия Блаженного, в Елоховском соборе, в особняке НКИД на Спиридоновке, в гостиницах «Метрополь» и «Националь». Минирование осуществлялось с прямым расчётом на то, что в случае возможного захвата Москвы оккупационная администрация захочет провести в этих зданиях какие-либо торжества или иные «громкие» мероприятия, разместить в них важные учреждения и т. д. Поэтому минировались не все здания поголовно, а именно те места, где возможный урон оккупантам был бы наиболее максимальным. Например, в «Метрополе» был заминирован ресторанный зал, в театре — сцены. Была заминирована даже бывшая немецкая кирха (церковь) в Старосадском переулке, где тогда размещался кинотеатр «Арктика». Расчет в данном случае строился на том, что в случае возможного захвата Москвы, оккупанты, естественно, захотят открыть немецкую церковь для богослужения.

Одновременно, на случай вторжения врага в столицу, были созданы группы сопротивления и подполья для ведения боевой, разведывательной и диверсионной работы, созданы тайные склады оружия, взрывчатки, горючих веществ (всего 59), были созданы 9 минных станций, необходимое количество явочных и конспиративных квартир, подпольные радиовещательные станции разной мощности и т. д. На нелегальное положение были переведены 243 человека, из них — 47 сотрудники органов госбезопасности[43]. Одновременно для защиты центра Москвы и Кремля на линии от Охотного ряда до Белорусского вокзала был разработан специальный план, ответственность за исполнение которого была возложена на Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения НКВД СССР, которая в тот период располагались в Доме Союзов и ГУМе на Красной площади[44]. Эти меры были обусловлены в том числе и тем, что, по данным разведки, было хорошо известно, что в авангарде наступающих частей 4-й танковой армии вермахта по маршруту Рославль — Юхнов — Медынь — Малоярославец к столице продвигались подразделения особой команды «Москва» во главе с начальником VII управления РСХА, штандартенфюрером СС Зиксом. В задачу этой команды входил захват важнейших объектов Москвы и первых лиц государства.

Параллельно органы госбезопасности осуществляли колоссальную по своим масштабам работу за линией фронта и в тылу врага, рвавшегося к Москве. Для выполнения специальных заданий в оккупированные районы Московской области были направлены 5429 чекистов и бойцов, подрывников и других, специально подготовленных для партизанских действий советских патриотов. В тылу врага сотрудники госбезопасности сумели организовать 218 явочных квартир и привлечь к сотрудничеству в борьбе с оккупантами свыше тысячи патриотически настроенных советских людей.

Вследствие блестяще организованной органами госбезопасности боевой партизанской и разведывательно-диверсионной деятельности за период Московской оборонительной операции и в ходе Московского контрнаступления противнику был нанесен существенный урон. Было уничтожено 3 военных штаба, более 7 тысяч немецких солдат и офицеров, 4 самолёта, 193 танка и бронемашины, 83 орудия разных калибров, 411 автомашин, 29 паровозов, 366 вагонов и 31 цистерна с горючим, 8 складов с боеприпасами и горючими веществами, взорвано большое количество мостов, заминированы дороги, по которым отступали немецкие войска, повсеместно нарушена кабельная связь противника[45]. Кроме того, было захвачено большое количество важных документов противника. Наряду с этим, органы госбезопасности в непрерывном режиме осуществляли

массированное информационное обеспечение военного командования сведениями о противнике.

Такова вкратце подлинная правда о вкладе славных чекистов в оборону Москвы. И вот теперь, когда вы ознакомились с ней, попробуйте ответить хотя бы самим себе на один простой вопрос: за что же нам, ныне живущим, упрекать чекистов военной поры?! Разве не очевидно, что они, так же, как и весь советский народ, самоотверженно боролись с врагом?! Разве не очевидно, что по своей линии они сделали все, чтобы не допустить врага в нашу дорогую златоглавую?!

Отдельные читатели, правда, могут посчитать, что некоторыми своими действиями чекисты могли уничтожить всю Москву?! Ну так на это ныне, к сожалению, покойный Павел Анатольевич Судоплатов, руководивший всеми этими работами, успел ответить ещё при жизни:

> «Вопрос о том, чтобы от Москвы ничего не осталось, не стоял и стоять не мог даже в то неимоверно тяжелое время. Были подготовлены к взрыву лишь определенные объекты…»[46].

А чтобы ещё ясней было бы, напомню, что уничтожить нашу столицу дотла, а на её месте устроить искусственное море планировал Гитлер. Вот так-то!

Так что, сохраняя самую элементарную объективность, не ретроспективные «булыжники» критики в адрес славных чекистов военной поры надо кидать, а коленопреклоненно почтить их память, их выдающийся вклад в оборону Москвы! Так оно будет и честней, и справедливей!

Миф № 12. С началом войны всех, кого призывали в армию, без какой-либо подготовки кидали в бой

Этот миф из разряда тех, что пытаются утверждать, что-де только трупами забрасывали врага. Однако в действительности это просто гнусная ложь «демократов» от Истории. Ни Сталин, ни Ставка Верховного Главнокомандования, ни Генеральный штаб за всю войну ни разу не поступили подобным образом. И прежде всего потому, что ни Сталин, ни Генеральный штаб, который в самый тяжёлый период войны возглавлял мудрейший ас генштабовской работы маршал Шапошников, просто не представляли себе организации обороны и наступления без соответствующим образом подготовленных резервов. Поэтому с началом войны своевременная подготовка боевых резервов для Вооруженных сил страны стала одним из главных направлений в деятельности всех уровней власти.

Уже **17 сентября 1941 г.** Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял специальное постановление **«О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», в соответствии с которым 1 октября того же года вводилось обязательное военное обучение всех граждан СССР мужского пола с 16 до 50 лет**. Обучение осуществлялось вневойсковым порядком без отрыва от работы на фабриках, заводах, в совхозах, колхозах, учреждениях. В наркомате обороны было создано Главное управление всеобщего военного обучения (всевобуч), а в военных округах, областных (краевых, республиканских) военкоматах — отделы всевобуча. Местные партийные и советские организации должны были обеспечить быстрое развертывание органов всевобуча, решить вопросы создания для них учебной, материально-технической базы, выделения соответствующих кадров. Их главная задача состояла в том, чтобы обеспечить своевременное пополнение Красной Армии новыми миллионными резервами, обученными ведению современного боя.

Особая роль в связи с этим отводилась местным советам депутатов трудящихся, которые совместно с военными комиссариатами повсеместно приступили к организации подготовки боевых резервов для фронта. Обучение строилось по территориально-производственному принципу. Военное обучение проводилось непосредственно на производстве, в оборудованных для этого **военно-учебных пунктах (ВУПах)**. Занятия

проводились по **110-часовой программе**, которая давала обучаемым военные знания и практические навыки в объеме одиночной боевой подготовки. В зависимости от количества обучавшихся на том или ином военно-учебном пункте личный состав сводился во взводы, роты, батальоны и полки. Готовились бойцы-специалисты: истребители танков, снайперы, автоматчики, пулемётчики, миномётчики и др.

Кроме того, оборонные комиссии местных советов совместно с партийными органами создавали боевые группы по изучению военного дела, специальные краткосрочные школы, где готовили командный состав для всевобуча. Привлекались значительные силы специалистов разных профилей, прежде всего командный и политический состав запаса. В одном только Краснодарском крае, к примеру, на эту работу были направлены 7 старших офицеров, **302** офицера среднего звена и **884** младших офицеров, а также **1183** рядовых. Для подразделений всевобуча большими тиражами издавались **18** различных брошюр (например, **«Овладевай штыковым боем»**, **«Ручной пулемёт»**, **«Автомат»**, **«Винтовка»** и т. д.).

К 1 октября 1941 г. в стране было создано свыше **18** тысяч ВУПов, к работе в которых из запаса было привлечено более **65** тысяч командиров и политработников. Учитывая сложную обстановку на фронте в 1941–1942 гг., в этот период контроль за деятельностью ВУПов был особенно жесткий. В указанное время проверке подверглись **93** областных, краевых и республиканских, **126** городских и **464** районных военкоматов, **2464** ВУПа, **138** ВУЗов, 38 техникумов, **1365** средних школ, **300** училищ системы трудовых резервов, а также проконтролированы **645** занятий с командным составом и **942** показательных занятия с бойцами всеобуча. В годы войны особенно отличились ВУПы Москвы, Ленинграда, Ярославля, Ульяновска, Тамбовской, Горьковской области, Удмуртии.

Необходимо отметить, что подготовка боевых резервов через систему всевобуча осуществлялась как в тыловых, так и в прифронтовых районах страны. В этих целях использовались любые возможности предприятий, учреждений, подразделений Осоавиахима, воинских частей, дислоцировавшихся во внутренних округах. Уже к 1 декабря 1941 г. план обучения военнообязанных в **10** военных округах был выполнен на **362 %**. В одной только Москве действовали **600** ВУПов, в Ленинграде — **100** и сотни в городах Урала, Сибири, Средней Азии и Закавказья.

Небезынтересно заметить, что подготовка в ВУПах в течение тяжелейшего 1942 г. была жестко привязана к стратегическим планам Ставки Верховного Главнокомандования. Дело в том, что, начиная с 11 февраля 1942 г., вся их деятельность жестко регламентировалась, в том числе и по времени. Это было обусловлено приказом наркома обороны

И. В. Сталина от указанного числа. Приказ предписывал местным советам совместно с партийными организациями оказать максимальную помощь чрезвычайным военным органам и военным комиссариатам в осуществлении отбора и комплектования подразделений всевобуча к 24 февраля, а занятия начать с 25 февраля по 9 часов в неделю без отрыва от производства. Более того. Приказ предписывал подготовить автоматчиков, минометчиков и истребителей танков к 1 мая 1942 г., расчеты станковых пулеметов — к 15 мая, снайперов — к 1 июня. Очевидно, что за этими сроками стояли конкретные планы Ставки по проведению стратегических операций. По этим срокам видно, что резервы были нужны, в том числе и для Сталинградской операции.

Уже по состоянию на 1 января 1943 г. в созданной системе ВУПов были подготовлены **3 млн. человек**. Именно они и стали неотъёмлемой частью ядра армии, в результате чего в 1943 г. был достигнут коренной перелом в войне. Кроме того, возросший уровень подготовки призывавшихся в действующую армию резервистов сыграл колоссальную роль в снижении боевых потерь армии.

Всего же за годы Великой Отечественной войны через систему ВУПов прошли 9 миллионов 862 тысячи человек, что в 1,5 раза превышало численность действующей армии вместе с резервами Ставки Верховного Главнокомандующего.

Так что о каком же направлении призывников на фронт без обучения и какой-либо подготовки может идти речь?! Ну не пора ли угомониться некоторым, с позволения сказать, «историкам-демократам» и прекратить мифотворчество на пустом месте?! Ведь архивы хранят убойные разоблачения любого из их мифов! Чего же плодить глупости на пустом месте?!

Миф № 13. Надо было сдать Москву, как это сделал Кутузов, а не устраивать мясорубку

Миф № 14. Москву спасли, забросав врага трупами советских солдат

Миф № 15. Москву спасло не мужество и героизм наших войск, а то обстоятельство, что германское командование отдало приказ на отступление

Откровенно говоря, это не миф, а жуткая подлость по отношению к величайшему подвигу нашего народа и нашей армии, спасших столицу своей Родины. Мне трудно приводить фамилии тех конкретных, с позволения сказать, «демократических историков», которые посмели в своих выступлениях и печатных трудах опуститься до такой подлости. Трудно, потому что степень негодования такова, что просто не могу себе позволить пачкать страницы этой книги упоминанием их фамилий. Что же до существа мифа, то наше дело беспристрастно рассмотреть, что и как произошло в те далекие времена, как на самом деле спасали Москву.

Сразу же отметим одно обстоятельство, которое отдельные, с позволения сказать, «демократические деятели» от Истории злоумышленно фальсифицируют. Когда они говорят о войне 1812 г. и о том, что Кутузов правильно сделал, что сдал Москву, они злоумышленно забывают добавить наиважнейшее обстоятельство — **Москва в те времена не являлась столицей Российского государства. И её сдача в судьбе государства ничего принципиально не решала. Зато для Наполеона захват Москвы, тем более после Бородинского сражения, стал началом закономерного и хорошо известного из Истории финала.**

В 1941 г. ситуация была принципиально иной. Москва являлась не просто столицей Русского государства — она являлась столицей крайне ненавистного всему Западу Союза Советских Социалистических Республик! И сдать её означало загубить весь СССР! Именно поэтому-то Москва и занимала особое место в плане войны нацистской Германии против Советского Союза. Нацисты планировали полностью уничтожить Москву вместе с её жителями, а на её месте создать искусственное море. Именно этим целям и была подчинена пресловутая операция «Тайфун». На столицу наступали войска одной из сильнейших группировок вермахта — ГА «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Ф. Бока. В её составе находились: 4-я армия (командующий генерал-фельдмаршал Г. Г. Клюге); 3-я танковая группа (командующий генерал танковых войск Г. Рейнгардт); 4-я танковая группа (командующий генерал-полковник

Гёппнер). С южного направления через Тулу к Москве должна была выйти 2-я танковая группа под командованием генерал-полковника Г. Гудериана. В эту группировку входили 5, 7, 9, 12, 20-й армейские, 40, 46, 56, 57-й моторизованные корпуса, 7, 17, 23, 34, 35, 78, 87, 98,106, 137, 183, 197, 252, 258, 260, 263, 267, 292-я пехотные, 1, 2, 5, 6, 7, 10, 11, 19, 20-я танковые, 3, 14, 36-я моторизованные дивизии, моторизованная дивизия СС «Рейх» и 286-я охранная дивизия. Из 2-й танковой группы Гудериана к Москве должны были подойти 31, 131, 167, 296-я пехотные, 3, 4, 17-я танковые, 25-я, 29-я моторизованные дивизии 43-го, 53-го армейских и 24-го моторизованного корпусов. Всего в группировке насчитывалось 22 пехотных, 12 танковых, 6 моторизованных дивизий (или более половины всех танковых и моторизованных дивизий, находившихся в то время на советско-германском фронте), из них три четверти действовали на территории Западного Подмосковья. В общей сложности к началу операции «Тайфун» указанная группировка вермахта насчитывала 1 миллион 800 тысяч человек, более 14 тысяч орудий и миномётов, 1700 танков, 1390 самолётов. Натиск этой мощи сдерживали советские войска, насчитывавшие в составе Западного, Резервного и Брянского фронтов 1 миллион 250 тысяч человек, располагавшие 7600 орудиями и минометами и 990 танками (по другим данным, 770).

К концу октября 1941 г. первый натиск немецкого наступления на советскую столицу исчерпал свою силу. Достигнув окраин Тулы, Серпухова, заняв Наро-Фоминск, Волоколамск, Калинин, германское командование вынуждено было приостановить дальнейшее наступление, чтобы пополнить передовые подразделения личным составом за счет тыловых служб и восстановить нормальное снабжение войск. К моменту вторжения противника непосредственно на территорию Московской области — 10 октября 1941 г. — нашу столицу обороняли войска Западного фронта (командующий генерал армии Г. К. Жуков) и часть сил Калининского фронта (командующий генерал-полковник И. С. Конев). В них входили: армии — 30-я (командующие генерал-майор В. А. Хоменко, с 17.11.1941 г. — генерал-майор Д. Д. Лелюшенко); 16-я (2-е формирование, командующий генерал-майор К. К. Рокоссовский); 5-я (командующие генерал-майор Д. Д. Лелюшенко до 17.10.1941 г., а с 18.10.1941 г. — генерал-майор артиллерии, с 9.11.1941 г. — генерал-лейтенант Л. А. Говоров); 33-я (командующие комбриг Д. П. Онуприенко, с 20.10.1941 г. — генерал-лейтенант В. Ф. Герасименко, с 25.10.1941 г. — генерал-лейтенант М. Г. Ефремов); 43-я (командующие генерал-лейтенант С. Д. Акимов, с 29.10.1941 г. — генерал-майор К. Д. Голубев), 49-я (командующий генерал-лейтенант И. Г. Захаркин).

К середине октября эти армии насчитывали 19 стрелковых, 2 кавалерийские дивизии, 2 танковые бригады и несколько других отдельных стрелковых, танковых и артиллерийских частей. Обстановка становилась угрожающей. 20 октября 1941 г. в Москве и прилегающих районах было введено осадное положение. Центральные учреждения по решению правительства стали покидать столицу. В Куйбышев переехал и основной состав Генерального штаба вместе с маршалом Б. М. Шапошниковым. В Москве остались Государственный Комитет Обороны во главе с И. В. Сталиным, Ставка Верховного Главного Командования и оперативная группа Генерального штаба.

В тот период серьезную угрозу для Москвы представляла авиация противника, совершившая первый массированный налет на столицу ещё 22 июля. Ей противостояли соединения ПВО, войсковая зенитная артиллерия и фронтовая авиация. Противовоздушную оборону Москвы осуществляли 1-й корпус ПВО и 6-й истребительный авиационный корпус. В ходе боевых действий состав корпусов постоянно менялся, и к ноябрю 1941 г. в них имелось **700** истребителей, **900** зенитных орудий среднего калибра, **300** малого калибра, **336** зенитных пулемётов, **618** зенитных прожекторов, **124** поста аэростатов заграждения и **702** поста ВНОС (воздушного наблюдения, оповещения и связи). Одновременно с отражением воздушных налетов на Москву артиллерия ПВО участвовала и в борьбе с наземными силами противника. Части 6 ИАК прикрывали боевые порядки войск Западного и других фронтов, штурмовали вражеские аэродромы. Несмотря на большие потери, авиация противника продолжала бомбить столицу. Только в октябре был совершён **31** налёт с участием **2000** самолетов, **278** из которых были сбиты. В борьбу с зажигательными бомбами, разрушениями включилось также население Москвы и её пригородов. Всего же за период с 22 июля по 20 декабря 1941 г. гитлеровцы произвели **8278** самолётовылетов на Москву с участием **7146** самолётов. **229** вражеских машин прорвались к городу (оцените, кстати говоря, высочайший уровень эффективности московской системы ПВО — ведь прорвалось-то всего **3,2 %** вылетавших на бомбежки Москвы вражеских самолетов!). Они сбросили **1445** фугасных и более **110** тыс. зажигательных бомб. От взрывов и огня погибли **1295** человек, ранены **5406** человек. Разрушены **114** предприятий, **413** жилых домов. В целом же, несмотря на то, что ущерб Москве всё-таки был причинен, однако масштабы его тем не менее были все же не так значительны. В этом огромную роль сыграло мужественное поведение москвичей при отражении налетов вражеской авиации на город. Рискуя жизнью, они гасили зажигательные бомбы, ликвидировали завалы, тушили пожары.

В период обороны Москвы наземные войска провели ряд операций в Московской области. Так, в период с 10 октября по 5 декабря 1941 г. войска Западного фронта осуществили Можайско-Малоярославецкую (10–30.10), Клинско-Солнечногорскую (15.11–5.12), Наро-Фоминскую (1–5.12) оборонительные операции. Наиболее ожесточенные бои велись на направлениях: Клин — Дмитров, Солнечногорск — Красная Поляна, Волоколамск — Истра, Руза — Звенигород, Можайск — Дорохов, Верея — Наро-Фоминск и на рубежах: р. Лама, Волоколамск, Руза, Можайск, Рогачево, Дмитров, Красная Поляна, Крюково, Звенигород, Наро-Фоминск, р. Нара.

Не взирая на большие потери, противник сумел выйти к ближним подступам к Москве, но был остановлен на рубежах: г. Химки (19 км от Москвы, 17 октября); г. Яхрома (восточный берег канала Москва — Волга, 28 ноября); д. Бурцево, Юшково (в 18 км юго-восточнее ст. Кубинка, 20 ноября); ст. Крюково (26 ноября); ст. Лобня (20 км от Москвы, Красная Поляна, 5 декабря); г. Кашира (южная окраина и вся дорога Кашира — Венев — Узловая — Ефремов, 26 ноября).

Принятыми советским Верховным Главным Командованием энергичными мерами, войска Западного фронта были срочно и значительно усилены. Во второй половине октября 1941 г. к Москве из тыловых районов СССР и с других участков фронта в спешном порядке подходили эшелоны с войсками. Они практически с ходу вступали в бой, что не замедлило сказаться на оперативной обстановке западнее столицы. Этому способствовало введение в сражения за столицу 1-й ударной (командующий генерал-лейтенант В. И. Кузнецов) и 20-й (2-е формирование, командующий генерал-лейтенант А. А. Власов) армий, которые затем перешли в контрнаступление. Кроме того, в обороне Москвы, а затем и в знаменитом, потрясшем весь мир Московском контрнаступлении принимали участие:

— корпуса — 1-й гвардейский под командованием генерал-майора П. А. Белова и 2-й гвардейский под командованием генерал-майора Л. М. Доватора, 5-й воздушно-десантный под командованием подполковника И. С. Безуглого, а также кавалерийские корпуса;

— дивизии (стрелковые, мотострелковые, танковые, кавалерийские и народного ополчения) — **50**;

— бригады (стрелковые, мотострелковые, танковые, воздушно-десантные) — **40**;

— соединения и части артиллерии, авиации, связи и другие.

В состав войск Московской зоны обороны, которыми командовал генерал-лейтенант, впоследствии (с 22.01.1942 г. — генерал-полковник) П. А. Артемьев, входили: 2, 3, 4, 5-я дивизии народного ополчения[47], 332-я

и 344-я стрелковые дивизии, 14, 15, 38, 52, 74, 75, 166-я стрелковые бригады, несколько артиллерийских полков.

Защита Москвы потребовала и от москвичей, а также жителей области величайшего напряжения сил и огромных жертв. 2 июля 1941 г. было принято постановление военного совета Московского военного округа о формировании дивизий народного ополчения. В нем говорилось о мобилизации по г. Москве **200** тыс. человек и по области **70** тыс. человек в возрасте от 17 до 55 лет. Создание ополченческих соединений превратилось в массовое патриотическое движение. Всего в течение трёх дней в приёмные комиссии Москвы и области поступило **310** тыс. заявлений (в том числе **140** тыс. в Подмосковье) с просьбой о добровольном зачислении в ополчение. В короткий срок были сформированы **12** дивизий народного ополчения. Некоторые из них формировались дважды. В обеспечении их всеми видами довольствия, в том числе и вооружением, помогали предприятия и учреждения районов города при активной организаторской работе комитетов партии и местных советов.

В Московской области (она тогда была значительно больше по своим размерам, чем сейчас) подверглись оккупации **27** районов, в том числе **17** — полностью. На захваченных территориях враг встретил сопротивление оставшегося населения. В основе массового выступления народа против захватчиков лежали чувство патриотизма, желание защитить родную землю от врага, своих близких от расправы оккупантов. В развитии и поддержке партизанского движения особая заслуга принадлежит Москве. Здесь были сосредоточены штабы и материально-технические базы снабжения партизан, находились специальные школы по подготовке военных специалистов для работы в тылу врага. В Москве формировались особые отряды для организации борьбы на оккупированной территории. Во второй половине июля 1941 г. был создан областной штаб по руководству подпольем и партизанским движением во главе с секретарем обкома СЛ. Яковлевым. Оперативный пункт управления областного штаба разместился в лесу на стыке Волоколамского, Лотошинского и Высоковского районов. В тылу врага действовали **20** подпольных райкомов и горкомов, **5** окружкомов ВКП(б). На оккупированной территории области с октября 1941 г. вёл борьбу с фашистами **41** партизанский отряд (всего **1800** человек). По решению горкома партии в Москве сформированы истребительный мотострелковый полк, **25** партизанских отрядов, **377** диверсионных групп (свыше **15 тыс**. человек). Помощь партизан Красной армии была эффективной. Было уничтожено свыше **17 тыс**. оккупантов, более **60** танков и **880** автомашин, **35** мостов, взорваны **5** воинских эшелонов. Народные мстители действовали мужественно, не щадя жизни. Звание Героя

Советского Союза присвоено З. А. Космодемьянской, А. М. Гурьянову, И. Н. Кузину, С. И. Солнцеву.

4–5 декабря на фронте под Москвой наступил перелом. Германскому командованию стало ясно, что Москву не взять (откровенно говоря, до фон Бока это дошло уже 1 декабря). С этим временным промежутком и тем более с переломом обстановки под Москвой связан второй из рассматриваемых мифов — миф о том, что **Москву спасло не мужество и героизм наших войск, а то обстоятельство, что германское командование отдало приказ на отступление. К глубокому сожалению, к его возникновению причастен, точнее является фактически автором, знаменитый советский писатель Константин Симонов**. Именно с его подачи в круговерти и без того не очень-то порядочных и честных исследований о войне «загуляла» оскорбительная для ветеранов войны, да и вообще для подвига всего народа версия о том, что-де перед началом советского контрнаступления под Москвой немцы, мол, и так получили приказ на отступление. В книге «Маршал Жуков. Каким. мы его помним» К. Симонов писал: **«Сейчас в истории Великой Отечественной войны давно общеизвестен тот факт, что к началу нашего контрнаступления под Москвой немецкие войска уже получили приказ на отступление. В то время говорить об этом было не принято… Такое изложение подлинных событий казалось тогда менее героическим, и было принято говорить, что мы нанесли свой контрудар по немцам, ещё продолжавшим рваться к Москве»**[48]. Едва ли по умыслу, тем более злому, однако вольно или невольно получилось так, что «властитель дум» того поколения скатился до лжи. Потому как выдал в этом домысле действительно имевший место, но всего лишь приблизительно похожий частный случай за общую картину. Дело в том, что 4 декабря 1941 г. командующий 4-й армией вермахта генерал фон Клюге действительно вынужден был отдать приказ отойти на исходные позиции частям своей армии, участвовавшим в попытке прорыва на Наро-Фоминском направлении (4 дивизии 20-го армейского и 57-го механизированного корпусов вермахта). В районах к югу от Кубинки и западнее Апрелевки эти части были не только остановлены, но и отброшены назад с тяжёлыми потерями. Вот потому-то фон Клюге и вынужден был отдать приказ отойти на исходные перед попыткой прорыва рубежи, что опять-таки даже в рамках его армии не означало приказа на общее отступление. Остальные же 47 дивизий группы армий (ГА) «Центр» вермахта по-прежнему продолжали рваться к Москве, хотя в ряде мест, не выдерживая частных контрударов советских войск, стали самовольно переходить к обороне, в том числе и на заранее подготовленных рубежах против центра Западного фронта. Как показало

впоследствии тщательное изучение трофейных документов и других источников, общего приказа на отступление по ГА «Центр» до начала советского контрнаступления не существовало! **Напротив, Гитлер отдал категорический приказ «Ни шагу назад!» (куда раньше, чем Сталин, между прочим), адресованный ГА «Центр». Вот ведь что важно!**

Обладавший огромнейшим влиянием на умонастроения общества писатель просто обязан был исключительно тщательно все проверить и перепроверить, что, кстати говоря, при его-то связях в военных кругах вообще не представляло какого-либо труда. Одного телефонного звонка хватило бы. Невинное, на первый взгляд, якобы переосмысление якобы в свете новых фактов наиболее важных событий войны в итоге превратилось в ложь о героизме и доблести наших солдат в битве под Москвой! Едва ли писатель имел в виду такой результат, но ведь получилось то, что получилось, — значение подвига солдат и офицеров в битве под Москвой оказалось незаслуженно принижено. Коли так хотелось сказать о битве под Москвой что-то новое, то надо было не упиваться восхвалениями Жукова, предлагавшего сдать Москву, а показать его истинную роль в той битве, особенно в сравнении с ролью Сталина и простых солдат и офицеров.

* * *

Небольшой комментарий. Откровенно говоря, вместо восхвалений Жукова и тем более, пускай и неумышленного, но тем не менее бросания тени на подвиг наших солдат и офицеров под Москвой, куда уместнее было воспеть один из самых потрясающих случаев в истории битвы за столицу, о котором незаслуженно забыли. А между тем этот случай описывает уникальнейшее поведение простых солдат и офицеров, причем в самом ярком геополитическо-цивилизационном обрамлении. **Командир батальона 73-го полка 316-й стрелковой дивизии[49], оборонявшей подступы к Москве, сподвижник знаменитого генерала Ивана Васильевича Панфилова, казах Баурджан Момышулы, получив новую карту, взял её и со словами «Нам больше не понадобится ориентироваться и изучать местность восточнее Крюкова» — именно там и стоял в обороне его батальон — попросту отрезал всю ту часть карты, что показывала территории восточнее Крюкова! Да ещё и приказал адъютанту сжечь отрезанную часть. Потрясающий своей безграничной верой в Победу России жест человека Востока! Вот что надо было воспевать всеми доступными авторитетнейшему писателю средствами! Тем более что**

это и выдающееся по своей нравственной силе свидетельство великой дружбы народов, что царила в сталинском СССР!

* * *

Освобождение Московской области от немецких оккупантов началось 6 декабря 1941 г. и велось в ходе Клинско-Солнечногорской (6 — 25.12.1941 г.), Калужской (17. 28.12.1941 г.) операций, завершившись Ржевско-Вяземской (8 — 25.01.1942 г.) наступательной операцией.

Состав группировки противника в это время оставался практически прежним, а перешедшие в контрнаступление советские войска в боевом составе изменились незначительно. Они были усилены лишь пятью стрелковыми дивизиями, пятью стрелковыми и двумя танковыми бригадами. Такое усиление позволило повести контрнаступление, вынудить противника отходить, но оно было недостаточным для нанесения врагу серьёзного поражения. Контрнаступление на Западном стратегическом направлении закончилось в начале января 1942 года.

В условиях многоснежной морозной зимы советские войска впервые осуществили крупную наступательную операцию, имевшую стратегическое значение. 38 немецких дивизий потерпели под Москвой тяжелое поражение. От захватчиков было освобождено свыше **11 тыс.** населенных пунктов. Враг был отброшен от Москвы на **100 — 250 км**. К концу января 1942 г. вся территория Московской области была очищена от оккупантов. В оборонительных сражениях за Москву и тем более в знаменитом контрнаступлении отличились многие соединения. О многих из них написаны прекрасные книги, статьи и исследования. И поэтому хотелось бы здесь отметить тех, о ком мало или вообще ничего не известно. Это моряки. Да-да, в обороне Москвы и тем более в контрнаступлении под Москвой значительную роль сыграли 5 морских стрелковых бригад, выдвинутых в район канала (севернее Москвы), в том числе и 64-я и 71-я морские стрелковые бригады, укомплектованные в основном военными моряками-тихоокеанцами. Армейское командование использовало их на наиболее ответственных участках фронтов. Именно моряки наводили невероятный ужас на гитлеровцев.

В оборонительных операциях под Москвой с 10.10 по 5.12 1941 г. потери наших войск составили:

— безвозвратные — 247 207 человек;

— санитарные — 54 306 человек;

— общие потери 301 513 человек;

Потери в ходе контрнаступления за период с 6.12.1941 по 25.01.1942 г. составили:

— безвозвратные — 72 003 человека;

— санитарные 118 669 человек;

— общие — 190 672 человека.

Итого за весь период битвы за Москву потери составили:

— безвозвратные 319 210 человек;

— санитарные — 172 975 человек;

— общие — 492 185 человек.

Ясно отдавая отчёт в том, что человеческая жизнь дороже любой цифирки, не могу тем не менее не задать один вопрос. Разве приведенные выше цифры свидетельствуют о том, что Москву спасли, забросав врага трупами?! Да, вполне возможно, что потери могли быть ниже указанных (на это указывают аналитические записки военной контрразведки, которые до сих пор не публикуют в полном объеме), но это вовсе не означает, что только трупами своих солдат и офицеров отстояли Москву. **Во-первых**, война — явление крайне жестокое, кровавое и, к глубокому сожалению, без жертв не бывает. А при том усовершенствовании оружия, что имело место к началу 40-х гг. XX в и особенно при том невероятном ожесточении, с которым велась война, избежать многочисленных жертв было практически не реально. **Во-вторых**, цели агрессора были крайне, если не вообще запредельно, жестокими. И к Москве враг рвался отчаянно и не менее отчаянно сопротивлялся нашему контрнаступлению. Но говорить о том, что только трупами остановили и отбросили врага — просто подло. Подло по отношению к павшим смертью храбрых при защите столицы нашей Родины — Союза Советских Социалистических Республик! Подло по отношению к тем жизням, которые были положены на алтарь Великой Победы, нелегкий путь к которой начался от предместий Москвы! Поэтому за любые нападки и ёрнические высказывания в адрес тех, кто отстоял Москву в тех наитяжелейших условиях начального периода войны, должно быть неотвратимо жесточайшее наказание — в назидание остальным. В том числе и забугорным хамам, не говоря уже о выродках «местного розлива». И вот почему.

Мы до сих пор не осознаем в полном объеме величайшее значение как самой битвы за Москву, так и особенно славной победы в ней. Потому что никак не можем взять в толк одну простую истину. Контрнаступление под Москвой было не просто каким-то успешным военным и политическим явлением. Это был особого рода **Момент Истины в истории человеческой цивилизации. Напомню, что в сентябрьском приказе о начале операции «Тайфун» Гитлер особо подчеркнул, что «это будет последняя,**

решающая битва Второй мировой войны». Фюрер, как ни странно, по-своему был прав. Потому что если бы Москва пала, то Япония и Турция объявили бы войну Советскому Союзу! Хуже того. Коренным образом изменилось бы поведение и формально нейтральной Швеции, а также других стран. Не говоря уже о не веривших в советскую победу США и Великобритании. Они ведь и вовсе отводили Советскому Союзу не более 5–8 недель на сопротивление. Более того. Едва только началась битва за Москву, президент Рузвельт отправил Черчиллю телеграмму следующего содержания: «Японцы поворачивают на север. Нам с вами обеспечена двухмесячная передышка». А это означало, что лидеры англосаксонской части едва только, да и то пока в основном на словах да на бумаге, сложившейся антигитлеровской коалиции готовы пустить в ход основной вариант политики для достижения тех целей, ради которых они столь долго и упорно готовили Вторую мировую войну. Проще говоря, раз уж Россия потерпит поражение, то нужно договариваться с немцами, японцами и всеми остальными о разделе «русского наследства»[50]! А уж если и вовсе элементарно, то на горизонте в тот момент маячил необратимый передел мира в пользу Германии и Японии при участии англосаксов!

* * *

Небольшой комментарий. Именно поэтому предлагаю особо оценить выдающуюся роль советской разведки, инспирировавшей по прямому указанию Сталина с обеих плацдармов — с американского и японского — вооружённое столкновение между США и Японией. Именно особо оценить, так как эта операция по стравливанию США и Японии в вооруженной схватке началась ещё в мае 1941 г. — Сталин отчетливо представлял себе масштаб грядущего столкновения и потому заранее стремился обезопасить СССР от угрозы двухфронтового нападения. Планы Запада не были для него секретом…

* * *

«Надо отдать должное» подлости англосаксов — они действительно стали готовиться к этому! Более того. Они стали готовиться к этому ещё в августе 1941 г.! Дело в том, что во время состоявшейся 12 августа 1941 г. встречи Рузвельта с Черчиллем была подписана Атлантическая хартия (опубликована 14 августа 1941 г.), в которой не нашлось места хотя бы для

пары слов о Советском Союзе, переживавшем в тот период самое напряженное для него время! Не было там ни слова об агрессии японцев против Китая. Были лишь общие рассуждения о «нацистской агрессии» и «японской экспансии». Хуже того. У Черчилля хватило ума а соответственно и традиционной британской подлости предложить направить эту декларацию (хартию) японцам в сопровождении специальной ноты, генеральный лейтмотив которой — **дальнейшие экспансии будут нетерпимы!?** Что в свою очередь означало следующее: **о том, чего вы, господа агрессоры и экспансионисты, уже «достигли», сиречь нахапали и захватили — давайте потолкуем. Но дальше — ни шагу**. Но ведь расчёт-то Черчилля строился на том, что, как союзное Германии государство, Япония обязательно проинформирует об этом предложении Берлин. А немцы тоже не дураки и прекрасно поняли бы, что высказанное Токио предложение будет распространяться и на Германию! Если уж совсем просто, то Черчилль уже в тот момент готов был сесть за стол переговоров с Гитлером, дабы, ради спасения своей проклятой Британской империи и тем более Англии, поторговать суверенитетом, территориальной целостностью и богатствами СССР за спиной Москвы! И это несмотря на то, что 12 июля 1941 г. было подписано англо-советское соглашение о совместной борьбе против гитлеровской Германии, статья 2 которого содержала прямые обязательства сторон не вступать в сепаратные переговоры с немцами! Впрочем, пресловутый британский бульдог сел за стол переговоров с нацистами прямо 22 июня 1941 г. По его личному поручению британский посол в Анкаре при посредничестве турецкого министра иностранных дел вступил в тайные переговоры с нацистским послом фон Папеном на предмет выработки условий для прекращения войны между Англией и Германией на почетных условиях. «Естественно», за счет СССР. Правда, не повезло подлецам — советская разведка не дремала…

Так вот, возвращаясь к Московской битве, следует особо подчеркнуть, что её колоссальный (по условиям сложившейся на тот момент ситуации) военный и политический успех имел не просто стратегическое значение. Он имел особое глобальное значение — ведь Гитлер потерпел полный крах со своей стратегией блицкрига! И это была не просто Славная Победа! Это был первый огромнейший гвоздь в крышку того самого гроба, в который в конце-то концов наши отцы и деды загнали проклятую коричневую чуму! Потому что если взглянуть на документы германского генерального штаба, то увидим, что там говорится о том, что после Московской битвы и до конца войны Германия так и не смогла восстановить полностью свои вооруженные силы до уровня выучки, предшествовавшей нападению на Советский Союз. Да, впоследствии немцы сформировали большое число дивизий —

наибольшего уровня их число достигло во время Сталинградской битвы. Однако по качеству это был уже не тот вермахт. Более того. Сейчас с абсолютной точностью можно говорить о том, что благодаря Московской битве наши отцы и деды создали предпосылки для того, чтобы война закончилась уже в 1942 г… О чём, к слову сказать, можно узнать и из американских документов военной поры. Однако, как известно, война не закончилась ни в 1942-м, ни в 1943-м. Почему? Да потому, что «союзникам» была невыгодна ситуация, в которой СССР оказался бы реальным и единственным победителем Германии. Именно это-то и твердят, в частности, американские документы, связанные с Московской битвой**. В декабре 1941 г. — январе 1942 г. заместитель госсекретаря и координатор деятельности американских разведок Адольф Берл подчеркивал, что создалась опасность того, что СССР выйдет из войны самой сильной державой в Европе!** И чтобы этого не случилось, англосаксы сделали все, чтобы кровопролитие продолжалось как можно дольше. По английским же наметкам гитлеровцы и вовсе должны были втянуться как можно дальше вглубь территории СССР, чтобы их изгнание заняло как можно больше времени. А пока советы, истекая кровью, будут сопротивляться, а потом изгонять захватчиков, они, англосаксы, успеют подготовиться к смещению или убийству Гитлера, чтобы договориться за счёт, естественно, глобального ущемления коренных интересов СССР!

Только впоследствии они с невероятным трудом осознали ту простую истину, что если бы не Советский Союз, Сталин и его верные солдаты **и** офицеры, то Западу со всеми его подлыми по отношению к СССР планами был бы полномасштабный каюк! Британский посол в СССР в начале войны Криппс признал это следующими словами: **«В Англии, особенно среди профессиональных военных, имелось немало лиц, которые почти и не скрывали того желания, чтобы Красная Армия потерпела поражение. Нынче мы являемся свидетелями их окончательного и абсолютного банкротства. Если бы не Россия, Гитлер уже сейчас был бы властелином Европы, а наши шансы добиться победы были бы равны нулю. Советская система, при всех её несовершенствах, оказалась спасительницей того, что мы понимаем под демократией». Но если вы думаете, что они были искренне благодарны Советскому Союзу за то, что, спасая себя, он спас также и то, что они понимали под демократией, так и чёрта вам лысого!**

Эхо Славной Победы под Москвой аукнулось и в наше время. Как вы думаете, за что, не к ночи будь они упомянуты, янки и их европейские союзники столь рьяно издеваются ныне над маленькой Сербией, уничтожив даже её суверенитет и территориальную целостность?! Не поверите, но это

факт, о котором наши власти не хотят говорить. **Во-первых**, дело в том, что от осознания величайшего значения Славной Победы в битве за Москву у проклятых англосаксов до сих пор в бешенстве сводит скулы и мутнеет сознание.

А, **во-вторых**, потому что югославские партизаны, абсолютное большинство которых составляли именно сербы, в конце осени — начале зимы 1941 г. отвлекли на себя **20** немецких и **10** итальянских дивизий. Вы только представьте, что было бы, если эти относительно свежие дивизии были бы переброшены под Москву для усиления ГА «Центр»!? В ситуации едва только сложившегося в октябре — ноябре 1941 г. очень хрупкого стратегического равновесия — немцам уже нечем наступать, а нам уже нечем обороняться, — переброска этих дивизий в ГА «Центр» неизбежно переломила бы обстановку категорически в пользу гитлеровцев. И тогда… впрочем, Слава Богу, что этого не случилось. И нижайший поклон сербам, что они тогда так помогли нам. Но именно за это Сербию и уничтожают ныне, издеваются и измываются над ней! И тут даже такая европейская шваль, как косовские албанцы — всемирно известные наркобандиты, торговцы оружием, террористы и мафиози, — и прочее албанское отребье сойдёт! С помощью ислама проклятые англосаксы жесточайше мстят православной Сербии. Прежде всего за то, что славные сыны Сербии в 1941 г. не забыли о том, какую роль сыграла Россия в избавлении их родины от османского ига. За то, что именно поэтому в 1941 г. они и помогли России, пускай и называвшейся тогда Советской, выстоять в смертельной схватке с лютым врагом. Тем самым лютым врагом, которого проклятые англосаксы специально взрастили для уничтожения России до состояния «Русской Пустыни»! Кстати говоря, совершенно не случайно, что вселенский бандитизм против Сербии возглавляет именно представитель того самого клана Бушей — Джордж Буш, дед которого — банкир Прескот Буш — сколотил состояние этого клана на финансировании нацистов, а затем и на отмывке обильно политых человеческой кровью нацистских капиталов!

* * *

То, что Москва была спасена, имело громаднейшее значение для всей последующей борьбы с гитлеровскими захватчиками. Дело в том, что с момента начала битвы за столицу Москва и Московская область стали важнейшими стратегическими центрами формирования резервов для фронтов действующей армии. На территории Московской области в 1941–

1943 гг. были сформированы **44** стрелковых и воздушно-десантных дивизии, **15** стрелковых, мотострелковых и механизированных, **25** танковых бригад, которые затем были направлены на различные фронты.

Громаднейшую роль сыграл и трудовой подвиг москвичей. В годы войны они дали фронту **16** тыс. боевых самолётов, несколько тысяч танков и самоходно-артиллерийских установок, **130** тыс. миномётов, **3,5** млн. автоматов, **3745** реактивных установок, **287** млн. тонн боеприпасов. Жители столицы собрали и отправили фронтовикам более **1,5** млн. комплектов теплого обмундирования. Москвичами было внесено в фонд обороны **86** млн. рублей, облигаций государственных займов на сумму более **10** млн. рублей, **7,7** кг золота и **373** кг серебра. В войну в городе работали более **100** госпиталей, **28** эвакоприемников, **66** больниц. За четыре года здесь прошли лечение более **2** млн. военнослужащих. Доноры Москвы сдали **500** тыс. литров крови.

Такова, если коротко, подлинная правда о битве за Москву. И вот теперь, когда пускай и вкратце, но мы ознакомились с этой подлинной правдой, скажите, положа руку на сердце, нет, просто ответьте хотя бы самим себе на один простой вопрос. Какой единственный, но суровый и в высшей степени справедливый приговор вы вынесли бы всем тем, кто пытается с помощью самых грязных мифов опорочить выдающийся подвиг наших отцов и дедов, наших матерей и бабушек, насмерть стоявших в битве за Москву и отстоявших нашу дорогую златоглавую?! Не думаю, что у нормальных людей возникнут затруднения с ответом…

Миф № 16. Ни в начале войны, ни впоследствии Верховный Главнокомандующий Сталин никогда не выезжал на фронт и не знал, что там творится

Откровенно говоря, даже в предположительном порядке неизвестно, кто первым это выдумал. Но первым эту гнусность использовал Хрущёв. Ещё на XX съезде. Могу лишь сказать, что современные историки от «демократии» додумались до того, чтобы сравнивать в этом вопросе Сталина с Гитлером. Мол, фюрер-то выезжал на фронты, а Сталин нет. Этим злобствующим неучам-антисталинистам не грех бы и знать, что в действительности-то фюрер никогда ни на одном фронте не бывал, тем более на передовой. Да, он выезжал в действующую армию, но всего лишь для того, чтобы осмотреть оккупированные территории. Но к передовой даже и не приближался. Подчеркиваю, что ни разу ни на одном фронте как таковом фюрер не был. Так что сравнивать его со Сталиным именно в этом вопросе по меньшей мере бессовестно, если не сказать, что преступно.

Что же касается Сталина, то в действительности-то он выезжал на фронт, чтобы на месте ознакомиться с положением дел. Как вспоминал бывший сотрудник его личной охраны **А. Т. Рыбин** в книге **«Сталин на фронте», в 1941–1942 гг**. Сталин выезжал на Можайский, Звенигородский и Солнечногорский оборонительные рубежи. На Волоколамском направлении побывал в 16-й армии Рокоссовского, где лично наблюдал боевую работу знаменитых катюш **(БМ-13), то есть находился на передовой**. Посетил также знаменитую 316-ю дивизию генерала И. В. Панфилова. Через три дня после знаменитого парада 7 ноября 1941 г. Сталин вновь выезжал в войска, чтобы лично осмотреть прибывшие из Сибири дивизии, которые, к слову сказать, выгружались едва ли не в прямом смысле на передовой.

В **1942–1943 гг**. Сталин по-прежнему практиковал выезды в войска. Так 2–3 августа 1943 г. он находился на Западном фронте у генерала Соколовского, а 4–5 августа — на Калининском, у генерала Ерёменко.

Во время встреч с командованием фронтов Сталин совместно с ним проанализировал обстановку, разработал планы операций обоих фронтов,

особенно Калининского, обсудил вопросы их материально-технического обеспечения.

Да, в общем-то Сталин и сам оставил письменное свидетельство того, что бывал на фронте. **8 августа 1943 г. он писал Черчиллю: «Только теперь, по возвращению с фронта, я могу ответить Вам на Ваше послание от 16 июля… Приходится чаще лично бывать на различных участках фронта». 9 августа 1943 г. — «…Мне приходится чаще, чем обычно, выезжать в войска, на те или иные участки фронта»**[51].

Конечно, могут сказать, что-де «мало ездил» или «боялся». Ну так прежде всего необходимо помнить, что в годы войны Сталин был един в пяти лицах — на нем лежали тяжеленные обязанности председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного Главнокомандующего, Председателя Совета народных комиссаров СССР (то есть главы правительства), народного комиссара обороны и генерального секретаря ЦК ВКП(б). Как он мог при такой загруженности часто выезжать на фронты?! Да и неправильно это было бы, если обремененное такими колоссальными функциями высшее лицо государства стало бы разъезжать по фронтам. А руководить-то борьбой с врагом кто будет?! Ведь судьба фронта решалась в тылу. А эти проблемы были порой потяжелей, чем иные фронтовые.

Для того чтобы досконально знать обстановку на фронтах, Сталин направлял туда представителей Ставки ВГК. За период войны их было более **60**. От них Сталин требовал ежедневных докладов и донесений, а если кто-то из них в течение суток не посылал никаких сообщений в Ставку, то тут же, невзирая на лица, звания и былые заслуги, получал суровый нагоняй от него. На неисполнительности, хитрованности, неточностях в передаче информации попадались и Жуков, и Василевский, и Маленков, и многие другие. И каждый по справедливости получал свою «порцию»… Особенно если некоторые пытались финтить, скрыть или обмануть. У Сталина была не только фантастически сильная память и разветвленная сеть каналов получения различной достоверной информации о положении дел на фронтах.

Кроме того, за время войны Сталин свыше **157** раз принял командующих фронтами с докладами о предстоящих операциях. Более **1413** раз принял различных руководящих работников Вооруженных сил — от начальника Генштаба, его заместителей и их подчиненных до начальников главных управлений наркомата обороны, начальника тыла и его заместителей. Многократно принимал он и членов военных советов фронтов, командиров партизанских отрядов, командующих различными армиями, особенно танковыми и воздушными. И это притом, что ежедневно у него бывали члены ГКО, Ставки, Совнаркома, наркомы различных

отраслей экономики и промышленности, представители общественности и культуры, дипломаты.

Так что с того момента, как вся высшая государственная и военная власть в стране была сконцентрирована в его руках, Сталин прекрасно был в курсе, что происходит на фронтах и творится в тылу. Потому, собственно говоря, ему и не было особой нужды разъезжать по фронтам. И вот ещё что. Как по соображениям безопасности, так и в силу присущей ему личной скромности даже из тех, редких своих выездов на фронты, о которых стало известно, Сталин никогда не устраивал пиар-акции или шоу. У него не было привычки эксплуатировать так называемый административный ресурс для раскручивания собственной персоны. Просто на своем высочайшем посту он дрался с врагом как простой солдат — как те простые солдаты, что были на передовой. И потому его даже тенью крыла не задевала мысль о том, чтобы устраивать из своих поездок пропагандистские спектакли.

Миф № 17. Миллионы солдат и офицеров Красной Армии оказались в плену в начале войны

Миф № 18. От имени советского руководства Верховный Главнокомандующий Сталин злоумышленно отрёкся от попавших в фашистский плен советских военнопленных и никак не стремился облегчить их участь

* * *

Превентивный комментарий. Ещё в 1938 г. в новой редакции Уголовного кодекса РСФСР и УК союзных республик появилось новой положение, согласно которому за сдачу в плен врагу, не вызывавшуюся боевой обстановкой, предусматривалась высшая мера наказания — расстрел с конфискацией имущества.

* * *

Речь идёт о самых востребованных мифах не только во всей антисталиниане, но и в мифологии о Великой Отечественной войне. Первый из них состряпан уже в наше время. Он напрямую связан с мифом о том, что Красная Армия в массовом порядке подалась в плен, который был проанализирован ещё во втором томе. Вообще в этой вакханалии цифр повинны буквально все. Наш Генеральный штаб, к примеру, утверждая, что всего в плену оказалось **4,5 млн. чел.**, подчёркивает, что из них **3 млн. чел**. попали в плен к немцам в 1941 г. Оперирующие цифрами от **5,2** до **5,75 млн.** человек, попавших в плен, многочисленные зарубежные «доброхоты» утверждают, что-де более **4 млн.** из них оказались в плену в 1941 г. Наконец, один из наиболее изголяющихся на эту тему «историков местного розлива» — небезызвестный «шекспировед» от истории Второй мировой и Великой Отечественной войн Б. Соколов ещё 17 лет тому назад «закатал» в плен **6,2 млн.** человек только в 1941 г.?!

Сколь ни прискорбно, но в данном случае за помощью придётся обратиться к врагу. Иного выхода просто нет. При всем том, что враг он и есть враг, но немцы всегда отличались аккуратностью и педантичностью в ведении даже столь кровавой бухгалтерии, как учёт военнопленных. Так вот, по сводкам командования вермахта, в 1941 г. было пленено **2 561 000 человек**. В том числе в котлах под Белостоком, Гродно и Минском — **300 тыс.**, под Уманью — **103 тыс.**, под Витебском, Оршей, Могилевом, Гомелем — **450 тыс.**, под Смоленском — **180 тыс.**, в Киевском котле — **665 тыс.**, под Черниговым — **100 тыс.**, в районе Мариуполя — **100 тыс.**, под Брянском и Вязьмой — **663 тыс**. человек. Всего, подчёркиваю, в 1941 г. в плену оказалось **2561 млн. человек**. **Любое увеличение этой цифры связано с тем, что гитлеровцы хватали в плен гражданское население, особенно мужское. И это надо четко понимать, дабы не скатываться до махровой лжи.**

Второй из мифов выдуман давно — ещё в годы войны. Эксплуатируется до сих пор. Как правило, в форме эмоциональных выпадов в адрес Сталина, что-де, заявив **«у нас нет военнопленных, есть предатели»**, он поставил миллионы людей вне закона. Миф построен на факте приказа Ставки Верховного Главнокомандующего **№ 270 от 16 августа 1£41 г. «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах пресечения таких действий»**, который подписали Сталин, Молотов, Буденный, Ворошилов, Тимошенко, Шапошников и Жуков. Приказом, который зачитывался во всех подразделениях РККА, особенно действующей армии, предписывалось:

— срывающих во время боя знаки различия и сдающихся в плен считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших Родину;

— таких дезертиров расстреливать на месте;

— попавшим в окружение — сражаться до последней возможности, пробиваться к своим, а тех, кто предпочитает сдаться в плен, — уничтожать всеми средствами, а семьи сдавшихся в плен лишать государственной помощи и пособий;

— смещать командиров, прячущихся во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения;

— активнее выдвигать смелых и мужественных людей из младшего начсостава и отличившихся красноармейцев.

Конечно, меры жесткие, а в чем-то — и очень жесткие, на грани жестоких. Но с другой-то стороны, как прикажете относиться к тем военнослужащим, которые допускали подобное?! Ведь каждый из них давал воинскую присягу, в которой прямо говорилось, что он обязуется до

последней капли крови защищать свою Родину! Но вместо этого некоторые «намыливались» прямиком в плен. Более того. К глубокому сожалению, имели место (хотя и отдельные) случаи даже коллективного предательства, когда целые полки, с развернутыми знаменами, под музыку полкового оркестра переходили на сторону врага.

И вовсе не случайно, что в приказе прозвучало: **«Можно ли терпеть в Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу или сдающихся в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя. Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию** и **загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожать».**

А ведь в самом начале войны было и того хуже. Тогда имели место случаи преднамеренной сдачи укрепленных районов, оборонительных рубежей, аэродромов с дислоцированными там самолетами и т. д. И что, со всеми теми, кто сделал или допустил такое, надо было цацкаться?! А кто Родину-то защищать будет?! К слову сказать, во всех армиях мира подобные явления считаются не только позором, но и тяжким преступлением, а соответственно и наказываются в уголовном порядке, причем очень жестко. Так что Сталин ничего нового тут не придумал. Он вынужден был пойти на такую жесткую меру, потому как на нем лежала вся полнота ответственности за судьбу Родины. К моменту издания такого приказа он уже был един в пяти высших лицах — генсек партии, глава правительства, нарком обороны, председатель ГКО и Верховный Главнокомандующий. И как жёстко соблюдавший советские законы и директивы Ставки Верховный Главнокомандующий не сделал никакой скидки даже для жены своего старшего сына Якова, попавшего в плен…

* * *

Практически неизвестно, что, несмотря на столь жесткий приказ, по иным каналам Сталин предпринимал необходимые меры, дабы ободрить попавших в плен красноармейцев. В ЦА МО РФ хранится оригинал текста листовки с обращением к попавшим в плен красноармейцам. Листовка была написана заместителем народного комиссара обороны (Сталина), начальником Главного политического управления, армейским комиссаром 1-го ранга Львом Захаровичем Мехлисом осенью 1941 г. Вот её текст:

«Пленные красноармейцы! К вам, товарищи-братья, попавшим в плен фашистских захватчиков, к вам, сыны Великой Советской страны, обращаемся мы, ваши соотечественники, земляки. Вы попали в лапы коварных врагов — немецких извергов. Вас мучают голодом и холодом, заставляют рыть окопы, подносить врагу снаряды, помогать немцам в их захватнической, подлой войне против нашей Родины, ваших братьев красноармейцев, против ваших жен, детей, отцов, матерей. Братья-товарищи! Помните, что вы сыны советского народа, помните свою воинскую присягу. Не давайте себя обмануть. Не верьте лживым обещаниям фашистских обманщиков. Помните, что немец хочет уничтожить славянские народы, превратить их в своих рабов. Знайте, в плену вас, в конечном счете, ожидает мучительная смерть. Знайте, что, оставаясь в плену, вы обрекаете свои семьи на позор и презрение. Ваши же родные и близкие будут с отвращением произносить ваши имена, ненавидеть вас. Не теряйте же ни одной минуты, используйте все способы, все пути, уничтожайте своих охранников, бегите из фашистского плена. Бегите группами и в одиночку, пробирайтесь к своей братской родной семье — Красной Армии. Не бойтесь угроз фашистских собак. Наши силы крепнут не по дням, а по часам. Коричневая чума германского фашизма будет уничтожена. Переходите скорее в свою родную семью. Противник не имеет сплошного фронта. Лесом всегда проберетесь к своим, чтобы выполнить свой долг перед Родиной. Мы встретим вас как братьев, вырвавшихся из фашистского плена. Командование № -ской части Красной Армии»[52].

Как видите, Верховному Главнокомандующему вовсе не безразличны были попавшие в плен красноармейцы. Ведь листовка-то была написана заместителем наркома обороны Мехлисом по согласованию со Сталиным и им же одобрена.

* * *

Война — не просто жестокая штука. Это Апогей Момента Истины для каждого человека и общества в целом. Именно в это время проверяется подлинная степень патриотизма как отдельного индивидуума, так и всего общества в целом! Абсолютное большинство

советского народа с честью прошло этот Момент Истины. Великая Победа в войне была достигнута не только и даже не столько благодаря мощи нашего оружия и проявленного ратного искусства, сколько прежде всего благодаря беспрецедентному патриотизму всего советского народа!

В речи 6 ноября 1944 г. Сталин отмечал: «В ходе войны гитлеровцы понесли не только военное, но и морально-политическое поражение. Утвердившаяся в нашей стране идеология равноправия всех рас и наций, идеология дружбы народов одержала полную победу над идеологией звериного национализма и расовой ненависти гитлеровцев. Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей Родине»!

Что же касается отречения от попавших в плен советских солдат и офицеров, то эта часть мифа более подлая, более коварная. Как правило, её коварство и подлость предопределяются тем, что эмоциональные выпады в адрес Сталина как бы имеют некую международно-правовую подпорку. Обыкновенно это выглядит следующим образом: мол, Сталин умышленно отказался от Женевской конвенции о военнопленных и от взноса денег в Красный Крест, в результате чего обрек советских людей на массовое уничтожение в фашистских лагерях. Так вот, подлость и коварство подобных заявлений в следующем.

Во-первых, надо быть патологически неисправимым подлецом, чтобы заявлять такое. Потому как не Сталин обрек советских людей на массовое уничтожение в фашистских лагерях, а гитлеровцы.

Из речи Гитлера **30 марта 1941 г.** на совещании по плану «Барбаросса»: **«Речь о борьбе на уничтожение… На Востоке сама жестокость — благо для будущего»**.

Из **Инструкции от 1 июня 1941 г.** уполномоченного по продовольствию и сельскому хозяйству статс-секретаря Бакке о поведении должностных лиц на территории СССР, намеченной к оккупации: **«Вы должностных с сознанием проводить самые жестокие и самые беспощадные мероприятия, которые от вас потребуют…»**

Из текста совместного решение руководителей спецслужб Третьего рейха и высшего командования вермахта (**июль 1941 г.**), который в постановляющей своей части гласил: **«Большевизм является смертельным врагом национал-социалистической Германии. Впервые перед германским солдатом стоит противник, обученный не только в военном, но и в политическом смысле, в смысле разрушающего большевизма. Борьба с национал-социализмом у него в крови. Он ведет**

её всеми имеющимися в его распоряжении средствами: диверсиями, разлагающей пропагандой, поджогами, убийствами. ***Поэтому большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом в соответствии с Женевскими соглашениями*** **»**.

А командующие армиями вермахта уже от своего имени издавали людоедские приказы. Вот, к примеру, письмо НКВД СССР в ГКО с приложением перевода приказа командующего 6-й армией вермахта Рейхенау:

14 января 1942 г.
Совершенно секретно
№ 65/6

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

товарищу СТАЛИНУ

товарищу Молотову

НКВД СССР при этом направляет фотокопию и перевод приказа командующего 6-й германской армии генерал-фельдмаршала фон РЕЙХЕНАУ от 10-го октября 1941 года, обнаруженное в архиве гестапо в гор. Калинине[53].

Приложение: упомянутое.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР: Л. БЕРИЯ

Приложение

Секретно
О.У. 13.11.1941 г.

Начальнику СК 7а

По вопросу: Поведение войск на Востоке.

В приложении посылаю копию с копии одобренного фюрером приказа командующего 6-й германской армии о поведении войск на Востоке с просьбой довести до сведения всего состава Вашего штаба.

ИСПОЛНЯЮЩИЙ ДОЛЖНОСТЬ ШТУРМБАННФЮРЕРА (подпись неразборчива)

Верно: НАЧАЛЬНИК 2 УПРАВЛЕНИЯ ЕКВД СОЮЗА ССР ФЁДОТОВ

Копия с копии
Командование 6 армией
Отдел: а — А 7
Штаб армии
10 октября 1941 г.

О поведении войск на Востоке

По вопросу отношения войск к большевистской системе имеются ещё во многих случаях неясные представления.

Основной целью похода против еврейско-большевистской системы является полный разгром государственной мощи и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру.

В связи с этим перед войсками возникают задачи, выходящие за рамки обычных обязанностей воина. Солдат на Востоке не только воин по правилам военного искусства, но и носитель беспощадной народной идеи, мститель за все жестокости, причиненные немцам и родственным им народам.

Поэтому солдат должен понять всю необходимость жестокого, но справедливого возмездия в отношении еврейской

низшей расы. Оно имеет дальнейшей своей целью уничтожение в корне всех попыток организации восстаний в тылу германской армии, которые, как показала практика, постоянно замышляются евреями.

К борьбе с врагом за линией фронта ещё недостаточно серьезно относятся. Всё ещё продолжают брать в плен коварных, жестоких партизан и выродков-женщин; к одетым в полувоенную или гражданскую форму отдельным стрелкам из засад и бродягам относятся все ещё как к настоящим солдатам и направляют их в лагеря для военнопленных. Плененные русские офицеры рассказывают с язвительной усмешкой, что агенты Советов свободно ходят по улицам и зачастую питаются из походных немецких кухонь. Подобное отношение войск объясняется только полным легкомыслием. Руководству сейчас своевременно разъяснить смысл настоящей борьбы.

Снабжение питанием местных жителей и военнопленных, не находящихся на службе в германской армии, из воинских кухонь и раздача папирос и хлеба является ненужной гуманностью.

Всё, в чём отечество отказывает себе и руководство с большими трудностями посылает на фронт, солдат не должен раздавать врагу, даже и в том случае, если это является трофеями. Они являются необходимой частью нашего снабжения. Советы часто при своем отступлении поджигали здания. Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Все остальное, являющееся символом бывшего господства большевиков, в том числе и здания, должно быть уничтожено. Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения.

Для сохранения важного в военно-хозяйственном отношении сырья и промышленных объектов руководство дает специальные указания.

Необходимо полное разоружение населения в тылу сражающейся части, принимая во внимание протяженность и уязвимость путей подвоза. Где возможно, прятать и охранять трофейное оружие и боеприпасы. Если же условия боя не позволяют это, то оружие и боеприпасы выводить из строя. В случае применения оружия в тылу армии со стороны отдельных партизан, применять в отношении их решительные и жестокие меры. Эти мероприятия распространяются также и на мужское

население с целью предотвращения возможных с их стороны покушений. Пассивность многочисленных антисоветских элементов, занимающих выжидательную позицию, должна быть ликвидирована путем разъяснения, и они должны быть привлечены к активному сотрудничеству в борьбе против большевизма.

Если они не идут на это, то пусть не жалуются на то, что с ними обращаются, как с приверженцами советского строя. Страх перед германскими мероприятиями должен быть сильнее угрозы со стороны бродячих большевистских остатков.

Не вдаваясь в политические соображения на будущее, солдат должен выполнить двоякую задачу:

1. Полное уничтожение большевистской ереси, советского государства и его вооружённой силы.

2. Беспощадное искоренение вражеского коварства и жестокости и тем самым обеспечение безопасности жизни вооруженных сил Германии в России.

Только таким путем мы можем выполнить свою историческую миссию по освобождению навсегда германского народа от азиатско-еврейской опасности.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ФОН РЕЙХЕНАУ

ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛ.[54].

Можно привести ещё не одну сотню ещё более ужасающих своей бесчеловечностью и звериной жестокостью свидетельств того, что Гитлер и его подручные, включая и генералов вермахта, как бы впоследствии они ни открещивались от своих же злодеяний, заранее распланировали весь механизм уничтожения не только советских военнопленных, но и вообще всех мирных советских граждан, которые попадутся им в руки. В наших архивах имеется такое гигантское количество убойных документальных свидетельств на этот счет, что любой, кто посмеет отрицать эти факты, будет просто заживо закопан в этих материалах! Так что пусть бандерлоги антисталинизма и прочие защитники нацизма даже и не рискуют

Во-вторых, то, что неумолимо надвигалась новая война и что, к сожалению, ни одна война не обходится без пленных, раненых и больных, Сталин понимал задолго до 1941 г. Именно поэтому ещё 12 мая 1930 г. было

объявлено, что СССР без каких-либо оговорок присоединяется к Женевской конвенции об улучшении участи плененных раненых и больных в действующих армиях от 27 июля 1929 г.[55] Полное оформление присоединения к конвенции в соответствии с действовавшими тогда нормами международного права и Конституцией СССР произошло 25 августа 1930 г. Жулики от истории, как правило, умышленно забывают сообщить, что согласно статье 4 упомянутой выше конвенции, **«держава, взявшая военнопленных, обязана заботиться об их содержании»**. А согласно статье 82, **«положения настоящей конвенции должны соблюдаться высокими договаривающимися сторонами при всех обстоятельствах»**.

В-третьих, из вышеуказанного очевидно, что все расходы по содержанию плененных раненых должно нести государство, их захватившее. Желая задним числом оправдать зверства гитлеровцев, жулики от истории злоумышленно приплетают сюда Международный Красный Крест — что-де Сталин злоумышленно отказался от взноса денег в эту контору. Но она никакого отношения к этой конвенции не имела. Конвенция четко прописала, что финансирование содержание военнопленных ложится на государство, их захвативших.

Чего ради Сталин должен был посылать столь необходимую для нужд обороны драгоценную валюту в МКК?! Не говоря уже о том, что на каком основании он должен был делать это?! Чтобы эта препаршивая в те времена и замаранная откровенным сотрудничеством с нацистскими извергами контора передавала эти средства Третьему рейху?! Ну надо же было придумать такую глупость?! Вот же идиоты непролазные! Договорились до того, что-де Сталин должен был скудными советскими валютными резервами финансировать Третий рейх, чтобы тот продолжал оккупировать и грабить территории СССР, насиловать и убивать советских людей?! Как говорит известный политический клоун современной России — «Подонки, однозначно!».

В-четвёртых, Сталин знал об изуверском решении нацистов и о том, что творится в лагерях для советских военнопленных. Именно поэтому-то уже в первые месяцы войны правительство СССР через посредников обращалось к руководству нацистского рейха, пытаясь облегчить участь советских военнопленных. Потому как не отказывался ни от Женевской, ни от Гаагских конвенций о законах и правилах ведения войны. Введение в дипломатический оборот того периода Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. было связано с тем, что, по данным советской разведки, Сталин был хорошо осведомлен о полном отказе гитлеровцев от исполнения предписаний Женевской конвенции. А поскольку от Гаагских конвенций Германия не

отказывалась, Сталин попытался использовать этот шанс ради облегчения положения советских военнопленных. Дело в том, что в изданном в 1940 г. в Германии сборнике международно-правовых актов прямо указывалось, что Гаагские конвенции действительны и без Женевской конвенции. Дело ещё и в том, что подписавшие Женевскую конвенцию от 1929 г. об обращении с военнопленными государства принимали на себя обязательства нормально обращаться с военнопленными вне зависимости от того, подписали ли те государства, чьими гражданами они являются, данную конвенцию или нет. Вот этим обстоятельством и воспользовался Сталин. Нотой от 17 июля 1941 г. Народный комиссариат иностранных дел СССР официально напомнил шведскому посольству[56], что Советский Союз поддерживает Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., а также Женевские конвенции о военнопленных и об улучшении участи плененных раненых и больных в действующих армиях от 27 июля 1929 г. И что на основах взаимности Советский Союз готов их выполнять. 8 августа того же года послы и посланники стран, с которыми СССР имел тогда дипломатические отношения, получили ноту советского правительства. В ней вновь обращалось внимание на то, что советская сторона признает Гаагские, а также Женевские конвенции, и вновь выражалась надежда, что и другая сторона будет их соблюдать. Однако бесчеловечное отношение к советским военнопленным не прекращалось.

26 ноября 1941 г. «Известия» опубликовали ноту Народного комиссариата иностранных дел СССР, врученную накануне всем дипломатическим представительствам. В ней говорилось: **«Лагерный режим, установленный для советских военнопленных, является грубейшим и возмутительным нарушением самых элементарных требований, предъявляемых** в **отношении содержания военнопленных международным правом, и, в частности, Гаагской конвенцией 1907 г., признанной как Советским Союзом, так и Германией»**. Подобные ноты неоднократно представлялись и впоследствии. **Ну и что у нас осталось от мифа?!**

* * *

Из статьи Михаила Лешина «Преступления вермахта против военнослужащих Красной Армии и советских партизан»[57]:

«Документы и свидетельства, хранящиеся в многочисленных архивах и частных коллекциях по всему миру, уже давно и однозначно изобличают…

преступления вермахта на Восточном фронте и оккупированной советской территории, главным образом, против военнослужащих Красной Армии и участников партизанского движения.

Что мы понимаем под военным преступлением? В широком смысле — любое нарушение законов или обычаев войны, в том числе, согласно статье 6 Устава Международного военного трибунала, признанного в качестве документа международного права на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 11 декабря **1946** г., **„убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов или деревень“** и другие преступления.

Напомню, что Германия участвовала в Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг., на которых были приняты среди прочих конвенции „Об открытии военных действий“ и „О законах и обычаях сухопутной войны“; 21 февраля 1934 г. Германия присоединилась к принятым в июле 1929 г. в Женеве конвенциям „Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях“ и „Об обращении с военнопленными“. Согласно этим документам, пленение являлось не наказанием, а всего лишь мерой предосторожности. С пленными полагалось обращаться человеколюбиво, запрещалось убивать их или ранить, использовать на тяжёлых или вредных для здоровья работах, а также на работах, связанных с ведением войны против их страны. Запрещалось наказывать за попытку бегства из плена

И хотя… 1 июля 1941 г. правительство СССР утвердило специальное „Положение о военнопленных“, во многом соответствующее Женевской конвенции „Об обращении с военнопленными“, а в 1942 г. СССР заявил, что будет соблюдать Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. на основе взаимности, Германия в ходе всего периода войны против СССР использовала „оговорку всеобщности“ (clausula si omnes), согласно которой вышеперечисленные конвенции переставали действовать, если в войну вступало государство, официально не являющееся их участником. Это позволило Германии отбросить принятые всеми цивилизованными народами законы и обычаи войны и вести на Востоке войну на полное уничтожение противника и его государства.

О том, что война на Востоке будет во многом отличаться от войны на Западе, Гитлер предупредил высший командный состав вермахта за несколько месяцев до нападения на Советский Союз на совещании в рейхсканцелярии 30 марта 1941 г., в котором принимало участие около 250 генералов и офицеров, в том числе высшее командование вермахта, командующие и начальники штабов групп армий, командиры корпусов и дивизий. С точки зрения фюрера, предстоящая война должна была

представлять собой „борьбу двух мировоззрений“ с целью разгрома Красной Армии и ликвидации советского государства, в ходе которой требовалось „отказаться от понятия солдатского товарищества“. При этом речь шла не просто о войне, а именно о „войне на уничтожение“, в ходе которой „жестокость на Востоке“ объявлялась „благом для будущего“. „Большевистские комиссары“, „коммунистическая интеллигенция“, сотрудники ГПУ заранее причислялись к преступникам и подлежали физическому устранению. Таким образом, высшее военное руководство нацистской Германии было заблаговременно ознакомлено с целями и методами ведения войны против СССР. Позднее эти указания перешли в директивные документы вермахта всех уровней и подлежали беспрекословному выполнению.

Агрессия Германии против Советского Союза, предпринятая без объявления войны, и массированные бомбардировки мирных советских городов в первые часы боевых действий уже противоречили международным нормам и поэтому их можно квалифицировать как военные преступления.

Буквально через несколько дней после вероломного нападения на СССР, 25 июня 1941 г., Гитлер своим распоряжением передал всю полноту военной и административной власти на вновь оккупированных восточных территориях командующим вермахта в качестве высших представителей германских вооруженных сил. Эти лица назначались лично фюрером и действовали в соответствии с его директивами, переданными через начальника штаба верховного командования (ОКБ). Их основные обязанности заключались в обеспечении безопасности оккупированной территории с военной точки зрения и её защите от внезапного нападения извне.

Как и ожидало военно-политическое руководство нацистской Германии, в первые же дни войны в распоряжение вермахта попало большое количество советских военнопленных, число которых продолжало постоянно расти. Общие правила обращения с этой массой людей были разработаны ещё перед войной. Первые документы по этому вопросу касались главным образом судьбы военнопленных политических работников (комиссаров). В рамках обсуждения весной 1941 г. принципов обращения с захваченными в плен советскими политическими и военными руководящими работниками главное командование сухопутных войск (ОКХ) предложило не считать военных политработников пленными и уничтожать их самое позднее в пересыльных лагерях. Достоверность этой инициативы ОКХ подтвердил бывший заместитель начальника оперативного отдела ОКБ генералов. Варлимонт на допросе 12 ноября 1945 г.

В развитие этого предложения главного командования сухопутных войск 6 июня 1941 г. ОКБ подготовило указания войскам об обращении с политическими комиссарами, в которых комиссары не признавались военнослужащими и подлежали уничтожению. Согласно дополнению к этим указаниям, подписанному главнокомандующим сухопутными войсками В. фон Браухичем 8 июня того же года, казнь политкомиссаров должна была проводиться в войсках вне зоны боевых действий, незаметно, по приказу офицера. Приказ о комиссарах продолжал оставаться в силе до весны 1942 г.

Жестокость к военнопленным проповедовалась не только среди высшего командного состава вермахта. Вспоминает рядовой 6-го пехотного полка 30-й пехотной дивизии Руди Машке: „Мой капитан Финзельберг за два дня до ввода нашей роты в бой прочитал доклад о Красной Армии… Потом он заявил, что пленных приказано не брать, поскольку они являются лишними ртами и вообще представителями расы, искоренение которой служит делу прогресса. Комиссары… подлежали расстрелу без разговоров. Невыполнение этого приказа стоило бы нам самим жизни“. По воспоминаниям Бруно Шнайдера, воевавшего в 1941 г. в составе 4-й роты 106-го пехотного полка 15-й пехотной дивизии, перед их выступлением из района Брест-Литовска командир роты старший лейтенант Принц довел до личного состава роты следующий секретный приказ: „Военнопленных из состава Красной Армии брать только в исключительных случаях, то есть когда это неизбежно. Во всех остальных случаях пленных советских солдат расстреливать. Расстрелу подлежат все женщины, проходящие службу в частях Красной Армии“.

В первые же месяцы войны оказалось, что оставленных в живых советских военнопленных ждет не менее тяжелая участь. В документе канцелярии А. Розенберга № 170 от 14 июля 1941 г. содержится отчет министерского советника Дорша от 10 июля того же года о лагере для советских военнопленных в Минске „размером с Вильгельмплац“, в котором находилось примерно 100 тысяч военнопленных и 40 тысяч гражданских заключенных под охраной „кадровых солдат, по количеству составляющих роту“. Автор документа указывает, что „заключенные ютятся на такой ограниченной территории, что едва могут шевелиться, и вынуждены отправлять естественные надобности там, где стоят“. Военнопленным, „живущим по 6–7 дней без пищи, известно только одно стремление, вызванное зверским голодом, — достать что-либо съедобное“.

По мере продвижения вермахта вглубь СССР его командные инстанции продолжали совершенствовать систему обращения с советскими военнопленными. В „Памятке об использовании труда советских

военнопленных“, подготовленной начальником отдела военнопленных VIII военного округа (Бреслау) 15 августа 1941 г., указывалось, что в ходе использования труда этой категории пленных с самого начала с ними следует обращаться „с беспощадной строгостью, если они дают для этого хотя бы малейший повод“. В пределах военного округа документ возлагал ответственность за использование труда советских военнопленных на командующего военным округом и на начальника отдела по делам военнопленных.

В Государственном архиве Российской Федерации хранится свидетельство оберфельдфебеля Лео Мелларта из 2-й роты 228-го пехотного полка 101-й пехотной дивизии следующего содержания: „С 21 по 28 августа 1941 г. я находился на эвакуационном пункте Гайсин под Уманью. Там как раз завершился бой на окружение. Ежечасно в пересыльный лагерь военнопленных Гайсин поступало 2000–3000 пленных, которые должны были быть снабжены продовольствием и переправлены дальше. Из-за плохой организации со стороны немецких военных инстанций к вечеру 27 августа 1941 г. скопилось около 8000 пленных. Для них не было продовольствия; несмотря на жару, они были согнаны на участке, на котором нормально могли разместиться лишь 500–800 человек. Ночью я проснулся от криков и стрельбы. Я вышел наружу и увидел, как стоящие недалеко 2 или 3 зенитные батареи, на вооружении каждой из которых находилось по 4 85-мм орудия, ведут огонь прямой наводкой по находящимся в накопителе пленным, поскольку те якобы пытались совершить побег. Ответственность за эту подлость, как мне тогда сказали, несет комендант города Гайсин. Как я узнал позднее от караульных, в результате этого преступления было убито или тяжело ранено около 1000–1500 человек“.

8 сентября 1941 г. ОКБ подготовило подробную инструкцию об обращении с советскими военнопленными во всех лагерях военнопленных, в которой большевизм объявлялся „смертельным врагом национал-социалистской Германии“, а большевистскому солдату было отказано в праве „претендовать на обращение как с честным солдатом, в соответствии с Женевским соглашением“. Самым строгим образом немецким солдатам рекомендовалось избегать всякого сочувствия по отношению к пленным, мгновенно применять оружие в ответ на любое неповиновение. По совершающим побег военнопленным было приказано стрелять „немедленно, без предупредительного оклика“ и без предупредительных выстрелов. 24 марта 1942 г. появилась новая директива ОКБ № 389/42, основные положения которой повторяли предыдущий документ. Об условиях содержания военнопленных в лагерях свидетельствует, кроме

прочего, такой показатель, как нормы питания, которые устанавливались приказами германского военного командования, главным образом ОКХ. Например, нормы питания для советских военнопленных, занятых на различных работах в составе рабочих команд, установленные приказом ОКХ от 8 октября 1941 г., составляли по сравнению с нормами, установленными для военнопленных из других государств, по хлебу 100 %, по мясу 50 %, по жирам 50 %, по сахару 100 %. Для находящихся в лагерях и привлекаемых к незначительным работам советских военнопленных нормы питания составляли по хлебу 66 %, по жирам 42 %, по сахару 66 % от норм для прочих военнопленных, мясо из рациона данной категории советских военнопленных исключалось совсем. В июле 1942 г. по приказу ОКБ было введено клеймение всех находящихся в лагерях и поступающих вновь советских военнопленных при помощи ланцетов и китайской туши с целью их опознания в случае побега. Целесообразно привести свидетельство достаточно компетентного в рассматриваемом вопросе человека, которого невозможно заподозрить в симпатиях к советским людям. Речь идет об имперском министре по делам оккупированных территорий А. Розенберге. В своем письме начальнику штаба ОКБ В. Кейтелю от 28 февраля 1942 г., которое, естественно, не предназначалось для посторонних глаз, министр отмечает, что „судьба советских военнопленных в Германии является трагедией огромного масштаба. Из 3,6 миллиона военнопленных в настоящее время только несколько сотен тысяч являются работоспособными. Большая часть их умерла от голода или погибла в результате суровых климатических условий, тысячи также умерли от сыпного тифа… Когда военнопленные не могли на марше идти вследствие истощения и голода, их расстреливали на глазах охваченного ужасом гражданского населения, и тела их оставались брошенными. Во многих лагерях пленным вообще не предоставляли никакого жилища. Они лежали под открытым небом во время дождя и снегопада. Им даже не давали инструментов, чтобы вырыть ямы и пещеры. Систематической санитарной обработки военнопленных и самих лагерей, по всей видимости, вообще не предусматривалось“.

Аналогичные признания были сделаны начальником II отдела управления разведки и контрразведки (абвера) ОКБ полковником Э. Лахузеном во время его допроса 30 ноября 1945 г. в качестве свидетеля на заседании Международного военного трибунала в Нюрнберге. „Военнопленные, большинство военнопленных, — заявил свидетель, чьи подчиненные работали непосредственно в лагерях для военнопленных, — оставались в зоне боевых действий, где не было сделано ничего для обеспечения даже тем, что было предусмотрено для обеспечения

военнопленных, то есть у них не было жилья, продовольственного снабжения, врачебной помощи и тому подобного, и ввиду такой скученности, недостатка пищи или полного отсутствия её, оставаясь без врачебной помощи, валяясь большей частью на голом полу, большое число военнопленных погибло. Распространялись эпидемии“. При этом свидетель подтвердил, что военнопленные находились в ведении ОКБ.

А вот как описывает условия содержания советских военнопленных в одном из лагерей обер-ефрейтор Карл Фрай: „В декабре 1941 г. в составе 889 стрелкового батальона я прибыл в Плескау… 30 человек из состава 1-й роты, в том числе и я, заступили в караул… Условия жизни пленных в лагере были ужасными. При 40-градусном морозе пленные были вынуждены жить в землянках, питаясь одной тарелкой похлебки на воде из гнилого картофеля. Хлеб вообще не выдавался. Вследствие этого пленные превратились в скелеты и ежедневно умирали от голода в количестве 70–80 человек… Из 5000 пленных к моменту нашей замены в живых осталось около 500–600 человек… Когда я вспоминаю сегодня об этом страшном времени, меня всё ещё охватывает ужас“.

В результате жестокого обращения смертность среди советских военнопленных в годы Второй мировой войны, по данным немецкого историка Х. Штрайта, изучавшего архивы ОКБ, достигла 57,5 %. Для сравнения приведем следующие цифры: смертность среди русских военнопленных в Германии в годы Первой мировой войны составила 5,4 %; смертность среди американцев и англичан, находившихся в плену у немцев в годы Второй мировой войны, составила 3,5 % или 8348 человек, — примерно столько советских военнопленных умирало ежедневно осенью 1941 г.; смертность среди военнопленных вооруженных сил Германии, находившихся в лагерях Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) / Министерства внутренних дел (МВД) СССР в годы Второй мировой войны (с 1941 г.) и послевоенный период, по данным Главного управления по делам военнопленных и интернированных (ГУП-ВИ) МВД СССР, составила на 1 июня 1947 г. 14,5 %».

Миф № 19. По приказу Сталина из нацистского концлагеря всех советских военнопленных направляли в ГУЛАГ

Миф № 20. Мало того что отрекались от попавших в плен военнослужащих, так ещё и над их родственниками измывались, ссылая их на спецпоселения

Мифология о том, что-де по приказу Сталина из нацистского концлагеря всех советских военнопленных направляли в ГУЛАГ, началась ещё в 1956 г., на проклятом XX съезде КПСС. Инициатором был пресловутый Хрущев. В этих спекуляциях по своей же воле оказался замешан и маршал Жуков, возглавивший комиссию, заложившую «прочные основы» мифа о «репрессированных военнопленных». Он до сих пор является одним из наиболее востребованных мифов во всей антисталиниане и мифологии о войне. Уже в наше время этим особенно увлекался пресловутый «прораб перестройки» А. Н. Яковлев, написавший в одном из своих опусов: «А после войны меня потрясла лютость к пленным. За что? Из гитлеровских лагерей смерти — в концлагеря сталинские. Только Георгий Константинович Жуков попытался заступиться за трижды несчастных людей, но напрасно. Сам и попал в опалу». На эту тему сняли даже хамский фильм «Последний бой майора Пугачёва».

То, что в это дело полез Жуков, — не случайно. Потому как благодаря именно Жукову, а также Тимошенко миллионы красноармейцев и попали в гитлеровский плен. «**Потому что если стратегия вступления государств и армии в войну изначально ошибочна, то ни искусство генерала на поле боя, никакая доблесть солдат, ни отдельные одноразовые победы не могли иметь того решающего эффекта, которого можно было ожидать в противном случае. Потому как одной из важнейших причин поражения наших войск в начальный период войны явилась недооценка наркоматом обороны и Генеральным штабом существа самого начального периода войны, условий развязывания войны и её ведения в первые часы и дни»**. Тимошенко же ещё до войны высокомерно заявлял, что-де **«в смысле стратегического творчества опыт войны в Европе… не даёт ничего нового»**! А Жуков на солидных докладах ГРУ, в которых детально анализировалась стратегия и тактика вермахта, писал «чеховские резолюции»: **«Мне это не нужно»**. Но если двум высшим военным руководителям СССР ничего не надо было, если они ничего нового в стратегии и тактике противника не видели, то, как говаривал Великий

Маршал Великой Победы и Подлинный Суворов Красной Армии К. К. Рокоссовский, **«горе войскам, вверенным им»! Вот и хлебнули в излишестве этого горя миллионы красноармейцев!**

Что же до сути мифа, особенно в версии Яковлева, то это полная нелепость. Всем им было прекрасно известно, что в соответствии с решением ГКО **№ 1069сс от 27 декабря 1941 г.** и приказом народного комиссара обороны Сталина **№ 0521 от 29 декабря 1941 г.** были созданы фильтрационные лагеря для проверки освобожденных из плена[58]. Да, прекрасно понимаю, что в прокрустово ложе такой мерзости, как «демократия», подобные меры не влезают. Но что бы ни говорили, однако на войне такие меры крайне необходимы. Поскольку в указанных лагерях проверку проходили разные контингенты лиц, то все они делились на три учетных группы: первая — военнопленные и окруженцы; вторая — рядовые полицейские, деревенские старосты и другие гражданские лица, подозреваемые в изменнической деятельности; третья — гражданские лица призывного возраста, проживавшие на территории, занятой противником.

Вот, например,

«Справка о ходе проверки б/окруженцев и б/военнопленных по состоянию на 1 октября 1944 г.

1. Для проверки бывших военнослужащих Красной Армии, находящихся в плену или окружении противника, решение ГОКО[59] № 1069сс от 27.ХП-41 г. созданы спецлагеря НКВД. Проверка находящихся в спецлагерях военнослужащих Красной Армии проводится отделами контрразведки „Смерш“ НКО при спецлагерях НКВД (в момент постановления это были Особые отделы). Всего прошло через спецлагеря бывших военнослужащих Красной Армии, вышедших из окружения и освобожденных из плена, **354 592 чел.**, в том числе офицеров **50 441** человек.

2. Из этого числа проверено и передано:

а) в Красную Армию **249 416 чел.**,

в том числе:

в воинские части через военкоматы **231 034 чел.**

из них — офицеров **27 042 чел.**

на формирование штурмовых батальонов **18 382 чел.,**

из них офицеров **16 163 чел.**

б) в промышленность по постановлениям ГОКО — **30 749** чел.,

в том числе офицеров — **29** чел.,

в) на формирование конвойных войск и охраны спецлагерей — **5924 чел.**,

3. Арестованы органами Смерш — **11 556 чел.**,

из них — агентов разведки и контрразведки противника **2083 чел.**,

из них — офицеров (по разным преступлениям) **1284 чел.**

4. Убыло по разным причинам за всё время в госпитали, лазареты и умерло — **5347 чел.**

5. Находятся в спецлагерях НКВД СССР в проверке **51 601** чел.,

в том числе — офицеров **5657** чел.

Из числа оставшихся в лагерях НКВД СССР офицеров в октябре формируются 4 штурмовых батальона по 920 человек каждый».

Тщательно проанализировавший эти данные современный историк И. Пыхалов отмечает, что в итоге из **100 %** прошедших проверку, то есть из **302 992 чел.**, возвращено в воинские части **76,25 %**, в штурмовые батальоны — **6,07 %**, в промышленность — **1,96 %**, в конвойные войска — **10,15 %**, арестовано — **3,81 %**, убыли в госпитали, лазареты, а также умерли — **1,76 %**.

Да иначе-то и быть не могло. Взгляните на директиву от 10 марта 1943 г., подписанную заместителем наркома обороны Щаденко: «В местностях, освобожденных от немецких захватчиков, выявляются бывшие военнослужащие, которые в свое время без сопротивления сдались в плен или дезертировали из Красной Армии и остались на жительство на территории, временно оккупированной немцами или, оказавшись окруженными в месте своего жительства, остались дома, не стремясь выходить с частями Красной Армии. Таких лиц после быстрой проверки направлять в штрафные части… В спецлагеря направлять только лиц, на которых имеются серьезные данные для подозрений в антисоветской деятельности». То обстоятельство, что в этой директиве фигурируют штрафные части, не должно пугать. Во-первых, потому что уровень боевых потерь в них в целом не очень-то отличался от уровня потерь в обычных фронтовых частях, а, во-вторых, через два месяца «штрафники» возвращались в обычные части.

Кстати говоря, дотошный историк И. Пыхалов проанализировал эту ситуацию отдельно для офицеров и отдельно для рядового и сержантского состава. В итоге получилось следующее. Из числа рядовых и сержантов направлены в воинские части — **79 %**, в штурмовые батальоны — **0,86 %**, в промышленность — **11,90 %**, арестовано — **3,98 %**. Для офицеров соответственно **60,38 %, 36,09 %**, **0,06 %** и **2,87 %**.

Итоговый вывод таков. Свыше **95 %** (то есть 19 из 20) бывших военнопленных из числа рядового и сержантского состава благополучно проходили проверку. Хуже ситуация с офицерами, но это должно быть понятно, потому как с офицеров и спрос больше.

Следует также отметить, что с ноября 1944 г. ГКО принял постановление, согласно которому освобожденные военнопленные и советские граждане призывного возраста вплоть до конца войны направлялись непосредственно в запасные воинские части, минуя спецлагеря.

Всего же по итогам войны ситуация такова — свыше **90 %** освобождённых из плена советских военнослужащих, успешно пройдя необходимую проверку, возвращались в строй или направлялись на работу в промышленность. Количество арестованных было около **4 %** и примерно столько же направленных в штрафбаты.

Кроме того, следует указать, что в связи с окончанием войны количество спецконтингента в упомянутых лагерях НКВД резко возросло, превысив **1,8 млн**. человек. Удивительного в этом ничего нет. Всех репатриированных в СССР военнопленных — бывших военнослужащих Красной Армии также проверяли. Так вот, из **1,8 млн**. человек, оказавшихся в этих лагерях, 1 млн человек успешно прошли проверку и были откомандированы для дальнейшего прохождения службы в Красную Армию. Между прочим, это уже **55,5 %**. К ним следует добавить **600 тыс.** человек, которые также прошли проверку и были направлены в принудительном порядке в составе батальонов для работы в промышленности. Кто-то же должен был восстанавливать разрушенное хозяйство (см. нижеприведенную выписку из постановления ГКО). То есть в итоге получается, что **88,88 % численности оказавшегося в спецлагерях НКВД для проверки контингента спокойно или относительно спокойно прошли проверку! В лагеря же было отправлено только 339 тыс. человек, из них 233,4 тыс. человек — бывшие военнослужащие. То есть 18,83 % от общего числа лиц, направленных в лагеря для проверки.**

Наконец, о следующем. Миф о лютости сталинских властей к бывшим военнопленным был развеян задолго до его возникновения по инициативе Хрущева и Жукова — ещё 7 июля 1945 г. Именно эта дата

стоит на злоумышленно не упоминаемом всеми так называемыми демократическими историками Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией», согласно которому были помилованы даже те лица, деяния которых подпадали под статьи Уголовного кодекса. То есть те, кто сдавался в плен без серьезных на то оснований[60]!

К слову сказать, есть ещё один интересный документ — выписка из постановления Государственного комитета обороны № 9871с от 18 августа 1945 г. «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста»: «В целях оказания неотложной помощи рабочей силой предприятиям угольной промышленности, черной металлургии и лесозаготовкам Наркомлеса СССР в районах Камского бассейна Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Разрешить НКО СССР во изменение порядка, установленного постановлением ГОКО от 4 ноября 1944 г. № 6884с, направить для работы на предприятиях угольной промышленности, черной металлургии и на лесозаготовки Наркомлеса СССР в районах Камского бассейна, военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, прошедших предварительную регистрацию…

5. Поручить комиссиям в составе представителей НКВД, НКГБ и СМЕРШ НКО в местах работы организовать проверку в батальонах бывших военнопленных, обеспечив проверку в 2–3 месяца. По окончании проверки все проверенные, за исключением лиц, подлежащих направлению в лагеря НКВД или для расселения в отдаленных районах, передаются в постоянные кадры предприятий, на которых они работают.

6. Всех выявленных при регистрации и последующей проверке органами НКВД, НКГБ и СМЕРШ НКО среди бывших военнопленных и военнообязанных лиц, служивших в немецкой армии, в специальных немецких формированиях, „власовцев“ и полицейских, в батальоны не включать и передавать Наркомвнуделу для расселения и использования на работе в районах Норильского и Ухтинского комбинатов НКВД СССР, Печорском угольном бассейне, а также на лесозаготовках в верховьях р. Камы Молотовской области.

Установить, что предусмотренные настоящим пунктом спецконтингенты расселяются в указанных выше районах на положении спецпереселенцев и обязаны отработать на предприятиях 6 лет.

Разрешить НКВД СССР желающим из них выписать семьи для совместного проживания, оказывая содействие семьям спецпереселенцев в переезде к месту работы главы семьи и устройству на месте».

Ну и где во всем вышеизложенном «лютость к пленным», о которой рассуждал, например, тот же пресловутый А. Н. Яковлев, где тут предательство военнопленных?!

Тем не менее реальное предательство военнопленных все-таки имело место. Но только не со стороны Сталина, а со стороны тех, кто предал Величайшую Державу Мира и её великие народы. Произошло это так. После войны Германия должна была выплачивать СССР репарации. Установленный объём репараций был распределен между ГДР и ФРГ. ГДР свою долю выплатила уже к началу 60-х, а ФРГ, будучи по другую сторону баррикад «холодной войны», платила в час по чайной ложке и к концу 80-х заплатила чуть больше половины. Оставшуюся половину долга ФРГ Горбачёв простил — хотя им можно было возместить как минимум часть набранных кредитов на перестройку и новое мышление. (К ФРГ по этому поводу претензий быть не может, а вот к Горбачеву они просто обязаны быть.) Казалось бы, на этом вопрос о возмещении Германией нанесенного СССР ущерба был закрыт.

Однако вскоре европейские правозащитники добились того, чтобы Германия выплатила компенсации всем тем, кого угоняла к себе работать и держала по концлагерям. Первоначально речь шла о европейцах; лет через пять практика была распространена и на жителей бывшего СССР. В любой нормальной стране правительство создало бы общественную организацию, профинансировало её и добилось, чтобы все пострадавшие получили компенсацию. У нас, однако, доказывать, что их угоняли на немецкую каторгу, морили голодом и непосильным трудом, пришлось самим узникам. Более того, в число пострадавших не были включены военнопленные (а также родственники погибших в плену советских военнопленных. — *А. М.*)!

После воплей о преступлениях сталинского режима и добрых немецких генералах наша власть согласилась, что военнопленные не имеют право на компенсацию. Как будто советские военнопленные жили так же, как американцы в немецком плену или сами немцы в советском! Как будто нацисты не уничтожили почти 60 % попавших к ним в плен советских солдат!

Соответствующее межправительственное соглашение российские власти подписали с Германией 20 марта 1993 года (напомню, что тогда президентом РФ был Б. Н. Ельцин; более того, остается только гадать, в какую конкретно копеечку, пардон, во сколько миллиардов «отката», обошлась западногерманским властям его подпись. — *А.М.*)**. И старикам, которым после развала СССР и так пришлось очень трудно, не досталось ничего. Вот настоящее, а не выдуманное предательство. Кто его совершил? Сталин? Советский тоталитаризм? Нет. Предательство**

совершили — вместе с тогдашней российской властью — именно те, кто кричал о страшных сталинских преступлениях и обелял нацистов.

…Когда вам снова начнут рассказывать о том, что советских военнопленных бросили на произвол судьбы и гнали в Сибирь, подойдите к этому человеку и напомните, кто и когда на самом деле предал советских военнопленных.[61]

И в заключение анализа этой группы мифов проанализируем миф о том, что-де **«мало того что отрекались от попавших в плен военнослужащих, так ещё и над их родственниками измывались, ссылая их на спецпоселение»**. Позвольте в этой связи привести сначала основную часть содержания постановления Государственного Комитета Обороны **№ ГОКО-1926сс от 24 июня 1942 г.**

«О членах семей изменников Родины»:

1. Установить, что совершеннолетние члены семей лиц (военнослужащих и гражданских), осужденных судебными органами или Особым совещанием при НКВД СССР к высшей мере наказания по ст.58–1 «а» УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик: за шпионаж в пользу Германии и других воюющих с нами стран, за переход на сторону врага, предательство или содействие немецким оккупантам, службу в карательных или административных органах немецких оккупантов на захваченной ими территории и за попытку измены Родине и изменнические намерения, подлежат аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на срок пять лет.

2. Установить, что аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на срок пять лет подлежат также семьи лиц, заочно осужденных к высшей мере наказания судебными органами или Особым совещанием при НКВД СССР за добровольный уход с оккупационными войсками при освобождении захваченной противником территории.

3. Применение репрессий в отношении членов семей, перечисленных в пунктах 1 и 2, производится органами НКВД на основании приговоров судебных органов или решений Особого совещания при НКВД СССР.

Членами семьи изменника Родине считаются: отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно с изменником Родине или находились на его иждивении к моменту

совершения преступления или к моменту мобилизации в армию с началом войны.

4. Не подлежат аресту и ссылке семьи тех изменников Родине, в составе которых после должной проверки будет установлено наличие военнослужащих Красной Армии, партизан, лиц, оказывавших в период оккупации содействие Красной Армии и партизанам, а также награжденных ордена и медалями Советского Союза.[62]

Конечно, спору нет, меры жесткие. Однако же, обратите внимание на то, что постановление ГКО касалось только семей членов изменников Родины, которые таковыми признаны по суду или решениями Особого совещания НКВД СССР, а не членов огульно семей попавших в плен. Даже в условиях столь жестокой войны соблюдались существовавшие тогда законы СССР. Не меньшее, а, пожалуй, даже большее внимание обратите на содержание пункта 4 этого постановления. Даже в тех суровых условиях высшая власть СССР требовала четко отделять агнцев от козлищ.

Наконец, о самом важном. Почему такое постановление появилось?! Объяснения ссылками на тоталитаризм или тиранию диктатуры Сталина можете сразу отбросить. Подобные «объяснения» могут удовлетворить только «демократов». Нормальным же людям нужно существо дела. А оно, между прочим, связано с особенностями обеспечения государственной безопасности в такое тяжелейшее время, как война. Здесь нужно четко и ясно осознавать, что ненавистный враг лютовал не только на фронтах, где лицом к лицу сходились армии, но и на невидимом фронте ожесточённой борьбы спецслужб. А в этой борьбе враг действительно очень часто прибегал к попыткам использования членов семей оказавшихся у них в плену бывших военнослужащих Красной Армии (или гражданских лиц), которые встали на путь измены и предательства. Из этого контингента любая солидная спецслужба всенепременно попытается сформировать спаянную родственными узами разведывательно-диверсионную группу в тылу врага. В практике спецслужб это нормальное явление, тем более во время войны. Против СССР действовали не только вермахт, люфтваффе или кригсмарине, но и одна из сильнейших в мире военных разведок — абвер, не говоря уже о нацистской политической разведке. И они вовсе не были склонны пренебрегать любой подворачивавшейся возможностью осуществлять разведывательно-диверсионную и иную подрывную деятельность в советском тылу, а также в тылу действующей армии и в самой действующей армии. Именно поэтому, чтобы сугубо в превентивном порядке лишить противника даже намека на возможность использования

такой потенциальной вербовочной базы, и были приняты столь жесткие меры, которые указаны в упомянутом выше постановлении ГКО.

Ещё раз подчеркиваю, что вовсе не намерен игнорировать жесткость этих мер. Да, все это так. Но в то же время не могу не обратить вашего внимания и на то, что благодаря таким мерам громадное количество советских граждан было убережено от происков абвера и нацистской разведки. В условиях той донельзя же ожесточенной войны, носившей глобальный как геополитический, так и религиозно-цивилизационный характер, принятые жесткие меры были в своей сути и тем более по своим последствиям гуманными. Потому как если этих родственников нацистским спецслужбам удалось бы завербовать и, не приведи господь, если они что-либо предприняли бы против СССР в период войны, то с ними пришлось бы разбираться очень круто, вплоть до расстрела по той самой статье 58–1-«а» УК РСФСР. Слава богу, что этого не случилось, во всяком случае в тех масштабах, на которые надеялись гитлеровцы.

А чтобы было ещё понятней, позвольте привести один пример из современной истории. Наверное, многие помнят кровавые события на «Норд-Ост», когда группа отпетых отморозков из числа чеченских боевиков умудрилась захватить в Москве целый театр, полный зрителей. Но едва ли многие помнят, что сделала группа некоторых родителей и родственников, чьи дети и родственники оказались в заложниках у бандитов. По требованию извергов-бандитов эта небольшая группа во главе с известным и часто выступающим на телевидении с оголтело антисталинских позиций режиссером Марком Розовским перед телекамерами иностранных телекомпаний выступила с требованиями к властям России, прежде всего к президенту России Путину, встать на колени перед бандитами и вступить в переговоры с ними! Естественно, что больше всех старался сам Марк Розовский, усердно всхлипывавший перед иностранными телекамерами. Конечно, как отца, крайне обеспокоенного судьбой своей дочери, его понять можно. Любой нормальный отец в такой ситуации пребывал бы в состоянии крайней обеспокоенности. Но там ведь была не только его дочь. Там было свыше семисот человек. Более того. На кону были не только жизни заложников. На кону была и судьба России, если кто подзабыл те события. Уступи тогда власть этим подонкам-бандитам, то в разнос пошла бы и вся Россия. И потому никак понять нельзя и, уж тем более, оправдать того, что сделали Розовский и та группа, пойдя на такой шаг. А ведь в той ситуации не было никаких изменников, никаких членов семей изменников. И тем не менее обратите внимание, какой сильный политический урон нанесла эта маленькая группа имиджу России. Ведь западные телекомпании тут же разнесли по всему свету, что-де русские власти не желают вступать в

переговоры с ведущими «справедливую национально-освободительную борьбу чеченцами», что Кремлю наплевать на жизни заложников. Ну и так далее, чему ценой был бы сепаратный развал страны.

Так вот, это к тому, что при Сталине, даже в условиях такой жестокой войны было сделано всё, в том числе очень многое в превентивном порядке, чтобы ничего подобного и даже отдаленно подобного не случилось, а жизни советских граждан были бы сбережены, пускай и жесткими, но адекватными военному времени мерами. Да, понимаю, что жесткость этих мер многим может оказаться не по нутру. Позволю себе небольшой совет. А вы попробуйте хотя бы на мгновение представить себе, что такое нести абсолютную полноту исторической ответственности за Величайшую Державу Мира и её многочисленные народы, да ещё и в условиях самой страшной и самой жестокой за всю историю человечества и России войны?! Как только представите, то, быть может, немного поймете, какой невероятной тяжести груз ответственности лежал на плечах Сталина, и, возможно, перестанете огульно критиковать его…

Миф № 21. В начале 1942 года советская разведка вновь допустила серьёзный просчёт в определении главного удара вермахта на Восточном фронте

Миф № 22. Верховный Главнокомандующий Сталин в первый период войны ничего не смыслил в стратегии и руководил военными операциями по глобусу

Миф № 23. По приказу Сталина весь 1942 год осуществлялись бессмысленные Ржевские операции, которые привели к катастрофическим потерям. Ржевская «мясорубка»

Миф № 24. Операция «Марс» — крупнейшее поражение маршала Жукова

Миф № 25. Верховный Главнокомандующий Сталин специально направлял на различные фронты своего бездарного в военном деле, но «верного пса» Л. З. Мехлиса, чтобы тот в страхе держал командование, вследствие чего в итоге и произошла Крымская катастрофа

Миф № 26. Верховный Главнокомандующий Сталин виновен в трагедии Харьковского «котла» 1942 г

Миф № 27. Подготовка к Сталинградской битве осуществлялась спонтанно, потому и понадобился самый жестокий приказ № 227 «Ни шагу назад!», приведший к резкому увеличению потерь

Эти мифы неслучайно объединены в один блок. Дело в том, что, с одной стороны, события, связанные с ними, сами по себе имеют непосредственную тесную взаимосвязь. С другой же, бессовестный и донельзя же лживый миф о том, что-де Сталин ничего не смыслил в стратегии и руководил операциями по глобусу, был запущен проклятым Хрущёвым именно в связи с трагедией Харьковского «котла» 1942 г. Произошло это на проклятом XX съезде КПСС. Причём попутно кукурузник оболгал вообще всю деятельность Сталина на посту Верховного Главнокомандующего. Именно поэтому-то мифы и были объединены в единый блок, чтобы в процессе последовательного их анализа показать, до какой же степени мерзости могло доходить наше «славное» в своей беспрецедентной подлости и гнусности высшее руководство прошлого периода. Несмотря на то, что ложь и клевета заклятого врага нашей Родины Хрущёва у нормального человека вызывает глубокое физиологическое отвращение, тем не менее, придется начать именно с нее — уж не взыщите! Итак, вот что он наклеветал на XX съезде КПСС: «Сталин был очень далек от понимания той реальной обстановки, которая складывалась на фронтах. И это естественно, так как за всю Отечественную войну он не был ни на одном участке фронта, ни в одном из освобожденных городов, если не считать молниеносного выезда на Можайское шоссе при стабильном состоянии фронта, о чем написано столько литературных произведений со всякого рода вымыслами и столько красочных полотен. Вместе с тем Сталин непосредственно вмешивался в ход операций и отдавал приказы, которые нередко не учитывали реальной обстановки на данном участке фронта и которые не могли не вести к колоссальным потерям человеческих жизней. Я позволю себе привести в этой связи один характерный факт, показывающий, как Сталин руководил фронтами. Здесь на съезде присутствует маршал Баграмян, который в свое время был начальником оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта и который может подтвердить то, что я

расскажу вам сейчас. Когда в 1942 году в районе Харькова для наших войск сложились исключительно тяжелые условия, нами было принято правильное решение о прекращении операции по окружению Харькова, так как в реальной обстановке того времени дальнейшее выполнение операции такого рода грозило для наших войск роковыми последствиями. Мы доложили об этом Сталину, заявив, что обстановка требует изменить план действий, чтобы не дать врагу уничтожить крупные группировки наших войск. Вопреки здравому смыслу Сталин отклонил и приказал продолжать выполнять операцию по окружению Харькова, хотя к этому времени над нашими многочисленными военными группировками уже нависла вполне реальная угроза окружения и уничтожения. Я звоню Василевскому и умоляю его:

— Возьмите, — говорю, — карту, Александр Михайлович (т. Василевский здесь присутствует), покажите товарищу Сталину, какая сложилась обстановка? А надо сказать, что Сталин операции планировал по глобусу. (Оживление в зале.) Да, товарищи, возьмет глобус и показывает на нем линию фронта. Так вот я и говорю т. Василевскому, покажите на карте линию фронта, ведь нельзя при таких условиях продолжать намеченную ранее операцию. Для пользы дела надо изменить старое решение.

Василевский мне на это ответил, что Сталин рассмотрел уже этот вопрос и что он, Василевский, больше не пойдет Сталину докладывать, так как не хочет слушать никаких его доводов по этой операции. После разговора с Василевским я позвонил Сталину на дачу. Но Сталин не подошел к телефону, а взял трубку Маленков. Я говорю тов. Маленкову, что звоню с фронта и хочу лично переговорить с тов. Сталиным. Сталин передает через Маленкова, чтобы я говорил с Маленковым. Я вторично заявляю, что хочу лично доложить Сталину о тяжелом положении, создавшемся у нас фронте. Но Сталин не счел нужным взять трубку, а ещё раз подтвердил, чтобы я говорил с ним через Маленкова, хотя до телефона пройти несколько шагов. „Выслушав“ таким образом нашу просьбу, Сталин сказал:

— Оставить все по-прежнему!

Что же из этого получилось? А получилось самое худшее из того, что мы предполагали. Немцам удалось окружить наши воинские группировки, в результате чего мы потеряли сотни тысяч наших войск. Вот вам и военный „гений“ Сталина, вот чего он нам стоил. Однажды после войны при встрече Сталина с членами Политбюро Анастас Иванович Микоян как-то сказал, что вот, мол, Хрущёв тогда был прав, когда звонил по поводу Харьковской операции, что напрасно его тогда не поддержали. Надо было видеть, как рассердился Сталин! Как это так признать, что он, Сталин, тогда был не

прав! Ведь он „гений“, а гений не может быть неправым. Все, кто угодно, могут ошибаться, а Сталин считал, что он никогда не ошибается.

…Большой крови стоила нам и та тактика, на которой настаивал Сталин, не зная природы ведения боевых операций, после того, как удалось остановить противника и перейти в наступление. Военные знают, что уже с конца 1941 года вместо ведения крупных маневренных операций, с обходами противника с флангов, с заходами в его тылы Сталин требовал непрерывных лобовых атак с тем, чтобы брать село за селом. И мы несли на этом огромные потери до тех пор, пока нашему генералитету, который выносил на своих плечах всю тяжесть ведения войны, не удалось изменить положение дел и перейти к ведению гибких, маневренных операций, что сразу дало серьезное изменение положения на фронтах в нашу пользу»[63].

За исключением, «естественно», фамилий и названия Харьковской операции, все остальное в этой цитате абсолютно подлая ложь и гнусная клевета. Но от Хрущева другого ожидать и не стоило. Как был подлецом, таким и помер, натворив такого, что никакие гитлеры не смогли бы натворить (разве что Горбачев с Ельциным превзошли Никитку и Гитлера вместе взятых). К слову сказать, Г. К. Жуков не отставал от Хрущева. В своем секретном письме от 19 мая 1956 г. на имя Н. С. Хрущёва Георгий Константинович такого наклеветал на Сталина, что Геббельс вместе с Хрущевым просто отдыхают! Не случайно, что этот гнусный пасквиль четырежды Героя Советского Союза вплоть до развала Советского Союза хранился в «Особой папке Политбюро», ныне Архив президента Российской Федерации. Только в наше время стало возможным ознакомиться с этим, с позволения сказать, «творением» маршала, от прочтения содержания которого **«ярость благородная вскипает как волна»**.

Начнем анализ с лживых утверждений Хрущёва о военных способностях Сталина в целом. **Никакого глобуса в его кабинете не было. И никогда он не руководил операциями по глобусу. Никогда!**

* * *

Небольшой комментарий. Вообще появление этого подлейшего, совершенно беспочвенного обвинения в адрес Сталина связано со следующим обстоятельством. В памяти того поколения ещё прочно сохранялось содержание великолепного и талантливого фильма всемирно известного Чарли Чаплина **«Диктатор» (1940). В этом фильме есть превосходная сценка, когда исполняющий роль Гитлера Ч. Чаплин играет с глобусом. Эта сценка вызывала невероятные приступы**

гомерического хохота в кинотеатрах всего мира, в том числе и в СССР. Так вот именно этот образ предатель Хрущёв и использовал, навязав яростно внимавшим его оголтелому бреду делегатам съезда ассоциацию с Гитлером. Это старинный метод пропаганды. Конечно, по своей уникальной патологической тупости и безграмотности Хрущев едва ли знал такие тонкости. Но, случайно вспомнив и приведя образ глобуса в своем пасквильном докладе, он фактически сделал то, что обычно разрабатывают в самых секретных лабораториях по ведению психологической войны.

*** * ***

Впоследствии, когда Хрущёва скинули, все маршалы и генералы, ранее дружно поддерживавшие его оголтело лживую брехню, столь же дружно кинулись опровергать его подлую клевету. Короче говоря, «изгибались» вместе с генеральной линией партии. ещё раз хочу напомнить, что только два славных маршала — Великий Маршал Великой Победы, Подлинный Суворов Красной Армии К. К. Рокоссовский и Главный маршал авиации А. Е. Голованов никогда не участвовали в этой вакханалии антисталинизма. Ни единым словом. А за принципиальный отказ от участия в этом бандитизме оба маршала пострадали так, что не приведи господь. Рокоссовского, при одном только упоминании имени которого вся поганая фашистская нечисть в страхе дрожала, маршала, выдающимся победам которого и возглавлявшимся им войскам был посвящен каждый шестой салют (61 из 363), великого полководца, который принял капитуляцию Паулюса и которому побежденный новоиспеченный гитлеровский фельдмаршал сдал свое личное оружие («Побежденный— Победителю»), — в полном расцвете творческих сил попросту выкинули на пенсию с поста заместителя министра обороны. Причем без какого-либо предупреждения. Имевшего же звание Главного маршала авиации Голованова вынудили пойти под командование чуть ли не полковников! Но своего принципиального мнения о Сталине, о его выдающихся заслугах перед Родиной оба великих и славных маршала не изменили. За что им низкий поклон! За их беспримерный подвиг простого человеческого и мужского мужества!

Далее. Ложь о глобусе опровергают оперативные документы. Генерал армии А. И. Грибков, работавший в годы войны в Оперативном управлении Генерального штаба, свидетельствует: «Н. С. Хрущёв, развенчивая культ личности И. В. Сталина, утверждал, что, мол, тот руководил фронтами по

глобусу. Разумеется, все это ложь. В военных архивах хранятся карты различных масштабов с пометками, сделанными рукой Верховного Главнокомандующего»[64]. Вдумчивый исследователь Л. А. Балаян собрал неопровержимые свидетельства того, что Хрущев попросту подло лгал. Опровержение злопыхательства Хрущева по вопросу о «глобусе» можно найти и у адмирала Н. Г. Кузнецова в его книге «Накануне»: «Совершенно неверно злобное утверждение, будто бы он по глобусу оценивал обстановку и принимал решения. Я мог бы привести много примеров, как Сталин, уточняя с военачальниками положение на фронтах, знал, кого нужно, вплоть до положения полка». В книге К. С. Москаленко «На Юго-Западном направлении»: «Когда Николай Федорович [Ватутин. — *А. М.*] рассказал нам о своей беседе с Верховным, я не смог скрыть удивления по поводу той тщательности, с которой Ставка анализировала боевые действия, и у меня невольно вырвалось: „По каким же картам следит Верховный за нашими действиями, если видит больше и глубже нас?“ Николай Федорович улыбнулся: „По двух- и пятисоттысячным за фронтом и по стотысячным за каждой армией. Главное же, на то он и Верховный, чтобы подсказывать нам, поправлять наши ошибки…“».

Главный маршал авиации А. Новиков (кстати говоря, репрессированный в послевоенное время. — *А.М.*) в своё время отмечал: «Чего, например, стоит заявление Хрущёва, будто Сталин во время войны планировал операции и руководил ими по глобусу, находившемуся у него в кабинете. Одно только это утверждение автора доклада вызвало тогда довольно широкий (хотя и негласный[65]) протест, особенно среди военных деятелей да и многих рядовых ветеранов Великой Отечественной войны»[66].

К слову сказать, Молотов также оставил воспоминания на этот счет: «В фойе карты по всем стенам. Хрущев говорил, что он по глобусу руководил — наоборот, он очень карты любил географические…»[67].

Сталин действительно всегда работал только с картами, которые, к слову сказать, постоянно лежали у него на столе. Более того. Всегда работал не просто с картами, а постоянно приглашал курирующих то или иное направление на советско-германском фронте старших офицеров Генерального штаба. Потому что они лучше любого генерала знали истинное положение дел на том участке фронта, которое они курировали. Именно поэтому-то Сталин очень хорошо владел обстановкой на фронтах. Знал даже где находится и что делает не только отдельная дивизия, но и даже полк, а в иных необходимых случаях знал вплоть до батальона! Хотя, как Верховный Главнокомандующий, в принципе-то и не должен был знать этого. Его уровень — это фронты, армии, максимум корпуса и дивизии.

Короче говоря, все, что касается «планирования операций по глобусу» — беспрецедентно наглая ложь Хрущёва. В настоящее время так много опубликовано всевозможных данных о том, как в действительности работал в годы войны Сталин, как он занимался разработкой операций, что просто стыдно должно быть тем, кто пытается уверить современников, что-де Сталин ничего не смыслил в стратегии и тыкал пальцем в глобус. Его полководческие способности, переросшие со временем в победоносный военный гений, стали складываться ещё в Гражданскую войну. И в Великую Отечественную войну он вступил более чем основательно подкованным в военном деле. И любую карту мог с листа прочитать не хуже начальника Генерального штаба, и разработать операцию хоть армейского, хоть фронтового уровня, и тем более осуществить их. Все основные идеи по ведению войны возникали и разрабатывались в Ставке Верховного Главнокомандования, то есть при непосредственном участии Сталина, и благодаря его же воле, целеустремленности и организаторским способностям эти идеи, воплощенные в конкретные планы, проводились в жизнь. В многочисленных беседах с писателем Ф. Чуевым Главный маршал авиации А. Е. Голованов неоднократно подчеркивал, что все основные предложения по ведению войны исходили именно от Сталина. Главный маршал авиации А. Е Голованов в свое время отмечал: **«Удельный вес Сталина в ходе Великой Отечественной войны был предельно высок как среди руководящих лиц Красной Армии, так и среди всех солдат и офицеров. Это неоспоримый факт…** Мне посчастливилось работать с великим, величайшим человеком, для которого выше интересов государства, выше интересов нашего народа ничего не было, который всю свою жизнь прожил не для себя и стремился сделать наше государство самым передовым и могучим в мире. И это говорю я, которого тоже не миновал 1937 год!»[68].

К слову сказать, позицию Голованова разделяют едва ли не все, подчеркивая, что **«зарождение идеи в Ставке** и **воля Верховного Главнокомандующего определяли успех сражения»**. Вот что привело СССР к блистательной Победе. Но никак не тыканье пальцем в глобус.

* * *

Небольшой комментарий. Небезынтересно в этой связи и мнение маршала Баграмяна: «Зная огромные полномочия и поистине железную властность Сталина, я был изумлен его манерой руководить. Он мог кратко скомандовать: „Отдать корпус“ — и точка. Но Сталин с большим тактом и

терпением добивался того, чтобы исполнитель сам пришел к выводу о необходимости этого шага. Мне впоследствии частенько самому приходилось уже в роли командующего фронтом разговаривать с Верховным Главнокомандующим, и я убедился, что он умел прислушиваться к мнению подчиненных. Если исполнитель твердо стоял на своем и выдвигал для обоснования своей позиции веские аргументы, Сталин почти всегда уступал»[69].

* * *

Что же до подлых обвинений Хрущёва в том, что-де «уже с конца 1941 года вместо ведения крупных маневренных операций, с обходами противника с флангов, с заходами в его тылы Сталин требовал непрерывных лобовых атак с тем, чтобы брать село за селом. И мы несли на этом огромные потери…», позвольте привести малоизвестное, но очень авторитетное свидетельство того, что это гнусная ложь. Речь идет о безмолвных и пока ещё в подавляющей своей части тщательно скрываемых от общественности донесениях Особых отделов. Вот, например, докладная записка от 9 ноября 1941 г. начальника Управления особых отделов В. Абакумова на имя наркома внутренних дел Л. Берия и докладная записка от 14 февраля 1942 г. Особого отдела Первой ударной армии на имя В. Абакумова. Специально привожу именно эти документы, чтобы на их примере, относящемся к упоминавшемуся Хрущевым времени, показать, что же было в действительности — ведь в обоих документах речь идёт о действиях командования одной и той же армии. Итак, в первом документе В. Абакумов особое внимание акцентировал на том, что «наступление ведется вытеснением, а не уничтожением противника, не используются фланговые обходы. При наличии больших потерь материальных средств потери его (противника. — *А.М.*) в людском составе незначительны». Далее в записке «обращалось внимание на неудовлетворительную организацию питания личного состава, подвоза боеприпасов» и т. д. Проходит три месяца, и особисты вынуждены констатировать, что командование все той же Первой ударной армии совершает грубейшие ошибки, в результате которых погибла едва ли не половина её личного состава, — из 78 тыс. чел. безвозвратные потери составили свыше 30 тыс. человек. Опять-таки отмечались все те же недостатки командования:

— отсутствие стремления к изучению возможностей для обходных маневров, — захода в тыл или во фланги противника,

— нежелание применять иные формы прорыва укреплений противника, кроме как лобовыми ударами, тем более без особых предварительных технических (в основном артиллерийских) усилий да ещё и при серьёзном некомплекте в личном составе. Все это приводило к массовым безвозвратным потерям личного состава. Такую правду о себе, а ведь здесь она показана в исключительном мизере, армейское командование не приемлет и по сей день[70]. Так что Хрущёв врал напропалую. Кстати, не случайно, что он лично отдал распоряжение расстрелять Виктора Абакумова уже после убийства Сталина. Такой свидетель ему был не нужен. Хуже того. Чревычайно опасен.

Вплотную к этой брехологии Хрущёва насчёт лобовых ударов примыкает и история Ржевских операций. Речь идёт об очень важных операциях Красной Армии:

— Ржевско-Вяземская, 8 января — 20 апреля 1942 г.,

— Ржевско-Сычевская, 30 июля — 23 августа 1942 г.,

— Ржевско-Сычевская, 25 ноября — 20 декабря 1942 г.,

— Ржевско-Вяземская, 2–31 марта 1943 г.

Миф об этих операциях стал складываться ещё во время войны. Но долгие десятилетия пребывал как бы в подполье. Хотя знаменитая стихотворная строка «Я убит подо Ржевом» была широко известна. Но сам миф не был широко известен и уж тем более широко не эксплуатировался. Причиной тому маршал Жуков. Поскольку эти операции в реестрах особо победоносных не значатся, то он предпочитал помалкивать о них, хотя и командовал ими. Когда же заговорили об этих операциях, то мгновенно превратили выдающийся подвиг наших солдат и офицеров в нечто отвратительное для общества — «Ржевская мясорубка». А Г. К. Жуков в своих мемуарах вообще преподнес эти операции чуть ли не как кровавое самодурство Сталина. Затем устроили фантасмагорию с невесть откуда взявшимися «загадками» Ржевских операций. Между тем никаких загадок-то нет и в помине, как, впрочем, не было и «мясорубки», в чем также убедимся. Загадки нет даже в том, почему ещё при жизни пресловутый своей крайней одиозностью генерал от лжеистории — Дм. Волкогонов — вылил кучи помоев на историю этих операций. Уж очень не хотелось этому псевдоисторику в погонах признавать (да разве только ему одному?), что без этих операций не было бы славной Победы под Сталинградом, да и перелома в войне, а главное — не хотелось признавать стратегическую мудрость и прозорливость Сталина. Тогда (да и сейчас тоже) ведь особым шиком «гласности, перестройки и демократии» почиталось поливать грязью и Сталина, и всю историю России! Вот он и слепил брехню о том, что Ржевские операции, особенно первые три (1942 г.), видите ли, были «одной

из самых крупных неудач советского военного командования в Великой Отечественной войне». А попутно ещё при жизни метко переименованный в народе в Туфтогонова генерал состряпал и подлую формулировочку — **«не в бой, а на убой»** — как генеральный лейтмотив этих операций. К слову сказать, и после него тоже не шибко уж настроены опровергать эту формулировочку. К примеру, ещё 8 июня 2001 г. под «туфтогоновским» названием **«Не в бой, а на убой»** в «Независимом военном обозрении» была опубликована статья М. Ходаренка и О. Владимирова. Не до конца исследовавшие вопрос (вообще-то серьезные) эксперты, к сожалению, пришли к печальным выводам. Да, погибших надо не только оплакивать, но и помнить — тут спору нет и быть не может. Но надо же и правду называть до конца, а она-то отнюдь не такая, как они её представили, особенно ежели, в полном объеме её назвать. Более того. Одно из самых лучших исследований по истории Ржевских операций последнего времени — **«Ржев 42»**, принадлежащее перу С. Герасимовой, имеет полное название **«Ржев 42. Позиционная бойня»** (М., 2007). Ну отчего же все время такие выражения?! Ведь не о КРС же речь ведём?! О людях, о наших с вами соотечественниках, которые своей храбростью, мужеством и героизмом, а зачастую и геройской смертью гарантированно обеспечили коренной перелом в войне! Разве их выдающийся подвиг не обязывает нас быть поосторожней в выборе выражений, тем более для названий книг и статей?! Едва ли может быть иное мнение.

Что же касается брехологии о том, что-де операция «Марс» (Ржевско-Сычевская, 25 ноября — 20 декабря 1942 г.) явилась крупнейшим поражением Жукова, то её развел современный американский исследователь Д. Гланц. Что, впрочем, и неудивительно — на то он и янки, чтобы не понимать сути того, что пишет. Ведь речь-то идет об очень серьезных, имевших громадное стратегическое значение операциях. Как отмечает в своей книге «Ржев 42. Позиционная бойня» (М., 2007) один из ведущих специалистов по истории этих операций — С. Герасимова, **«в отечественной исторической литературе, в массовом сознании сражения в районе ржевско-вяземского выступа летом, осенью и зимой 1942 года помогали действиям советских войск под Сталинградом. Интересно, что и немцы говорили, что обороняют Ржев, чтобы достичь победы на юге. Задачей обеих сторон у Ржева было сковать силы противника и не позволить перебросить их на юг, под Сталинград, на кавказское направление. Это, безусловно, так. Но говорить только о помощи Сталинграду — значит преуменьшать значение Ржевской битвы, которая, в определенной степени, оказала влияние на военные действия и на других участках советско-германского фронта, а также**

на других театрах военных действий Второй мировой войны, внеся тем самым значительный вклад в достижение Победы над фашизмом. Переброшенные в центр Восточного фронта за все время битвы немецкие соединения и части были сняты не только с юга, но и с других направлений, о чем почему-то забывают»[71]. Но самое великолепное резюме военной сути этих операций, особенно за 1942 г., подвел известный историк Д. М. Проэктор, подчеркнувший, что **в ходе этих операций войска группы армий «Центр» надолго были выключены из общего баланса фашистской стратегии**[72]!

Так вот в том-то и была вся суть стратегии Сталина на 1942 г. Ржевские операции были одним из крупнейших вкладов сражавшихся на этом фронте советских солдат и офицеров, военного командования и лично Верховного Главнокомандующего в Великую Победу, победоносный марш к которой доподлинно начался не только от берегов Волги и предгорий Кавказа, но и под нашу же артиллерийскую канонаду на Ржевском направлении. Все операции имели строгую подчиненность единому замыслу и адекватные ему цели на каждом этапе. Сталин четко нацелился на то, чтобы сломать хребет нацистскому зверю именно в глубине России — к глубокому сожалению, иначе не выходило, тем более после того, что случилось 22 июня 1941 г., но особенно же весной 1942 г. У Сталина не было права на ошибку. Здесь всё зависело от того, насколько тщательно будет проведена подготовка, прежде всего военно-экономическая, к дальнейшему отпору агрессии, дабы обеспечить обязательность коренного перелома в войне. А для этого ему необходимо было сковать войска ГА «Центр» на Ржевском направлении. Чтобы избавить Москву от угрозы повтора наступления на нее и тем более захвата. Не говоря уже и о других, не менее важных военных задачах, решение которых осуществлялось на других фронтах.

До чрезвычайности характерно, что цели, которые преследовал Сталин, были как бы опережающе зеркальными по отношению к целям Гитлера. Они сфокусировались, главным образом на проблеме нефти. Дело в том, что ещё с середины октября 1941 г. Сталину хорошо было известно, что в вермахте острый дефицит топлива, а контрнаступление наших войск под Москвой ясно показало, что милостиво сданных Францией Гитлеру 5 млн. тонн нефти только и хватило, что под мощными контрударами нашей армии откатиться от Москвы. После этого дальнейшая судьба военной кампании на Востоке, а в конечном-то итоге, и самого Третьего рейха зависела от того, сумеет ли вермахт прорваться к нефти Северного Кавказа и Баку — советская разведка ещё до контрнаступления под Москвой проинформировала Сталина о планах Гитлера осуществить весенне-летнее

наступление в Южном направлении[73]. Очевидно, в том числе и этими данными было обусловлено согласие Сталина на контрнаступление под Харьковом, столь бездарно проваленное Тимошенко и Хрущёвым, и на Крымскую операцию, также проваленную.

Вообще для понимания сути предназначения всех Ржевских операций необходимо точно знать, какой разведывательной информацией руководствовался Сталин, принимая решения об их проведении. Только это способно в корне уничтожить оголтелый идиотизм тупого антисталинизма.

* * *

Особый комментарий. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на беспочвенные утверждения многих авторов о том, что-де советская разведка допустила серьезный просчет в определении направления главного удара вермахта на Восточном фронте весной — летом 1942 г., миф о чем фигурирует в рассматриваемом блоке.

Возможно, что многие коллеги по историческим исследованиям изрядно удивятся, быть может даже и к вящему своему неудовольствию, но грубейший просчет совершают именно они, а не славные разведчики военной поры. Вот донесение ГРУ от 18 марта 1942 г. в Генштаб: **«Подготовка весеннего наступления подтверждается переброскими немецких войск и материалов. За период с 1 января по 19 марта переброшено до 35 дивизий** (фактически, правда, 20, но винить разведку за это не стоит, она и так указала „до“, что на языке военной разведки означает определенную долю предположительности. — *А.М.*)**, непрерывно идет людское пополнение в действующей армии. Ведутся интенсивные работы по восстановлению железнодорожной сети на оккупированной территории СССР, идет усиленный завоз боевых и транспортных машин, боеприпасов, артиллерии. Не исключается, что решительное наступление немцев на Восточном фронте будет при одновременном выступлении Японии против СССР и нажиме со стороны немцев на Турцию с целью принудить её к пропуску немецких войск на Кавказ… Немцы, не имея возможности произвести соответствующую перегруппировку сил на фронте, не смогут повторить наступление на широком фронте. Все усилия они сосредотачивают на подготовке последовательных операций: вначале с целью захвата Кавказа и Мурманской железной дороги**[74]**, затем распространение операций к северу с задачей овладения городами Москвой и Ленинградом. Решением этих задач достигалась бы основная стратегическая цель —**

изоляция СССР от союзников, лишение его нефти, и если не разгром, то низведение его до степени, когда он теряет всякое значение. В этом основной замысел германского командования. Центр тяжести весеннего наступления будет перенесен на южный сектор фронта с вспомогательным ударом на севере, при одновременной демонстрации на центральном фронте против Москвы… Германия готовится к решительному наступлению на Восточном фронте, которое развернется вначале на южном секторе и распространится в последующем к северу. Для весеннего наступления Германия выставит вместе с союзниками до 65 новых дивизий… Наиболее вероятный срок весеннего наступления — середина апреля или начало мая 1942 года»[75].

23 марта 1942 г. в Государственный Комитет Обороны поступило донесение советской внешней разведки (НКВД), в котором говорилось: **«Главный удар будет нанесен на южном участке с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда по направлению к Каспийскому морю. Этим путем немцы надеются достигнуть источников кавказской нефти. В случае удачи операции с выходом на Волгу у Сталинграда немцы наметили повести наступление на север вдоль Волги. Немцы этим летом будут стремиться не только выйти к Волге и Каспийскому морю, но и предпримут основные операции против Москвы и Ленинграда, так как захват их является для немецкого командования делом престижа»**[76].

Ну и на каком же основании из этих данных разведки делается вывод о том, что советская разведка вновь допустила серьезный просчёт в определении направления немецкого главного удара на Восточном фронте?! На каком основании делается вывод о том, что и Сталин, опираясь на эти данные, сделал неправильный вывод — что-де немцы летом 1942 г. будут в состоянии вести крупные наступательные операции на двух стратегических направлениях, вероятнее всего, на московском и на юге?! На каком основании высказывается вызывающае сомнение в объективности мысль о том, что-де опасения Сталина за московское направление, где у противника были сосредоточены огромные силы, было неверными?! Ах, на основании полного текста директивы Гитлера № 41 от 5 апреля 1942 года! Вот оно в чем дело-то! Но ведь в тексте этой директивы практически дословные совпадения с тем, что говорила разведка! Пожалуйста, убедитесь сами: **«I. Общий замысел. Общие первоначальные планы кампании на востоке остаются в силе; главная задача состоит в том, чтобы, сохраняя положение на центральном участке, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ. Эта задача может быть выполнена**

только путем расчленения её на несколько этапов, так как необходимо учитывать обстановку, создавшуюся после окончания зимней кампании, наличие сил и средств, а также транспортные возможности. Поэтому в первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет. Окончательное окружение Ленинграда и захват Ингерманландии откладываются до тех пор, пока изменение обстановки в районе окружения или высвобождение других достаточных для этого сил не создадут соответствующих возможностей»[77].

Пожалуйста, хотя бы на время отбросьте в своем сознании всякий налет въевшегося в него предвзятого отношения ко всем решениям и действиям Сталина и постарайтесь вдумчиво, аналитически прочитать положения общего замысла директивы № 41 — прочитать его так, как его прочитал Верховный Главнокомандующий Сталин. Уверяю вас, это не трудно. Ведь все же читатели нормальные люди. А значит, всегда готовы и к нормальным реакциям и действиям. Итак, несмотря на то что указания на повторное наступление на Москву там отсутствуют, это вовсе не означает, что оно было исключено. Ведь что написал коричневый шакал — **«Общие первоначальные планы кампании на востоке остаются** в **силе»**. А что в них входило? **Захват Москвы!** Что, это разве неизвестно?! Идём дальше. Что писал Гитлер? **«…Все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке фронта…»** А что это означает? Что войска группы армий «Центр», то есть те, что наступали на Москву, но были отброшены в ходе Московского контрнаступления, могут быть переброшены на южный сектор советско-германского фронта! Разве не так, если речь идет о всех имеющихся в распоряжении силах?! Далее, обратите также внимание на построение фразы Гитлером — **«Поэтому в первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы должны быть сосредоточены для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожить противника западнее Дона, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет»**. Такое построение фразы означает, что речь идёт о главной операции на южном участке советско-германского фронта, а не о главной операции всего Восточного фронта! Если наоборот, то должно было бы быть такое построение фразы — **«…для проведения на южном участке главной операции предстоящей кампании на Восточном фронте»! Но этого нет в**

директиве № 41. Гитлер хоть и негодяй и преступник № 1 всех времен и народов, но отнюдь не безграмотная тетеря наподобие нашей интеллигентской босячни с дипломами о поверхностном образовании. К глубокому сожалению, он очень даже хорошо соображал в стратегии и грамоте, пока Сталин не обломал ему рога и мозги своей мудрой византийской хитростью!

* * *

Идём дальше. Завершает общий замысел фраза **«Окончательное окружение Ленинграда и захват Ингерманландии откладываются до тех пор, пока изменение обстановки в районе окружения или высвобождение других достаточных для этого сил не создадут соответствующих возможностей»**. А это что означает? А то, что если, не приведи господь, ближайшая к группе армий «Север» группировка армий «Центр», ранее наступавшая на Москву, паче чаяния высвободится, то тогда создадутся именно возможности, которые фюрер назвал **«соответствующими»**, поставив в начале общего замысла цель захвата Ленинграда.

Так вот кто бы теперь объяснил, в чем же советские разведывательные службы и вслед за ними Сталин допустили серьезный просчет?! В чем этот просчет, если, опираясь на данные разведки, Сталин совершенно справедливо склонился к высказанной вслух мысли о том, что **«не сидеть же нам в обороне, сложа руки, и ждать, пока немцы нанесут удар первыми! Надо самим нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте… Жуков предлагает развернуть наступление на Западном направлении, а на остальных фронтах обороняться. Я думаю, что это полумера»**[78]**. Правильно, полумера. Потому как наступление на одном из направлений при обороне на других фронтах привело бы, при пока ещё сохранявшейся исключительной мобильности вермахта, к быстрой переброске гитлеровских войск на угрожаемый для них участок фронта и тогда дело было бы швах. Как ни крути, но в драку надо было лезть практически на всех направлениях. Взять хотя бы те же Ржевские операции, о которых идет речь. Предположим, гитлеровские войска не были бы скованы на этом направлении активными наступательными операциями наших войск, главная цель которых была прежде всего не в разгроме гитлеровцев, а именно в сковывании и постепенном их перемалывании. И что тогда? У германского командования появился бы искус и шанс вновь полезть на Москву, либо перебросить их в**

помощь ГА «Север» для безусловного захвата Ленинграда. Или, что также было крайне нежелательно, — в помощь войскам, действующим на южном фланге! Ну неужели это может быть непонятно?! А если понятно, то какого же рожна, спустя почти семь десятилетий, беспрестанно тыкать упреками то разведке, то Сталину?! Ведь только что мы прочитали общий замысел директивы № 41, как его прочилтал сам Верховный Главнокомандующий Сталин. Неужели непонятно, что он прочитал правильно и, более того, принял правильное решение?!

*** * ***

Это тем более важно, если учесть, что одно из главнейших предназначений Ржевских операций — не допустить прорыва сдерживавшихся там армий на юг, к Сталинграду и на кавказское направление. Не говоря уже о Ленинграде. Блокадный Ленинград сдерживал гитлеровские войска, не давая им повернуть к Москве. А Москва на Ржевском направлении сдерживала гитлеровские войска, не давая им возможность рвануть в сторону Ленинграда, а также на юг. А поскольку готовить Сталинградскую битву Сталин начал ещё **2 октября 1941** г., что документально безупречно доказывается, следовательно, по состоянию на 2 октября 1941 г. Сталин уже знал о предварительных планах Гитлера на 1942 год. То есть уже знал о его намерении прорваться на юг СССР, к Сталинграду, на Кавказ. Не говоря уже о Ленинграде. И следовательно, его решение о плане на весенне-летнюю кампанию 1942 г. было принципиально верным. Сколь бы тяжело ни было, но лупить гитлеровцев надо было именно на широком фронте.

Ведь, позвольте это ещё раз подчеркнуть, согласно директиве № 41 германские войска при сохранении угрозы захвата Москвы и Ленинграда должны были сосредоточить основные силы на южном участке фронта, захватить Кавказ, особенно его нефтеносные районы и промышленные центры, Ростовскую и Сталинградскую области, выйти на рубеж Волги. В директиве прямо ставились следующие задачи:

— окончательно уничтожить живую силу, оставшуюся в распоряжении Советов, лишить русских возможно большего количества военно-экономических центров…

— захватить нефтяные районы Кавказа и перевалы через Кавказский хребет…

— попытаться достигнуть Сталинграда или, по крайней мере, подвергнуть его воздействию тяжёлого оружия с тем, чтобы он потерял

свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций.

Благодаря советской военной разведке и разведке НКВД Сталин располагал едва ли не всеобъемлющей информацией об операции «Блау» задолго до того, как Гитлер подписал эту директиву. В том числе и о том, что при возможном благоприятном развитии этой операции, Гитлер, ко всему прочему, намеревался также повернуть свои войска на север для повторной попытки захвата Москвы и Ленинграда. Зная это, мы обязаны понять, почему сразу после битвы под Москвой Сталин принял решение об активных наступательных операциях чуть ли не по всем направлениям. Ведь это же не было каким-то там самодурством Сталина, как это пытаются выставить отдельные щелкоперы от истории, в том числе и со ссылкой на Жукова. То было суровой необходимостью — в основе его решения лежала точная, многократно проверенная разведывательная информация, начало которой было положено ещё осенью 1941 г. Прежде чем охаивать Сталина, надо хотя бы более или менее точно знать, что лежало в основе побудительных мотивов тех или иных его решений. В этом честь и достоинство историка, а облаять «мертвого льва» может любая собака — несть им числа, к глубочайшему сожалению!

Решение о проведении первой Ржевской операции было связано именно с этим. И решения о проведении остальных Ржевских операций тоже было связано с этим. Именно под их прикрытием одновременно и параллельно решались громадные комплексы сложнейших военно-стратегических и военно-экономических задач! С одной стороны, это задачи по сковыванию и постепенному перемалыванию значительной части войск вермахта на Западном направлении при одновременном их удержании от искушения вновь рвануть на Москву. С другой — одновременного пассивного провоцирования группы армий «Юг» на втягивание вглубь России на Южном направлении (под нефтяную приманку). В основном за счет не контролируемого холодным рассудком азарта преследования уклонявшихся по указанию Сталина от всяких решительных столкновений с врагом наших войск, постепенно отходивших к Волге. Об этом писал даже Кейтель.

* * *

Дополнительный комментарий. В своей нашумевшей **книге «Убийство Сталина и Берия»** блестящий аналитик и дотошный исследователь Ю. И. Мухин подчеркнул, что **«немцы в своих работах отмечают, что после поражения Красной Армии под Харьковом**

характер последующих боев резко изменился, а ни один наш военачальник этого не отмечает! То есть изменение характера войны не только не от них зависело, но они его и не заметили! Не заметили того, что отметили и Гальдер, и Кейтель. Последний писал: „Боевые действия русских во время крупного наступления на юге приобрели новый характер; число захваченных военнопленных, в сравнении с прежними битвами на окружение, стало незначительным. Противник своевременно избегал грозящих охватов и в своей стратегической обороне использовал большой территориальный простор, уклоняясь от задуманных нами ударов на уничтожение. Именно в Сталинграде и прилегающем к нему районе, а также на горных перевалах он оказывал упорное сопротивление, ибо больше не боялся оперативных охватов и обходов“»[79].

«Иными словами, — отмечает Мухин, — с начала лета 1942 г. немцев начали заманивать в глубь России! Заманивать, воспользовавшись стремлением Гитлера соединиться с турками. Но поскольку никто из наших историков и военачальников об этом не пишет (Тимошенко не оставил мемуаров), то, значит, весь этот план был задуман и оставался в голове Сталина»! И далее Ю. И. Мухин говорит, что «отступление советских войск на Волгу и Кавказ было осмысленным, а не вынужденным» и что об этом «свидетельствует много косвенных фактов»[80].

*** * ***

Кроме того, следует иметь в виду, что Ржевские операции одновременно преследовали цель максимально возможного выигрыша времени для решения колоссальнейших по своему значению и объёму военно-экономических задач. Прежде всего, скорейшего развертывания и наращивания оборонного производства после тотальной эвакуации (кстати, частично она продолжалась ещё и в 1942 г.), организации стратегических запасов, в том числе и нефти для обеспечения бесперебойного снабжения, включая и ГСМ для действующей армии и тыла. Сталин ясно понимал, что после победы под Москвой **«момент внезапности и неожиданности, как резерв немецко-фашистских войск, израсходован полностью. Тем самым ликвидировано то неравенство в условиях войны, которое было создано внезапностью немецко-фашистского нападения. Теперь судьба войны будет решаться не таким привходящим моментом, как момент внезапности, а постоянно действующими факторами: прочность тыла,**

моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружений армии, организационные способности начальствующего состава армии».

В группе военно-экономических задач особое место занимала задача воссоздания Красной Армии, её оснащения и перевооружения в кратчайшие сроки, создание необходимых запасов для борьбы с врагом под Сталинградом и на Кавказе.

*** * ***

Дополнительный комментарий. Ведь необходимо было гарантированно обеспечить прежде всего топливом как производственные мощности предприятий ВПК, которые после тотальной эвакуации только-только начали разворачивать и наращивать производство оружия и боеприпасов, так и весь тыл и, конечно же, действующую армию. И какие бы то ни было сбои или перебои в обеспечении топливом должны были быть исключены. Заранее и в безопасном районе следовало подготовить необходимые запасы топлива, но одновременно подготовить и забивку нефтяных скважин на случай возможного их захвата гитлеровцами и в то же время резко наращивать производство оборонной продукции, а также заранее организовать пути бесперебойной доставки топлива и иных военных грузов к фронту — стояли сверхархисложные задачи! Именно в это время по указанию Сталина Берия и организовал срочное рытье котлованов-хранилищ нефти на Урале и в других местах, доверху заполнив их нефтью до того, как нефтеисточники Северного Кавказа временно попали к немцам. Одновременно и также задолго до того, как гитлеровцы подошли к нефтеносным территориям, нарком нефтяной промышленности Н. Байбаков лично от Сталина получил задание подготовить забивку нефтескважин Краснодарской области и Северного Кавказа непосредственно перед (возможной) оккупацией этих территорий. Надо с низким поклоном отдать должное Байбакову. Он настолько блестяще и технически грамотно осуществил забивку нефтескважин прямо на глазах у гитлеровцев, что те так и не смогли их раскупорить и воспользоваться нашей нефтью. После освобождения этих территорий нефтескважины были раскупорены не менее блестящим образом. По указанию Сталина параллельно Берия организовал снятие ж.-д. полотна вместе с рельсами с уже тогда строившегося БАМа и в кратчайшие сроки построил рокадную (идущую вдоль фронта) железную дорогу Кизляр — Астрахань — Саратов. Именно благодаря этой железной дороге к началу контрнаступления под Сталинградом было подано 100 тыс.

вагонов различных грузов — если умножить на 45 т, то есть на грузоподъёмность тогдашних вагонов, то получится 4,5 млн. т. грузов! И надо особо отметить, Сталин очень внимательно отслеживал движение каждого эшелона, их разгрузку, сурово взыскивая за любые срывы и нерасторопность. И одновременно по указанию Сталина Берия вплотную занимался усилением обороны Кавказа. Так что без прикрытия Ржевскими операциями заниматься решением таких вопросов было бы невозможно.

*** * ***

А среди сугубо военных особо выделялись задачи по осмыслению жестоких уроков первого периода, выработке рекомендаций по эффективному ведению боев и переобучению армии. Красная Армия заново овладевала «наукой побеждать». Об этом, в частности, свидетельствуют директивы и приказы Верховного Главнокомандующего и наркома обороны. Например, «О сущности артиллерийского наступления» (10.01.42), «Об организации взаимодействия между штабами Сухопутных войск и флота» (20.04.42), «Об улучшении радиосвязи» (18.05.42), «О совершенствовании тактики наступательного боя и боевых порядках» (08.10.42), «О боевом применении бронетанковых и механизированных войск» (16.10.42) и многие другие.

Параллельно такой же выигрыш времени требовался и для организации жесткой стратегической обороны под Сталинградом и в предгорьях и на горных перевалах Кавказа. Кроме того, этими же операциями решались задачи воспрепятствования любым попыткам переброски войск вермахта из-под Ржева на Южное направление, в том числе и на помощь уже окружённым под Сталинградом гитлеровцам. Таков далеко не полный перечень задач, которые решались под прикрытием Ржевских операций. Подчеркиваю, что все они решались как одновременно и параллельно, так и непрерывно и последовательно, несмотря на то что между самими Ржевскими операциями имелся временной разрыв.

Кстати, такие же задачи решались и под прикрытием других операций того времени, за что многие военачальники тех времен скопом охаивают Сталина, не желая даже чуть-чуть подумать над тем, а как он должен был организовать работу тыла, если гитлеровцы поперли бы дальше на восток без какого-либо сопротивления с нашей стороны. Скажу даже больше. Под прикрытием Ржевских операций осуществлялась невидимая глобальная

подготовка как к коренному перелому в войне, так и к коренной трансформации государства, к очищению его от наиболее одиозных марксистских черт и превращения его в истинно Русское. К примеру, мало кто учитывает то обстоятельство, что работу по отбору музыки и слов для будущего гимна СССР, который, кстати говоря, с небольшими изменениями по сей день является нашим государственным гимном, Сталин приказал начать ещё осенью 1942 г. То есть уже тогда Сталин не сомневался в абсолютной неизбежности коренного перелома в войне. Приведу один неизвестный пример. Сталин настолько был уверен в скорой неминуемости коренного перелома в войне, что за пару недель до окружения немцев под Сталинградом приказал начальнику советской военной миссии в Англии контр-адмиралу Н. Харламову официально сообщить британскому имперскому генеральному штабу о том, что вскоре армия Паулюса будет окружена и уничтожена! Готовились также и иные реформы, хотя и имевшие формальное военное значение, но фактически — куда большее национально-патриотическое. Уже в 1942 г. исподволь была начата подготовка к введению погон в армии, которые были отменены ещё в 1917 г. Так что глобальное значение Ржевских операций невероятно огромно и вплотную примыкает к понятию **«судьбоносное значение»** для СССР (России). А 19 ноября 1942 г. начался давно запланированный Сталиным коренной перелом в войне — кольцо окружения под Сталинградом замкнулось. Началось славное уничтожение армии Паулюса.

А всё началось через месяц после начала контрнаступления под Москвой. Первой же Ржевской операцией Сталин преднамеренно стал дурачить Гитлера и его генералитет, умышленно создавая у них ложное впечатление, что-де Западное направление является главным в планах Москвы. Ради этого Сталин не очень-то и скрывал факт концентрации войск и резервов на этом направлении. Например, из шести резервных армий пять были около Москвы и лишь одна — в Сталинграде, о чем немцам было известно. Зато очень тщательно Сталин маскировал от гитлеровцев свои приготовления под Сталинградом и на подступах к Кавказу, а также на его горных перевалах.

Тевтоны же настолько уверовали в какую-то особую приоритетность Ржевского направления для советского верховного командования, что тут же, ещё в начале января 1942 г., состряпали лозунг, что-де **«Ржев — ворота Берлина»**, в связи с чем каждый из воевавших на этом направлении гитлеровцев лично подписывал клятву фюреру, что не сойдет со своего места под Ржевом! Эта беспрецедентная уверенность не покидала их даже в послевоенных мемуарах. Бывший командир участвовавшей в тех боях 6-й пехотной дивизии вермахта генерал Хорст Гроссман, например, озаглавил

свои мемуары на редкость неадекватно истине **«Ржев — краеугольный камень Восточного фронта»**.

До выживших гитлеровцев даже после войны так и не дошло, что если Ржев и был чем-то краеугольным, то уж никак не камнем, но мощным тормозом-разделителем войск вермахта! Ведь там сдерживалась $^1/_6$ часть всех дивизий вермахта на Восточном фронте. Тот же Х. Гроссман, не ведая, естественно, что к чему, привел в своих мемуарах убедительнейшие доказательства именно такого замысла Сталина.

Объективности ради обязан указать, что и до многих наших историков, к глубокому сожалению, тоже не очень-то доходит истинное значение Ржевских операций. Если уж Жуков умудрился полностью очиститься от каких бы то ни было подозрений на свой счет в том, что он хоть как-то понимал значение этих, под его же командованием осуществлявшихся, операций, то чего можно и нужно (и нужно ли?) ожидать от других?!

В «Воспоминаниях и размышлениях» он писал: «Верховный предполагал, что немцы летом 1942 г. будут в состоянии вести крупные наступательные операции одновременно на двух стратегических направлениях, вероятнее всего — на московском и на юге страны… Из тех двух направлений И. В. Сталин больше всего опасался за московское… я… считал, что нам нужно обязательно… разгромить ржевско-вяземскую группировку, где немецкие войска удерживали обширный плацдарм… Конечно, теперь, при ретроспективной оценке событий, этот вывод мне уже не кажется бесспорным». То есть, если следовать этой «логике» маршала, то не должно казаться столь уж бесспорным то обстоятельство, что именно после третьей Ржевской операции Жуков был произведен в маршалы Советского Союза! Более того. Печальный комизм этой ситуации в том, что из оного явственно вытекает, что Жуков так и не понял, почему после летней Ржевской операции он стал замом Верховного Главнокомандующего, а после зимней первым в нашей армии (в годы войны) получил звание маршала! Ведь в Ржевских операциях Жуков сковывал и постепенно перемалывал не просто абстрактную $^1/_6$ часть всех дивизий вермахта на Восточном фронте. Перемалывалась ударная мощь **31** пехотной и **11** танковых дивизий вермахта — почти столько же рвалось к Москве в ходе гитлеровской операции «Тайфун». То есть ударную мощь как минимум **1 018 629** гитлеровцев при **15 221** орудии и миномете (**3875** противотанковых) и **5332** танках! Не приведи господь, конечно же, но что было бы, если эта сила хлынула бы либо на Москву, либо на юг?! Неужели ни Жукову, ни другим было непонятно, зачем на Ржевском направлении, особенно в ноябрьско-декабрьской 1942 г. операции, с нашей стороны были

сконцентрированы громадные силы — **1,9** млн. чел., **24** тыс. орудий, **3,3** тыс. танков и **1,1** тыс. самолётов, в то время как под Сталинградом было сосредоточено только **1,1** млн. чел., **15,5** тыс. орудий, **1,5** тыс. танков и **1,3** тыс. самолётов?! Даже выжившие, к сожалению, гитлеровцы и те открыто называют подлинный смысл тех операций. Так, известный германский генерал Курт Типпельскирх накатал свои мемуары ещё при жизни Жукова. Четырежды Герой Советского Союза вполне мог бы поинтересоваться, сколь же положительно Курт Типпельскирх оценил летнюю Ржевскую операцию (30.07. — 23.08. 1942): **«Прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились к переброске на южный фронт, были задержаны…»** Приводя эту цитату на страницах своей книги «Россия. Век XX. 1939–1964 гг.», к сожалению, ныне покойный В. Кожинов сопроводил её таким комментарием: **«Танковые дивизии врага потеряли во время тогдашних боев под Ржевом более 80 % машин и уже не годились для переброски в направлении Сталинграда и Кавказа»!** Неужто такое может быть непонятно?! А тот же Х. Гроссман **в** своей указанной выше книге отмечал, что наступление советских войск под Ржевом во второй половине 1942 г. (июльско-августовское) должно было помочь советскому командованию на Южном направлении остановить наступление немцев на Сталинград и Кавказ. Во всяком случае, как он отмечал, уничтожить немецкие военные части, которые могли бы быть переброшены на юг. Более того, Гроссман подчеркнул в мемуарах, что возникшие тогда очень опасные моменты немцам удалось предотвратить только доставкой к Ржеву трех танковых и нескольких пехотных дивизий, предназначенных для ГА «Юг»! Что, и это может быть непонятным?! Но ведь точно такой же смысл был и у ноябрьско-декабрьской операции, она же «Операция Марс»!

*** * ***

Наконец, необходимо отметить также и **то обстоятельство, что по большому-то счету, к тому же более чем уместному, реальное завершение Московской битвы следует отнести на дату окончания последней операции на этом направлении — Ржевско-Вяземской операции — 31 марта 1943 г. Потому что только тогда окончательно был ликвидирован дамоклов меч над столицей!**

Что же касается понесенных потерь, то давайте взглянем на эти печальные цифры без эмоций и уж тем более без эмоционально-публицистических характеристик, о которых говорилось в начале анализа

истории Ржевских операций. Павшие смертью храбрых в тех боях и сражениях заслуживают этого. Общая продолжительность четырех операций — **182** дня. За этот период безвозвратные и санитарные потери участвовавших во всех четырех операциях фронтов составили примерно **1 324 823** человека, или **7279** человек в сутки. Сугубо безвозвратные потери — **433 037** человек или в сутки — **2379** человек. Да, хорошо понимаю, что и одна человеческая жизнь бесценнее любой цифири, но ведь и война-то, подчеркиваю, была страшная, особенно по целям агрессора! А для сравнения позвольте привести такие данные. В Харьковской катастрофе 1942 г. войска Юго-Западного направления под «доблестным командованием» Тимошенко и Хрущёва **ежемесячно теряли 110–130 тысяч человек, то есть от 3666 до 4333 человек в сутки! В самой же (третьей) Харьковской операции, длившейся всего лишь 17 дней, оба «доблестных полководца» угробили своими «блистательными талантами» примерно 20 дивизий, то есть, если исходить из примерно 11 тысяч человек по штатному расписанию, 220 тысяч человек, или по 12 941 чел. в сутки! Даже если исходить из уточненных данных о безвозвратных потерях в третьей Харьковской операции в количестве 207 047 человек, то все равно получается 12 179 человек в сутки. Образно говоря, по одной дивизии в день!!!**

Ржевские операции не случайно на длительное время были вычеркнуты государством и официальной наукой (как прошлого, так и настоящего) из истории войны и даже из истории страны. И многие военачальники в немалой степени сознательно поспособствовали этому — они понимали, что делают. Потому что только путем навешивания всех без исключения «собак» за трагедию 22 июня 1941 г., за потери в неплохо подготовленных операциях 1942 г., в том числе и Ржевских, можно создать гнусный миф о якобы глупом Сталине, необъяснимым чудом поумневшем только после Сталинградской битвы! Маршалы хотели создать впечатление, что-де все плохое в той войне от якобы глупого Сталина, которого они, видите ли, с трудом научили военному уму-разуму, да и то после Сталинграда! Наивные люди: хотели все спихнуть на него, но получилось-то как всегда — что на поле боя терпели поражения от герров генералов, пока своими упоминавшимися выше директивами Сталин не вдолбил им, как нужно лупить фрицев, что в не от великого ума затеянной схватке с «мертвым львом» потерпели сокрушительное поражение! Не будь Сталина, хлебали бы они баланду в каком-нибудь из нацистских концлагерей да работали бы от зари до зари на господ «арийцев»! Тот же Жуков, к примеру, не очень-то распространялся об «Операции Марс» (ноябрьско-декабрьская Ржекская операция 1942 г.), за которую, между прочим, ему первому из военачальников той поры

присвоили звание Маршала Советского Союза. Соответственно и советская история «легально забыла» о ней.

* * *

Тут вот что следует ещё иметь в виду. В начальный период войны в силу объективных причин у Сталина сложилось определенное недоверие к генералитету. Что в немалой степени было обусловлено их неспособностью по-умному и по-честному осуществлять боевые операции. Большая часть из того, что они делали в первые полгода, как правило, приводила к колоссальным жертвам и потерям, по большей части неоправданным.

Естественно, что в рамках поневоле сложившегося недоверия Сталин не считал особо нужным раскрывать перед генералитетом свой замысел устроить гитлеровцам мощную западню в глубине страны. Подчеркиваю, что перед контрнаступлением под Москвой он уже ясно понимал, что, к глубокому сожалению, иначе просто не выйдет. Но говорить об этом вслух было нельзя — в условиях ещё продолжавшегося тогда отступления наших войск это дало бы командованию моральное право на дальнейшее отступление. А вот этого допустить было нельзя. Как, впрочем, впоследствии нельзя было допустить и того, чтобы ранее наступавшая на Москву группировка вермахта зализала бы после такого разгрома свои раны и вновь полезла бы на Москву. Именно поэтому-то и явно специально Сталин убеждал своих генералов, что-де, по его мнению, гитлеровцы смогут вести в 1942 г. наступательные операции сразу на двух стратегических направлениях — Московском и Южном. Хотя абсолютно точно знал будущее содержание будущей директивы № 41. Данные разведки были безупречны. Именно поэтому-то, едва ли не сразу после успеха контрнаступления под Москвой, началась и первая Ржевская операция, конечный смысл которой Жуков не знал, кроме того, что надо бить врага. И то же самое повторилось и в летней Ржевской операции. И вызвано это было тайной подготовкой к Сталинградской битве. Дело в том, что окончательный вариант плана Сталинградской стратегической наступательной операции был утвержден только 30 июля 1942 г. Именно эта дата стоит на картах этого плана вместе с подписями тогдашнего начальника ГШ Василевского и подлинного автора идеи плана операции полковника (впоследствии генерал-лейтенант) Потапова из Главного Оперативного управления ГШ. Судя по всему, идея этого плана зародилась во время одного из докладов Потапова Сталину — у Иосифа Виссарионовича была отличная привычка напрямую работать с офицерами ГШ, которые лично курировали то или иное

направление. Так его давний замысел объединился с конкретной идеей операции. Жуков же с разрешения Сталина был посвящён в замысел Сталинградской операции только 12 сентября 1942 г. А вот командовать этой летней Ржевской операцией Сталин назначил Жукова уже в конце июля. Сталин преднамеренно скрывал отвлекающий характер летней Ржевско-Сычевской операции даже от командующего фронтом, который её осуществлял, то есть от Жукова! Скрывал даже от командующего Западным направлением, то есть опять-таки от того же Жукова! Ещё более тщательно Сталин скрыл от Жукова отвлекающий характер ноябрьско-декабрьской 1942 г. Ржевской операции. Причём столь тщательно, что Жуков до конца своей жизни так и не узнал, каким же образом гитлеровцам удалось разгадать его замысел в той операции! Осуществленная им операция «Марс» имела успех всего лишь как сдерживающая, но не наступательная. Сталин был твёрд в своей решимости претворить задуманный грандиозный план коренного перелома в войне и потому стремился заранее избегать всех тех «неожиданностей», которыми его непринужденно «одаривали» генералы…

А вот загадки же в том, каким образом гитлеровцы разгадали замысел той операции, — нет. По указанию Сталина разведка (НКВД) «помогла» немцам ещё за две недели до того, как Жуков прибыл на это направление. «Помогла» в том смысле, что довела до их сведения информацию о том, что, начиная с 15 ноября 1942 г., советское командование предпримет наступление на этом направлении. Эту часть оперативной игры «Монастырь» (описана в мемуарах Судоплатова) осуществил ещё в 1941 г. внедренный в агентурную сеть абвера наш агент «Гейне» — он же Александр Демьянов (в абвере числился под псевдонимом «Макс»).

Сталин столь упорно до конца разыгрывал карту мнимого значения операции «Марс», что на десятилетия вперед всех ввел в искреннее заблуждение. В том числе и следующим. Невзирая на то что операция «Марс» именно как наступательная потерпела крах, но увенчалась успехом как сдерживающая $^{1}/_{6}$ часть сил вермахта на Восточном фронте и потому сыграла одну из решающих ролей в нашей Победе в Сталинградской битве, Верховный Главнокомандующий Сталин произвел Жукова в Маршалы Советского Союза. Первым из полководцев той поры. Не исключено, что Жуков и сам недоумевал — за что?! Едва ли чем-то иным, кроме этих недоумений, можно объяснить, что он не был склонен распространяться об операции «Марс», а вслед за ним такую же «тактику» избрала и официальная советская история. На этом же поскользнулся и американский историк Д. Гланц.

* * *

Так вот, если встать на позицию такой, в высшей же степени идиотской, «слепоты» и «забывчивости», которая уж слишком долго царила в историографии войны, то ведь и вовсе выйдет оголтело патологический кретинизм: Великая Победа, включая и её пролог в лице Славной Победы под Сталинградом, выходит, не только родом из ниоткуда, но и к тому же от дури Сталина. Неужели столь трудно понять, что не бывает Великих Побед родом из ниоткуда, да ещё и от дури Верховного Главнокомандующего?! Неужели столь уж трудно понять, что, прежде чем с 5 августа 1943 г. по 9 мая 1945 г., то есть менее чем за два года, прозвучало **363** салюта в честь побед наших войск, необходимо было провести фантастическую по своим масштабам предварительную военно-стратегическую, военно-политическую, военно-экономическую и военно-аналитическую работу! Работу исторически беспрецедентно архигромаднейших масштабов! Работу, на которую ни каждый отдельно взятый генерал или маршал того времени, ни все они скопом, а за годы войны их стало свыше трех тысяч человек, не были способны даже гипотетически! Хотя яркие полководцы среди них были, и мы их помним и чтим. Однако среди них не было ни одного, кто совмещал бы в одном лице не только выдающегося политического и государственного деятеля мирового масштаба, стратега, полководца, искусного дипломата и эффективного хозяйственника, но и на практике же реализовал бы все эти качества. И только опиравшийся на безграничное доверие советского народа Сталин смог в исторически наикратчайшие сроки переплавить невероятную трагедию в сияющую своим небывалым величием Победу!

Ржевские операции были одним из главнейших щитов, под прикрытием которого в бешеном темпе осуществлялась фантастически гигантская, но невидимая и, к глубокому сожалению, — из-за умышленного и длительного умолчания всеми заинтересованными в том сторонами, — так до сих пор и неосознанная именно в такой взаимосвязи Великая Работа — работа, только благодаря результатам которой наши отцы и деды дошли-таки от берегов Волги и предгорий Кавказа до Великой Победы! А никому не известные военачальники заслуженно стали всенародными героями и всемирно признанными полководцами! В этой связи очень любопытно мнение такого закоренелого антисталиниста и диссидента, немало пострадавшего от советской власти за свои взгляды и даже в свое время изгнанного из СССР, как Александр Александрович Зиновьев (1922–2005). Незадолго

до своей смерти много повидавший и многое постигший философ, логик, социолог, писатель и яркий публицист А. А. Зиновьев дал развернутое интервью корреспонденту «Красной Звезды», в котором, в частности, сказал следующее: «Наши военачальники стали выдающимися полководцами только потому, что они были при Сталине — подобно тому, как Даву и Мюрат были великие маршалы при Наполеоне. Без него их бы не было! Это говорю я, антисталинист бывший!»[81]

К глубокому сожалению, в тот период, когда в бешеном темпе осуществлялась эта великая работа, произошла очередная катастрофа — катастрофа Крымского фронта. Из этой трагедии состряпали один из наиболее запутанных и самых сложных мифов во всей мифологии о Великой Отечественной войне. Дело в том, что в силу как объективных, так и субъективных обстоятельств, в том числе и не без коварно злобного умысла, в нем тесно переплетены ложь и правда, храбрость и подлость, героизм и трусость, беспросветная тупость и точное предвидение развития ситуации, неисполнение воинского долга и элементы предательства, и даже скрытый, но не слишком уж и скрываемый антисемитизм. Короче говоря, намешано такого, что и черт ногу сломит. А разбираться надо. Ох, как надо — нельзя же довольствоваться одной ложью или малодоказательной правдой.

Как это ни странно, но начинать придется с антисемитизма. Да-да, именно с него, потому как центром притяжения всей лжи этого мифа является фигура представителя Ставки Верховного Командования, заместителя наркома обороны, то есть самого Сталина, главного комиссара Красной Армии Льва Захаровича Мехлиса, еврея по национальности. Именно на его фигуре намертво переплелись, точнее, умышленно переплетены все те крайние противоположности, которые столь характерны для анализируемого мифа. Человек, который написал о нем книгу **«Мехлис. Тень вождя»** (М., 2007) — доктор исторических наук Юрий Рубцов, — прямо на обложку свого печатного труда вынес следующее резюме о герое своего произведения: **«Одно только упоминание имени Льва Мехлиса вызывало ужас у многих храбрых и заслуженных генералов. Долгие годы этот человек был настоящей тенью Сталина, его „вторым я“ и фактически хозяином Красной Армии. Он был настолько фанатично предан своему вождю и стране, что ради выполнения поставленной задачи не останавливался ни перед чем. С одной стороны, Мехлиса обвиняют в том, что на его руках кровь сотен невинных командиров, часть из которых он расстрелял лично. С другой стороны, его уважали простые солдаты, о которых он неизменно заботился. С одной стороны,**

Мехлис был одним из главных виновников поражения первых месяцев Великой Отечественной войны и краха Крымского фронта весной 1942 года. С другой стороны, его несгибаемость и твердость не раз спасали войска в самых отчаянных ситуациях. Был ли Мехлис воплощением зла? Или он просто олицетворял свое противоречивое время? На эти вопросы отвечает новая книга доктора исторических наук Юрия Рубцова, созданная на основе архивных документов, ещё совсем недавно хранившихся под грифом „Совершенно секретно“».

Ну и что дает такая заявка о содержании книги?! Зачем заранее настраивать читателей на то, что Мехлис — это исчадие ада, которое и виновато в крымской катастрофе?! Разве это способствует установлению истины?! Разве все документы и факты, приведенные уважаемым коллегой на страницах книги, столь уж однозначно свидетельствуют о вине только и только Мехлиса?! Да, хорошо известно, что в нашей историографии о войне царит абсолютная неприязнь, если не того хуже, к личности Мехлиса. Кто только и как только не шпыняет его?! Какие только булыжники и комки грязи не кидают в его адрес?! И что, разве все это справедливо?! Да одно то, что царит абсолютная неприязнь к Мехлису, уже должно настораживать. Потому что принципиально подобные явления всеобщего умопомрачения или ненависти к одной конкретной персоне означают лишь одно — за всем этим скрывается умело направляемое из-за кулис, якобы всеобщее, но отнюдь не праведное стремление слепить из одного, вполне возможно, действительно неоднозначного человека, виновника всех трагедий. В общем-то, все факты свидетельствуют именно об этом.

Да, действительно, Лев Захарович был весьма не простой человек. Был резок, порой даже очень, зачастую прямолинеен в оценках и требованиях. Мягко выражаясь, дипломатничать не любил. Миндальничать — тоже. Был жестким, в том числе и на грани жестокости, а иногда, в годы войны, и переваливал за эту грань, если того, конечно, требовала обстановка. И в то же время был принципиальным, храбрым, действительно обладал несгибаемой волей, твердым характером. К сожалению, не имел военного образования на уровне академии и не обладал полководческими талантами, наподобие великого Рокоссовского, которого, к слову сказать, очень высоко ценил и незадолго до ставшей ему уже очевидной весной 1942 г. в скором будущем катастрофы Крымского фронта просил Сталина назначить его командующим Крымским фронтом, дабы спасти фронт. Увы, из-за тяжелого ранения Рокоссовский тогда находился в госпитале. В то же время нельзя забывать, что в период Гражданской войны Мехлис приобрёл уникальный опыт по формированию соединений и командованию в наступательных и оборонительных боях с исключительно сильным противником —

считавшимся наиболее талантливым генералом Белой армии генерал-лейтенантом Я. А. Слащёвым. Конечно, опыт Гражданской войны это одно, а Великая Отечественная — совершенно другое. Тем не менее назвать Мехлиса полным дубом в военных делах ни язык, ни рука не поворачиваются. Понимал и даже очень неплохо понимал Лев Захарович, что такое война. Но полководцем все же не был.

Ко всему прочему Мехлис никогда не стеснялся в лоб говорить, в том числе и письменно, о самых грубых ошибках (кстати, и о своих тоже) командования, с которым ему довелось служить, его просчетах, головотяпстве, разгильдяйстве, халатности, пренебрежительном отношении к простым солдатам и офицерам, трусости на грани измены и предательства и т. д. Мехлис прекрасно владел различными приемами пропаганды, характерными для его времени. Обладал развитой интуицией на подлость, трусость, халатность и прочие недостатки, на которые вдоволь нагляделся ещё в бытность народным комиссаром государственного контроля. За что его, к слову сказать, изрядно ненавидели ещё до войны. Был образован и эрудирован. Говорил всегда с пафосом, но, надо отдать ему должное, искренне. Он всегда искренне верил в то, о чем говорил. Сколько бы критических стрел в его адрес ни пускали, но Лев Захарович умел быстро ухватить конец «нити Ариадны» и быстро разматывал даже самый сложный клубок острейших проблем. Конечно, не обходилось без свойственной ему манеры видеть все либо в белом, либо в черном цвете, но факт остается фактом — он быстро улавливал, в чем суть проблемы, решать которую его послали. Кстати говоря, когда понимал, что был неправ, то никогда не стеснялся признать это. В том числе и перед подчиненными (однажды такое признание он сделал генералу Горбатову).

Нельзя не признать и того, что не будь он евреем, а упрямым русским мужиком, то, вполне возможно, ему многое простили бы. В крайнем случае, просто не вспоминали бы о нем. И уж, конечно, не стали бы многие из «храбрых и заслуженных генералов» вспоминать о Мехлисе с ужасом. Однако, к сожалению, даже в послевоенных мемуарах едва скрываемый антисемитизм у некоторой части нашего генералитета военной поры никуда не деть. Помимо всего этого, на свою беду Мехлис был ещё и главным комиссаром Красной Армии. А, надо честно сказать, комиссаров в армии терпеть не могли. Примерно за год до войны, полагая, что после осуществленной чистки новому поколению генералов можно доверять, Сталин в очередной раз ликвидировал институт комиссаров, введенный ещё после разгрома заговора Тухачевского. Однако уже в июле 1941 года, видя, что нагло творят генералы, как они губят армию и страну, Сталин вынужден был восстановить этот институт, потому как в тот период за командованием

действительно остро нужен был пригляд. И одного Особого отдела было мало. Это жестокая правда войны, которую надо априори признать.

Это к тому, что, не стремясь сделать из Льва Захаровича некое подобие херувима или ангелочка с крылышками, не могу в то же время согласиться, что на него незаслуженно вешают всех «собак», в том числе и за катастрофу Крымского фронта. Причем представляют дело так, что именно он, Лев Захарович Мехлис, оказывается главным виноватым в этой катастрофе. Это, как говорится, общий фон, который необходимо знать, прежде чем приступим к попытке понимания, что в истории с Крымским фронтом к чему. А для этого нам придется вкратце пробежаться по основным её вехам. Мехлис прибыл на Крымский фронт (до 28 января 1942 г. — Кавказский фронт) 20 января. Накануне его прибытия на этот фронт в статусе полномочного представителя Ставки Верховного Главнокомандования войска фронта успешно осуществили Керченско-Феодосийскую десантную операцию (25.12.41–02.01.42) и захватили важный плацдарм. В связи с этим командующий фронтом генерал-лейтенант Д. Т. Козлов получил указание Ставки ВГК всемерно ускорить сосредоточение войск, для чего было разрешено перебросить дополнительные силы (47-ю армию) и не позднее 12 января перейти в общее наступление при поддержке Черноморского флота. Наступление сорвалось. Обычно этот срыв описывают так, что-де советское командование недооценило силу и возможности противника. Кстати говоря, эта безумно неадекватная реалиям войны формулировочка Жукова фигурирует при описании практически каждой сорвавшейся операции. Поневоле тут вспомнишь известную присказку о том, что же мешало танцору… На самом же деле наступление сорвалось из-за отсутствия продуманного плана, а также четкого материально-технического и боевого обеспечения десантированных в Крыму войск. Что прежде всего выразилось в нехватке транспортных судов для переброски живой силы с «большой земли», артиллерии, специальных частей. А с обеспечением войск боеприпасами и горючим дело обстояло вообще катастрофически. Нет никаких оснований не верить только что приведенным выводам бывшего командующего участвовавшей в этой операции 44-й армии генерал-майора А. Н. Первушина. Далее вмешались погодные условия — наступившая оттепель привела в полную негодность полевые аэродромы. Сказался и любимейший бардак нашего генералитета той поры — отсутствие нормальной связи, средств противовоздушной обороны. Все это привело к тому, что после овладения немцами Феодосией командующий фронтом генерал Козлов принял решение на отвод войск на Ак-Монайские позиции — оборонительный рубеж примерно в 80 км от Керчи. Вот в такой ситуации на фронт прибыл Мехлис. Его направили для укрепления

руководства фронтом. Как отмечают многие исследователи, здесь он впервые получил едва ли не высшую степень самостоятельности как представитель Ставки.

Через два дня после прибытия Мехлис отправил Сталину телеграмму следующего содержания:

> «Прилетели в Керчь 20.01.42 г. Застали самую неприглядную картину организации управления войсками… Комфронта Козлов не знает положения частей на фронте, их состояния, а также группировки противника. Ни по одной дивизии нет данных о численном составе людей, наличии артиллерии и минометов. Козлов оставляет впечатление растерявшегося и неуверенного в своих действиях командира. Никто из руководящих работников фронта с момента занятия Керченского полуострова в войсках не был…»[82]

Обычно эту телеграмму характеризуют так — самонадеянному Мехлису «хватило» двух дней, чтобы составить представление о положении дел на фронте. А причем тут самонадеянность Мехлиса?! Даже если то, что он написал Сталину, соответствовало реальному положению хотя бы на один процент — специально уменьшаю в сто раз, — то все равно его вывод объективный и тревожный. Командование фронта не выполняет своих обязанностей. В действительности же Мехлис был прав на все сто процентов. Потому как основные положения этой телеграммы были зафиксированы в приказе войскам фронта № 12 от 23 января 1942 г. Приказ был подписан самим Козловым, членом Военного совета фронта Ф. А. Шаманиным и Мехлисом. То есть, если по простому-то, Козлов собственноручно подтвердил, что все это подлинная правда.

Почему Мехлис был полностью прав?! Да потому, что командование фронтом находилось в… Тбилиси. И оттуда, сидя в тёплых кабинетах штаба округа, руководило боевыми действиями! Из тысячекилометрового далека! Но разве так можно руководить боевыми действиями целого фронта? Если командующий не видит и не знает, что конкретно происходит на фронте, где противник, каково состояние наших войск, как строится оборона на местности и т. д. и т. п., то, извините, это уже не командование фронтом, а просто бардак, чреватый самыми негативными последствиями. Мехлис же быстро разобрался, в чем дело. И немедленно поставил перед Ставкой вопрос о выделении фронта из Кавказского в самостоятельный Крымский. Более того, поставил вопрос о переносе управления войсками Крымского фронта на Керченский полуостров. Одновременно Мехлис немедленно

затребовал пополнение в живой силе (три стрелковые дивизии), стал требовать срочного наведения порядка в артиллерии, ПВО, в тыловом обеспечении. В приказе № 12 от 23 января 1942 г. так и говорилось:

> «1. Командованию армий, дивизий, полков учесть опыт боев 15–18.01.42 г., немедленно навести порядок в частях… Полковую артиллерию и артиллерию ПТО (противотанковую. — *А.М.*) иметь в боевых порядках пехоты…
>
> 2 Паникеров и дезертиров расстреливать на месте как предателей. Уличенных в умышленном ранении самострелой-леворучников расстреливать перед строем.
>
> 3. В трёхдневный срок навести полный порядок в тылах…»[83].

К этому следует добавить, что Мехлис особо тщательно проверил состояние ВВС и артиллерии фронта, от которых в решающей степени зависела его боеспособность. Оказалось, что из-за плохого материально-технического обеспечения на Керченском полуострове скопилось 110 неисправных самолетов, вследствие чего в день производилось менее одного самолетовылета. Боеготовность артиллерии оказалась на низком уровне. Лев Захарович не поленился и проверил состояние войсковой разведки — оказалось, что и она поставлена плохо. А за это отвечают командиры всех уровней, начиная с командующего фронтом. Ибо если разведка работает плохо, то последствия этого всегда катастрофические.

Мехлис быстро добился от Ставки и Генерального штаба дополнительных вооружений — фронт получил 450 ручных пулеметов, 3 тысячи ППШ, 50 минометов калибра 120 мм и 50 штук калибра 82 мм, а также два дивизиона реактивных минометов М-8. Решался вопрос о выделении фронту дополнительного количества танков, в том числе и КВ, противотанковых ружей и боеприпасов к ним, другого вооружения и техники. Более того. Мехлис немедленно принялся и за укрепление командования фронта опытными кадрами. Уже 24 января был назначен новый командующий ВВС фронта — генерал-майор авиации Е. М. Николаенко. Чуть позже новый заместитель командующего фронтом — генерал-майор инженерных войск А. Ф. Хренов, новый начальник политуправления — бригадный комиссар С. С. Емельянов. Кроме того, в преддверии запланированного наступления Мехлис добился также и направления на фронт большого количества политработников разных уровней. Двух комиссаров дивизий, 15 комиссаров полков, 45 — батальонного уровня, 23 военкомов артдивизионов и батарей, 15

инструкторов по пропаганде, 7 политработников для работы в дивизиях, сформированных из выходцев из закавказских республик, 4 специалистов по пропаганде среди немцев. Затем, также по запросу Мехлиса, на фронт были направлены ещё 1030 политбойцов и 225 замполитруков. **Укрепляя силы фронта, Мехлис тем не менее, к неудовольствию Сталина, при личной встрече с ним 15 февраля 1942 г. потребовал дополнительного времени для подготовки фронта к наступлению. То есть вовсе не стремился любой ценой выполнять приказы Ставки. И Сталин с ним согласился, хотя, особо это подчеркиваю, был весьма недоволен вынужденным переносом сроков уже намеченного наступления. Но аргументы Мехлиса подействовали. Так вот, если все это суммировать, то разве не очевидно, что представитель Ставки детально вник в суть тех проблем, которые буквально придавили фронт?!** Что касается пункта № 2 упомянутого выше приказа, не следует его рассматривать как проявление особой кровожадности Мехлиса. В данном случае он всего лишь выполнял сталинский приказ № 270 от 16.08.1941 г. Не говоря уже о том, что, к глубокому сожалению, в том ещё была острая нужда.

И что же произошло дальше?! Виновен ли Мехлис в неоднократно разыгравшейся на фронте трагедии?! Если объективно, то куда менее чем командование фронтом. Потому как непосредственно за боевые действия и тем более их организацию персонально ответственны командующий и начальник штаба фронта. Однако когда 27 февраля 1942 г. началось запланированное наступление, «доблестное» командование Крымским фронтом — командующий генерал Козлов и начальник штаба генерал Толбухин — вместо того чтобы в условиях безлесной местности Керченского полуострова пустить вперед для прорыва немецкой обороны танки, коих, прежде всего КВ и Т-34, завезли на фронт в большом количестве, пустили вперед пехоту, которую немцы нещадно лупили, так как ей негде было укрыться. Тем самым они, если исходить из описаний присутствовавшего в те дни на Крымском фронте писателя К. Симонова, проверяли танкодоступность местности?! Три дня проверяли, итить их… гоняя пехоту в бессмысленные атаки без какого-либо прикрытия, положив тысячи людей ни за понюшку табака! 13 советских дивизий наступали против трех немецких и одной румынской. А безвозвратные потери — просто фантастические (к апрелю уже 225 тысяч человек!). Мехлис буквально взвыл от такого командования и уже 9 марта направил Сталину просьбу немедленно снять Козлова и Толбухина и назначить нормальных генералов. Сняли только Толбухина. Мехлис не успокаивается и 29 марта вновь письменно настаивает перед Сталиным на снятии Козлова, причем уже выдает суммарное резюме на него — за два месяца-то насмотрелся.

Резюме не в бровь, а прямо в генеральский глаз: неумен, ленив, «обожравшийся барин из мужиков», оперативными вопросами не интересуется, поездки в войска расценивает как «наказание», в войсках фронта неизвестен, авторитетом не пользуется, кропотливой, повседневной работы не любит.

Сталин не сменил Козлова. Почему? Может быть, тогда и Сталин виноват?! **Во-первых**, Мехлис просил снять Козлова и на место командующего назначить кого-либо из следующих генералов: **Н. К. Клыкова**, но тот командовал прорывавшейся к Ленинграду 2-й ударной армией. В тот момент его менять было нельзя. **К. К. Рокоссовского**, который, как уже отмечалось выше, в тот момент находился на излечении в госпитале после тяжелого ранения. **Н. К. Львова**, командарма 51-й армии, с которым познакомился на Керченском полуострове. Почему-то и эта кандидатура не привлекла внимания Сталина. **Во-вторых**, не в оправдание, а всего лишь в объяснение позиции Сталина считаю правильным указать на следующее. Сталин вынужден был считаться с тем, что война ещё не выковала достаточного количества талантливых и сильных полководцев, чтобы назначать их на самые тяжёлые участки. И от осознания этой проклятой вынужденности он сам был вынужден довольствоваться тем человеческим материалом, который имелся. Что поделаешь, и Сталину тоже далеко не все было под силу, на все требовалось время…

К началу мая 1942 г. ситуация на фронте была близка к критической. В результате «доблестного» командования Козлова сложилось положение, при котором группировка войск фронта, сохраняя все признаки наступательной, никак не могла перейти в наступление — оно все время откладывалось. Более того. Оборона-то не укреплялась. И в данном случае есть все основания говорить о том, что оборона не укреплялась самым преступным образом. Почему?! Да потому, что Верховный Главнокомандующий Сталин ещё в октябре — ноябре 1941 г. трижды давал приказы о строительстве оборонительных сооружений в Северо-Кавказском военном округе. В том числе и в полосе будущего Крымского фронта (во избежание повтора чуть ниже содержание этих приказов приводится в связи с подготовкой к Сталинградской битве, так как в них речь идет и об обороне Сталинграда). Но ведь ни хрена же толком не было сделано. А это в условиях военного времени называется только одним термином — преступление.

* * *

Комментарий. Оно так и получилось — преступление. 6 мая 1942 г. Ставка дала распоряжение о переходе фронта к обороне. Но оборона-то на что-то должна опираться. А этой опоры не было. Уже в ходе майского прорыва нашей обороны немцами Ставка дала Козлову указание следующего содержание: **«1) Всю 47 армию необходимо немедля начать отводить за Турецкий вал, организовав арьергард и прикрыв отход авиацией. Без этого будет риск попасть в плен… 3) Удар силами 51 армии можете организовать с тем, чтобы и эту армию постепенно отводить за Турецкий вал. 4) Остатки 44 армии тоже нужно отводить за Турецкий вал. 5) Мехлис и Козлов должны немедленно заняться организацией обороны на линии Турецкого вала. 6) Не возражаем против перевода штаба на указанное вами место. 7) Решительно возражаем против выезда Козлова и Мехлиса в группу Львова. 8) Примите все меры, чтобы артиллерия, в особенности крупная, была сосредоточена за Турецким валом, а также ряд противотанковых полков. 9) Если вы сумеете и успеете задержать противника перед Турецким валом, мы будем считать это достижением…»**[84]. Но ведь ни Турецкий вал, ни Керченские обводы не были оборудованы в инженерном отношении и серьезной преграды для немцев не представляли. А ведь приказы по строительству оборонительных сооружений на Керченском полуострове, подчеркиваю это вновь, были даны ещё в октябре — ноябре 1941 г.! Ну и как прикажете это расценивать?!

* * *

Хуже того. Все три армии фронта были развёрнуты в один эшелон, что резко сокращало глубину обороны и ещё более резко ограничивало возможности по отражению ударов противника в случае прорыва. **Не думаю, что нужно специальное объяснение того факта, что за дислокацию и правильное построение войск для решения тех или иных задач отвечают лично командующий и начальник штаба фронта, а не представитель Ставки, кем бы он ни был**. А ведь когда в мае немцы перешли в решительное наступление, то их главный удар пришелся именно же по самому неудачному, скорее, безумно преступному построению войск 44-й армии генерала СИ. Черняка. Безумно преступное построение войск этой армии — потому как второй эшелон этой армии находился всего в 3–4 км от переднего края, что давало гитлеровцам возможность даже без смены позиций своей артиллерии разнести в пух и прах даже оперативную

оборону армии, а не только тактическую. Что они и сделали. Размолотили всю 44-ю армию.

* * *

Кстати, полюбопытствуйте, какого же мнения был Мехлис о генерале Черняке:

> «Черняк. Безграмотный человек, неспособный руководить армией. Его начштаба Рождественский — мальчишка, а не организатор войск. Можно диву даваться, чья рука представила Черняка к званию генерал-лейтенанта».

* * *

Далее. Почему-то едва ли не все исследователи злобно ёрничают по поводу того, что накануне немецкого наступления на нашу сторону перелетел летчик-хорват, который предупредил о наступлении, но, мол, Мехлис этому не поверил. А в связи с чем такое отношение?! Ведь в действительности-то виновато командование фронтом, а не Мехлис. Даже сам Ю. Рубцов и то прямо указывает, что, **во-первых, информация летчика подтверждалась и другими данными, а во-вторых, в ночь на 7 мая военный совет Крымского фронта направил-таки в войска необходимые распоряжения, но это было сделано так неспешно, что к утру они дошли даже не до всех командующих армиями!** Хуже того. 8 мая 1942 г. Мехлис отправил Сталину телеграмму, в которой написал: **«Теперь не время жаловаться, но я должен доложить, чтобы Ставка знала командующего фронтом. 7-го мая, то есть накануне наступления противника, Козлов созвал военный совет для обсуждения проекта будущей операции по овладению Кой-Аксаном. Я порекомендовал отложить этот проект и немедленно дать указания армиям в связи с ожидаемым наступлением противника. В подписанном приказании комфронта в нескольких местах ориентировал, что наступление ожидается 10–15 мая, и предлагал проработать до 10 мая и изучить со всем начсоставом, командирами соединений и штабами план обороны армий. Это делалось тогда, когда вся обстановка истекшего дня показывала, что с утра противник будет наступать. По моему настоянию ошибочная в сроках ориентировка была исправлена.**

Сопротивлялся также Козлов выдвижению дополнительных сил на участок 44-й армии».

* * *

Комментарий. Вам это ничего не напоминает?! Правильно, точно так же вели себя Тимошенко и Жуков, проваландавшись с наиважнейшей директивой № 1 до глубокой ночи, в результате чего она, даже по данным самого Жукова, ушла в округа лишь в 00.30 минут 22 июня, из-за чего её расшифровывали на местах уже под грохот варварской бомбардировки и артиллерийского налета нацистов. Хуже того. Точно так же и в приказах о маскировке ВВС округов накануне войны оба крутозвездных полностью дезориентировали по срокам грядущего нападения командование округов! И это притом, что 18 июня 1941 г. они передали в приграничные округа директиву Сталина о приведении их войск в полную боевую готовность в связи с ожидаемым нападением гитлеровцев!? После этого — расхолаживающие по срокам приказы о маскировке?! Нарочно не придумаешь!.. И точно так же ведет себя командующий Крымским фронтом: все данные бьют прямо в глаз — завтра немцы начнут наступление, а он в приказе по фронту указывает срок 10–15 мая, а до 10 мая всем проработать план обороны, который давным-давно должен был быть готовым. Он всегда должен быть готов и лишь по ходу действия корректироваться в зависимости от ситуации.

* * *

В ответ на свою телеграмму, в которой в очередной раз просил сменить Козлова, Мехлис получил весьма раздраженное послание Сталина: **«Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте вы — не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неуспехи фронта и обязанный на месте исправлять ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым. Если „вся обстановка показывала, что с утра противник будет наступать“, а вы не приняли всех мер к организации отпора, ограничившись пассивной критикой, то тем хуже для вас. Значит, вы ещё не поняли, что вы посланы на**

Крымфронт не в качестве Госконтроля, а как ответственный представитель Ставки.

Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга. Но вы не можете не знать, что у нас нет в резерве Гинденбургов… Если бы вы использовали штурмовую авиацию не на побочные дела, а против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца на Крымфронте»[85].

Формально выходит, что Мехлис вроде бы заслуженно получил «на орехи». Особенно если учесть, что Сталин затем отозвал его с фронта и понизил в должности. На самом же деле произошло иное. Сталин разозлился на то, что в наиболее ответственный момент Мехлис, который прекрасно видел, что Козлов попросту не справляется со своими обязанностями комфронта, не переключил командование на себя. Понять Мехлиса тоже можно и нужно. Ведь формально-то представитель Ставки не имел права полностью подменять собой командующего фронтом. Он обязан был помогать ему. А Козлов между тем весьма ловко устроился — раз Мехлис обо всем печется, ну так пусть и отвечает за все. Крзлов свое получил от Сталина. Да ещё как получил! Но о нем не вспоминают как о первоочередном виновнике провала Крымфронта. Все шишки валят на голову Мехлиса. И не за то, что он, в отличие от комфронта, отчаянно пытался переломить ситуацию дикого бардака, приведшего к трагедии. А только за то, что он открыто требовал сменить генерала Козлова за откровенную профессиональную непригодность. То есть за то, что попросту посягнул на святая святых генералитета — дубом в военном деле генерал может быть свободно, но никто не имеет права поднимать руку на генеральский статус. Вот за что на Мехлиса в послевоенное время и свалили всю ответственность. Своими требованиями о смене командующего он поднял гигантскую проблему профессиональной непригодности значительной части генералитета. За то и был оклеветан вдребезги. Тем более что он был комиссар, а генералитет комиссаров терпеть не мог. Такова нелегкая правда о делах Мехлиса на Крымском фронте.

Ну а теперь самое время проанализировать грязную клевету Хрущёва насчёт Харьковской трагедии 1942 г. Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на следующее. Как и полагается подлецу, Хрущёв все полностью злоумышленно передернул и следствие выдал за причину. Помните, с чего он начал описания Харьковской трагедии: «Когда в 1942 году в районе Харькова для наших войск сложились исключительно тяжелые условия, нами было принято правильное решение о прекращении операции по

окружению Харькова, так как в реальной обстановке того времени дальнейшее выполнение операции такого рода грозило для наших войск роковыми последствиями». Вот это и есть злоумышленное передергивание с выдачей следствия за причину. Потому что в действительности все обстояло иначе.

22 марта 1942 г. в ставку ВГК поступил доклад Главнокомандования Юго-Западного направления **№ 00137/оп** об обстановке, сложившейся к середине марта 1942 г. на фронтах Юго-Западного направления и соображениях о перспективах боевых действий войск направления в весенне-летний период 1942 г. В 1989 г. он был опубликован в № 12 «Военно-исторического журнала». Так вот, в разделе, посвященном соображениям о перспективах боевых действий войск Юго-Западного направления в весенне-летний период 1942 г., Тимошенко, Хрущев и Баграмян преднамеренно дезинформировали Сталина и Ставку ВГК следующими словами: **«Если допустить, что все танковые и моторизованные дивизии, находящиеся в данное время против Юго-Западного направления, будут вновь пополнены до уровня начала войны, то мы будем иметь против войск Юго-Западного направления… при первом варианте 7400 и втором — 3700 танков. Однако, учитывая значительные потери противника на протяжении всего периода войны с нами, более вероятно, что ему под силу будет иметь против Юго-Западного направления количество танков по второму варианту, т. е. до 3700 единиц»**[86].

В данном случае автор не сгущает краски, дабы обвинить Тимошенко, Хрущёва и Баграмяна. Дело в том, что Тимошенко и Хрущёв заранее, ещё в первой половине марта 1942 г., знали, что гитлеровцы нанесут удар на южном фланге. А источником-то их знания об этом был тот самый Самохин, странная история пленения которого и последствия которого были проанализированы при рассмотрении мифа № 49 второго тома. Как уже указывалось, в начале марта 1942 г. в Москву с фронта прилетел однокашник Самохина по академии, начальник оперативной группы Юго-Западного направления генерал-лейтенант Иван Христофорович Баграмян (впоследствии Маршал Советского Союза). Баграмян, естественно, посетил ГРУ и от своего знакомого — Александра Георгиевича Самохина, являвшегося уже начальником 2-го Управления ГРУ, узнал разведданные о планах гитлеровцев на лето 1942 г. Вернувшись на фронт, Баграмян поделился этой информацией с Тимошенко и Хрущевым — ведь они были его прямыми начальниками. И Тимошенко и Хрущев почему-то решили пойти именно же в лобовую атаку на грядущее наступление немцев на своем направлении. И тут же бодренько при личной встрече 23 марта

наобещали Сталину, что разгромят гитлеровцев на юге, выпросив под обещанный успех огромные силы. Но, увы: выражаясь словами лысого кукурузника, обделались так, что, угробив массу людей и техники, потерпели сокрушительное поражение. Причем уже в третий раз с начала 1942 г. Потому как ещё с января месяца проводились две Харьковские операции, также не приведшие ни к каким положительным результатам, а только к колоссальным потерям.

* * *

Комментарий. 18 января 1942 г. началась Харьковская наступательная стратегическая операция, которая закончилась в конце января тем, что советские войска попали в полуокружение в районе Барвенково — Лозовая. В результате из стратегической наступательной прозванная Барвенково-Лозовой операция превратилась в оборонительную, которая продолжалась вплоть до марта. Поскольку «стратеги» на Юго-Западном направлении были ещё те, то в марте, практически без перерыва, началась ещё одна кровопролитная, но малоизвестная Харьковская операция, осуществлявшаяся командованием ЮЗН как две частных операции:

— 7 марта в наступление перешли 6-я и 38-я армии ЮЗФ, имевшие задачу разгромить чугуевско-балаклеевскую группу войск противника и освободить Харьков;

— 12 марта в наступление перешли 9-я армия и оперативная группа А. Гречко Южного фронта, имевшие цель разгромить славянско-краматорскую группу войск.

Интенсивные, с большими потерями бои продолжались весь март и первую декаду апреля, однако расширить горло Барвенковского оперативного «мешка» (полуокружения) не удалось и часть войск ЮЗФ и ЮФ по-прежнему находились в полуокружении. «Полководческая» бездарность и полное пренебрежение командования ЮЗН к человеческим жизням привело к тому, что в течение этих операций войска ЮЗН ежемесячно теряли по **110–130 тысяч человек** и к середине марта, когда «доблестные стратеги» дезинформировали Сталина, некомплект личного состава только в стрелковых дивизиях ЮЗН уже составлял **370 888 человек**!

Вот в таких условиях эти «стратеги» дезинформировали Сталина и Ставку ВГК и выпросили дополнительные силы и ресурсы для третьей операции. Хотя в условиях такой беспрестанной убыли обстрелянного личного состава и заменой его новобранцами надо было помалкивать и не напрашиваться на третью наступательную, опять-таки лобовую операцию.

Во всяком случае, не сразу после первых двух, окончившихся жуткими потерями. Но куда там, они же «стратеги» — только Сталин ни хрена, по их послевоенному мнению, не понимал в стратегии. Но вот что произошло дальше — вообще вгонит в шоковую оторопь.

* * *

Как отмечает тщательно проанализировавший историю Харьковского котла 1942 г. историк К. Быков, под первым вариантом Главнокомандование ЮЗН понимало полный штат дивизии, который, по его мнению, составлял 500 танков для тд (танковой дивизии. — *А. М.*) и 250 для мд (моторизованной дивизии. — *А.М.*), а под вторым, неполноштатным вариантом соответственно 250 и 50 танков. На самом деле полный штат немецкой танковой дивизии, где только один из трех полков был танковым, составлял от 150 до 220 танков (для 2- и 3-батальонных танковых полков соответственно). При средней численности полностью укомплектованной танковой дивизии в 170–180 танков, становится понятной та зловещая роль, которую сыграла в Харьковском сражении эта катастрофическая переоценка сил противника.

* * *

Комментарий А. Б. Мартиросяна. Попутно К. Быков справедливо отмечает следующее обстоятельство: **«Стыдно об этом говорить, но за период с июня 1941-го по март 1942 года советское командование так и не узнало, из скольких же танков, по штату, состоит немецкая танковая дивизия»**[87]. Но ещё более справедливо было бы не употреблять безликий термин «советское командование», а использовать более точное выражение — **«командование ЮЗН и ЮЗФ»**. Это, **во-первых**. **Во-вторых**, ещё более справедливо было бы точно указать, что это прежде всего тот самый Тимошенко, бывший нарком обороны и первый главнокомандующий во время войны. И уж совсем справедливо было бы указать, что все данные о составе немецких танковых дивизий славное ГРУ представило ещё до войны! Да и в ходе войны тоже мух на потолке не считало! Но разве любителю «безграмотных сценариев вступления в войну» кровью и потом многих разведчиков добытая разведывательная информация указ?! Он ведь и после войны никак в толк-то не мог взять, каким образом мы выиграли войну![88]

* * *

«Когда 13 мая по войскам нашей северной группировки ударили немецкие танки и когда вопреки ожиданию оказалось, что удар наносит не одна, а две танковые дивизии, то есть не 250–500 танков, как неверно полагали, но к чему приготовились, а 500–1000 танков, то нервы у советского командования должны были дрогнуть и оно должно было запретить, по крайней мере, до выяснения обстановки, ввод в бой двух танковых корпусов на участке южной ударной группы… Обе танковые дивизии мог бы ополовинить 22-й танковый корпус 38-й армии, если бы он реально существовал, а не был разбросан бригадами по стрелковым дивизиям. Вторую половину немецких танков могла бы добить советская авиация, которая утратила господство в воздухе только 18 мая…

Фактически находящиеся в полуокружении (в оперативном „мешке“), советские танковые корпуса не были введены в бой из-за отсутствия авиационного прикрытия, так как вся авиация, которая должна была обеспечивать южную ударную группировку, была брошена на помощь северной группировке. Второй причиной не введения в бой корпусов стала ошибка „партизанской разведки“, на основе данных которой советское командование полагало, что немецкие танки находятся… на правом фланге перешедшей в наступление 6-й армии Городнянского…»[89].

С подлинным знанием сути произошедшей трагедии К. Быков отмечает, что **«Харьковское сражение было проиграно в большой степени из-за плохой разведки»** (очевидно не грех было бы чуточку «отшлифовать» концовку — «из-за плохой организации командованием ЮЗН и ЮЗФ разведывательной деятельности на фронте», так будет точнее. — *А.М.*). Об этом **«свидетельствуют и данные о количестве разведывательной авиации у противоборствующих сторон. Согласно таблице, приведенной Бегуновым, Литвинчуком и Сутуловым** (ВИЖ, № 1, 1990. — *А.М.*) **со ссылкой на малодоступный 5-й выпуск Сборника военно-исторических материалов за 1951 год, Юго-Западный фронт имел в своем распоряжении только 10 самолетов-разведчиков против 90 немецких самолетов-разведчиков. Другими словами, немцы имели девятикратное преимущество по слежению за нашими подвижными войсками со всеми вытекающими отсюда последствиями…»**[90].

Проще говоря, Тимошенко и Хрущев полезли в очередное лобовое наступление, толком не зная, какие силы противника перед ними и даже не контролируя его действия. А ведь как «славно» набрехали Сталину! Причем полезли точно так же, как тот же Тимошенко

действовал ещё летом 1941 г.! Если ещё проще, то попросту спроецировали механизм трагедии 22 июня на ситуацию ЮЗН весной 1942 г.!

*** * ***

Комментарий. Речь идёт о том, что летом 1941 г. под «доблестным командованием» Тимошенко, как главнокомандующего Западным направлением, Западный фронт подвергся повторному жутчайшему разгрому. В ходе продолжавшейся с 10 по 30 июля 1941 г. Смоленской операции имевший чуть ли не абсолютное превосходство над гитлеровцами Западный фронт под общим «бравым командованием» Тимошенко потерпел ещё более умопомрачительное поражение и разгром, параметры которых просто потрясают своей чудовищной, нет, не бездарностью, а именно преступностью командования. Наши потери многократно превосходили потери вермахта:

— в живой силе — 1: 10, ибо у гитлеровцев 50 тыс. чел., у нас же 500 тыс. чел.;

— в танках — 1: 9, ибо у гитлеровцев эти потери составили 220 единиц, у нас же 2000;

— в артиллерии — 1: 14, ибо у противника эти потери составили 1 тыс. единиц, у нас же 14 тыс. единиц;

— в авиации — 1: 15,33, ибо люфтваффе потерял 150 самолётов, наши же 2300 самолётов.

Сталин в прямом смысле слова был вне себя от гнева и, как вы понимаете, более чем заслуженно снял Тимошенко с этого поста. А действительно, как же надо было командовать наиважнейшей стратегической оборонительной операцией, чтобы дать окаянным супостатам возможность устроить такой погром? Нынче у нас принято твердить, что-де бездарные у нас были полководцы в начале войны. Но это не так, совсем не так. Тимошенко ещё до начала Смоленской операции вполне сознательно устраивал на этом направлении локальные контрблицкриги: **4 июля** по его личному приказу **1400** танков без прикрытия с воздуха и без взаимодействия с пехотой ринулись в контрнаступление против всего-то ста немецких танков! И что? А ничего — при абсолютном превосходстве в танках и артиллерии едва смог остановить супостатов! А громадное количество техники было потеряно, в том числе и в болотах. **5 июля** — то же самое: по личному приказу Тимошенко **21-я** армия наносила контрудар под Жлобином, дабы прикрыть Могилевское

направление. И что же? А то же самое — контрудар наносился без прикрытия с воздуха, ну и результат соответствующий: супостаты тщательно выбомбили все это контрнаступление! Громадное количество людей погибло… **6 июля** по личному приказу Тимошенко (и во исполнение указания Ставки Главного Командования, где Сталин ещё не был Верховным — это произойдет только с 10 июля) 20-я армия предприняла очередное контрнаступление. И что же, по-вашему, получилось? Да опять-таки то же самое — встречным ударом окаянные супостаты смяли наши мехкорпуса. И опять-таки, большая часть наших танков утопла в болотах…

Ну и как прикажете расценивать подобное, если оно уже тогда носило явно системный характер, но именно тот системный характер, который только на бездарность ничего нового в стратегическом опыте вермахта не видевшего Тимошенко не спишешь. Тут явно о другом следует думать — ведь с маниакальным упрямством, фактически же получается, что умышленно, делались одни и те же грубейшие ошибки, приводившие к ещё более тяжелым последствиям! И всякий раз, обратите внимание, без прикрытия с воздуха, без взаимодействия с пехотой, без тщательного учёта действий противника! И всякий же раз танки тонут в болотах… Как будто специально?! Что, Тимошенко ничего не знал о современной на тот момент войне, что поступал только так, как поступал?! Он что, вообще ничего не соображал, что специально загонял танки в болота, чтобы потом оправдываться подобной «объективной» причиной?! А ведь, напоминаю об этом вновь, до 10 июля 1941 г. Тимошенко был не только наркомом обороны СССР, но и председателем Ставки Главного Командования, то есть первым на войне Главнокомандующим! Что же прикажете думать обо всем этом, если оно носило столь явно злостно системный характер? Соответственно и выходит, что и второй жутчайший разгром Западного фронта был не только явно не случаен, но и закономерен, как, впрочем, и первый, устроенный Павловым! Разве не так? Хуже того. Как же теперь прикажете расценивать ситуацию с Харьковской операцией, если все это повторилось один к одному?! С той лишь разницей, что таких болот там не было, чтобы сотнями танки топить…

* * *

Вот так Тимошенко и Хрущёв и угробили людей в Харьковской операции, а когда представилась возможность безнаказанно солгать, то Хрущев, более известный своей кривой душонкой, не преминул это сделать,

подлец. Все, мерзавец, свалил на Сталина. А правда — вот она, выше уже была изложена!

Когда же, обделавшись под завязку, они обратились к Сталину, то просили не санкции на прекращение операции, о чем Хрущев нагло брехал на съезде, а дополнительные ресурсы, чтобы и их угробить. Но в **21 час. 50 мин. 27 мая 1942** г. Сталин «врезал им по первое число» телеграммой следующего содержания: **«За последние 4 дня Ставка получает от вас все новые и новые заявки по вооружению, по подаче новых дивизий и танковых соединений из резерва Ставки. Имейте в виду, что у Ставки нет готовых к бою новых дивизий, что эти дивизии сырые, необученные и бросать их теперь на фронт — значит доставлять врагу легкую победу. Имейте в виду, что наши ресурсы по вооружению ограничены, и учтите, что кроме вашего фронта есть ещё у нас и другие фронты. Не пора ли вам научиться воевать малой кровью, как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением. Если вы не научитесь получше управлять войсками, вам не хватит всего вооружения, производимого во всей стране.**

Учтите всё это, если вы хотите когда-либо научиться побеждать врага, а не доставлять ему легкую победу. В противном случае вооружение, получаемое вами от Ставки, будет переходить в руки врага, как это происходит теперь»[91].

А **29 мая** Сталин направил Тимошенко и Хрущёву телеграмму, в которой, при подчеркивании, что речь идёт прежде всего об ошибках Тимошенко и Хрущёва, говорилось: **«В течение каких-либо трех недель Юго-Западный фронт, благодаря своему легкомыслию, не только проиграл наполовину выигранную Харьковскую операцию, но успел ещё отдать противнику 18–20 дивизий… Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе, которую пережил фронт и продолжает ещё переживать, то я боюсь, что с вами поступили очень круто». Эх, не нужный гуманизм проявил Сталин…**

* * *

Не менее любопытно и следующее. Жуков, который в своем выше уже упоминавшемся секретном письме на имя Хрущева ссылался именно на тот самый пример с Харьковской операцией, о которой тот и брехал на съезде, впоследствии развернулся на 180°. В своих мемуарах он написал следующее: «18 мая обстановка на Юго-Западном фронте резко ухудшилась… Мне довелось присутствовать в этот день (на этот раз он

действительно был в этот день у Сталина — *А.М.*) в Ставке при одном из последующих разговоров И. В. Сталина с командующим Юго-Западным фронтом. Хорошо помню, что Верховный тогда уже четко выразил С. К. Тимошенко серьезное опасение по поводу успехов противника в районе Краматорска. К вечеру 18 мая (не „к вечеру“, а просто вечером, так как согласно записи в „Журнале…“ Жуков вошел в 21.00 18.05, а вышел 01.35. 19.05. — *А.М.*) состоялся разговор по этому же вопросу с членом Военного совета фронта Н. С. Хрущёвым, который высказал такие же соображения, что и командование Юго-Западного фронта: опасность со стороны краматорской группы противника сильно преувеличена и нет оснований прекращать операцию. Ссылаясь на эти доклады Военного совета Юго-Западного фронта о необходимости продолжения наступления, Верховный отклонил соображения Генштаба. Существующая версия о тревожных сигналах, якобы поступавших от Военных советов Южного и Юго-Западного фронтов в Ставку, не соответствует действительности. Я это свидетельствую потому, что лично присутствовал при переговорах Верховного». А зачем же тогда в 1956 г. поддержал брехню шелудивого кукурузника?! Зачем же клеветал на Сталина?! Неужели так трудно было оставаться маршалом Победы?! В конце концов, просто мужчиной и не опускаться до махровой лжи?! Ведь Рокоссовский же отказался клеветать на Сталина! Пострадал за это нещадно, но своей позиции не изменил! И Голованов тоже пострадал, но не изменил своему Великому Верховному!

Да и Василевский, на которого Хрущёв ссылался прямо на съезде, тоже впоследствии многое чего вспомнил. Например, что в два часа ночи 26 июня, после того как он закончил очередной доклад и собирался уходить, Сталин остановил его словами: **«Подождите. Я хочу вернуться к харьковской неудаче. Сегодня, когда запросил штаб Юго-Западного фронта, остановлен ли противник под Купянском и как идет создание рубежа обороны на реке Оскол, мне ничего вразумительного доложить не смогли. Когда люди научатся воевать? Ведь харьковское поражение должно было научить штаб. Когда они будут точно исполнять директивы Ставки? Надо напомнить об этом. Пусть, кому положено, накажут тех, кто этого заслуживает, а я хочу направить руководству фронта личное письмо. Как вы считаете?»** Естественно, что Василевский ответил: **«Думаю, что это было бы полезным»**. А что, нельзя было раньше вспомнить и пресечь подлую клевету Хрущёва?! Впрочем, пустое это дело задавать ретроспективные вопросы…

* * *

18–20 дивизий, о которых говорил Сталин, — это, по уточненным ныне данным **207 047 человек**, которые были убиты или попали в плен. Всего за три недели!? Точнее, даже меньше — за 17 дней. Добавьте те **380 888 человек**, которых они уже угробили в ходе предыдущих двух операций, и получится **587 935**, или в месяц по **117 587 человек. Образно говоря, за пять месяцев они уничтожили примерно 5–7 (пять — семь!) армий!!! Ну разве не «стратеги»?!**

* * *

В том-то всё и дело, что даже «стратегами» их не назовешь. Единственные слова, которыми можно охарактеризовать их в данном случае, — предатели и изменники, злоумышленно сотворившие жуткую трагедию Харьковского «котла». Я не сгущаю краски и не пытаюсь бросить дополнительную черную тень на них. Потому как в этом нет, не было и быть не могло никакой нужды — несмываемое пятно подлого предательства и так лежит на них. Потому что Харьковская трагедия действительно была злоумышленно ими спровоцирована в предательских целях.

Дело в том, что когда Тимошенко и Хрущев убеждали Сталина в необходимости контрнаступления Юго-Западного фронта, а в действительности же злоумышленно его дезинформировали, начальник Особого отдела ЮЗФ полковник Владимир Рухле[92] по своим каналам направил в Москву начальнику Особых отделов Виктору Абакумову секретное донесение, *в котором категорически возражал против организации контрнаступления фронта*. В основе его мотивировки лежали безупречные разведывательные данные (Особые отделы вели также и зафронтовую разведку) о том, что командование вермахта перебрасывает на Юго-Западное направление против ЮЗФ дополнительные танковые дивизии. В. Рухле просил доложить его информацию Сталину, дабы предотвратить уже запланированное контрнаступление, прямо указав, что результатом оного будет катастрофическое поражение фронта.

По неизвестным причинам Виктор Абакумов сообщил об этом донесении своего подчиненного Хрущеву, который, в свою очередь, неизвестными на сегодня аргументами убедил его не докладывать информацию Рухле Сталину. Конечный результат всего этого выше уже был описан — трагедия Харьковского «котла» стала фактом[93].

Надеюсь, теперь стало понятно, почему свои подлые и донельзя же гнусные оскорбления в адрес Сталина как полководца и гениального стратега Хрущёв на XX съезде начал именно с публичной фальсификации причин Харьковской трагедии. Этот преступник, по которому ревмя ревела знаменитая 58-я статья Уголовного кодекса, именно таким образом и **отмывал себя и своего подельника Тимошенко от прямой уголовной ответственности за злоумышленно содеянное ими во время войны тяжкое государственное преступление. Скажу даже более того. Как известно, несмотря на то, что В. Абакумов был арестован ещё при Сталине, осужден и расстрелян он был уже при Хрущеве в 1954 г. Все до сих пор гадают — зачем Никите Сергеевичу это понадобилось. Только ли в силу его природной подлости?! Ответ же прост. Абакумов был крайне опасным свидетелем, который мог документально доказать, что Хрущёв и Тимошенко злоумышленно сотворили потрясшую страну и РККА трагедию Харьковского «котла», за что даже в мирное время заслуживают немедленного расстрела. И, судя по всему, Абакумов именно это-то и хотел рассказать в последние секунды своей жизни, но пуля палача оборвала его жизнь на полуслове. Впрочем, в какой-то мере это было и справедливо — не надо было утаивать тревожную информацию В. Рухле от Сталина…**

* * *

Завершая цитирование уже упоминавшейся выше телеграммы Сталина от **29 мая 1942 г.**, уважаемый коллега К. Быков от себя добавил: **«…сказал И. Сталин в адрес руководителей Юго-Западного направления, ещё не зная, что поражение под Харьковым приведёт к прорыву немцев на Волгу и на Кавказ»**[94]. Трудно с этим согласиться. Сталин задолго до этого предвидел, что Гитлера понесёт именно в эту сторону. И это его предвидение великолепно иллюстрирует и доказывает то обстоятельство, что, как уже подчеркивалось выше, начало подготовки к Сталинградской битве было положено ещё 2 октября 1941 г. Именно в этот день командующему Северо-Кавказским военным округом (СКВО) было передано следующее указание:

> «Ставка Верховного Главнокомандования считает необходимым немедленно приступить к укреплению Таманского полуострова и занятию его войсками. План организации оборонительных работ, соображения по дислоцированию

сообщить по телеграфу 5 октября. К работам приступить немедленно»[95].

А уже 9 октября Ставка указала Военному совету СКВО конкретные участки оборонительных работ.

«Народный комиссар обороны приказал построить полевые укрепленные рубежи:

1. По линии — (иск.) Новохоперск, по р. Хопер до Усть-Хоперский, Машинский, ст. Суровикино, Нижне-Чирская, далее по р. Дон до Азов (вкл.).

2. По линии — Нов. Бирюзяк, по р; Кума до Величаевское, далее по южному берегу р. Маныч до Маныч-ская (на р. Дон) — фронтом на северо-восток.

3. По линии — Красный Яр, по р. Медведица до Усть-Хоперский — фронтом на запад.

4. *Обвод г. Сталинград по линии — Камыщин, Зензеватка, Солодча, ст. Иловля, по р. Дон до Калач, ст. Ляпичев, Братский, выс. 150, Красноармейск.*

5. Для прикрытия Керченского пролива и укрепления Таманского полуострова построить полевые укреплённые рубежи на линии: 1 — Фонталовская, Ахтанизовская, х. Комышана; 2 — Темрюк, Анапа.

6. Для прикрытия г. Новороссийск с моря и недопущения десантных высадок противника в этом районе построить оборонительный рубеж по линии: Красно-Медведовская (ныне Раевская. — *А.М.*), выс. 540, Б. Цемесская, Шапсугская, увязав его строительство с Военным советом Черноморского флота.

На Военный совет СКВО возлагается проведение рекогносцировок. Рекогносцировки проводить в первую очередь первого рубежа и по окончании переходить на остальные рубежи.

Рекогносцировки и строительство вести на глубину полковых участков.

В первую очередь вести рекогносцировки и строительство батальонных районов первых эшелонов полковых участков, после чего приступать к рекогносцировкам батрайонов вторых эшелонов полков.

При проведении рекогносцировок руководствоваться указаниями Генерального штаба и примерной схемой батальонного района.

Строительство возлагается:

а) первого и второго рубежа на начальника Главного военно-инженерного управления Красной Армии силами формируемых армий, саперных частей и местного населения;

б) пятого и шестого рубежа на Военный совет СКВО. Кроме того, Военному совету СКВО формировать строительство обводов г. Ростов.

В первую очередь вести строительство противотанковых препятствий (рвы, эскарпы, контрэскарпы, надолбы и пр.) и сооружений по переднему краю.

При строительстве особое внимание обратить на постоянную готовность возводимых сооружений и артиллерийскую противотанковую оборону.

Военному совету СКВО мобилизовать для строительства необходимое количество рабочих из местного населения, инструмента, авто- и гужтранспорта, материалов, продовольствия для всего работающего местного населения и передать все в распоряжение начальника ГВИУ КА в сроки по согласованию с начальником ГВИУ КА.

Строительным организациям разрешается порубка леса на месте в необходимом количестве.

Рекогносцировки закончить:

а) первого и второго рубежа — 25.10.41 г.

б) остальные рубежи — 10.11.41 г.

К строительству рубежа начальнику ГВИУ КА приступить 25.10.41 г.

Полный срок готовности рубежа 25.11.41 г.»[96].

Поскольку эти указания выполнялись медленно, то 22 ноября 1941 г. Ставка Верховного Главнокомандования вынуждена была обратить внимание командования СКВО на недопустимость медленных темпов оборонительных работ. Ставка также обратила внимание командования СКВО на необходимость вести оборонительные работы не только со стороны моря, но и с суши:

«По имеющимся сведениям, оборонительные работы на Таманском полуострове и на территории Северного Кавказа (и в том числе 51 отдельной армии) ведутся недостаточно организованно и слабыми темпами.

Предлагаю:

1. Всеми мерами форсировать строительство оборонительных рубежей на территории армии, и в первую очередь на Таманском полуострове и в районах баз флота Анапа, Новороссийск, Геленджик, Туапсе.

2. Оборудовать долговременными сооружениями Коса Тузла (так „прославившаяся“ ныне. — *А.М.*), Коса Чушка, Кордон, отметка плюс 6,0 (3 км зап. Батарейки), выс. 35, 8 (3 км сев. Малый Кут, Голопузивка) Тамань, Рыб. пр., Гадючий Кут, усилив эти позиции миномётами, средствами ПВО с целью не допустить форсирования противником Керченского пролива на плавучих средствах и по льду.

3. Оборонительные работы в районах портов Приморско-Ахтарская, Анапа, Новороссийск, Геленджик и Туапсе вести не только со стороны моря, но и с суши, согласовав систему обороны с представителями Военно-Морского флота.

4. Разгрузить порт Новороссийск от эвакуационных грузов Одессы и Крыма, используя наличие позиционного имущества в Новороссийской базе для оборонительных работ на территории армии.

5. Широко использовать возможности Новороссийска и Краснодара по поставке цемента и производству блоков долговременных огневых точек»[97].

Что же касается утверждения о том, что по состоянию на 29 мая Сталин ещё не знал, что поражение под Харьковом приведёт к прорыву немцев на Волгу и Кавказ, то здесь следует исходить из другого, в связи с чем вынужден вновь привлечь внимание читателей к уже цитировавшемуся высказыванию Ю. И. Мухина из его книги «Убийство Сталина и Берия»:

«Немцы в своих работах отмечают, что после поражения Красной Армии под Харьковом характер последующих боев резко изменился, а ни один наш военачальник этого не отмечает! То есть изменение характера войны не только не от них зависело, но они его и не заметили! Не заметили того, что отметили и Гальдер, и Кейтель. Последний писал: „Боевые действия русских во время крупного наступления на юге приобрели новый характер; число захваченных военнопленных, в сравнении с прежними битвами на окружение, стало незначительным. Противник своевременно избегал грозящих охватов и в своей стратегической обороне использовал большой территориальный простор, уклоняясь от

задуманных нами ударов на уничтожение. Именно в Сталинграде и прилегающем к нему районе, а также на горных перевалах он оказывал упорное сопротивление, ибо больше не боялся оперативных охватов и обходов“».

* * *

От себя добавлю, что не только Кейтель писал об этом. Эту же мысль высказал и сам Гитлер во втором абзаце пункта «В» директивы № 41 («план „Блау“») от 5 апреля 1942 г. Там, в частности, говорилось: **«В связи с тем, что в настоящее время совершенно ясно выявилась нечувствительность русских к окружению оперативного характера, главное внимание (как это было в обоих сражениях в районах Вязьмы, Брянск) следует уделить отдельным прорывам с целью плотного окружения группировок противника. Необходимо избегать того, чтобы в результате слишком позднего подхода войск, предназначенных для окружения, противник получил возможность избежать этого окружения»**[98]. Проще говоря, тот факт, что советские войска, как справедливо и со ссылкой на Кейтеля указал Мухин, сознательно уклонялись от грозящих охватов и в своей стратегической обороне использовали большой территориальный простор, уклоняясь от задуманных немцами ударов на уничтожение, проистекал из точного знания содержания этой директивы Гитлера. Низкий благодарственный Вам поклон, дорогие разведчики военного периода! Ведь это же только благодаря Вам такое стало возможным!

* * *

«Иными словами, — *продолжает Ю. И. Мухин,* — с начала лета 1942 г. немцев начали заманивать вглубь России! Заманивать, воспользовавшись стремлением Гитлера соединиться с турками. Но поскольку никто из наших историков и военачальников об этом не пишет (Тимошенко не оставил мемуаров), то, значит, весь этот план был задуман и оставался в голове Сталина». И далее Ю. И. Мухин говорит, что «отступление советских войск на Волгу и Кавказ было осмысленным, а не вынужденным» и что об этом «свидетельствует много косвенных фактов».

В отношении организации этой битвы следует отметить, что ещё в разгар осени 1941 г. Сталину пришлось с горечью осознать, что сломать хребет фашистскому зверю удастся, к сожалению, только в глубине России. Подчеркиваю, что осознать это ему пришлось уже в разгар осени 1941 г., то есть после того, как Кир-понос своим необъяснимым упрямством загубил всю Киевскую группировку РККА (к тому же и сам погиб), а вермахт на всех парах рванул к Москве. Верный своей незыблемой традиции даже в самую тяжелую минуту смотреть далеко вперед и опиравшийся на безупречные данные разведки, а также на свое стратегически безошибочное видение перспектив развития ситуации, Сталин уже в самом начале октября 1941 г. стал готовиться к битве за Сталинград и Кавказ!

Как видите, Мухин совершенно не ошибся в своем выводе, что отступление на Волгу и Кавказ было осмысленным, и что план этот был в голове только у Сталина. Возможно, правда, частично и у Шапошникова тоже. Позволю себе лишь маленькое уточнение — по состоянию на октябрь 1941 г. это был явно ещё не цельный план, а скорее всего его истоки, точнее, истоки предпосылок замысла будущей Сталинградской битвы и битвы за Кавказ. Так, очевидно, будет правильней. Но директивы о строительстве оборонительных рубежей уже были спущены, причем в тот момент, когда обстановка под Москвой все более и более обострялась и тем не менее Сталин уже думал о том, как сломать хребет тевтонской сволочи! Одновременно и Берия стал усиленно готовиться к грядущей битве за Кавказ. В конце 1941 — начале 1942 г. в преддверии битвы за Кавказ было создано большое количество истребительных батальонов: в Ростовской области — 70, в Осетии — 48, в Чечено-Ингушетии — 11, в Кабардино-Балкарии — 9. Меры не случайные, ибо основная задача этих батальонов заключалась в борьбе с парашютными десантами и диверсантами…

После Харьковской и Крымской катастроф оборонительные работы под Сталинградом и на Кавказе были резко интенсифицированы. Мухин в этой связи отмечает, что **«укрепления в районах Сталинграда и Волги в виде четырех рубежей обороны начали строиться мирными жителями… — задолго до появления там немцев — и было построено 2572 км траншей и противотанковых рвов»**. Сталин сконцентрировал там громадные сапёрные силы. А только саперные части из личного резерва Сталина (24-е Управление оборонительного строительства РВГК) вырыли **1448** км окопов и траншей, **57** км противотанковых рвов, построили **51** км эскарпов[99], **8** км надолб, **24 400** огневых точек, смонтировали **1112** т металлоконструкций и **2317** кубометров железобетонных изделий.

* * *

Поэтому нет ничего удивительного в том, что уже к середине августа 1942 г. Сталин и войска были готовы достойно встретить врага. Описывая в своих мемуарах встречу со Сталиным 13 августа 1942 г., Черчилль указал:

> «Наконец я задал вопрос по поводу Кавказа. Намерен ли он защищать горную цепь и каким количеством дивизий? При обсуждении этого вопроса он послал за макетом хребта и совершенно откровенно и с явным знанием дела разъяснил прочность этого барьера, для защиты которого, по его словам, имеется 25 дивизий. Он указал на различные горные проходы и сказал, что они будут обороняться. Я спросил, укреплены ли они, и он ответил: „Да, конечно“. Линия фронта русских, до которой враг ещё не дошел, находилась севернее основного хребта. Он сказал, что им придется держаться в течение двух месяцев, когда снег сделает горы непроходимыми. Он заявил, что вполне уверен в том, что они смогут это сделать…»

Так что Мухин абсолютно прав в своем выводе о том, что, **во-первых, «задолго до подхода немцев к Сталинграду и Кавказу там было давно все готово к тому, чтобы остановить их на самом выгодном рубеже». Настолько готово, что заблаговременно была сосредоточена мощная группировка в составе 1,1 млн. человек. В том числе 10 общевойсковых дивизий и 1 гвардейская, 15,5 тыс. орудий (одних только артполков и отдельных дивизионов знаменитых «катюш» из резерва Верховного было сосредоточено соответственно 129 и 115), 1,5 тыс. танков (2-я и 5-я гвардейские танковые армии) и 1,3 тыс. самолётов.**

Во-вторых, прав Мухин и в том, что до этого рубежа «немцам позволяли наступать: все глубже втягиваться в западню»! В западню, о создании которой Сталин задумался ещё осенью 1941 г., потому как «наступая на Кавказ, немцы удлинили себе линию фронта как минимум на 1,5 тыс. км, а ведь этот фронт надо было защищать. Кем? Гитлер притащил в наши степи всех союзников, пополнивших чуть позже лагеря военнопленных, — от итальянцев до венгров. А итальянцы, кстати, оказались такой боевой силой, что среди немецких генералов нет ни одного, кто бы не плевался при воспоминании о них. Короче, Гитлер, поддавшись на неожиданную легкость наступления, влез в такие дебри, что случись что, помочь своим войскам из Европы он практически не мог. И то, что ожидалось, то Сталин ему и устроил, а

называлось это Сталинградской битвой». В точном соответствии с давними, основанными на блестящих аналитических выводах выдающего военного аналитика А. Жомини рекомендациями российской военной разведки: «Не упускать случая, коль скоро Наполеон отделит где-либо часть своих войск, сосредоточить против них превосходнейшее число своих и истребить сию часть прежде, чем он подаст ей помощь».

А чтобы начисто исключить любые попытки помочь войскам, которым уже была уготована лютая смерть под Сталинградом, Сталин предпринял нетривиальный ход. Ещё **17 июня 1942 г.** он издал приказ **№ 0489** о премировании советских соколов за сбитые вражеские самолеты. Есть там очень интересный пункт — **за каждый сбитый транспортный самолёт противника советским лётчикам полагалась выплата в размере 1500 рублей. Больше платили только за каждый сбитый бомбардировщик, да и то всего на 500 рублей. Приказ этот в общем-то известен. Но никто не обращает внимания на то, что он предшествовал началу Сталинградской битвы. А Сталин очень ясно представлял себе её контуры — контуры будущего «котла» для гитлеровских войск. Как, впрочем, ясно предвидел и возможные меры германского командования по спасению угодивших в советскую западню своих войск. Потому-то и была особой строкой прописана премия за каждый сбитый транспортный самолет, чего в более ранних приказах о премировании за сбитые самолеты не было. Сталин совершенно четко предвидел, что гитлеровское командование будет пытаться спасти свои окруженные войска с помощью именно «воздушного моста». Такое уже было даже летом 1941 г., когда Ворошилов ущучил Манштейна. Но ничего у гитлеровцев не вышло. В стратегическом предвидении равных Сталину не было. А 19 ноября 1942 г. кольцо окружения под Сталинградом замкнулось — начался давно задуманный Сталиным коренной перелом в войне!**

Миф № 28. Верховный Главнокомандующий Сталин умышленно создал штрафные батальоны, чтобы загнать туда побольше солдат и использовать их в самых кровавых операциях на фронте, правду о чём поведали создатели дважды показанного по телевидению многосерийного фильма «Штрафбат»

В связи со Сталинградской битвой появился и миф о штрафбатах. Это один из самых любимых мифов всех антисталинистов всех времен и народов. Возник ещё во времена дурдомовской «оттепели» ярого врага Советского Союза и России — пресловутого Никиты Хрущева. Но не без помощи Жукова. По сей день миф является излюбленным «аргументом» в клевете на Сталина. Применяется в массовом порядке. Кто только и как только не поупражнялся на эту тему?! Все стремятся больней «лягнуть» «мертвого льва» — Иосифа Виссарионовича Сталина. А без остановки протрещавшая уже две Величайшие Державы Мира сопливая российская интеллигенция так и вовсе придумала какой-то запредельно гнусный телесериал «Штрафбат» (если не изменяет память, один из режиссёров — некий Володарский, он же Гольдштейн). Насчёт фильма речь пойдёт отдельно. А что было в реальности?

Да, действительно, штрафные батальоны были созданы в Красной Армии. Созданы в соответствии со знаменитым приказом Сталина **№ 227 от 28 июля 1942 г.**, более известным как **«Ни шагу назад!»**. Но прежде чем говорить непосредственно о штрафных подразделениях, хотелось бы обратить внимание на следующее. В той страшной войне не Сталин и не РККА были «пионерами» в деле создания штрафных подразделений. В той страшной войне первыми к этой жесткой мере прибегли сами же гитлеровцы. Уже в самом начале войны, столкнувшись с ожесточенно яростным, буквально свирепым сопротивлением советских войск, солдаты вермахта все чаще стали вести себя неадекватно данной присяге и уставам.

В связи с этим уже в начале июля 1941 г. с санкции Гитлера в вермахте стали активно функционировать штрафные батальоны, которые расценивались германским командованием как хорошая идея — осужденные военно-полевым судом военнослужащие вермахта могли реабилитироваться в штрафбатах. Достаточно перелистать «Военный дневник» начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Франца Гальдера, чтобы убедиться в этом. В записи от 9 июля 1941 г. там прямо так и говорится, что «организация „штрафных батальонов“ оказалась хорошей идеей…»[100].

* * *

Обратите внимание. ещё не прошло и двадцати дней с момента начала агрессии, а тевтоны вынуждены были ввести в действие штрафные батальоны! Так что справедливо было сказано в приказе № 227, что штрафные части — не наше изобретение. Небезынтересно также отметить следующее. Согласно приведенным историком М. Ю. Мягковым в книге «Вермахт у ворот Москвы, 1941–1942» (РАН. Институт всеобщей истории, М., 1999) данным (со ссылкой на германские архивы), только в ходе зимней кампании 1941/42 г. военные трибуналы вермахта осудили за дезертирство, самовольное отступление, неповиновение и т. п. преступления, в том числе и с направлением в штрафные части, примерно 62 тысячи солдат и офицеров! Подчеркиваю, только за одну зимнюю кампанию 1941/42 г.! И сколько всего в вермахте было осуждено за подобные преступления до конца войны?! Кстати говоря, следует иметь в виду, что, в отличие от наших штрафных подразделений, в вермахте срок пребывания штрафников в таких частях заранее не устанавливался, хотя и возможность реабилитации формально тоже не исключалась. Однако в действительности немецкая система штрафных подразделений было куда более жестокой и варварской. В основном там господствовала система бессрочного пребывания в штрафниках и никакие ранения, то есть искупление вины кровью, как правило, не признавались (в Красной Армии, как известно, максимальный срок пребывания в штрафниках составлял три месяца или до первого же ранения). К концу войны немецкие штрафные подразделения по своей численности доходили до дивизии. Там была даже специальная штрафная дивизия № 999, которую нередко бросали на штурм на самых опасных, с точки зрения германского командования, направлениях.

* * *

В РККА, как это и так очевидно, штрафные подразделения были созданы лишь после 28 июля 1942 г. Их создавали как в виде штрафных батальонов, так и штрафных рот. Согласно приказам Сталина **№ 227 от 28 июля** и **№ 298 от 28 сентября 1942 г.** штрафные батальоны формировались в пределах фронта в количестве от одного до трех по **800** человек в каждом, куда направлялись разжалованные в рядовые средние и старшие командиры и политработники всех родов войск, провинившиеся в нарушениях дисциплины по трусости или неустойчивости. Этим документом приказывалось ставить их на наиболее трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины. Штрафбаты находились в ведении командования и военных советов фронтов и придавались стрелковым дивизиям (стрелковым бригадам), на участок которых они ставились. В имевшие аналогичные задачи и функции штрафные роты направлялись рядовые бойцы и младшие командиры всех родов войск. Они находились в ведении военных советов армий и придавались полкам (дивизиям, бригадам), на участок которых ставились распоряжением военного совета армии.

Приказами предусматривались как меры частичного поражения в правах военнослужащего, так и меры тщательного поощрения, в том числе и по денежно-вещевому довольствию, досрочному освобождению и награждению (хотя в целом, если исходить из воспоминаний ветеранов, побывавших в штрафных подразделениях, не шибко-то и баловали их наградами).

Военнослужащие штрафных частей подразделялись на постоянный и переменный состав. Первый комплектовался из числа наиболее отличившихся в боях и волевых командиров и политработников. К постоянному составу штрафбатов относились — командование батальона, офицеры штаба и управления, командиры и политработники рот и взводов, старшины, писари и санинструкторы рот. В штрафной роте к постоянному составу относились командир и военный комиссар роты, писарь, командиры, политруки, старшины и санинструкторы взводов. Для постоянного состава предусматривались дополнительные меры поощрения — как награждения, так и денежно-вещего довольствия.

Переменный состав, то есть собственно штрафники, были рядовыми вне зависимости от прежнего звания, но могли быть назначены на должности младшего командного состава.

Более того. В соответствии с приказом **№ 004/ 0073/006/23 от 26 января 1944 г. «О порядке применения примечания 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующих статей УК других союзных республик) и направлениях осужденных в действующую армию»**, подписанным заместителем наркома обороны маршалом А. М. Василевским, наркомом внутренних дел Л. П. Берия, наркомом юстиции Н. М. Рычковым и прокурором СССР К. П. Горшениным, в штрафные части направлялись также и осужденные судебными органами лица. Правда, это не распространялось на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи, воров-рецидивистов, а также уже имевших судимости за перечисленные преступления и неоднократно дезертировавших из Красной Армии.

Начиная с 28 июля 1942 г. и до окончания войны в Красной Армии всего было создано **65** штрафных батальонов и **1037 (по другим данным — 1028)** штрафных рот. Однако это не означает именно такое количество одновременно существовавших штрафных подразделений на протяжении всего указанного периода времени. Среднемесячное количество штрафбатов в указанный период времени колебалось от **8** до **11**, среднемесячное количество штрафников в них — **225** человек. Среднемесячное количество штрафных рот в указанный период времени — **243**, а среднемесячное количество штрафников в них — **102** человека.

Среднемесячная численность штрафников во всех штрафных частях действующей армии в указанный период времени — **27 326** человек, что при среднемесячной численности самой действующей армии в **6,55** млн. человек составляло всего **0,42 %** от указанной её численности.

Учитывая предназначение штрафных частей и выполнявшиеся ими задачи, количество потерь в них было **от 3 до 6 раз** больше уровня всех видов потерь личного состава обычных подразделений в наступательных операциях.

За указанный период времени в штрафные части было направлено, по данным Генштаба, **427 910** человек[101]. Много это или мало? Если считать от общего количества лиц, надевших в годы войны военные шинели, а их насчитывается **34,4767** млн. человек, то количество штрафников за всю войну составит всего **1,24 %**. Среднемесячный их процент относительно среднемесячной численности действующей армии — **0,42 %**. **В 1942 г. штрафников было 24 993, 1943 г. — 177 694,1944 г. — 143 457,1945 г. — 81 766.**

Приведённые цифры не дают оснований говорить о каком-то особом вкладе штрафников в Победу. Он достаточно скромен. В конце-то концов, страну и полЕвропы освободили, а также взяли Берлин подразделения

именно действующей армии, а не штрафники. Но и забывать их вклада в Победу тоже нельзя.

Естественно, что как только речь заходит о штрафниках, немедленно возникает вопрос о степени жесткости и даже жестокости такого наказания. Собственно говоря, на том обычно и спекулируют при эксплуатации мифа о штрафбатах. Согласен, вопрос есть. Только вот честного и объективного ответа от спекулянтов не добьетесь. Потому как не хотят они признавать, что, к глубокому сожалению, в армии, тем более воюющей армии, без происшествий, в том числе и с тяжелыми последствиями, не бывает. К глубокому прискорбию, нередки были случаи неисполнения приказов, в том числе и о наступлении, включая и несвоевременного наступления. Особенно этим отличались генералы и старшие офицеры, командовавшие крупными подразделениями. В результате нарушалось взаимодействие флангами, неоправданно гибли люди. Кстати, происходило это на уровне даже маршалов. Однажды (если не того более) Сталин вынужден был дать сильный нагоняй тому же Жукову за подобные «хитрости» при выполнении боевых задач.

Ещё более частыми были случаи мародерства, грабежа, плохой организации продовольственного обеспечения и питания войск и, как следствие, спекуляции продовольствием. Дело дошло до того, что ГКО вынужден был издать по этому вопросу постановление № 3425 от 24 мая 1943 г., на основании которого Сталин издал приказ № 0374 от 31 мая 1943 г., согласно которому лица начальствующего состава фронтов, виновные в этом, по решению военных советов фронтов должны были направляться в штрафные батальоны[102]. Имели место случая бесчеловечного отношения к материально-бытовым нуждам военнослужащих[103]. Естественно, что не обходилось и без традиционного на Руси пьянства. Нередки были и случаи изнасилования лиц женского пола. К сожалению, имели место и случаи трусости в бою, самовольного оставления поля боя, дезертирства, неподчинения старшим, несоблюдения уставов, самострелов. Нередкими были и случаи неправомерного использования боеприпасов — к примеру, очень часто взрывчатые вещества использовались для… ловли рыбы, что, как правило, кончалось гибелью или ранением военнослужащих, а также аналогичного использования мобильной боевой техники. На этом, к слову сказать, погорел даже сын Сталина — Василий. Иной раз беспечность и бесконтрольность со стороны командования доходила до того, что бойцы минами осуществляли категорически запрещенные действия — например, или гвозди забивали или доски для костра разбивали. Один такой случай, выведший Сталина из себя, произошел 18 мая 1944 г. на станции Красноармейская в Харьковском

военном округе, вследствие чего последовал жесткий приказ Верховного[104]. Бывало, что на танках гоняли за самогоном в ближайшие деревни, а то и вовсе на самолетах гоняли за спиртным. Чего только не было в действующей армии. Имели место даже категорически запрещенные в РККА дуэли. Полный перечень подобных «художеств» займет не одну страницу плотного текста.

Подобными случаями армейская жизнь переполнена и в мирное время — ведь и месяца-то не проходит, чтобы не сообщили об очередном ЧП в войсках. А что уж говорить о действующей армии. В мирное время за такие «художества» кого на «губу» (гауптвахту) посадили бы, кого-то и под суд отдали бы с отбыванием назначенного срока заключения в тюрьме. Однако в воюющей армии это не реально. Потому как, а кто воевать-то будет. Естественно, что за большую часть подобных «художеств» наказывали прямо на месте и предоставляли возможность искупить свою вину кровью в штрафных частях. По крайней мере, это было куда честней по отношению к дисциплинированным бойцам и командирам действующей армии. Потому как нарушителям воинской дисциплины не давали возможности отсиживаться в тылу, хотя бы и в тюрьме или лагере. Собственно говоря, именно на это и был направлен малоизвестный секретный приказ наркомата обороны № 0413 1942 г., которым командирам полков, дивизий и им равных частей предписывалось «направлять своей властью в штрафные роты лиц сержантского и рядового состава за некоторые виды преступлений». А к их числу были отнесены: самовольная отлучка, дезертирство, неисполнение приказа, кража военного имущества, нарушение уставных правил караульной службы и иные воинские преступления. Начальникам гарнизонов предоставлялось также право направлять в штрафные роты задержанных дезертиров.

Что же касается так называемой жестокости приказа **№ 227 — «Ни шагу назад!»**, то уж поверьте прочитавшему не одну тысячу статей и книг воспоминаний ветеранов войны, выслушавшему не одну тысячу рассказов тех же ветеранов — **ни один, особо подчёркиваю, что ни один из ветеранов не сказал ни одного худого слова в адрес этого приказа**. Напротив, все без исключения с особой теплотой вспоминают, с какой радостью и облегчением они встретили этот суровый и жесткий приказ. У всех тогда было единое мнение: **«Наконец-то!»** Потому что уже устали драпать, хотелось победы, уверенности в своих силах, в своих соратниках по оружию, в своих соседях справа и слева.

Да, никто из ветеранов войны, особенно тех, кто прошел через штрафбаты и штрафные роты, не отрицает, что на войне было все. И неоправданная жестокость явно зарывавшегося командования, и

милосердие, в том числе и со стороны военных трибуналов и органов контрразведки. Понятная и одобрявшаяся личным составом справедливость сурового наказания и безрассудные расправы, в том числе и по пьянке, вышестоящего командования. Имела место даже месть — бывало, что свирепствовавших командиров штрафных подразделений бойцы в бою пристреливали. Все было. И никто из ветеранов этого не отрицает. Но принципиальную значимость введения штрафных батальонов и рот как способа искупления вины во время войны они также не отрицают. Напротив, в первую очередь говорят именно об этом. И только потом обо всем остальном. Кстати говоря, никто из них не говорит и о каких-то особых зверствах и ущемлениях в обеспечении со стороны командования. А дураков и самодуров, извините, у нас всегда, к глубокому сожалению, хватало и хватает. Так что надо это все правильно понимать и внимательно вслушиваться в то, что говорят уважаемые ветераны.

Что же касается гнусного телесериала «Штрафбат», то большая часть это подлой телевизионной лжи выше была уже опровергнута. Тем не менее хотелось бы отметить также и следующее. Из содержания картины видно, что зрителям пытаются преподнести события, как минимум 1943 г. Потому что все военнослужащие носят погоны. А они были возвращены в нашу армию в 1943 г. Но в 1943 г. не было никакого противостояния между Русской православной церковью и государством. Между тем в фильме, фигурирует удивительный персонаж — православный священник. К тому же в рясе и с оружием в руках бегает в атаку. И вот в связи с этим не могу не сказать, что это особо гнусная, особо подлая ложь взбесившихся от безнаказанности негодяев. За всю войну не было ни одного случая, чтобы священнослужителя приговорили к отбыванию наказания в штрафных подразделениях. Даже тех, кто был осужден за сотрудничество с оккупантами. Кстати говоря, судили их не за то, что они священнослужители, а конкретно за сотрудничество с врагом.

Русская православная церковь с первых же мгновений Великой Отечественной войны заняла сугубо патриотическую позицию и призвала народ к отпору врагу. **Мало кому известно, что своё великое обращение к народу от 22 июня 1941 г., патриарший местоблюститель Сергий сделал в опережение знаменитого выступления Сталина от 3 июля не просто так, а именно же по согласованию со Сталиным. Ибо Иосиф Виссарионович прекрасно отдавал себе отчет в том, что эта война — война цивилизаций. И роль церкви в этой борьбе превыше всего! И** чтобы после такой всеобъемлющей поддержки церковью справедливой борьбы с врагом Сталин приказал бы ссылать попов в штрафбаты?!

Воистину надо быть абсолютно подлым негодяем, чтобы докатиться до этого!

Русская православная церковь и её славные сыны действительно принимали самое активное участие в войне. Прежде всего это выразилось в громадной помощи Церкви государству. Ведь по каналам РПЦ было собрано свыше 250 млн. рублей, переданных на нужды обороны. Один истребитель тогда стоил 100 тысяч рублей. Любой может посчитать, сколько истребителей было построено благодаря РПЦ. В то же время следует отметить, что многие священнослужители РПЦ действительно с оружием в руках участвовали в боевых действиях, в частности в партизанских отрядах, а также оказывали колоссальную помощь советской разведке в добывании необходимой информации о противнике. Другие священнослужители вносили иной, посильный вклад в Великую Победу. **Так, современная молодежь даже и не знает, что один из самых выдающихся священнослужителей РПЦ того времени — архиепископ Лука (в миру Войно-Ясенецкий) — это лучший в то время во всем мире хирург, специалист по гнойной хирургии, благодаря самоотверженным усилиям и медицинским методикам которого были спасены сотни тысяч и миллионы жизней красноармейцев.**

Ни Сталин, ни Советское государство не забывали великого вклада священнослужителей РПЦ в нашу Великую Победу. Многие из них были удостоены высоких правительственных наград. А в 1943 г. благодаря Сталину РПЦ смогла наконец-то осуществить выборы Патриарха. Одновременны были открыты духовные академии и училища, многие и многие приходы. Церковь обрела спокойствие в отношениях с государством и возможность спокойно окормлять паству. Вот о чём надо было делать многосерийный фильм, а не брехать, как колченогий ублюдок Геббельс. Да и телевизионным властям должно быть стыдно за показ такой чернухи, впрочем, стыд — это не по их части…

Что же до большого вклада штрафников в Победу, как это пытаются утверждать авторы телесериала, то ситуация такова. При среднемесячной численности штрафников во всех штрафных частях действующей армии в указанный период времени — **27 326 человек**, что при среднемесячной численности самой действующей армии в **6,55** млн. человек **составляло всего 0,42 %** от указанной её численности, говорить о каком-то особом вкладе штрафников в Победу не приходится. Он достаточно скромен. Освободили страну, а заодно полЕвропы и взяли Берлин подразделения именно действующей армии, а не штрафники. Хотя и их вклада в Победу нельзя отрицать. Но он, будем же справедливы, в сравнении со всей действующей армией был скромен.

А что касается «воров в законе» и тем более репрессированных по ст. 58, которых прямо из лагерей отправляли в штрафные подразделения, то этого никогда не было и не могло быть. Мерзавцы от русофобствующей киноиндустрии негодяев попросту не знают самого элементарного. А оно заключается в следующем. По ходатайству руководства НКВД СССР, то есть лично Лаврентия Павловича Берия, Президиум Верховного Совета СССР трижды — **12 июля**, **10 августа и 24 ноября 1941 г.** — принимал указы об амнистии и освобождении заключенных ГУЛАГа, которые сразу же организованными командами направлялись из мест заключения в места формирования новых воинских частей. Только по этим трем указам для комплектования подразделений РККА было передано **750** тысяч амнистированных граждан СССР. Если исходить из норматива штатной численности стрелковых дивизий 1941 г. в **14 483** человек, то таким образом были укомплектованы **52 дивизии**. В начале 1942 г. были освобождены ещё **157 тысяч человек**. Всего же за годы войны в ряды вооруженных сил было направлено **975 тысяч** амнистированных и освобождённых из заключения граждан СССР, за счет которых было укомплектовано **67 дивизий. И все эти 975 тысяч человек были направлены в обычные части, ибо в тот период ещё не было штрафных подразделений.**

Многие часто напирают на то, что в штрафные подразделения направляли и женщин. В первое время после издания приказа № 227 такое действительно имело место быть, но в весьма незначительных масштабах. К тому же очень быстро спохватились, так как война ясно показала, что военнослужащих женского пола, совершивших нетяжкие преступления, нецелесообразно направлять в штрафные подразделения. И потому 19 сентября 1943 г. в войска была направлена директива Генштаба № 1484/2, запретившая направление в штрафные части осужденных за совершенные преступления женщин-военнослужащих. На это же был направлен и приказ НКО № 0413 от 19 сентября 1943 г.[105]

Не меньшим «спросом» у мистификаторов пользуется роль особистов и смершевцев в деле «пополнения» численности штрафбатов и штрафных рот, а также якобы имевшие место их зверства в отношении штрафников. Начнем с того, что органы военной контрразведки действовали в рамках существовавшего тогда советского законодательства, в том числе и законодательства военного времени. Да, действительно, демократии в законах военного времени мало, если она вообще присутствовала. Но это война — явление крайне кровавое, жестокое. И тут уж не до демократии. Никто в цацки на фронте не играл. Однако и над сотрудниками военной контрразведки был неусыпный и жесткий контроль. И если они допускали нарушения законности, то и им доставалось на «орехи», и даже очень

сильно. Так, приказом Сталина № 0089 от 31 мая 1943 г. «за извращения и преступные ошибки» в следственной работе следователи особого отдела 7-й отдельной армии Седогин, Изотов и Соловьев не только были уволены из органов госбезопасности, но и направлены в штрафной батальон[106]. При Сталине и Берии неприкасаемых не было.

Далее. Следует также иметь в виду, что в соответствии с упоминавшимся выше приказом № 004/0073/ 006 от 26 января 1944 г. «О порядке применения примечания 2 к статье 28 УК РСФСР (и соответствующих статей УК других союзных республик) и направлениях в действующую армию», подписанным заместителем наркома обороны маршалом А. М. Василевским, наркомом внутренних дел Л. П. Берией, наркомом юстиции Н. М. Рычковым и прокурором СССР К. П. Горшениным, в штрафные части действительно направлялись также и осужденные судебными органами лица. Вся тонкость этого приказа состояла в том, что в приговоре суда прямо указывалось, что отбытие наказания в тюремных условиях заменяется направлением в штрафные части, где, в случае доблестного поведения во время боев, с осужденного полностью снималась судимость. Однако, как уже отмечалось выше, этот приказ не распространялся на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, бандитизм, разбой, грабежи, воров-рецидивистов, а также уже имевших судимости за перечисленные преступления и неоднократно дезертировавших из Красной Армии. Кроме того, следует иметь в виду, что при комплектовании новых воинских частей с использованием амнистированных не допускалось их количественное преобладание в одном подразделении, так как это могло привести к падению дисциплины.

Наконец, о том, что-де позади штрафников стояли заградотряды и чуть что, немедленно расстреливали их из пулеметов. Во-первых, заградотряды размещались не на передовой, где находились штрафные подразделения, а в ближнем тылу и выполняли совсем другие задачи. В их функции входило отлавливание дезертиров, предателей самострелов и т. д. Во-вторых, побывавшие в штрафных подразделениях ветераны войны, не сговариваясь, в один голос твердят, что этого категорически не было. А не верить им нет ни малейшего основания. Кстати говоря, в архивах по сию пору не найдено ни одного документа о том, что какой-либо заградотряд расстрелял отступивших в бою штрафников[107].

Так что возвращаясь к пресловутому телесериалу, очевидно, прав был великий русский писатель А. Куприн — **«…актёришко-сволота — что с них взять?»**. Состряпали телеподлость, получили свои иудины тридцать сребреников и живут себе, не тужат, не стыдятся. Кстати говоря, все до единого ветераны, особенно прошедшие через штрафные подразделения,

для характеристики своего впечатления об этом телесериале находят лишь одно слово — **бред!**

В связи с этим небезынтересно привести жесткую, очень нелицеприятную для телешулеров оценку этого фильма, которую дал один из ветеранов-штрафников:

> «1. Никогда офицеры, сохранившие по приговору трибунала свои воинские звания, не направлялись в штрафные роты. Только в офицерские штрафные батальоны.
>
> 2. Никогда уголовники не направлялись для отбытия наказания в офицерские штрафбаты — только в штрафные роты, как и рядовые и сержанты.
>
> 3. Никогда политические заключенные не направлялись в штрафные части, хотя многие из них рвались на фронт, защищать Родину.
>
> 4. Никогда штрафные роты не располагались в населённых пунктах. И вне боевой обстановки они оставались в поле, в траншеях и землянках. Контакт этого непростого контингента с гражданским населением чреват непредсказуемыми последствиями.
>
> 5. Никогда, даже после незначительного ранения и независимо от времени нахождения в штрафном подразделении, никто не направлялся в штрафники повторно. Малейшая царапина — уже „искупил кровью“.
>
> 6. Никогда никто из штрафников не обращался к начальству со словом „гражданин“. Только — „товарищ“. И солдату не тыкали — „штрафник“, все были „товарищами“. Не забывайте, что на штрафные части распространялся устав Красной Армии.
>
> 7. Никогда командирами штрафных подразделений не назначались штрафники! Это уже не блеф, а безответственное враньё. Командир штрафного батальона, как правило, подполковник, и командиры его пяти рот — трех стрелковых, пулеметной и миномётной — кадровые офицеры, а не штрафники. Из офицеров-штрафников назначаются только командиры взводов.
>
> 8. Благословение штрафников перед боем — чушь собачья, издевательство над правдой и недостойное заигрывание перед Церковью. В Красной Армии этого не было и быть не могло».[108]

Уж если так хотелось сделать многосерийный фильм о войне, то могли бы за основу взять воистину православную мысль, высказанную

архиепископом Лукой (Войно-Ясенецким):

> «Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для мира. Поэтому я, как православный христианин и русский патриот низко кланяюсь Сталину»! И это были искренние слова выдающегося патриота России, с которым, к несчастью (по доносу одного, не сразу разоблаченного мерзавца), советская власть в какой-то момент не слишком милостиво обошлась, но, слава Богу, справедливость быстро восторжествовала.

Вот о чем надо было снимать фильм, а не делать телегадости! Впрочем, попробуй, достучись до сознания этих «деятелей телевизионных искусств»!..

Так что со всеми теми мифами, которые пришлось разбирать, пора не просто кончать, а именно так, как это и положено на Руси — осиновым колом!

Миф № 29. В начале Сталинградской битвы Сталину показалось мало созданных по приказу № 227 от 28 июля 1942 г. штрафных батальонов, и он создал ещё штурмовые батальоны

Прежде всего, хотелось бы обратить особое внимание на недопустимость путаницы штурмовых батальонов со штурмовыми бригадами, которые в действительности назывались штурмовые инженерно-сапёрные бригады (сокр. — шисбр). **Шисбр** — это отдельная тема, не имеющая никакого отношения к штурмовым батальонам.

Решение о создании штурмовых батальонов было принято Сталиным 1 августа 1942 г. В тот день под грифом «особо важная» им была подписана директива, согласно которой командующим Московским, Приволжским, Сталинградским военными округами и наркомату внутренних дел предписывалось к 25 августа сформировать из комначсостава, содержавшегося в спецлагерях НКВД, штурмовые стрелковые батальоны численностью **929** человек каждый. Срок пребывания в таких подразделениях — шесть месяцев.

* * *

Сразу же отметим, что эти спецлагеря были созданы по решению ГКО № 1069сс от 27 декабря 1941 г. и в соответствии с приказом НКО СССР № 0521 от 29 декабря 1941 г. Назывались они по имени городов, в которых располагались — Люберецкий, Подольский, Рязанский, Сталинградский, Белокалитвинский, Георгиевский и т. д. С момента создания и до 1 октября 1944 г. через эти лагеря прошло **421 199** человек, в том числе **354 592** военнопленных и окруженцев.

* * *

В директиве особо подчеркивалось, что штурмовые батальоны должны использоваться на **«наиболее активных участках фронта»**, поскольку они формировались из числа вышедших из окружения или побывавших в плену командиров и политработников.

Можно что угодно говорить об этой директиве, особенно в духе «демократии и прав человека». Но, как автор, считаю необходимым признать горькую, нелицеприятную, но правду. Это решение было сколь жестким, но столь же и сурово справедливым. Прежде всего тем, что вместо отсидки в относительной безопасности в тыловых проверочных спецлагерях им предоставлялся шанс для искупления вины. В конце-то концов, они все были лицами командно-начальствующего состава. А с них и спрос куда выше, чем с рядовых. А то получилось бы, что пока они будут сидеть в спецлагерях, другие должны за них отдуваться в ожесточенных боях с врагом. Да и правильно это было также и с точки зрения органов госбезопасности. Ведь проверка каждого требовала огромных усилий, уймы времени, сбора достаточного количества материалов для того, чтобы человек успешно прошел бы проверку либо был передан в трибунал. А времени на это не было. Необходимо было воевать и бить врага, а не отсиживаться в тылу, хотя бы и в спецлагерях.

Справедливость директивы была и в том, что согласно ее положениям при наличии хороших аттестаций военнослужащие штурмовых батальонов могли быть назначены на соответствующие должности комначсостава, которые они занимали до того, как оказались на территории, оккупированной врагом. Проще говоря, вернуться к своему прежнему воинскому статусу.

Такова нелегкая правда о штурмовых батальонах. Понимаю, что она горькая, нелицеприятная, мягко выражаясь, далекая от современных понятий демократии и т. п., но так было. И было это во время самой страшной войны, которая когда-либо обрушивалась на Россию! В той страшной войне мы воевали с самым лютым, самым жестоким врагом за всю историю России, пришедшим уничтожать дотла всех и вся. И только жесткие меры могли спасти Родину. Одной из таких жестких, но справедливо суровых мер и было создание штурмовых батальонов. Нравится это кому-либо или не нравится — это уже совсем другая тема. Но так было. И это надо знать.

Миф № 30. Во время войны Сталин не щадил даже своих любимчиков — «сталинских соколов» — ссылал их в специально созданные для них штрафные авиаэскадрильи, а некоторых даже в штрафбаты

Миф № 31. Во время войны провинившихся лётчиков по приказу Сталина ссылали не просто в штрафные авиаэскадрильи, а в эскадрильи смертников, которые летали на штурмовиках Ил-2

Нашей «антиллигенции» вечно недосуг в чем-либо разобраться и уж тем более честно сообщить граду и миру. Это вообще не по её части. Вот соврать прилюдно, завыть истошным голосом на всю «эрэфию», да ещё и по «телеку» — это она завсегда с удовольствием. А чтобы правду, пускай и горькую, но правду же сказать — так и троеперстие неприличное покажет, да не в кармане, а наяву. «Антиллигенция», не приведи господь… Впрочем, да пошла она по известному всей России адресу!..

Наше дело потому правое, что и горькую правду не обойдем. И именно поэтому-то сразу же говорю, что да, действительно, в ходе войны были отдельные случаи, когда летчиков по приговору военных трибуналов направляли в штрафбаты сухопутных войск. Но вот ведь в чем все дело-то. В штрафбаты сухопутных войск они попадали за очень серьезные проступки. Прежде всего, к их числу относилось невыполнение боевых задач. Чтобы не быть голословным, приведу содержание приказа № 0685 от 9 сентября 1942 г., подписанного Сталиным как народным комиссаром обороны. В нем, в частности, говорилось: «Фактами на Калининском, Западном, Сталинградском, Юго-Восточном и других фронтах установлено, что наша истребительная авиация, как правило, работает плохо и свои боевые задачи очень часто не выполняет. Истребители наши не только не вступают в бой с истребителями противника, но избегают атаковывать бомбардировщиков (так в тексте. — *А. М.*).

При выполнении задачи по прикрытию штурмовиков и бомбардировщиков наши истребители далее при количественном превосходстве над истребителями противника уклоняются от боя, ходят в стороне и допускают безнаказанно сбивать наших штурмовиков и бомбардировщиков.

Приказом НКО за № 0299 предусмотрены для лётного состава в качестве поощрения денежные вознаграждения и правительственные

награды за боевые вылеты с выполнением боевой задачи. Этот приказ в авиачастях извращён на фронтах.

Боевым вылетом неправильно считают всякий полёт на поле боя, независимо от того, выполнена или нет истребителями возложенная на них боевая задача…

В целях ликвидации такой несправедливости и для того, чтобы поощрять честных летчиков, а ловкачей и трусов выявлять, изгонять из рядов наших истребителей и наказывать их, приказываю:

1. Считать боевым вылетом для истребителей только такой вылет, при котором штурмовики и бомбардировщики при выполнении боевой задачи не имели потерь от атак истребителей противника…

4. Лётчиков-истребителей, уклоняющихся от боя с воздушным противником, предавать суду и переводить в штрафные части в пехоту»[109]. Это одна из главных причин направления летчиков в штрафные части сухопутных войск. Другую назвал известный современный историк А. В. Пыльцын в одной из своих работ о штрафбатах. Он, в частности, привел пример с боевым летчиком, кавалером трех орденов Боевого Красного Знамени, капитаном, имевшим весьма необычную фамилию — Смешной. До штрафбата он командовал эскадрильей. Перегоняя на фронт новые истребители, Смешной, как командир, допустил авиакатастрофу. Один из его подчиненных по непонятной причине — то ли не справился с управлением, то ли решил испытать новую машину в полете в недозволенном во время перегона режиме («чёрных ящиков» тогда не было) — разбил ее и погиб сам. А уничтожение боевой техники до ее поступления на фронт, вне зависимости от причин, во время войны каралось очень жестко. Страна в крайнем напряжении производила новые самолеты, на скудные золотовалютные средства закупала их по ленд-лизу, а тут из-за ухарства одного целый истребитель уничтожен. Между прочим, стоимость одного истребителя во время войны — 100 тысяч сталинских рублей. А жесткое наказание за причиненный государству ущерб по тогдашнему законодательству применялось уже с уровня 50 рублей. Вот командир эскадрильи Смешной и загремел в штрафбат… Сурово? Да. Жестко? Да. Жестоко? Да. Но ведь и война — не игра в прятки и даже не в казаки-разбойники. Война ещё более жестока. И малейшая недисциплинированность на войне приводит к колоссальным людским потерям. Вот за то и попал в штрафбат комэск, так как не обеспечил должный уровень дисциплины, которая для летчиков еще более важна, чем на земле. Как отмечает Пыльцын, в штрафбате Смешной воевал более чем достойно и пал смертью храбрых.

* * *

Попутно следует указать, что во время войны очень жестко, а нередко и жестоко, что по условиям войны было более чем справедливо, наказывали за преступное отношение к боевой технике. Вот, например, малоизвестный приказ № 0682 от 10 сентября 1942 г., подписанный заместителем Сталина по наркомату обороны — заместителем наркома обороны генерал-майором артиллерии В. А. Аборенковым. Приказ посвящен расследованию и наказанию виновных в вопиющем преступлении — в 58-м гвардейском минометном полку **80 %** автомашин было приведено в полную негодность! То есть, по сути дела, полк был обездвижен и оказался не способен выполнять боевые задачи. И это в условиях крайне острого в то время дефицита автотранспортной техники. В ситуации ожесточённых боёв на советско-германском фронте. Естественно, что последовали очень суровые выводы. Виновных в преднамеренной порче автомашин, а сам факт **80 %** приведённых в полную негодность автомашин только и означает, что преднамеренность порчи, было приказано расстрелять перед строем. Виновных же в небрежном отношении к вверенной боевой технике немедленно направить в штрафные стрелковые батальоны. Одновременно аналогичные меры приказано применять и в дальнейшем, если выявятся подобные случаи.

Скажете жестоко? Да, согласен, жестоко. Но в то же время и сурово справедливо. Шла война, страшная война. Еле-еле было налажено поступление крайне остродефицитной автотранспортной техники по ленд-лизу, за что СССР платил золотом, а тут массовая порча, да еще и в таких масштабах! Ведь **80 %** приведенных в полную негодность автомашин ничем иным, как злоумышленным, преступным, вредительским действием не назовешь. Не говоря уже о том, что целый полк оказался неспособным выполнять боевые задачи, ибо был не в состоянии передвигаться. А такие полки выполняли очень серьезные боевые задачи на фронте, где ситуация была крайне напряженная. И что, прикажете в демократию играть, соблюдать права человека?! Нет уж, увольте, ибо на языке уголовного кодекса того времени это означало злоумышленный подрыв боеспособности вооруженных сил во время войны! Оттого и столь суровый приказ. Чтобы другим неповадно было заниматься таким вредительством.

* * *

Конечно, в сухопутные штрафные части летчики попадали и по другим причинам. Вот другой пример, из биографии известного героя Балтики летчика от бога Георгия Костылева (кстати говоря, один из немногих советских лётчиков-истребителей того времени, не закончивших военной авиационной школы). Только в июле 1941 г. на И-16 Костылев сбил семь немецких самолётов. В октябре 1942 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. А в феврале 1943 г. он загремел в штрафбат. За что? Вот как описывает причину такой крутой метаморфозы известный исследователь Н. Бодрихин: «В феврале 1943 г. в блокадном Ленинграде (Костылев прибыл туда в краткосрочный отпуск повидаться с матерью. — *А.М.*) он, как знаменитость, попал в гости к „умеющей жить“, потчевавшей гостей изысканными яствами и коллекционными винами на драгоценной посуде. Сын блокадницы, Костылев, не на словах знавший цену блокадным мытарствам, в благородной ярости разнес это „гнездо пира во время чумы…“ разбил стоявшую перед ним посуду, стекла пузырившегося хрусталем серванта и опрокинул майора интендантской службы, пытавшегося прикрыть хрусталь своей грудью (и сильно избил его. — *А.М.*). Костылева не спасли ни слава лучшего летчика Балтфлота, ни геройское звание: благородные порывы всегда будили ненависть чиновников. Уже через несколько дней он был лишен офицерского звания, наград и в чине красноармейца направлен в штрафбат на Ораниенбаумский плацдарм».

Вне всякого сомнения, что по всем божеским и человеческим законам справедливости Костылев поступил совершенно правильно. Любой из нормальных мужиков в подобной ситуации всенепременно и от всей души надраил бы «морду лица» тыловой крысе, обжирающей свой же народ, да ещё и в блокадном Ленинграде. Но вот незадача — Уголовный кодекс это не одобрял (да и сейчас не одобряет). Если бы он сдал эту тыловую крысу представителям органов госбезопасности, то уж те с ним разобрались бы по всем правилам военного времени и отправили бы его в штрафбат вместо Костылева. Увы, герой-лётчик пустил в ход кулаки. Подчеркиваю, что по-мужски, по-человечески он был прав, но, увы, не по закону. Кстати, заметьте, насколько же подлы оказались тыловые ублюдки и подонки из военного трибунала, что, отобрав у Костылева всё, чем он по праву гордился, отправили его рядовым красноармейцем не куда-нибудь, а на Ораниенбаумский плацдарм, где ежедневные безвозвратные потери были выше, чем на любом другом фронте или плацдарме. Вот уж подонки из подонков — отправили героя не просто в самое пекло, а именно же в ад. Однако правота Костылева была настолько очевидна, настолько справедлив был его благородный гнев, что Господь Бог уберег его даже в таком аду. Через некоторое время он вернулся в авиацию, воевал в составе 4-го

истребительного авиационного полка Балтийского флота, сбил немалое количество вражеских самолетов и 2 августа 1943 г. в бою над Финским заливом «завалил» одного из лучших асов люфтваффе — лейтенанта Херберта Броэндле. В 1944 г. Костылев был назначен главным инспектором истребительной авиации Балтийского флота.

Так что действительно «сталинские соколы» иногда «залетали» и в штрафбаты сухопутных войск. Но это было всего лишь исключением, потому как славным «соколам» надо было очень уж «постараться», чтобы загреметь в штрафные части пехоты. Как правило, проштрафившихся летчиков все же использовали по назначению. В этих целях в составе действовавшей на Калининском фронте 3-й воздушной армии летом 1942 г. впервые была создана штрафная авиагруппа. Ее возглавил один из самых лучших летчиков СССР Иван Евграфович Фёдоров по прозвищу **Анархист**, открывший свой боевой счёт ещё в Испании, где лично «завалил» 11 «фрицев» и 13 — в составе группы. До того как возглавить штрафную авиагруппу, лично сбил более 20 самолетов противника, осуществил несколько воздушных таранов. Впоследствии стал летчиком-испытателем, давшим путёвку в жизнь примерно трем сотням типов самолетов, в том числе и реактивных, явился родоначальником первого сверхзвукового полета. С 1948 г. — Герой Советского Союза.

Когда было принято решение о создании штрафной авиагруппы, то никто в 3-й воздушной армии не захотел ее возглавить. Считавшийся хулиганом Фёдоров добровольно вызвался возглавить эту авиагруппу, насчитывавшую 64 штрафника. В неё направляли как «праведных» штрафников, так и настоящих хулиганов, по которым действительно всплакнул Уголовный кодекс. К числу праведных относился, например, летчик 273-го истребительного авиационного полка, лейтенант Алексей Решетов, считавшийся самым результативным боевым летчиком из числа тех, кто специализировался на воздушной разведке, — лично сбил 36 и в группе 8 вражеских самолётов. А. Решетов «загремел» в эту авиагруппу по приговору военного трибунала за то, что расстрелял в воздухе самолет своего ведомого, который из-за трусости неоднократно бросал Решетова в бою. По всем божеским и человеческим законам справедливости дело он был прав. Но, увы, не по закону. Ведь до такого же финала на абсолютно законных и понятных всем основаниях он мог довести дело и обычным путем через тот же трибунал. Увы, в пылу боя он так рассвирепел, что решил собственноручно покарать труса. А это ну никак не приветствовалось ни командованием, ни даже суровыми законами военного времени, А из тех, что и в самом деле были настоящими хулиганами, то, по воспоминаниям И. Е. Федорова, у него было: а) трое летчиков, которые попали к нему в

группу за то, что посадили повара в котел с горячей водой, так как тот задержал подготовку ужина; б) несколько пилотов, которые в пьяном угаре сбросили девушку с балкона за то, что она не согласилась с ними танцевать; в) один лётчик, который из ревности пристрелил свою же подругу. Увы, на войне все бывает, человеческие пороки прямо-таки прут фонтаном. Но никому не дано безнаказанно калечить или убивать людей. Вот за то и направили этих «соколов» на исправление в группу Федорова.

Однако надо сказать, что летчики этой группы были не только хулиганами, но и обладали также высоким лётным мастерством и беспрецедентной храбростью в воздушных боях. Штрафная авиагруппа Федорова воевала исключительно успешно, особенно в августе — сентябре 1942 г., и вскоре была преобразована в полк. Причем при расформировании штрафной группы всех лётчиков реабилитировали и представили к орденам и медалям, а четвёрых — к званию Героя Советского Союза. После боев под Сталинградом 273-й истребительный авиаполк был переименован в 31-й гвардейский авиаполк.

Самой громкой победой этой группы, нанесшей не только колоссальный боевой урон, но и непреодолимый моральный ущерб люфтваффе, явилась победа над знаменитой группой немецких летчиков во главе с полковником фон Бергом. Дело в том, создание штрафной группы Федорова совпало с появлением группы полковника фон Берга на этом участке фронта. Впоследствии Федоров вспоминал: «У их командира полковника фон Берга на стабилизаторе красовался трехглавый дракон (другие самолеты этой группы были разрисованы персонажами, обозначенными на игральных картах. — *А.М.*). Чем же эти асы занимались? Если на каком-то участке фронта наши дерутся хорошо, то они прилетают и бьют их. Потом перелетают на другой участок — там наших колошматят. Вот нам и поручили прекратить это безобразие. И мы за два дня всех немецких асов этой группы ухлопали (к слову сказать, в эту группу входили 28 асов люфтваффе, так что оцените высочайший уровень летного мастерства и непревзойденной храбрости авиаштрафников. — *А.М.*). В одном из боев мне удалось завалить самого „дракона“ и „червового туза“. После боя мне принесли шпагу, кортик, маузер и курительную трубку в виде головы Мефистофеля со светящимися, фосфоресцирующими зубами и глазами и с автографом Гитлера. Это были личные вещи фон Берга». И. Е. Фёдоров сохранил эту шпагу в белых никелированных ножнах после войны и впоследствии показал её корреспонденту газеты «Труд».

В дальнейшем И. Е. Фёдоров стал заместителем командира 269-й авиадивизии и специализировался на «свободной охоте», для чего собрал

группу из девяти лётчиков. Во время «свободной охоты» сбил ещё 21 самолёт противника.

А в дополнение к изложенному позвольте сослаться на содержание любопытной статьи полковника юстиции А. Мороза — **«Штрафной удар с неба»** (приводится с сокращениями)[110]: «Даже некоторые военные историки высказывают сомнения в том, что в годы Великой Отечественной войны наряду со штрафными батальонами и ротами были и штрафные авиаэскадрильи… Но если штрафбаты в составе фронтов и штрафроты в составе общевойсковых армий создавались в соответствии с приказом наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г., то штрафные эскадрильи в составе воздушных армий формировались в те же сроки, скорее, по инициативе самих авиаторов, не по велению сверху. Немногочисленные и лаконичные директивы центра по этому поводу имеют больше разрешительный, чем обязывающий характер. Более того: архивные документы позволяют думать, что предложение, а, может, и просьба о создании штрафных эскадрилий исходила из 8-й воздушной армии, входившей в состав Сталинградского фронта (выше уже было указано, что начало этому было положено летом 1942 г. в 3-й воздушной армии Калининского фронта. — *А.М.*). Ведь именно военному совету этой армии было предписано разработать соответствующее положение.

Приказ НКО № 227 в 8-й воздушной армии был не только объявлен в эскадрильях, батальонах аэродромного обслуживания, во всех штабах и службах, но и обсуждался на митингах и собраниях. В такой вот эмоциональной атмосфере могла вызреть и окрепнуть мысль о том, что летчику, проявившему трусость в воздушном бою, при штурмовке или бомбардировке цели, техническому специалисту, плохо обслужившему самолет, целесообразнее искупать вину не в боевых порядках штрафного стрелкового батальона или роты, а в небе, на аэродроме.

…В 1941–1942 гг. немало военнослужащих, в том числе авиаторов, угодили, как в обиходе выражаются, под трибунал. В 1941 г. **69,7** процента, а в 1942 г. **78,8** процента приговоров выносились с отсрочкой их исполнения до окончания боевых действий. И куда же осужденный летчик направлялся? В родную эскадрилью, часто на переподготовку».

Далее Мороз приводит боевую характеристику на пилота 1-й эскадрильи 6-го истребительного авиаполка младшего лейтенанта В. В. Копейкина, составленную 2 апреля 1942 г., задолго до приказа «Ни шагу назад!». В ней, в частности, говорится: «Тов. Копейкин с первых дней войны допускал халатное отношение к боевой работе, проявлял недисциплинированность, выражавшуюся в пьянках, из которых одна со стрельбой… Эта недисциплинированность в конце концов привела к

грубому летному происшествию — допустил промах на посадке и столкновение с другим самолетом на пробеге. За эти факты тов. Копейкин был осужден военным трибуналом в декабре 1941 г. к десяти годам». Осужденного младшего лейтенанта Виктора Копейкина в феврале 1942 г. направили в 6-й истребительный авиаполк для переучивания на новой матчасти. Он и в этом полку из-за того, что по рассеянности не переключил топливный бак, совершил вынужденную посадку. Тем не менее командиры молодого лётчика охарактеризовали его следующим образом: «Имеет большое стремление искупить вину. Должности пилота соответствует, но требует контроля со стороны начальников». От Копейкина при его характере и уровне подготовки можно было ожидать чего угодно, но только не измены, не перелета к противнику. Сама мысль об этом исключалась.

Наиболее значимое Положение о штрафных эскадрильях было разработано в 811-м штурмовом полку 206-й штурмовой дивизии (она была переформирована из истребительной в штурмовую на Сталинградском фронте). Положение подписано начальником штаба 8-й воздушной армии полковником Н. Селезневым и военкомом штаба старшим батальонным комиссаром В. Ануфриковым, а на титульном листе утверждено командующим армией генерал-майором авиации Героем Советского Союза Т. Хрюкиным и военкомом армии бригадным комиссаром А. Вихоревым.

Задачу организации штрафных эскадрилий положение определило так: предоставить возможность летчикам, стрелкам-бомбардирам, техникам и механикам, уличенным в саботаже, проявлении элементов шкурничества, уклонении от полетов, путем выполнения ответственных боевых заданий на самых опасных участках и направлениях искупить свою вину перед Родиной. Далее в документе сказано, что перечисленные выше лица независимо от занимаемых должностей направляются в штрафные эскадрильи распоряжением командира дивизии, с последующим оформлением и отдачей приказа по личному составу воздушной армии. Отчисление из штрафной эскадрильи осуществляется по представлению командира дивизии приказом командующего армией. Предусматривалось создание штрафных эскадрилий трех типов:

а) истребительной на самолетах Як-1 и ЛаГГ-3;

б) штурмовой на Ил-2;

в) легкобомбардировочной на У-2.

Каждая эскадрилья содержалась по штату… эскадрильи десятисамолётного состава. Подчинялась непосредственно командиру той дивизии, в которой была оформлена решением командования воздушной армии. Как и в штрафбате, руководящий состав штрафной эскадрильи подбирался из нештрафников. Он включал пять человек: командира и

военного комиссара эскадрильи, заместителя командира, адъютанта старшего (так в то время называли начальников штабов батальонного звена) и старшего техника. Весь остальной командный, рядовой летный и технический состав укомплектовывался за счёт штрафников. Положение предусматривало единственное исключение: при неукомплектованности штрафной легкобомбардировочной эскадрильи стрелками-бомбардирами командиру дивизии разрешалось замещать эти должности нештрафниками. Кстати сказать, в момент разработки положения ещё ни один самолёт Ил-2 в двухместный переоборудован не был, поэтому проблема воздушных стрелков для штурмовиков отсутствовала.

* * *

Небольшой комментарий. С указанным в скобках обстоятельством связан ещё один миф об авиаштрафниках. Якобы во время войны проштрафившихся лётчиков в штрафные части не отправляли, а переводили в штурмовые авиаполки, где заставляли летать на Ил-2 в качестве стрелков-радистов. Однако факты, как указано выше, этого не подтверждают. Об этом мифе см. чуть ниже.

* * *

На командование эскадрилий и дивизий возлагалась обязанность тщательно учитывать всю боевую работу штрафников, и только на основании этих учетных данных возбуждать ходатайство о переводе их в строевые части. Положение не разрешало представлять штрафников к правительственным наградам, лишало их полагавшегося другим летчикам денежного вознаграждения за боевые успехи в порядке приказов НКО СССР № 0299, 0489 и 0490, а также процентной надбавки за выслугу лет. Пребывание в штрафной эскадрилье не засчитывалось в срок, определяющий присвоение очередного воинского звания. Штрафники независимо от должности, которую занимали в строевой части, удовлетворялись денежным содержанием по должности, которую им определили в штрафной эскадрилье, с процентной надбавкой за пребывание на фронте. Документ разработан под прямым воздействием приказа НКО № 227. Но в штабе 8-й воздушной армии не могли воспользоваться в качестве образца положениями о штрафном батальоне и штрафной роте. Последние были утверждены заместителем наркома обороны генералом

армии Г. Жуковым 26 сентября 1942 г., а Т. Хрюкин с А. Вихоревым утвердили свое положение на двадцать дней раньше — 6 сентября.

Документ получился даже более суровым, чем Положение о штрафбате. Штрафников в пехоте, как известно, за подвиги к наградам все-таки представляли, хотя и не часто. Они заранее знали, на какой срок направлены в штрафной батальон или роту — этот срок не мог превышать трех месяцев. Ранение, каким бы ни был его характер, признавалось свидетельством искупления вины. Авиаторы же предпочли иной критерий — только число и итоги боевых вылетов и качество подготовки самолетов к боевой работе. Некоторым летчикам не удавалось избавиться от статуса штрафника до пяти месяцев. Получив в воздухе ранения, ожоги, они автоматически в строевые части не переводились. Часто даже после снятия с них по представлению командования эскадрильи и дивизии судимости ещё какое-то время решали боевые задачи в качестве штрафника. Не предусматривало Положение о штрафных эскадрильях и дополнительных дисциплинарных полномочий для их постоянного командного состава, льготного исчисления выслуги лет. Это было прерогативой наркомата обороны. В тот момент, когда в 8-й воздушной армии приступили к комплектованию штрафных эскадрилий, она имела в своем составе десять авиационных дивизий и ряд отдельных частей — всего 49 авиаполков и 40 батальонов аэродромного обслуживания, объединенных в пять районов аэродромного базирования. Эти данные дают представление о том, что три штрафные эскадрильи десятисамолётного состава (не всегда укомплектованные полностью) в системе столь мощного авиационного объединения — капля в море. Но их воспитательное значение преуменьшать нельзя.

Формируемые с 9 сентября 1942 г. штрафные эскадрильи создавались: истребительная — при 268-й истребительной авиадивизии (командир полковник Б. А. Сиднев), штурмовая — при 206-й штурмовой авиадивизии (командир полковник В. А. Срывкин) и легкобомбардировочная — при 272-й ночной бомбардировочной дивизии (командир полковник П. О. Кузнецов). В свою очередь в дивизиях штрафные эскадрильи, оставаясь в непосредственном подчинении комдива, прикреплялись к одному из полков. Так, в 206-й штурмовой авиадивизии штрафная эскадрилья довольно прочно приросла к сформированному уже в ходе войны 811-му штурмовому полку двухэскадрильного состава.

Командиром штрафников был назначен один из лучших летчиков этой молодой части капитан Петр Федосеевич Забавских, до этого возглавлявший обычную эскадрилью. Летая на Ил-2, он, перед войной шесть лет прослуживший инструктором в Сталинградском училище летчиков, не только отличился точной штурмовкой целей, но и сумел сбить два

истребителя противника — «мессершмитт-109» и «фокке-вульф-189». Приказом еще по Юго-Восточному фронту был награжден орденом Красного Знамени. Если судить по документам, более заботливого и участливого командира для проштрафившихся собратьев по оружию подыскать было трудно. По разным причинам и при разных обстоятельствах попадали в штрафники летчики и аэродромные специалисты. В большинстве случаев их персональная вина была очевидной и неоспоримой. Но не всегда. К примеру, в штрафную эскадрилью, которую принял под свое командование капитан Забавских, угодил Григорий Алексеевич Потлов. Уроженец села Никольско-Бурлинское, что в Казахстане, он в 1933 г. окончил военную школу пилотов. С началом войны на Южном фронте совершил 15 боевых вылетов в составе ночного бомбардировочного полка на У-2. Затем, уже на Сталинградском фронте, принял эскадрилью в 622-м штурмовом полку, совершил на Ил-2 девять успешных боевых вылетов. Но 14 августа 1942 г., ведя в бой группу из шести самолетов, задание не выполнил, вернулся на свой аэродром с полной бомбовой нагрузкой. Возможно (документальных подтверждений тому нет), летчики не нашли назначенную им цель, потратили время на ее поиск, а потом сбрасывать бомбы было уже поздно и опасно. Командир 228-й штурмовой авиадивизии полковник В. В. Степичев увидел причину невыполнения задачи в трусости ведущего группы. Приказом по армии Потлов в звании красноармейца, сдав на хранение в штаб свой орден Красного Знамени, был направлен в штрафную эскадрилью. Здесь он проявил себя блестяще: совершил два боевых вылета в качестве ведомого, два — ведущим звена и восемь — ведущим группы. «Все боевые задания, — указывалось в представлении командиру 206-й авиадивизии, — выполнял отлично, в бой идет смело, уверенно и с большим желанием, показывая образцы мужества и отваги. Самолетом Ил-2 овладел в совершенстве, техника пилотирования отличная, может летать в сложных метеорологических условиях… В эскадрилье и в 811-м ШАП пользуется заслуженным боевым авторитетом и любовью всего личного состава полка».

В штрафники попадали и технические специалисты. Спрашивается, за что? Причины разные, порой удивительные. В основном за неуместно проявленную «смекалку» (как правило, в форме прямого нарушения советских законов), преступные разгильдяйство и халатность, приводившие к снижению уровня боеготовности вверенной им боевой техники, а то и вовсе к ее уничтожению. К примеру, один из механиков, злоупотребив служебным положением, снял недостающие детали с самолета ЛаГГ-3 в соседнем полку, другой специалист, нарушив меры безопасности, сжег при заправке самолет У-2. Сразу несколько техников и механиков в начале

ноября заморозили водосистему в моторах самолётов Ил-2 и МиГ-3. Начальник техотдела одного из батальонов аэродромного обслуживания по личной халатности не обеспечил самолеты сжатым воздухом, сорвав тем самым боевые вылеты нескольких групп штурмовиков и истребителей. Старший техник эскадрильи по вооружению выпустил самолет Ил-2 на боевое задание, не зарядив пушку снарядами. Молодой механик, охраняя в составе караула склад с боеприпасами, со скуки выстрелил по птичке. Птичка-то улетела, а складу не повезло — взлетел на воздух… Ну, и так далее.

Порой и лётчики совершали поступки, которые свидетельствовали об их молодости и житейской неосмотрительности. 5 июня 1943 г. командир 10-го учебно-тренировочного авиаполка отправил в Астрахань на самолете УГ-2 младшего лейтенанта Минченко и старшину Минина. На полевом аэродроме Началово им надлежало принять самолет Як-1 и вернуться в полк парой. Но лётчики к установленному сроку не вернулись. Выяснилось, что они самовольно вылетели из Астрахани в Кизляр за вином и при взлете с пустыря поломали самолет УГ-2. В приказе по этому поводу командующий 8-й воздушной армией отметил, что за такое исключительное хулиганство Минченко и Минин заслуживают предания суду военного трибунала, но, учитывая их отличную технику пилотирования, то, что в полку они были инструкторами, им была предоставлена возможность искупить вину в штрафной эскадрилье.

Далее Мороз отмечает, что «…штрафные авиаэскадрильи, которым… поручались самые сложные и опасные задачи, решали их не хуже, чем строевые эскадрильи, действовали самоотверженно, искренне стремясь побыстрее вернуть себе доброе имя и честь, конкретными делами искупить вину. Потери среди пилотов-штрафников были сопоставимыми с потерями строевых летчиков обычных эскадрилий. Так, штрафная штурмовая эскадрилья 8-й воздушной армии под командованием капитана П. Забавских с 1 октября по 31 декабря 1942 г. потеряла трёх летчиков. С боевого задания не вернулись старшина И. И. Елисеев и капитан П. И. Гращенко, а сержант И. Я. Ковалев был сбит внезапной атакой Ме-109 при перегоне самолетов в новый район базирования.

Перед новым, 1943 годом 811-й штурмовой авиаполк убыл в город Куйбышев для нового формирования и обучения. Штрафную эскадрилью, в которой к тому моменту числилось десять штрафников — из них только один пилот, прикрепили к 807-му полку 206-й авиадивизии. Капитан Пётр Забавский через год, на Южном фронте, стал его командиром, был награжден еще двумя орденами Красного Знамени».

Небезынтересно также отметить, что «из трех штрафных эскадрилий 8-й воздушной армии особенно ярко проявила себя ночная легкобомбардировочная на У-2, первым командиром которой был старший лейтенант Иван Михайлович Семертей. Летчики этой эскадрильи, как, впрочем, и всех других в 272-й авиадивизии, летали ночью и в сложных метеоусловиях. За ночь они успевали совершить 5–6 боевых вылетов со стандартной бомбовой нагрузкой в 200–230 кг. Лётчик-штрафник красноармеец Мухамедзян Шарипов, в действительности имевший звание батальонного комиссара, за месяц произвел 94 боевых вылета, а красноармеец (старший политрук) Кузьма Волков — 75. Между тем, летчиков строевых эскадрилий за 50 боевых вылетов согласно приказу НКО СССР № 0294 можно было представлять к ордену Отечественной войны II степени, а за 60 — I степени. Но для Шарипова, Волкова и многих их коллег высшей наградой было возвращение воинского звания и перевод в строевую эскадрилью… Даже подчеркнуто скупые и сдержанные строки приказов по армии… отражают высокое мужество и самоотверженность пилотов и авиаспециалистов-штрафников».

С самим фактом существования штрафных авиаэскадрилий связан и второй миф — о том, что-де **во время войны провинившихся летчиков по приказу Сталина ссылали не просто в штрафные авиаэскадрильи, а в эскадрильи смертников, которые летали на штурмовиках Ил-2**. А к нему примыкает вариация, что-де проштрафившихся летчиков в штрафные части не отправляли, а переводили в штурмовые авиаполки, где заставляли летать на Ил-2 в качестве стрелков-радистов.

Сколь странным сие ни показалось бы, но, как выясняется, подлинными авторами этих мифов являются сами гитлеровцы. Так что ничего удивительного в том, что наша «антиллигенция» подхватила эти мифы, нет. Она любое нацистское вранье подхватывает, лишь бы только очернить Родину, чей хлеб ест. И потому ей невдомек, что тут к чему. А между тем подлинные корни происхождения этих мифов очень даже интересны. Позвольте в этой связи сослаться на авторитетного современного исследователя Ю. И. Мухина. В своей новой и как всегда блестящей книге **«Средства массовой брехни»** Юрий Игнатьевич со ссылкой на интервью с ветераном войны, известным лётчиком-штурмовиком, Героем Советского Союза Григорием Максимовичем Рябушко приводит очень интересный пример, показывающий, что гитлеровцы боялись «илов» как-то по-особому, сильнее других советских самолетов. Оказалось, что в ответ на многочисленные вопросы солдат вермахта на одну и ту же тему — **«Что за звери летают у русских на штурмовиках? Спасения от них никакого! По головам ходят!» — немецкие «политруки» разъясняли, что «русские**

летчики, летающие на штурмовиках, такие свирепые и бесстрашные, потому что они смертники. Терять им нечего, их на штурмовиках летать приговорили. Летают на штурмовиках у русских такие сволочи, такой сброд, который в любой нормальной армии, вроде немецкой, уже давно бы расстреляли, а варвары-русские приговаривают их летать на штурмовиках. И летают на „илах“ такие отпетые головорезы, которым и своей жизни не жаль, только была возможность кого-то убить. А в перерывах между полетами, чтоб эти сволочи не разбежались и опять какое-нибудь зверство не учинили, русское командование дает им расстреливать немецких военнопленных. Так сказать, душу отвести и удовольствие получить»[111].

Самое интересное, что Рябушко это услышал непосредственно от самих пленных немцев, с которыми группа советских лётчиков-штурмовиков (и он в том числе) решила просто побеседовать, так как мимо их аэродрома, где не замаскированными стояли Ил-2, проводили колонну пленных. И как только наши летчики уговорили конвойных дать им пару минут, чтобы просто побеседовать с пленными, те, увидев, что на аэродроме стоят Ил-2, буквально в слезах стали умолять не расстреливать их. Заинтересовавшись таким поведением пленных, лётчики через переводчика и выяснили то, о чем уже было сказано выше. **А на вопрос «А с чего вы взяли, что мы смертники?», пленные ответили очень просто — мол, «нормальный человек, который хоть как-то бережет свою жизнь, летать так, как это делают русские штурмовики, не станет. Так атаковать, отчаянно и безжалостно, со сверхмалой высоты и наплевав на зенитный огонь, могут только смертники, которым уже терять нечего. А таких людей нормальному человеку бояться не только не стыдно, а вроде как даже обязательно»**[112].

Так вот и выходит, что, судя по всему, наша «антиллигенция» четвертушкой уха слышала где-то звон, но, как и всегда, не соизволила разобраться, откуда он и почему. А ведь пример-то очень любопытный. Даже более того. Вы обратите внимание на то, как тевтоны рассуждали. Пришли к нам в качестве крайне непрошенных «гостей», сиречь агрессоров. Безжалостно и варварски уничтожали наши города и села, беззащитных мирных советских граждан, с самых малых высот, как в тире, расстреливали колонны несчастных беженцев, а тут, видите ли, русские штурмовики их, таких бравых нормальных вояк нормального Третьего рейха, столь безжалостно уничтожали на поле боя!? Ну и наглецы! Впрочем, особыми сволочами тут выглядят непосредственно немецкие «политруки». Ведь это же они так разъясняли своим солдатам, дабы хоть как-то объяснить им, почему русские столь храбро и героически воюют! А что у этих гадов

«фрицев» проходило за «лучший аргумент»?! Правильно, все русские трусы, варвары, все сволочи непролазные, все звери, только и способные, что безжалостно убивать принесших им нацистскую цивилизацию нормальных тевтонов! Ну и наша «антиллигенция» туда же. Как же без нее-то, да еще и при наличии такого нацистского «аргумента»?!

А ведь «аргумент», между прочим, только в пользу славных сталинских соколов, которые с беспримерной храбростью, героизмом и мужеством вели действительно безжалостную, беспощадную борьбу с люто ненавистным врагом! Они ведь сражались за Родину! Или что, агрессор ожидал, что ему мармеладки с неба будут сыпать?! Более того. «Аргумент» ещё и тем хорош, что показывает высочайшую эффективность и надежность советской авиационной техники, которая позволяла летчикам-штурмовикам работать на сверхнизких высотах. Ведь Ил-2 был первым в мире серийным бронированным самолетом-штурмовиком, в котором жизнь летчика и основные системы самого самолета были прекрасно защищены авиационной бронёй! Ни у кого в мире не было такого самолета, который мог на низких и сверхнизких высотах висеть над полем боя и методично уничтожать врага!

Ну, а в том, что некоторые из летчиков за серьезные провинности и по приговору военных трибуналов попадали в штрафные авиаэскадрильи, ничего удивительного нет. Об этом уже было сказано выше. Еще раз напомню, что во времена Сталина закон был для всех законом. Тем более во время войны, иначе, без дисциплины-то, Победы было бы не достичь! Вот так-то!

И вот теперь, когда, пускай и вкратце, но вы ознакомились с тем, что было и как было, ответьте, пожалуйста, на один сакраментальный вопрос. Выше была приведена подлинная правда об авиаштрафниках и штрафных авиаэскадрильях. Она горькая, во многом нелицеприятная. Но так было. Однако же при чем тут утверждения о том, что во время войны Сталин не щадил даже своих любимчиков — «сталинских соколов» — и ссылал их в специально созданные для них штрафные авиаэскадрильи, а некоторых даже в штрафбаты?! При чем тут он, если это была инициатива снизу, хотя и во исполнение знаменитого приказа № 227?! В чем злодейство-то, если жестокости в положение заложили сами авиаторы?! В чем тут злодейство Сталина, если во время войны жестко соблюдалось действовавшее тогда советское законодательство?! И знаете, что самое интересное?! Ведь не поверите, но это действительно так. На все эти вопросы сами лётчики — участники войны — давным-давно ответили. Да ещё как! Ведь ни один из лётчиков, побывавших в штрафных эскадрильях, ни разу не

обмолвился ни одним худым словом ни в адрес самой идеи штрафных авиачастей, ни тем более Сталина! Напротив, еще и гордятся тем, что в **составе этих эскадрилий принимали участие в самых жестоких, самых кровопролитных воздушных боях и выходили из них победителями! Слава вам, славные «сталинские соколы»! Вы и в штрафных эскадрильях с честью несли высокое звание верных сынов России! Хотя, конечно, было бы лучше, если вы не совершали бы тех проступков, за которые попадали в такие части.**

Миф № 32. Берия планировал сдать Кавказ

Миф был порождён преступными антигосударственными действиями Хрущёва и Жукова, незаконно уничтожившими Лаврентия Павловича Берия, а затем сфальсифицировавшими якобы имевший место судебный процесс над ним. Вот материалами этой многотомной фальшивки, ныне хранящейся в Главной военной прокуратуре, и был порожден упомянутый в названии миф. Однако в действительности все было ровным счетом наоборот. Потому как ни генералы, ни маршалы, ни тем более Хрущев вовсе не желали признавать, что если бы не Берия, то гитлеровцы точно захватили бы Кавказ. Материалов о подлинном вкладе Берия в оборону Кавказа чрезвычайно мало. Более того. Они очень скудные. До сих пор господствует стереотип о некоем монстре по фамилии Берия. И под этот стереотип подгоняют даже те крохи объективной информации, которые иногда появляются. Именно поэтому позвольте предложить вашему вниманию основные положения уникальной по своему объективному содержанию статьи начальника кафедры внутренних войск Военного университета, кандидата исторических наук, полковника Павла Смирнова, которая инсталлирована на сайте Чекист. ру 14 марта 2007 г.

Итак, полковник Смирнов, в частности, указывает на следующее: «В энциклопедических изданиях после смерти (не смерти, а подлого убийства. — *А.М.*) Л. П. Берия страницы с его именем (а также с именами его ближайших соратников. — *А.М.*) были просто уничтожены. Лишь после ухода с политической сцены Н. С. Хрущёва и его команды, впервые в 1965 г. появляется фамилия генерала И. И. Масленникова. В изданном к 30-летию Победы многотомнике „История второй мировой войны 1939–1945“ перечисляются некоторые дивизии войск НКВД, пограничные полки, принимавшие участие в битве за Кавказ. Однако в этом солидном научном труде нет ни слова о Л. П. Берия, генерале И. И. Пияшеве и других командирах войск НКВД, а роль генерала И. И. Масленникова сильно принижена. В известном труде Н. Ф. Некрасова „Тринадцать „железных“ наркомов“ о военных делах Берия также нет ни слова. Впервые же в российских энциклопедических изданиях фамилия бывшего всесильного наркома появилась в 1997 г. Относительно его деятельности в годы Великой Отечественной войны приводятся неоспоримые заслуги по эвакуации промышленности, сооружению объектов оборонного значения. О военных

же заслугах умалчивается и в этом издании. В некоторых публикациях последних лет факт участия Л. П. Берия в военных действиях продолжает оставаться незамеченным». П. Смирнов обращает внимание также и на неоднократные попытки многих, с позволения сказать, «исследователей», которые все время пытаются оклеветать роль Берия в войне такими фразами, как, например, следующая: «Кстати, он ни разу не был на фронте, однако, не постеснялся представить себя в 1944 г. к полководческому ордену Суворова 1 степени…» Попытка показать Л. П. Берия как представителя Ставки предпринималась в ходе Лубянских исторических чтений в 2004 г. доктором исторических наук В. П. Сидоренко. Исследование причин принижения военных заслуг Л. П. Берия на Кавказе сводится во многом к тому, что научных трудов в этом направлении довольно мало, в основном преобладает мемуарная литература, принадлежащая перу таких известных военных деятелей, как А. А. Гречко, И. В. Тюленев, С. М. Штеменко и другим. Все эти военачальники в той или иной степени связаны с битвой за Кавказ, а они, как показал анализ различных научных трудов, не всегда объективны, особенно в части, касающейся личных их ошибок и просчетов или коллективов, где они служили. Другой крайностью является то, что фамилию Берия, как правило, связывают только с депортацией народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны и преподносят весьма односторонне, обвиняя в организации ложных доносов на партийных, государственных и военных деятелей, грубейших нарушениях закона.

В некоторых трудах утверждается, что Л. П. Берия вмешивался в решения командующих, мешал централизованному управлению войсками. Так, в мемуарах А. А. Гречко приводится фраза: «Большой вред боевым действиям 46-й армии на перевалах Главного Кавказского хребта нанес Берия. 23 августа он прибыл в штаб армии в качестве члена Государственного Комитета Обороны. Вместо оказания конкретной помощи командованию в организации прочной обороны Берия фактически внес нервозность и дезорганизацию в работу штаба, что приводило к нарушению управления войсками». Эта фраза, как и другая, по смыслу явно выпадают из предыдущего текста. Заметно, что ее кто-то вписал не из коллектива авторов. В более позднем издании это утверждение уже подкорректировано: «Значительно усложнилась работа управления фронта и штаба 46-й армии по усилению обороны Главного Кавказского хребта в связи с приездом в Сухуми 23 августа в качестве члена Государственного Комитета Обороны Берия. Вместо конкретной помощи, в которой нуждалось командование и штаб 46-й армии, Берия заменил целый ряд ответственных работников армейского и фронтового аппарата, в том числе и командующего армией

генерал-майора В. Ф. Сергацкова». Данные обвинения абсурдны хотя бы по той причине, что это противоречит другим страницам в этих же книгах, где приводится масса фактов, свидетельствующих о том, что командование этой армии не выполнило директивы Закавказского фронта от 24 июня 1942 г. по организации обороны перевалов, проявляло медлительность. П. Смирнов справедливо замечает, что согласиться с авторами этого труда можно лишь в одном. После посещения Берия 46-й армии приказом от 28 августа командующий генерал-майор В. Ф. Сергацков был назначен с понижением — командиром дивизии, а вместо него был назначен генерал-майор К. Н. Леселидзе, что вполне отвечало сложившейся ситуации. Известно, что Л. П. Берия, как член ГКО, был направлен на Кавказ в самый трагический период — в августе 1942 г., а потом — в марте 1943 г. В планах немецко-фашистского командования на лето 1942 г. кавказскому направлению отводилось решающее место. Стремясь захватить Кавказ, противник рассчитывал овладеть огромными богатствами этой экономически важной части Советского Союза, лишив Красную Армию источников важнейших видов промышленной продукции и стратегического сырья, в первую очередь нефти. Захватом Кавказа немецко-фашистское руководство рассчитывало решить и внешнеполитическую задачу — заставить Турцию выступить против стран антигитлеровской коалиции на стороне Германии. Для этой цели враг сосредоточил на кавказском направлении мощную ударную группировку в составе 22 дивизий, 9 (41 %) из которых были танковыми и моторизованными. Вполне естественно, что на начало операции превосходство врага в технике и личном составе было выше, чем на Сталинградском направлении. Ситуация усугублялась тем, что основная группировка Северо-Кавказского фронта имела задачу оборонять побережья Азовского моря, Керченского пролива и Черного моря до Лазаревской (командующий — маршал Советского Союза С. М. Будённый). От Лазаревской вдоль черноморского побережья начиналась полоса обороны Закавказского фронта (командующий — генерал армии И. В. Тюленев). Значительное удаление Кавказа от западных границ страны давало основание советскому командованию предполагать вторжение противника на Кавказ, вероятнее всего посредством морских и воздушных десантов. Поэтому обороне Кавказа с севера, то есть со стороны Дона, внимания уделялось мало. Основная часть группировки двух фронтов была предназначена к противодесантной и приграничной (с Турцией и Ираном) обороне. По сути, выход немецких армий от Ростова на юг приходился в неприкрытый тыл и фланг этих фронтов, в чем и был самый крупный стратегический просчёт Ставки и Генерального штаба в летней кампании 1941 г., а в дальнейшем — и 1942 г. Ожесточенные бои за Ростов в конце

1941 г., как за «ворота Кавказа», по всей вероятности, не дали советскому командованию уверенности в истинных намерениях врага. После поражения наших войск в районе Донбасса летом 1942 г. времени на оперативное и стратегическое перестроение враг не оставил, путь ему на Кавказ был открыт.

* * *

Небольшой комментарий. 1. Прежде всего, следует отметить, почему вообще Берия был направлен на Кавказ в 1942 г. Дело в том, что и в 1942 г. генералы организовывали оборону Кавказа из рук вон плохо. На Кавказе они практически полностью проецировали ситуацию, приведшую к невероятной трагедии 22 июня, то есть опять вытягивали свои дивизии в тонкие линии. Проще говоря, проецировали вариант статического фронта «узкой лентой», не понимая и не принимая в расчет сути специфики Кавказа. И если бы не Берия, **«человек поистине броневой воли и могучего интеллекта»**, то Кавказ действительно был бы захвачен гитлеровцами. Естественно, что ни генералы, ни маршалы признавать свои ошибки, многие из которых были на грани преступлений (если не вообще за этой гранью), категорически не желали. Тем более в сравнении с подлинными и выдающимися заслугами Л. П. Берия.

2. Насчёт самого крупного стратегического просчёта Ставки и Генерального штаба согласиться трудно. Должен отметить, что положением дел на этом, ещё только будущем, участке советско-германского фронта и Ставка, то есть прежде всего сам Сталин, озаботилась еще до начала битвы под Москвой. Еще 2 октября 1941 г. Ибо именно тогда командованию Северо-Кавказским фронтом была направлена первая соответствующая директива Ставки о необходимости принятия соответствующих мер для укрепления. Чтобы не быть голословным ещё раз укажу координаты архивного хранения — РГВА. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 91. Л. 314. Выше этот документ уже приводился. И в дальнейшем Ставка уделяла громадное внимание этому же направлению. А вот то, что генералы напортачили уже по собственной инициативе, — это, как правило, даже и не рассматривается. «Правильным» считается во всем винить Сталина, Берия, Ставку, Верховного, Генштаб.

* * *

Далее коллега Смирнов указывает, что, прибыв на фронт, Л. П. Берия с присущей ему энергией довольно быстро разобрался в сложной ситуации. Более того, направляясь туда, он добился назначения на ключевые должности своих надежных и проверенных генералов и офицеров, что не могло не породить недовольства со стороны некоторых армейских военачальников и тогда, и после войны. Кстати говоря, это вечная склока между органами госбезопасности и армейскими, в том числе и на генеральском уровне. По представлению Л. П. Берия не у дел остались маршал С. М. Будённый и член Военного совета фронта Л. М. Каганович. Генерал-майор В. Ф. Сергацков был освобожден от должности командующего 46-й армией и назначен с понижением командиром дивизии. Не нашлось места на этом направлении и генерал-лейтенанту Р. Я. Малиновскому, который с декабря 1941 по июль 1942 г. командовал Южным фронтом, а затем Донской группой Северо-Кавказского, сформированной из трех армий этого же фронта. 8–11 августа Донская группа была расформирована, а вместо нее была создана Северная группа Закавказского фронта. Её возглавил генерал войск НКВД, протеже Берия. Малиновский же был направлен командующим 66-й армии под Сталинград, на другой фронт, что стало вторым его понижением менее чем за две недели. Данный эпизод руководства Донской группой в самый тяжелый и неприятный период для страны в биографии будущего маршала, министра обороны СССР отсутствует. В мемуарной литературе он сильно искажен в пользу Малиновского. К примеру, в воспоминаниях И. В. Тюленева части генерала Р. Малиновского во второй половине августа вынуждены были отойти в район Пятигорск — Прохладный — Нальчик. Это противоречит приказу о расформировании Донской группы от 11 августа 1942 г. То есть он там просто не мог быть.

Говоря о непосредственной роли Л. П. Берия в оборонительных операциях на Кавказе, Смирнов указывает, что именно Лаврентий Павлович предпринял самые активные меры по организации обороны горных перевалов. По его распоряжению в срочном порядке были изучены **175** горных перевалов и организованы их охрана и оборона. В кратчайшие сроки было организовано строительство оборонительных сооружений на Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогах, создан особый режим в районах этих коммуникаций. Кроме этого, в целях устойчивого управления при штабе Закавказского фронта была сформирована оперативная группа НКВД по обороне Главного Кавказского хребта. В некоторых мемуарах приводятся утверждения о ненужности этой структуры. Но это неверно. Хотя бы потому, что командующий Закавказским фронтом вынужден был постоянно метаться между Орджоникидзе, Баку, Тбилиси, Сухуми и Новороссийском,

и создание структуры, занимавшейся исключительно обороной перевалов, все-таки повышало устойчивость в управлении.

Известно, что за оборону некоторых перевалов отвечали сотрудники местных органов внутренних дел, поскольку одних войск для решения этой задачи было мало. Вблизи перевалов создавались режимные зоны, отселялись нежелательные элементы, что вообще являлось функцией органов внутренних дел и госбезопасности. К обороне привлекались местные истребительные и партизанские отряды. Малоизвестным фактом остается активное участие Берия в организации противовоздушной обороны Бакинского нефтепромыслового района. В этом эпизоде он проявил себя как руководитель, разбирающийся в тонкостях военного дела. Вокруг столицы Азербайджана ранее был создан Бакинский фронт ПВО. Из-за нехватки противотанковых средств тогда стали снимать зенитные орудия и направлять их на фронт. Берия категорически запретил командованию Закавказского фронта направлять на фронт 100-миллиметровые зенитные пушки, способные поражать самолеты противника на больших высотах. Свое мнение он обосновывал тем, что после того, как враг не добьется своих целей сухопутной группировкой, то попытается просто уничтожить нефтепромыслы массированными налетами авиации с больших высот. Весь характер боевых действий доказал его правоту. В дальнейшем не случайно именно ему поручили после войны организацию войск ПВО страны на базе МПВО (местной противовоздушной обороны) НКВД СССР. Данный исторический эпизод известен в основном ветеранам войск ПВО страны.

По справедливому замечанию П. Смирнова, в этой поездке на фронт Берия показал очень хорошее видение ситуации, присущую военным руководителям крупного масштаба способность предвидеть действия противника и принимать эффективные меры по упреждению его замыслов. В подтверждение этого может служить факт, что, прибыв на фронт, он сразу же обратил внимание на отсутствие планов обороны перевалов. Произошло это, вероятно, вследствие общих просчётов Ставки, Генерального штаба, так как в силу оперативного построения группировок фронтов за них никто отвечать не мог. В данном случае принцип ответственности за стык с соседом справа не совсем подходил, особенно к Закавказскому фронту. Более целесообразным был бы конкретный приказ, предписывающий заблаговременную подготовку обороны перевалов, который появился с большим опозданием. Не случайно почти одновременно с прибытием Берия на Кавказ родилась директива Ставки № 170579 от 20 августа 1942 г., в которой говорилось: **«Глубоко ошибаются те командиры, которые думают, что Кавказский хребет сам по себе является непроходимой преградой для противника. Надо крепко запомнить — непроходимым**

является только тот рубеж, который умело подготовлен и упорно защищается. Все остальные преграды, в том числе и перевалы Кавказского хребта, если их прочно не оборонять, легко проходимы, особенно в данное время года».

* * *

Небольшой комментарий А. Б. Мартиросяна. В данном случае необходимо внести ясность. Дело не в просчетах Ставки или Генерального штаба, а в генеральском подходе к организации обороны Кавказа едва ли не на грани преступления — в форме так называемого пассивного открытия фронта врагу. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что ни один из генералов до прибытия Берия на Кавказ не удосужился разработать планы обороны перевалов. Ведь это же была их прямая обязанность, не говоря уже о том, что это альфа и омега обороны в горной местности. И приплетать сюда ответственность Ставки и Генштаба просто неуместно. Хоть за что-то генералы на местах должны же были отвечать?! А то все Ставка да Ставка, Генштаб да Генштаб. И лучшее подтверждение точности данного комментария вышеприведенные слова из директивы Ставки.

* * *

По мнению П. Смирнова, изучение оперативного построения Северной группы Закавказского фронта на конец октября 1942 г. позволяет сделать вывод о том, что к этому времени предполагалось отражение противника не только с западного направления, но и с севера, со стороны Астрахани, для чего предназначались 44-я и 58-я армии. Все оборонительные работы, организованные Берия в кратчайшие сроки, налаживание производства оружия и боеприпасов в регионе, категорический отказ передавать полностью в оперативное подчинение командующим фронтами и армиями Грозненскую, Махачкалинскую, Орджоникидзевскую, Сухумскую дивизии войск НКВД и другие части, свидетельствуют о том, что этим наращивалась оперативная глубина построения, фактически создавалась вторая линия обороны. Кроме того, создание особых районов обороны, где основу составляли дивизии войск НКВД, предполагало особый режим, который не позволил агентуре врага осуществить задуманные акции в нашем тылу. О бандитизме в тылу ни в одном из упоминавшихся мемуаров вообще нет ни слова. А ведь это была серьезнейшая проблема, решение которой целиком и

полностью лежало на плечах НКВД. Даже когда приводятся примеры активного участия в обороне бронепоездов, никогда не указывается то обстоятельство, что все они в тот период принадлежали войскам НКВД. Приводятся одни и те же факты участия 46-го отдельного бронепоезда войск НКВД в отражении передовых отрядов немцев в районе Червленной — Терек — Наурской — Ищерской, снова без указания его ведомственной принадлежности.

Примером, подтверждающим необходимость создания Берия особых оборонительных районов, является оборона Орджоникидзе, где противнику, создавшему мощную ударную группировку, удалось прорвать фронт на узком направлении, но он был остановлен именно частями Орджоникидзевской дивизии НКВД, входившей в особый оборонительный район на самом важном рубеже, в нескольких километрах от города. Передача в оперативное подчинение фронтам и армиям частей и соединений войск НКВД свидетельствует о некоторых существенных проблемах, о которых ранее не принято было говорить. От войск НКВД армейское командование только и знало, что требовать выполнения задач любой ценой. Оно прекрасно знало об их высочайшей, тем более в сравнении с регулярной армией, боевой выучке, боеспособности, исключительной стойкости в обороне, самоотверженности при осуществлении боевых операций и беспримерной дисциплине. А вот общее отношение к ним со стороны армейских начальников, в чье оперативное распоряжение они поступали, было как к «чужим». Их даже снабжали только боеприпасами, а обеспечение всеми остальными видами довольствия обстояло значительно хуже, очень часто про них попросту забывали. Смирнов прямо указывает, что на примере той же Орджоникидзевской дивизии можно убедиться, что после того, как она с трудом выполнила оборонительную задачу, командующий 9-й армией тут же поспешил поставить ей задачу на контрнаступление без учетов прежнего боевого порядка дивизии в обороне в горах.

Как отмечает П. Смирнов, обвинения в адрес Берия по поводу создания параллельных штабов и управленческих звеньев из состава НКВД не состоятельны. Потому что никто не хочет принимать во внимание то обстоятельство, что ато было продиктовано рядом специфических особенностей. Прежде всего следует иметь в виду, что обороне подлежали пространства на больших расстояниях. А из-за наличия малых сил, непонимания специфики горной местности и разобщенности группировок войск горами армейское командование того периода довольно часто теряло управление соединениям, армиями и фронтами. Хуже того. Общевойсковые командиры в основном уклонялись от контроля за положением дел в своем

тылу. В итоге получалось, что войсковое командование с трудом следило за обстановкой, что не могло не отразиться и на управлении войсками. Так что были немалые основания не доверять полностью прежнему командованию. Следует учитывать также, что еще свежим оставался в памяти разгром советских войск на Украине, под Ростовом летом 1942 г. Фактически только наличие в тылу Южного и Юго-Западного фронтов естественного водного препятствия — р. Дон — спасло их от окружения и полного уничтожения. Подтверждением служит потеря управления после выхода противника на левый берег Дона, в боях на Кубани и в Ставрополье, потеря управления 51-й армией и как следствие её передача Сталинградскому фронту.

Исследование причин отказа передачи Берия в полное оперативное подчинение войск НКВД в прифронтовой полосе в первый период Великой Отечественной войны позволяет выявить ряд основных закономерностей. **Во-первых**, на эти войска была возложена задача охраны тыла, в первую очередь борьба с диверсионно-разведывательными силами врага и обеспечение режима прифронтовой полосы. Соответственно наличие артиллерии, тяжелого оружия было минимальным, или оно вовсе отсутствовало. Непосредственно для ведения боевых действий по аналогии с действующей армией войска НКВД не предназначались. **Во-вторых**, как перед войной, так и тем более после ее начала Берия предъявлял более высокие требования к подготовке войск НКВД. Более того. Он больше дорожил ими, чем это было принято в РККА. К примеру, несмотря на то что войска перед войной в подавляющем своем большинстве выполняли возложенные на них служебно-боевые задачи, уровень их обученности, боеспособности оставался выше, чем в Красной Армии. Именно Берия на правительственном уровне добился укомплектования войск НКВД по охране объектов промышленности и на железных дорогах, конвойных из расчета 14 человек на один суточный пост, против 9,5 сейчас. Аналогичной ситуация была и в пограничных войсках. В период с 1938 г. до начала войны такой подход позволил подготовить пограничные войска в военном отношении значительно лучше, чем РККА. Это доказали все приграничные сражения и впоследствии вся война. Так, ни одна из **435** пограничных застав на западных границах не отошла без приказа. Гитлеровцы рассчитывали за полчаса справиться с пограничниками, однако практически во всех случаях борьба с ними растянулась на дни и недели. Урон, который гитлеровцы понесли от самоотверженных действий пограничников, привёл их буквально в шок. А командовал пограничниками Лаврентий Павлович Берия, о чём постоянно забывают.

Л. П. Берия открыто шёл на конфликт со всеми должностными лицами, вплоть до И. В. Сталина, если речь шла о подчинении его войск

командованию Красной Армии. Несмотря на сложнейшую ситуацию на фронтах, к концу первого периода войны он добился того, чтобы войска НКВД в прифронтовой полосе привлекались к участию непосредственно в боевых действиях только с разрешения наркомата внутренних дел, лично его и Ставки. Основой для утверждения такого порядка явилось утвержденное наркомом и Генеральным штабом еще 28 апреля 1942 г. «Положение о войсках НКВД СССР, охраняющих тыл Действующей Красной армии». Организационно-штатная структура, кадровые вопросы, а также использование этих частей для выполнения других задач находились в ведении наркомата. При этом войска подчинялись Военным советам фронтов только в оперативном отношении, в остальном — управлению войск НКВД по охране тыла фронта. Без разрешения наркомата внутренних дел командующий фронтом не имел права передислоцировать ни одну воинскую часть НКВД. Это стало итогом первого периода войны, хотя проекты и положения разрабатывались ранее, но не было согласования именно в этом принципиальном вопросе. В дальнейшем при разработке планов применения внутренних войск в военное время вопрос их оперативного подчинения всегда оставался ключевым. На Кавказе войска НКВД привлекались к участию в боях в самых трудных, чаще всего безвыходных ситуациях. Они обеспечивали охрану и оборону переправы через Манычское водохранилище. При возникновении реальной угрозы захвата ключевых объектов, от удержания которых зависели судьбы армий и в целом всей оборонительной операции, именно войска НКВД уничтожали прорвавшиеся части противника, в том числе и в горах.

Во многих книгах о битве за Кавказ обойден вниманием заместитель командующего 46-й армией, малоизвестный тогда офицер — полковник И. И. Пияшев. До этого он командовал 7-й дивизией войск НКВД в Воронеже, имел богатый опыт оборонительных боев с первых дней войны в Прибалтике, вначале в войсках НКВД по охране железнодорожных сооружений, где был командиром полка, затем — командиром 34-го мсп войск НКВД. Несомненно, что его назначение состоялось при участии Берия. В биографии этого талантливого офицера много малоизвестных страниц. За войну он командовал различными частями, соединениями, награжден десятью орденами. Судьба его, как и генерала И. И. Масленникова, была тесно связана с Берия, и жизнь его оборвалась в 1956 г.

Именно Пияшеву была поставлена задача остановить немцев на гудаутском и сухумском направлениях. В тот период немецкие горнострелковые части, преодолев хребет, не дошли до моря около двадцати километров. Сводной группе из внутренних и пограничных войск,

стрелковых подразделений Красной Армии, курсантов Сухумского и Тбилисского пехотных училищ, истребительных отрядов НКВД удалось не только остановить немецкую группировку, но и отбросить её на северные склоны Санчарских перевалов к 20 октября. Остальные перевалы, захваченные немцами, отбить так и не удалось до их общего отхода. По приказу Берия на Кавказ в срочном порядке были переброшены две стрелковые бригады, 5 стрелковых и два мотострелковых полка и другие части НКВД. Это позволило в августе — сентябре 1942 г. сосредоточить на Кавказе до **9** дивизий внутренних войск. К этому времени в регионе было сосредоточено около **80** тысяч солдат и офицеров войск НКВД, в том числе резерв не менее **10** тысяч человек. В дальнейшем численность была доведена до **120** тысяч военнослужащих. Во взаимодействии с частями Красной Армии на перевалах действовало **8** полков внутренних войск, **7** отдельных батальонов, **14** горнострелковых отрядов войск НКВД, более **70** разведывательных и партизанских групп. В составе войск НКВД находились сформированные из горцев добровольческие отряды. Среди них был Сванский отряд во главе с офицером внутренних войск Н. Лукашевым, бойцы которого героически сражались с противником. Таким образом, вся территория Северного Кавказа и Закавказья оказалась под контролем войск НКВД. В качестве вывода следует отметить, что, как член ГКО, Л. П. Берия в период своего руководства оборонительной операцией на Кавказе внес существенный вклад в оборону этого стратегического направления.

Что же касается попыток бросить тень на воинское звание Л. П. Берия «Маршал Советского Союза», то здесь следует прежде всего иметь в виду, что в 1945 г. все специальные звания для Лубянки были упразднены, а вместо них введены воинские. Соответственно прежнее звание Берия — «генеральный комиссар государственной безопасности» — было равнозначно воинскому званию маршала. Более того. Присвоение ему звания маршала более чем соответствовало и его реальным заслугам в военное время. Блестящий природный ум, высокая эрудиция, исключительная способность быстро вникать в суть происходящих событий, мыслить по-военному масштабно, полководческие способности и талант великолепного организатора позволяли ему в кратчайшие сроки и исключительно эффективно решать практически любые возлагавшиеся на него руководством страны огромные задачи.

Естественно, что как человек, располагавший подробной и полной информацией о настоящем вкладе всех партийных и военных деятелей в дело победы в высших эшелонах власти, после войны, особенно после убийства Сталина, он стал одинаково опасен как для политиков, так и для военных. Тем более в сравнении с выдающимися **личными заслугами**

Л. П. Берия в годы войны, в том числе и в обороне Кавказа, не говоря уже об организации высокоэффективной военной промышленности и обеспечении безопасности Советского Союза, его роли в создании атомного и ракетного щита СССР, о чем было хорошо известно. Потому и уничтожили его зверски, без суда и следствия, чтобы облив затем его самой черной краской, возведя на него самую немыслимую хулу, обелить себя и оправдать собственные, нередко непосредственно граничившие с натуральным предательством (а то и вовсе свидетельствовавшие о прямом предательстве) бездарные действия! Сколько же раз в истории России происходило подобное?! Едва ли кто-либо сможет посчитать…

Такова подлинная правда о заслугах Лаврентия Павловича Берия в обороне Кавказа.

Миф № 33. Если бы союзники своей славной победой под Эль-Аламейном не помогли Советскому Союзу, то в 1942 г. Гитлер разгромил бы СССР

Речь идёт об успешно завершенном англичанами сражении под Эль-Аламейном осенью 1942 г. Сам по себе миф о некоем огромном значении этого сражения возник на Западе давно. Там же и эксплуатировался длительное время. В последнее время наша сопливая интеллигенция почему-то рьяно взялась за его эксплуатацию не столько даже в антисоветских, сколько антироссийских целях. Зачем это ей понадобилось — остается только догадываться… Хотя, если честно, никаких особых загадок нет. Всегда готова услужить любому забугорному мерзавцу, любой забугорной лжи, лишь бы только выслужиться перед самыми заклятыми врагами России — англосаксами. Впрочем, хватит об этом — и так слишком много чести упоминать её.

Одним из самых первых, если не самым первым в нашей стране, миф о некоем особом значении сражения под Эль-Аламейном стал распространять лично герцог Эль-Аламейнский, он же британский фельдмаршал Монтгомери, командовавший британскими войсками в этом сражении. Произошло это еще в январе 1947 г., когда по приглашению правительства СССР Монтгомери прибыл в Советский Союз с официальным визитом. В соответствии с программой визита Монтгомери была предоставлена возможность посетить Академию Генерального штаба и выступить там с лекцией. Что он и сделал. Прочитал для слушателей академии лекцию о сражении под Эль-Аламейном. Пока это была лекция, всё было ничего. Однако все дело в том, что едва только Монтгомери начал свое выступление, как два сопровождавших фельдмаршала британских офицера неожиданно стали раздавать всем присутствующим листовки с описанием этого сражения. Между тем это не было предусмотрено программой. Советская сторона и так никоим образом не вмешивалась в вопрос о выборе темы для лекции для слушателей академии. Англичане в данном случае повели себя не очень корректно. Что в общем-то понятно. Уж очень им хотелось доказать обучавшимся в академии прославленным полководцам Красной Армии, вдребезги разгромившим одну из сильнейших армий мира, какие

славные вояки англичане, которые, видите ли, под Эль-Аламейном совершили «поворот судьбы» во Второй мировой войне.

Всё это понятно, кроме одного — чем же они пытались это доказать. Ведь это никак не доказуемо по одной простой причине. Ни по размаху, ни по составу противоборствовавших сил, ни по своей очевидной значимости для хода всей войны в целом сражение под Эль-Аламейном не может идти ни в какое сравнение с битвой под Сталинградом. Превозносить пускай и победоносное, но локальное сражение, в котором силы врага были представлены всего лишь 80 тысячами человек, как некий поворотный пункт во Второй мировой войне — для этого нужна именно англосаксонская наглость.

Вся немецко-итальянская танковая армия «Африка», с которой в битве при Эль-Аламейне сошлась 8-я британская армия, насчитывала всего 12 дивизий, из коих 8 — итальянские. А «макаронники», к слову сказать, были такими вояками, что их танки, по саркастическому выражению германских офицеров, имели пять скоростей назад и только одну вперёд. Да и вообще, при одном только упоминании итальянских союзников германские офицеры начинали выражаться преимущественно непереводимыми ни на один язык идиомами сугубо фольклорного типа…

Естественно, что никто не собирается отрицать того очевидного факта, что в 1942 г. этот 80-тысячный тевтонско-макаронный сброд тоже был врагом, но отнюдь не тем, далеко не тем, разгром которого мог перешагнуть значение Средиземнорского театра военных действий (да и то в его североафриканской части), если, конечно, вообще дотягивал до такого уровня. И уж, конечно, нет ни малейшего основания даже мысленно пытаться сравнивать это сражение со Сталинградской битвой. Только немецко-румынские войска под Сталинградом насчитывали более одного миллиона солдат и офицеров. А ведь там были еще и другие союзники Гитлера — испанцы («Голубая дивизия»), венгры, хорваты, албанцы, боснийцы (в частности, там воевал в будущем первый президент Боснии и Герцеговины после насильственного развала Югославии Алия Изидбегович, которого, к глубокому сожалению, тогда не достала советская пуля) и прочая прогитлеровская нечисть.

В ходе Сталинградской битвы от мощных ударов советских войск враг потерял 32 дивизии и 3 бригады, 16 дивизиям был нанесен тяжелый урон. Всего же за время Сталинградской битвы (17 июля 1942 г. — 2 февраля 1943 г.) блок агрессров потерял убитыми, ранеными, плененными и пропавшими без вести около 1,5 млн. человек — четвертую часть всех сил, находившихся тогда на советско-германском фронте.

Более того. Контрнаступление под Сталинградом представляло собой давно задуманную Сталиным наступательную операцию стратегического масштаба, победоносные результаты которой оказали глубокое воздействие не только на обстановку на всех театрах Второй мировой войны, но и на весь ход этой войны. Полностью осознавая несравнимость битвы под Сталинградом и сражения под Эль-Аламейном, У. Черчилль писал Сталину 11 марта 1943 г., что **«масштабы этих операций невелики по сравнению с громадными операциями, которыми Вы руководите»**. А за несколько дней до завершения Сталинградской битвы тот же Черчилль отмечал: **«Все наши военные операции осуществляются в весьма незначительном масштабе по сравнению с огромными ресурсами Англии и Соединенных Штатов, а тем более по сравнению с гигантскими усилиями России».**

Оно и верно. В конце-то концов не Сталин подарил меч «доблестным» победителям «макаронников», а Черчилль от имени английского короля и английского народа подарил меч славным защитникам Сталинграда, одержавшим победу, потрясшую не только поганый рейх, но и весь мир! Победу, в которую, между прочим, ни Черчилль, ни его генералы даже и не верили, хотя Сталин сообщил им о грядущем разгроме немцев под Сталинградом за пару недель до окружения группировки гитлеровских войск.

Так что о каком таком значении победы англосаксов при Эль-Аламейне, тем более в статусе некоего «поворотного пункта» во Второй мировой войне, можно говорить и уж тем более сравнивать с нашей Победой в Сталинградской битве?! Разве не очевидно, что ни сравнивать нечего, ни тем более говорить не о чём?!

Миф № 34. Всенародное партизанское движение — блеф сталинской пропаганды

Миф № 35. В годы войны отсутствовала взаимосвязь между военной стратегией и партизанским движением

Миф № 36. Партизанское движение было затеяно ради «рельсовой войны», а остальные направления деятельности партизанских отрядов и засылавшихся в тыл врага специальных групп центр не интересовали

Утверждения подобного рода — одно из любимых занятий антисталинистов. Просто хлебом не корми — дай только оклеветать выдающийся подвиг советского народа, в том числе чекистов и военных разведчиков в тылу врага. Уж так стараются, что не приведи господь. Такое «рвение», да в мирных бы целях… Впрочем, да пропади они пропадом, все эти супостаты, что смеют скрипеть своими подлыми перьями против подвига партизан в тылу врага, клеветать на них. Сталин давно, еще в сентябре 1942 г., начисто «отбрил» этих негодяев, назвав партизанское движение **«нашим вторым фронтом». И был абсолютно прав, потому как это действительно был настоящий второй фронт — не чета сладкоречивым обещаниям союзников по антигитлеровской коалиции, проволынивших с его открытием аж до начала июня 1944 г. Наш же второй фронт с первых же дней войны вносил достойный вклад в Победу.**

А начиналось все так. Практически сразу же после начала войны советские разведывательные службы — НКГБ-НКВД СССР и ГРУ ГШ — занялись организацией партизанского движения в тылу врага. Дело в том, что с момента вторжения германской армии на нашу территорию в тылу врага стали возникать очаги сопротивления, создавались партизанские формирования и партийные подпольные группы. Это народное движение руководствовалось чувством патриотизма советских людей, которые по различным причинам остались в тылу противника. Однако пустить это всенародное движение на самотек было нельзя — иначе жертвы будут напрасны, а противник быстро разгромит партизан. Но и разведчики действовали не просто по своему усмотрению. 29 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР специальной директивой определили программу развертывания в стране партизанского движения. После речи И. В. Сталина 3 июля 1941 г. развернулась интенсивная работа по формированию

партизанских отрядов, диверсионных и разведывательных групп. Большую работу в этом направлении провели штабы и политорганы РККА. 18 июля ЦК ВКП(б) обратился к советскому народу с призывом **«об организации борьбы в тылу германских войск»**. В нём, в частности, говорилось, что «в войне с фашистской Германией, захватившей часть советской территории, исключительно важное значение приобретает борьба в тылу германской армии. Задача заключается в том, чтобы создать невыносимые условия для германских интервентов, дезорганизовать их связь, транспорт и сами воинские части, срывать их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников, всемерно помогать созданию конных и пеших партизанских отрядов, диверсионных и истребительных групп, развернуть сеть партийных подпольных организаций для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов». Чуть позже совместной директивой начальника Генштаба и начальника Разведывательного Управления ГШ от 27 июля 1941 г. начальникам штабов фронтов было предписано **«немедленно приступить к формированию** и **заброске в тыл противника большого количества мелких партизанских диверсионно-разведывательных групп из храбрейших людей личного состава войск и из лучших элементов гражданского населения». А** при **Разведывательном управлении (с 16.2.1942 г. — ГРУ)** Генштаба РККА были созданы специальные диверсионно-разведывательные школы.

Колоссальную роль в развертывании партизанского движения в тылу врага сыграло легендарное 4-е управление НКВД СССР во главе со своим знаменитым шефом Павлом Анатольевичем Судоплатовым. Главным инструментом стала Отдельная мотострелковая бригада особого назначения — не менее легендарный ОМСБОН. Впоследствии Судоплатов вспоминал: «Бригада формировалась в первые дни войны на стадионе „Динамо“. Под своим началом мы имели более двадцати пяти тысяч солдат и командиров, из них две тысячи иностранцев — немцев, австрийцев, испанцев, американцев, китайцев, поляков, чехов, болгар, румын. В нашем распоряжении находились лучшие советские спортсмены, в том числе чемпионы по боксу и легкой атлетике — они стали основой диверсионных формирований, забрасывавшихся в тыл врага… Во взаимодействии с районными местными организациями мы начали засылать партизанские формирования в тыл к немцам, включая в их состав опытных офицеров — разведчиков и радистов… В тыл врага было направлено более **двух тысяч** оперативных групп общей численностью пятнадцать тысяч человек…»

История создания **4-го** управления НКВД СССР такова. 25 августа 1941 г. приказом НКВД СССР № **001151** оперативные органы государственной безопасности, в задачу которых входила борьба с

парашютными десантами и диверсантами противника, были преобразованы в Четвертые отделы управлений НКВД прифронтовых республик. А в центральном аппарате НКВД было создано **4-е** управление, которое руководило их работой. В его функции входила организация агентурно-войсковой разведки, проведение диверсий силами партизанских отрядов и диверсионно-разведывательных групп. Оно также стало создавать свои диверсионно-разведывательные школы, где шла подготовка специальных кадров для работы в тылу противника. Формировались группы по **20–30** человек. На учёте **4-го** управления состояло **1798** партизанских отрядов — **70 796** бойцов и командиров и **1153** диверсионно-разведывательных групп — **7143** разведчика и подрывника. НКВД осуществлял финансирование и развертывание партизанской борьбы до середины 1942 г., когда эти функции были переданы ЦШПД.

Аналогичные ОМСБОН функции выполнял Московский истребительный мотострелковый полк, сформированный в октябре 1941 г. для выполнения заданий командования Западного фронта. Диверсионно-разведывательные подразделения полка действовали во всех оккупированных районах Московской, Калининской, Смоленской и Брянской областей. В период обороны Москвы этим полком было подготовлено и переброшено в тыл противника **125** партизанских диверсионно-разведывательных групп общей численностью **3673** человек. В это время партизанские кадры готовились в Брянске, Вязьме, Ельце, Ленинграде, Москве, Рязани, Орле, Тамбове и некоторых других городах.

Непосредственное участие в подготовке партизанских кадров и работников подполья принял Оперативно-учебный центр (ОУЦ), созданный в июле 1941 г. по инициативе первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко при штабе Западного фронта. Возглавил его опытный военный специалист, начальник отдела Главного военно-инженерного управления Генштаба РККА, легендарный диверсант Советского Союза И. Г. Старинов. На ОУЦ были возложены задачи подготовки специалистов, формирование, снабжение и заброска в тыл противника партизанских отрядов и диверсионно-разведывательных групп. Его переменный состав насчитывал **250** человек. Срок обучения в начале составлял **5–7** дней, но позже был увеличен до **3–4** месяцев. ОУЦ получал от Военного совета фронта только снабжение. Фактически он являлся учебным заведением и мастерской-лабораторией по разработке диверсионной минно-подрывной техники при ЦК КП(б) Белоруссии. ОУЦ организовал на местных предприятиях производство необходимой партизанам минно-подрывной техники и гранат и изготовлял в своих мастерских опытные образцы этих изделий. ОУЦ Западного фронта помогал в организации партизанских школ

и обучении партизанских кадров в городах Киеве, Вязьме, Орле, Чернигове, Харькове и Ростове. Уходящие в тыл противника партизанские отряды и группы, помимо стрелкового оружия, обеспечивались и специальной минно-подрывной техникой. Только **с июля по октябрь 1941 г.** ОУЦ подготовил и отправил в тыл противника более **4 тысяч** подготовленных партизан и диверсантов.

В свою очередь ЦК КП(б) Украины организовал с 1 августа 1941 г. большую партизанскую школу в Киеве. В ней было подготовлено **45** высококвалифицированных инструкторов, которые в свою очередь обучили свыше **4500** специалистов. Такая же школа действовала в Харькове. Учебные пункты с аналогичными задачами в 1941 г. действовали в различных городах Украины. В течение первого года войны в них прошло обучение большое количество специалистов для работы в тылу противника.

По инициативе того же П. К. Пономаренко Орловский обком партии организовал с помощью ОУЦ партизанскую школу в Орле, которая подготовила не одну сотню специалистов для партизанских отрядов Орловской области. В августе 1941 г. Ленинградским обкомом ВКП(б) совместно с Военным советом Ленинградского фронта была создана тройка по организации и руководству партизанским движением на оккупированной территории Ленинградской области. В ее состав вошли представители обкома партии, военной разведки и органов государственной безопасности. В течение последних пяти месяцев 1941 г. в прифронтовых и фронтовых районах Ленинградской области было сформировано и переправлено через линию фронта **287** партизанских отрядов и диверсионно-разведывательных групп общей численностью **11 683** человека. В это же время из числа личного состава войск НКВД и истребительных батальонов было сформировано **15** отрядов, которые были переправлены в тыл противника для проведения операций по заданию Военного совета Ленинградского фронта.

Для подготовки квалифицированной агентуры, способной решать поставленные задачи в тылу врага, органами госбезопасности была создана сеть конспиративных квартир по обучению кадров диверсионно-разведывательной работы и трех школ по подготовке агентов-радистов. Там же готовили агентов-боевиков для работы в тылу врага, которые придавались в качестве прикрытия оперативным работникам при проведении ими мероприятий в тылу противника, и агентов-маршрутников, связников, вербовщиков, которые затем оседали на оккупированной территории.

Большую роль в развитии партизанского движения сыграли истребительные отряды и батальоны, возникшие в первые дни войны во

многих городах и районах, которым угрожало вторжение войск противника. Уже к концу 1941 г. их насчитывалось более **1500**. Они составили значительную часть партизанских отрядов и диверсионно-разведывательных групп, забрасываемых органами государственной безопасности на оккупированную врагом территорию. Всего за первый год войны в партизанских спецшколах было подготовлено и заброшено в тыл противника свыше 12 тыс. специалистов.

Уже к концу 1941 г. на временно оккупированной территории действовало более **2000** партизанских отрядов общей численностью более **90 тысяч** партизан. А всего в годы войны в тылу врага действовало **6200** партизанских формирований, в состав которых входили **Один миллион Триста тысяч партизан**. И ещё **Один миллион Пятьсот тысяч человек** составляли организационно оформленные партизанские резервы, пополнявшие по мере необходимости боевые партизанские части и соединения.

В январе 1942 г. по указанию ЦК ВКП(б) в Москве были созданы **3** партизанские спецшколы. Перед каждой из них были поставлены конкретные задачи. Спецшкола **№ 001** готовила комиссаров и их заместителей для партизанских формирований, спецшкола **№ 002** — инструкторов минно-подрывного дела, руководителей диверсионных групп, командиров и начальников штабов партизанских отрядов, спецшкола **№ 003** — радистов-операторов. Сроки обучения в этих учебных заведениях вначале были короткими, **50–100** часов. Это было обусловлено необходимостью срочной засылки в тыл противника партизанских кадров. Но со второй половины 1942 г. учебный процесс был перестроен, и новая программа насчитывала уже **250** часов обучения. Эти специальные партизанские школы после создания ЦШПД перешли в его подчинение. В декабре 1942 г. на базе спецшколы № 001 была создана Центральная школа партизанского движения с переменным составом в **20** слушателей. Она готовила заместителей командиров партизанских бригад по разведке. В это же время спецшкола № 002 была преобразована в Центральную школу партизанских кадров по подготовке командиров и начальников штабов партизанских отрядов, а также инструкторов минно-подрывного дела. Обучение в ней осуществлялось по **500** — часовой программе. Подготовка проходила в обстановке, максимально приближенной к боевой. Спецшкола № 003 была преобразована в Центральную радиошколу. Подготовка радистов-операторов продолжалась **250** часов, чего было явно недостаточно. Но партизаны остро нуждались в радистах, и увеличить срок их обучения не представлялось возможным.

В апреле 1942 г. по решению ЦК КП(б) Белоруссии в целях срочного пополнения партизанских формирований в г. Муроме был создан Особый белорусский сбор. Его курсантами стали в основном белорусы — военнослужащие Красной Армии и работники тыловых организаций. С апреля по ноябрь 1942 г. **20** — дневный курс обучения в нем прошли более **23** тыс. человек. Все они влились в партизанские отряды. В это же время по решению ЦК КП (б) Украины была создана оперативная школа в Ворошиловграде. Там за **45** — дневный курс обучения готовили командиров партизанских формирований. Там же по трехмесячной программе обучали радистов. К июню 1942 г. ее закончили **71** командир-организатор и **23** радиста. Дальнейшее обучение в ней пришлось прекратить из-за неблагоприятно складывающейся обстановки на фронте.

Однако подобная система подготовки партизанских кадров через краткосрочные курсы уже не удовлетворяла растущим запросам партизанского движения. Требовалась коренная перестройка системы обучения партизанских специалистов. Суть ее состояла в том, чтобы подготавливать специалистов более узкой, но высокой квалификации, способных не только выполнять порученное задание, но и организовывать массовое обучение тактике партизанских действий прямо в тылу врага.

К концу 1942 г. в стране действовало **8** специальных школ и **10** учебных заведений по подготовке специалистов для партизанского движения. Срок обучения в этих школах достигал **3–6** месяцев, численность переменного состава в партизанских школах достигла **4** тыс. человек. В 1943 г. количество школ было сокращено. В них теперь обучалось менее **2** тысяч человек. Всего в школах и учебных пунктах в годы войны было обучено, по отчётам штабов партизанского движения, **27** тысяч человек, в том числе в процентах: подрывников-минеров — **75 %**, разведчиков — **8 %**, радистов — **3 %**, организаторов-командиров — **5 %**, инструкторов-минеров — **5 %** и прочих — **4 %**. С 1943 г. обучение партизан-диверсантов началось непосредственно в партизанских формированиях. В мае того же года по решению ЦК КП(б) Украины в крупных партизанских соединениях были созданы школы подготовки партизан-диверсантов и спецслужбы для руководства диверсионной работой. Немало специалистов было переброшено на оккупированную территорию по воздуху, но чаще диверсионно-разведывательные группы и партизанские отряды перебрасывались в тыл противника походным порядком через линию фронта. С января 1944 г., после расформирования ЦШПД и его спецшкол, подготовка партизанских кадров продолжалась в стационарных школах республиканских штабов партизанского движения и учебных пунктах их представительств при фронтовых штабах. Всего в спецшколах было обучено

более **22** тысяч организаторов партизанской борьбы, командиров и начальников штабов партизанских частей и соединений, руководителей партизанской разведки и контрразведки, инструкторов подрывного дела, радистов.

В то же время необходимо отметить, что на первых порах попытки организации партизанских действий были не вполне удачны. Так, по состоянию на 1 марта 1942 г. из **1974** партизанских отрядов, сформированных и заброшенных на оккупированную территорию Украины, в ЦК компартии Украины имелись сведения только о **241** отряде. В течение второй половины 1941 г. на оккупированную территорию Белоруссии было отправлено **437** отрядов. Но к началу 1942 г. в числе действующих значилось только 50 отрядов. На 10 июля 1942 г. в Ленинградской области действовало **72** партизанских отряда. Значительно лучше обстояли дела у смоленских, брянских и калининских партизан, где через год осталось до **25–30 %** отрядов и групп, переброшенных или оставленных в тылу противника при отходе наших войск. В Ленинградской области на оккупированной территории в первый период войны немцам удалось разбить **4** партизанские бригады, **41** партизанский отряд, уничтожить десятки подпольных организаций и групп.

В организации и развитии партизанского движения было два этапа. Для первого из них (1941 — осень 1942 гг.) характерно стремление партизанских формирований к обособленным действиям на территории своих районов и областей. Разрозненные вылазки приводили к большим потерям. На втором этапе (осень 1942 — осень 1944 гг.) наметился переход к крупным, хорошо спланированным и подготовленным операциям. Из разрозненных и эпизодических акций в первый период партизанские действия становятся более эффективными. Появилась тенденция к объединению отдельных отрядов в партизанские соединения и созданию для руководства их деятельностью штабов партизанского движения (ШПД).

Создававшиеся партизанские отряды столкнулись с опытным противником, вооруженным современной техникой и заранее подготовленным к борьбе с партизанами. Не всем из них удалось выдержать испытания первых месяцев войны. Отсутствие должной подготовки и вооружения тормозило их боевую деятельность. Многие отряды, выйдя в наш тыл, рассыпались, другие погибли вследствие предательства. Некоторые командиры партизанских отрядов в первые месяцы войны боялись широко привлекать в свои отряды население, оставшееся в тылу противника. Это приводило к замкнутости многих партизанских групп и снижало их боевые возможности.

Самым трудным периодом для развития партизанского движения была зима 1941/42 г. Но уже к 1942 г. партизанская война вступила в новую фазу своего развития. К этому времени Красная Армия не только остановила противника на некоторых участках фронта, но и в ходе Московского контрнаступления смогла отбросить его к западу. Массовое вступление местных жителей в партизанские отряды стало происходить уже в первой половине 1942 г. — к этому времени население окончательно разобралось, что оккупация несет не свободу, о которой так трубила нацистская пропаганда, а смерть и рабство. Немцы совершенно неожиданно для себя встретили вооруженное противодействие, стоившее им весьма ощутимых потерь. К апрелю 1942 г. в Белоруссии, в Ленинградской, Смоленской, Орловской и Брянской областях насчитывалось **11** партизанских краёв. Они охватывали обширную территорию в тылу врага. Гарнизоны противника занимали в них лишь важные, узловые пункты. Впоследствии подобные партизанские зоны были созданы и в других оккупированных областях.

Однако по мере расширения партизанского движения стали чувствоваться недостаток в централизованном руководстве, отсутствие подготовленных кадров, нехватка вооружения и очень плохое снабжение. Следует отметить, что руководство страны в начальный период войны уделяло недостаточное внимание снабжению партизанских формирований. Так, например, командиры партизанских отрядов Федоров, Кизя и Бегма ещё в 1941 г. сообщили в центр, что **«создание в тылу врага народных партизанских армий вполне реально при достаточной заброске им вооружения и боеприпасов»**. Неуместно считается, что Сталин не разделял такое мнение. Якобы он считал, что оружие и боеприпасы партизаны должны сами добывать в бою. Впоследствии это было закреплено в директиве Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) от 18 августа 1942 г. и в разделе «Партизанские действия» Полевого устава РККА в 1943 г. Утверждают, что-де такая установка нанесла огромный вред и являлась тормозом в развитии партизанского движения. Однако если разобраться честно и беспристрастно, то это подлая клевета. В связи с катастрофическим для СССР — по вине высшего военного командования — началом войны в 1941 г., захватом противником запасов РККА, массовой эвакуацией промышленности, прежде всего оборонной и тому подобными огромными проблемами, у центра просто не было возможностей для обеспечения партизан снаряжением и боеприпасами. Тем более для регулярного их снабжения. Всего этого не хватало действующей армии. Именно поэтому-то Сталин и поставил задачу самообеспечения партизан за счёт противника. И в дальнейшем проведение курса на самообеспечение тоже было правильным, потому что центр чисто физически не мог

обеспечить регулярные поставки снаряжения и боеприпасов. Это было нереально в силу огромных масштабов партизанского движения. Выше уже приводились цифры действовавших партизанских соединений и их численности. Но это вовсе не значит, что центр вовсе отказался от снабжения партизан. Напротив, помощь приобрела характер острой целенаправленности — партизанам отправлялись именно те боеприпасы и то снаряжение, которые они не могли добыть у гитлеровцев, но которые имели колоссальное значение в осуществлении диверсионных мероприятий. А начиная уже с мая 1942 года, когда перебазированные на восток тысячи промышленных предприятий развернули генеральное наступление на экономическом фронте и появилась реальная возможность не в ущерб регулярной армии наладить должный уровень снабжения партизан, то, естественно, это было сделано. Факты свидетельствуют, что с указанного времени для партизан стали поставлять специальное оружие для бесшумной стрельбы, специальные зажигательные снаряды, портативные мины мгновенного и замедленного действия большой мощности, удобные для эксплуатации в тылу врага коротковолновые радиостанции, благодаря которым к концу 1943 г. **93 %** партизанских формирований имели надежную радиосвязь с центром. Более того. Для обеспечения партизан были созданы специальные отдельные эскадрильи авиации дальнего действия, задействовались также и гражданский воздушный флот и фронтовая авиация. За годы войны советские летчики выполнили **109** тысяч самолетовылетов в партизанские отряды и соединения, в том числе и с посадкой на партизанские аэродромы.

Расширение масштабов партизанской войны требовало централизации руководства и координации боевых действий партизанских формирований и нанесения их ударов по противнику для оперативного содействия Красной Армии. В связи с этим появилась необходимость в создании единого органа военно-оперативного руководства партизанской войной. 24 мая 1942 г. заместитель наркома обороны генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов обратился к Сталину с предложением о создании единого центра по руководству партизанскими и диверсионными действиями. Он обосновывал это тем, что почти годичный опыт войны показал низкий уровень руководства партизанской борьбой в тылу врага, что ею руководят различные органы. Воронов, в частности, указал на то, что **«партизанской войной у нас занимаются ЦК ВКП(б), НКВД, немного Генеральный штаб и ряд руководящих работников Белоруссии** и **Украины»**. Сталин по достоинству оценил предложение Н. Н. Воронова, и уже 30 мая 1942 г. Государственный комитет обороны (ГКО) принял решение о создании при ставке Верховного Главнокомандования (СВГК) Красной Армии

Центрального штаба партизанского движения. Его начальником был назначен от ЦК ВКП(б) секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко, непосредственно подчиненный Верховному Главнокомандующему. Его заместителем от НКВД стал В. Т. Сергиенко, от Генштаба РККА — Т. В. Корнеев. Это решение положило начало централизованному руководству партизанским движением. Одновременно с ЦШПД при Военных советах соответствующих фронтов были созданы фронтовые штабы партизанского движения: Украинский (при Военном совете Юго-Западного фронта), Брянский, Западный, Калининский и Ленинградский. Несколько позже решением ГКО были образованы также ШПД: Южный — Краснодарский — 3 августа 1942 г., Белорусский — 9 сентября 1942 г., Воронежский — в октябре 1942 г., Эстонский — 4 ноября 1942 г., Латвийский — 8 января 1942 г., Литовский — 20 ноября 1942 г., Крымский — в июле 1943 г. и др. При этом подчиненность фронтовых ШПД была двойственной: с одной стороны, они подчинялись ЦШПД, а с другой — Военным советам соответствующих фронтов, и в то же время они координировали свои действия через секретарей обкомов, которые в основном стояли во главе фронтовых ШПД. Вскоре фронтовые штабы стали областными.

Штабы партизанского движения располагали мощными радиоузлами для оперативной связи с партизанскими соединениями, отрядами и разведывательно-диверсионными группами и с подпольными партизанскими организациями. Кадры ШПД в основном укомплектовывались кадровыми офицерами Красной Армии, войск и органов НКВД и возглавлялись партийными работниками. Для этого еще 16 июня 1942 г. постановлением ГКО на Военные советы фронтов были возложены обязанности не только по формированию штабов и оперативных групп, но и подвижных радиоузлов. Задача обеспечения их кадрами была поручена Главному управлению (ГУ) кадров НКО СССР, а вооружение, снабжение всеми видами имущества и транспорта — ГУ тыла НКО СССР.

ЦШПД осуществлял общее руководство партизанской борьбой, создавал партизанские отряды и соединения, координировал их действия, обобщал и распространял опыт партизанских действий, готовил кадры, организовывал взаимодействие партизанских формирований с войсками Красной Армии. Он работал в тесном контакте с Генеральным штабом РККА. Фронтовые ШПД несли ответственность за руководство партизанскими формированиями и дальнейшее развитие партизанского движения на всей оккупированной территории, определяемой линией и глубиной направления данного фронта с границами областей. На штабы партизанского движения всех рангов были возложены следующие основные

задачи: **развитие партизанского движения, руководство боевыми действиями партизан, установление связи с партизанскими формированиями, обеспечение партизан всем необходимым для борьбы с оккупантами, политическое обеспечение, подготовка специалистов**. А основными разведывательно-боевыми задачами партизанского движения стали: **дезорганизация тыла противника, разрушение коммуникаций и связи, уничтожение складов, нападение на штабы и войсковые части противника, разрушение материальной части на аэродромах, осведомление Красной Армии о противнике.**

1. Разведка противника стала приоритетной задачей партизанских соединений с 24 августа 1942 г. ЦШПД потребовал активизировать разведку в тылу противника в интересах Красной Армии. Постановлением **№ 00189 от 5 сентября 1942 г.** ГКО определил, что ЦШПД и его разведотдел должны обеспечить руководство разведывательной деятельностью республиканских и областных ШПД и отдельных партизанских соединений, наладить как информационно-разведывательную, так и агентурно-разведывательная деятельность. В результате была резко усилена разведывательная деятельность по выявлению направляемых на советско-германский фронт новых войсковых соединений, передислокации войск противника, состояния коммуникаций противника, подготовки оборонительных рубежей, дислокации и перебазированию аэродромов и складов, готовности немцев к химической войне, численности и боеспособности полевых и охранных частей противника. Особое значение придавалось сбору данных о политико-экономическом положении на временно оккупированной территории СССР.

*** * ***

Организационная структура партизанской разведки по мере накопления опыта превратилась в специальную службу. На первых порах она столкнулась с множеством трудностей. Нехватка квалифицированных кадров, незнание методов конспирации и отсутствие специальных знаний часто приводили к досадным ошибкам, непоправимым просчетам и утратам. Опыт накапливался по крупицам. Положение несколько улучшилось после организации Центрального и фронтовых штабов партизанского движения. Потребовалось введение в партизанских формированиях должности заместителей по разведке. И в июле 1942 г. такие должности были установлены. Создание штабных разведслужб в партизанских формированиях и обеспечение их квалифицированными специалистами и разведаппаратурой значительно повысило уровень партизанской разведки.

На оккупированной территории Белоруссии к концу 1942 г. действовало **5150** разведчиков, **68** радиостанций, с помощью которых **329** партизанских соединений и отрядов поддерживали постоянную радиосвязь с ЦШПД и ШПД Белоруссии. Большую роль в укреплении разведорганов партизанских формирований и расширении сферы их деятельности сыграл приказ наркома обороны от **5 сентября 1942 г. № 00189 «О задачах партизанского движения»**. В нём особо подчеркивалась необходимость усиления войсковой разведки. Этот приказ лег в основу всей работы разведорганов партизанских формирований в тылу противника. А создание штатных разведслужб в ШПД и партизанских соединениях и обеспечение их квалифицированными специалистами и радиоаппаратурой значительно повысило эффективность партизанской разведки. Этот приказ стал программой действий партизан в период перехода Красной Армии от стратегической обороны к стратегическому наступлению, приведшему к коренному перелому в войне. Он требовал значительно усилить разрушение растянутых коммуникаций врага и его линий связи, лишить противника свободы маневра и пополнения его живой силой, боевой техникой, горючим и боеприпасами, парализовать его стремление использовать рабочую силу промышленных предприятий и продукции сельского хозяйства на оккупированной территории, а также вывозить награбленное добро в Германию.

К началу 1943 г. партизанская разведка приобрела устойчивые и стройные организационные формы. От получения достоверных разведданных зависел успех войсковых и партизанских боевых операций. Однако основные сведения о противнике собирались агентурной разведкой партизан. Они велись главным образом в интересах Красной Армии и были направлены на оперативное и боевое обеспечение её войск. Агенты-подпольщики не входили в состав партизанских формирований. Связь с ними осуществлялась через широко развитую систему «почтовых ящиков», явочных квартир, условных сигналов, связников-маршрутников и другими способами. В апреле — июне 1943 г. партизаны-разведчики собрали такие сведения, которые помогли ВГК Красной Армии разгадать замыслы врага на предстоящие кампании, определять места сосредоточения его наступательных группировок и направление готовящихся ударов. Они выявили дислокацию многих штабов, соединений, аэродромов, баз снабжения, объектов строительства оборонительных рубежей. Партизанская разведка выявила подготовку немцев к химической войне и определила отравляющие вещества и пункты их размещения. Особое внимание нарком обороны придал организации разведки в тылу противника в интересах Красной Армии. **19 апреля 1943 г.** Сталин издал приказ **№ 0073 «Об**

улучшении разведывательной работы партизанских отрядов», предписывавший назначать заместителями начальников республиканских и фронтовых ШПД по разведке командиров Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии. Практика показала, что с этого времени разведывательная деятельность партизанских формирований в интересах регулярных войск стала более результативной и разносторонней. Она приобрела важнейшее значение для принятия военным командованием более обоснованных оперативных решений и достижения успехов в проводимых им боевых операциях. Разведданные о противнике поступали в Разведывательный отдел ЦШПД от подчиненных штабов в виде сводок, спецсообщений, протоколов, допросов пленных, захваченных документов противника и радиограмм от отдельных партизанских соединений и отрядов. Вся полученная информация обрабатывалась и направлялась в Оперативный и Разведывательный отделы Генерального штаба РККА, а также командующим соответствующих фронтов. Имевшие же особую важность разведывательные данные направлялись в ГКО и Политбюро ЦК ВКП(б). В период Сталинградской и Курской битв, операций по освобождению Украины, Белоруссии, Крыма, Ленинградской и Новгородской областей, Прибалтики, Молдавии и Карелии партизаны не только наносили удары по неприятелю, но и собирали разведданные о нем. Это помогало советскому командованию распознавать замыслы врага, правильнее планировать и проводить боевые операции. По данным ЦШПД, осенью 1943 г. партизаны захватили у противника десятки тысяч оперативных карт, схем, отчетов и других документов и более 9 тыс. из них переправили в Москву. Эффективность партизанской разведки в 1943 г. была очень высокой — «партизаны снабжали советское командование разведданными, которые помогали правильно оценить обстановку и замыслы вражеского командования на лето 1943 г.».

* * *

2. Развитие партизанского движения, руководство боевыми действиями партизан, установление связи с партизанскими формированиями, обеспечение партизан всем необходимым для борьбы с оккупантами, политическое обеспечение, подготовка специалистов.

Этим занимался Оперативный отдел ЦШПД. Приоритетной его задачей было руководство боевой деятельностью партизанских соединений. Оно осуществлялось как через соответствующие штабы партизанского движения, так и непосредственно. Начальником оперативного отдела был

назначен полковник И. И. Наумов, его заместителями подполковник В. П. Шестаков и майор Иволгин. Для удобства управления партизанским движением вся оккупированная территория была разбита на направления: **1-е направление** — Карело-Финская АССР, Прибалтийские республики и Ленинградская область. Начальник направления — капитан Колмыков; **2-е направление** — Белорусская ССР. Начальник направления — майор Крюков; **3-е направление** — Калининская, Смоленская и Орловская области и Крымская АССР. Начальник направления — майор Румянцев. Кроме того, в отделе были созданы: группа по применению и внедрению методов партизанской борьбы и современных диверсионных средств, группа учета и склад топографических карт. 11 мая 1942 г. приказом начальника ЦШПД при Оперативном отделе штаба было создано отделение по диверсионной тактике и технике и поставлены перед ним конкретные задачи. Это отделение приступило к работе 10 июня. Для выполнения заданий ЦШПД привлекались различные научно-технические организации и управления Генштаба РККА. Оперативным отделом, помимо операций местного значения, был разработан и ряд масштабных операций с привлечением к участию в них подавляющего числа партизанских соединений и отрядов. Это операции «Рельсовая война», «Концерт», «Зимний концерт», «Пустыня» и др. Кроме того, Оперативный отдел занимался также созданием рейдовых партизанских соединений и отрядов, засылкой организаторских и диверсионных групп и переформированием партизанских соединений, определял им новые районы деятельности и ставил им боевые задачи, а также занимался контролем выполнения приказов начальника ЦШПД.

«Для сосредоточения ответственности и централизации руководства партизанским движением» 6 сентября 1942 г. постановлением ГКО было решено учредить пост Главнокомандующего партизанским движением. Эту должность занял член Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и СВГК маршал К. Е. Ворошилов. ЦШПД был подчинен Ворошилову. 28 сентября 1942 г. в составе ЦШПД было создано Политуправление. Его начальником был назначен секретарь ЦК ВКП(б) В. Н. Малинин. Оно стало органом, через который ЦК ВКП(б) руководил работой среди населения и партизан на оккупированной территории. Этим же решением создавался ряд республиканских, областных и фронтовых штабов партизанского движения.

19 ноября 1942 г. должность Главнокомандующего партизанским движением была упразднена, и Ворошилов вновь получил направление на фронт в качестве представителя Ставки ВГК. В постановлении ГКО это объяснялось интересами достижения большей гибкости в руководстве

партизанским движением. С упразднением поста Главкома вся полнота ответственности за руководство партизанским движением вновь перешла к ЦШПД. В марте 1943 г. был упразднен и сам ЦШПД, но уже 17 апреля постановлением ГКО № 3195/сс его вновь восстановили при Ставке ВГК. Но при этом из подчинения ЦШПД был выведен Украинский ШПД. Он стал непосредственно подчиняться Ставке ВГК. На ЦШПД были возложены обязанности по руководству боевой деятельностью всех партизанских формирований. Упорядочение системы управления партизанским движением путем совершенствования ЦШПД и фронтовых штабов партизанского движения позволило существенно поднять уровень руководства вооруженной борьбой в тылу вражеской армии и придать ей должный размах и эффективность. Проведенная реорганизация позволила ликвидировать двойственность подчинения фронтовых штабов партизанского движения: с одной стороны, ЦШПД, с другой — военным советам фронтов. Представительства ЦШПД при фронтах подчинялись только тому, кого они представляли. В результате появилась реальная возможность обеспечивать взаимодействие партизанских формирований с операциями фронтов. Централизация руководства партизанским движением способствовала тому, что в ходе войны оно стало фактором стратегического значения. Любопытно, что эффективность осуществленных организационных мероприятий гитлеровцы ощутили сполна. Так, гитлеровский генерал-полковник Л. Рендулич отмечал, что **«централизация руководства партизанскими отрядами была очевидна. Ибо при подготовке и проведении какого-либо значительного наступления немецких или русских войск партизаны в этом районе немедленно активизировали свои действия с целью дезорганизации снабжения и связи между частями немецкой армии, захвата и ликвидации складов с боеприпасами и нападения на места расквартирования войск. Эти действия стали тяжелым бременем для [германской] армии и представляли собой немалую опасность. Ни на одном другом театре военных действий не было такого тесного взаимодействия между партизанами и регулярной армией, как на русском».**

К концу 1943 г. многие партизанские формирования были переименованы в бригады и дивизии, а некоторые отряды стали называться полками и батальонами. Так в феврале 1944 г. соединение С. А. Ковпака было переименовано в 1-ю Украинскую партизанскую дивизию. 13 января 1944 г., учитывая, что большинство партизанских отрядов действуют на территории Украинской и Белорусской республик, которые имеют свои штабы партизанского движения, ГКО СССР решением № 4945/сс окончательно расформировал Центральный штаб партизанского движения.

Это было сделано, несмотря на то, что Прибалтика, Крым, часть Карело-Финской Республики, Калининской и Мурманской областей все еще были оккупированы противником. На этих территориях продолжало действовать более 250 тыс. партизан. Тем же решением ГКО передал руководство партизанским движением на еще оккупированной территории центральным комитетам партий республик: Украины, Белоруссии, Эстонии, Латвии, Литвы, Молдавии, Карело-Финской и Крымской АССР и обкомам Ленинградской и Калининской областей.

* * *

3. Дезорганизация тыла противника, разрушение коммуникаций и связи, уничтожение складов, нападение на штабы и войсковые части противника, разрушение материальной части на аэродромах.

Решение этих задач предопределяла специфическая тактика партизанской войны. Действия партизан включали в основном три вида деятельности: боевую, диверсионную и разведывательную. Осуществлялись они в четырех основных формах: операции отдельных отрядов в одном административном районе; действия группы отрядов и соединений на территории, превращенной в партизанские зоны и края; партизанские операции во взаимодействии с частями регулярной армии и рейды партизанских формирований по оккупированной врагом территории. Наиболее распространенными тактическими приемами являлись налеты, засады, рейды, оборонительные и наступательные бои, как самостоятельно, так и совместно с войсками Красной Армии. Однако наиболее эффективным способом боевых действий партизан были именно **диверсии**, особенно широко проводившиеся на вражеских коммуникациях. И если в начале войны диверсии носили эпизодический характер, то впоследствии, с созданием партизанских штабов, они стали объединяться общим замыслом и переросли в форму крупных операций, согласованных по времени и месту с операциями действующей армии. Указывая на особую приоритетность диверсий на коммуникациях противника, **ЦШПД** мотивировал это прежде всего тем, что они требуют малого числа участников и необходимых средств в сравнении с другими операциями, но по результативности практически ни с чем не сравнимы. Колоссальное значение имело и то обстоятельство, что в сравнении с вражескими потери партизан были многократно ниже, а то и на порядок ниже. Естественно, что не меньшее значение имело и отвлечение значительных сил врага на охрану своих коммуникаций. А это в свою очередь уменьшало возможности противника вести активные действия

против партизан. Ну и, конечно, организация диверсий предоставляла широкие возможности для выбора мест проведения таких операций по сравнению с другого рода действиями, например по разгрому гарнизонов.

* * *

За годы войны партизанами было осуществлено **20 тысяч** подрывов и крушений поездов. Уничтожено **2500** паровозов. Взорвано 12 тысяч мостов на железных, шоссейных и грунтовых дорогах. Взорвано **42** тысячи автомашин, **350** тысяч вагонов, цистерн и платформ. Выведено из строя примерно **100** тысяч вагонов. Взорвано, уничтожено в боях и выведено из строя **6** тысяч танков (между прочим, агрессию против СССР Гитлер начинал с количеством собственно германских танков почти в полтора меньшим), самоходных артустановок и бронемашин. Взорвано в воздухе (за счет подкладки мин замедленного действия), сбито в воздухе и взорвано на аэродромах **1100** самолётов, выведено из строя **17** тысяч километров линий связи, уничтожено более **600 тысяч** и взято в плен более **50 тысяч** солдат и офицеров и **десятки** генералов противника. **Это более Шести полнокровных армий!** В результате действий партизан на коммуникациях противника его потери оказались в **Пять раз больше** тех, что ему нанесла англо-американская авиация, сбросившая на Германию 2,5 млн. т бомб. Только подразделения 4-го управления НКВД и особой мотострелковой бригады особого назначения уничтожили **157** тысяч немецких солдат и офицеров, **87** высокопоставленных немецких чиновников, разоблачили и обезвредили **2045** агентурных групп противника. А в целом же действовавшие во время войны в тылу врага **2222** оперативных группы чекистов уничтожили **229 тысяч**, взорвали **2852** железнодорожных эшелона, **1326** шоссейных и железнодорожных мостов.

Что касается потерь, то тут следует отметить, что при удачных операциях потери партизан оказывались в десятки раз меньше, чем у врага. Наибольший урон они понесли в первый год войны, когда еще не имели необходимого опыта. В дальнейшем партизанские потери были в основном в борьбе с карателями и при нападении на гарнизоны вражеских войск и охраняемые мосты. Меньше всего потерь было при уничтожении противника путем диверсий.

* * *

Для работы на коммуникациях противника партизаны обладали разнообразными минно-подрывными средствами и зажигательными снарядами. Посредством мин и фугасов весом от 200 г до 10 кг небольшие группы партизан-диверсантов пускали под откос воинские эшелоны. При этом учитывалась не только сила взрыва, но и кинетическая энергия поезда, которая усиливала разрушение подвижного состава. Танковые или пехотные батальоны, имеющие определенную силу в бою, были совершенно беспомощны против мины, установленной небольшой группой партизан-минеров или диверсантом-одиночкой. Важная роль отводилась небольшим диверсионно-разведывательным группам, за которыми, как правило, закреплялись определенные участки железных дорог, где они действовали продолжительное время. Диверсионные группы обычно передвигались днем в лесных массивах, а ночью по полям и полевым дорогам, соблюдая меры охраны и разведки. Они избегали населенных пунктов и столкновений с противником, пока не достигали заданного места диверсии. Если группы возглавлялись опытными и решительными командирами, они были неуловимы. При столкновениях с противником они стремились оторваться от него, часто применяя при этом минные заграждения и гранаты замедленного действия. Так, соединение А. Ф. Федорова мелкими группами в весьма сложных условиях без потерь со своей стороны наносило сокрушительные удары по Ковельскому и Брестскому железнодорожным узлам.

Практика показала возможность диверсионной деятельности и в городах, и в степных и горных районах. В этих условиях значительный урон противнику наносили мелкие законспирированные группы и одиночки партизаны-диверсанты и подпольщики. Действуя на узловых точках коммуникаций противника, они нарушали работу промышленных предприятий, наносили удары по складам и базам снабжения армии, а также нарушали работу его тыловых организаций. Примером могут служить диверсионные действия минского, ростовского и крымского подполья, а также действия диверсионных групп в прикаспийской, калмыцкой и сальской степях, на коммуникациях и связи между немецкими группировками «А» (кавказская) Э. фон Клейста и «В» (сталинградская) Ф. Паулюса. Ещё более показательной может служить уникальная операция, проведенная в конце 1942 г. в Харькове, при непосредственном руководстве И. Г. Старинова, в результате которой при помощи радиоуправляемых фугасов был уничтожен штаб коменданта и командующего харьковской группировкой немцев. При этом погиб сам командующий генерал фон Браун.

Удары по вражеским коммуникациям оказались значительно сильнее и эффективнее, чем удары немецкой авиации по нашим железным дорогам и даже эффективнее ударов авиации союзников по железным дорогам немцев. Партизанские диверсионные группы на один час срыва движения на коммуникациях противника затрачивали в 5–10 раз меньше взрывчатых веществ, чем бомбардировочная авиация.

Опыт партизан по разрушению вражеского тыла обгонял опыт и возможности немцев по охране своего тыла. Охрана вражеских коммуникаций оказалась не в силах защитить их от партизан. На фронте на один подорванный танк противника приходилось около тысячи противотанковых мин, а в тылу на подрыв эшелона с танками во время их перевозки достаточно было установить фугас весом до 10 кг в удобном месте.

В июле 1943 г. ЦШПД разработал план операции, получившей название **«Рельсовая война»**. Её целью являлось нанесение одновременных повсеместных ударов по железным дорогам противника с целью их полной дезорганизации и срыва операций неприятеля на фронтах. Эта операция началась в ночь **с 3 на 4 августа 1943 г**. В итоге было взорвано **214 700** рельс, что составляло **1350** км одноколейного железнодорожного полотна в обширном районе на **1000** км по фронту и **750** км в глубину на территории Белоруссии, Украины и РСФСР. Эта операция была увязана с планами Ставки ВГК и способствовала успеху наших войск в ходе Курской битвы, Смоленской операции и наступления на Левобережной Украине. Только белорусские партизаны в ходе «Рельсовой войны» подорвали **836** эшелонов и **6345** вагонов, платформ и цистерн с горючим, разрушили **184** железнодорожных моста, **556** мостов на шоссейных и грунтовых дорогах, уничтожили **119** танков и бронемашин, **1430** автомашин и разгромили **44** гарнизона противника. К выполнению этой операции были привлечены **167** партизанских бригад общей численностью **95 615** человек. В сентябре 1943 г. по решению ЦШПД началась повторная операция по разрушению железных дорог противника, получившая наименование **«Концерт»**. Она была приурочена к битве за Днепр и проходила с 19 сентября до конца октября. К ее выполнению было привлечено **183** партизанских бригады и отрядов общей численностью **120 600** человек. В итоге было взорвано **148 500 рельс**. Массовое разрушение коммуникаций позволило снизить пропускную способность железных дорог в тылу противника на **40 %** и сорвало его планы по подвозу и сосредоточению войск, накоплению резервов и материальных средств, значительно затруднило маневрирование силами и тем самым способствовало наступлению фронтов наших войск. В декабре 1943 г. была проведена третья операция по разрушению

коммуникаций противника, получившая наименование «Зимний концерт». В связи с расформированием ЦШПД ее проведение было возложено на республиканские и областные ШПД. Одновременно с разрушением железнодорожных путей осуществлялась операция **«Пустыня»** по выводу из строя водоснабжения железнодорожных станций. Это стало хорошим дополнением к операциям «Рельсовая война», «Концерт» и «Зимний концерт».

Другим очень эффективным тактическим приемом были партизанские рейды. В соответствии с планом ЦШПД по выполнению приказа ГКО от 5 сентября 1942 г. началось проведение рейдов партизан по тылам противника. Рейды стали одной из наиболее эффективных форм деятельности партизан. Их основными задачами являлось развитие партизанского движения в новых регионах, удары по важнейшим объектам тыла противника, в основном по его коммуникациям, непосредственная помощь Красной Армии, разведка и внедрение агентуры, разгром мелких гарнизонов противника, уничтожение предателей. Партизанские рейды осуществлялись как большими соединениями, так и малыми группами. Количество их участников зависело от поставленной задачи, географических условий и общей обстановки. Численность больших соединений достигала нескольких тысяч человек, а мелкие группы не превышали 13–15 человек. Продолжительность рейдов в среднем была 2–4 месяца. При подготовке к ним тщательно разрабатывались планы их проведения, подготавливалось материальное обеспечение.

*** * ***

Например, в мае — июне 1942 г. отряд Г. М. Линькова совершил рейд из района Лепеля в пинские болота и оказал большое, влияние на развитие партизанского движения и совершение диверсий в новых районах. Осенью и зимой 1942 г. соединения С. А. Ковпака и А. Н. Сабурова совершили рейды из брянских лесов на Правобережную Украину. Они пустили под откос 19 эшелонов, взорвали 14 железнодорожных мостов и 38 мостов на автострадах. Всего соединение Ковпака за два года прошло по разным маршрутам в тылу врага более 20 тыс. км. Впоследствии такие же рейды совершали и другие украинские и белорусские партизанские соединения. Рейд по степной полосе Украины совершило конное соединение М. И. Наумова. Оно прошло за **65** суток **2396** км. В 1943 г. в сложных погодных условиях длительный рейд провело соединение В. В. Мельникова. Он длился почти год. Примерно тогда же партизанский отряд

подполковника М. И. Шукаева, заброшенный 20 июля в леса севернее Нежина, с пятью группами, общей численностью в 52 человека, прошел через Западную Украину и Польшу в Чехословакию, в район Попрад, и пробыл там до соединения с частями Красной Армии. За время рейда Шукаева его отряд превратился в соединение численностью 2800 человек. Оно прошло с выходами на операции свыше **10 500** км и произвело **832** диверсии и совершило **194** крушения эшелонов.

За период с 17 апреля 1943 г. по 13 января 1944 г. партизанскими формированиями было пущено под откос **7411** эшелонов с живой силой и техникой, разбито **6214** паровозов, **61 222** вагона, платформ и цистерн, уничтожено **153** самолёта, **817** танков и бронемашин, **10 918** орудий и минометов, **434** железнодорожных моста и **3532** моста на грунтовых и шоссейных дорогах, **498** складов и баз, захвачено 6 танков, **65** орудий, **231** миномёт, **1442** пулемёта, **895** автомашин и **16 100** винтовок. С 15 января по 18 августа **1944** г. соединения П. П. Вершигоры осуществили рейды через Польшу, Украину и Белоруссию протяженностью более 4000 км, уничтожили **24** эшелона, **11** паровозов, **227** автомобилей, подорвали **10** железнодорожных мостов, **61** мост на шоссейных дорогах, взорвали **15** заводов и **2** электростанции. Они заняли ряд городов, форсировали реки Неман, Березину, Шуру, Свислочь, Горынь, Стоход, Днепро-Бугский канал и Западный Буг.

* * *

Нападения партизан на районные центры держали немецкую администрацию и ее пособников в постоянном страхе, распыляя силы врага на охрану и затрудняя использование им местных средств. Они сковывали силы противника, облегчая борьбу против карателей, и способствовали усилению боевой деятельности партизан на коммуникациях немецкой армии. Небезынтересно в этой связи отметить, что если в начале войны против СССР нацистский карательный аппарат, который следовал за частями вермахта, насчитывал 100 тысяч человек, то с осени 1941 по 1944 г. он вырос до **25** дивизий вермахта, **327,5** тысячи эсэсовцев, солдат и офицеров СД и полиции, **500** тысяч вспомогательных войск[113].

* * *

Захваченные в ходе войны документы, прежде всего документы по плану «Барбаросса», неопровержимо свидетельствовали, что накануне нападения на Советский Союз немецкое командование заранее подготовило специальные войска, способные, по его расчетам, подавить народное сопротивление в зародыше, что карательные соединения создавались не только в системе полиции безопасности и СД, но и в составе вермахта.

Из статьи М. Лешина **«Преступления вермахта против военнослужащих Красной Армии и советских партизан»**[114]:

«Жестокость вермахта в годы войны Германии против СССР проявлялась не только по отношению к советским военнопленным. Согласно Гаагской конвенции 1907 г. „О законах и обычаях сухопутной войны“, партизанская борьба признавалась правомерной, а партизаны считались комбатантами, если они принадлежали к организованному отряду во главе с командиром, имели внешние отличительные знаки, открыто носили оружие и соблюдали законы и обычаи войны. Партизанское движение в СССР развернулось буквально в первые дни после вероломного нападения Германии. Война на уничтожение, проводимая вермахтом, и режим оккупации, установленный на захваченной советской территории, вызвали мощную волну неприятия и народного гнева, которая вылилась в широкое партизанское движение, стихийное на первом этапе. Начало приданию этому движению организованного характера положила директива правительства и ЦК Коммунистической партии от 29 июня 1941 г., в которой требовалось: „В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде…“. В соответствии с постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) СССР от 30 мая 1942 г. руководство партизанской борьбой возглавил Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) при Ставке Верховного Главнокомандования (ВГК). Всего в годы войны в тылу немецких войск действовало более 6200 партизанских отрядов и подпольных групп, общая численность которых составляла свыше 1 миллиона человек. Они произвели более 20 тысяч крушений железнодорожных эшелонов противника, взорвали около 12 тысяч автомобильных и железнодорожных мостов, уничтожили более 50 тысяч автомашин.

Меньше чем через месяц после начала агрессии против СССР на совещании в ставке верховного главнокомандующего 16 июля 1941 г., на котором присутствовали кроме прочих генерал-фельдмаршал В. Кейтель и рейхс-маршал Г. Геринг, Гитлер обрисовал преимущества, которые давала немецкой стороне развернувшаяся в тылу её войск партизанская война. По мнению фюрера, она предоставляла возможность Германии истреблять всё,

что восстает против неё. В ходе развернувшейся дискуссии Кейтель предложил переложить всю ответственность за возможные инциденты на местное население, поскольку „невозможно ставить охрану для каждого сарая, для каждого вокзала“.

В соответствии с намеченной линией поведения по отношению к партизанам в дополнение к директиве ОКВ № 33 от 23 июля 1941 г., подписанной Кейтелем, Гитлер указал войскам на необходимость борьбы с сопротивлением в покоренных восточных областях „не путём юридического наказания виновных“, а с помощью страха, „который единственно способен отбить у населения всякую охоту к сопротивлению“. Ответственными за спокойствие в своих районах были назначены соответствующие командующие с подчинёнными им войсковыми частями, которые должны были находить средства для поддержания порядка „не в употреблении дополнительных охранных частей, а в применении соответствующих драконовских мер“. 16 сентября 1941 г. в приказе ОКВ Кейтель выразил озабоченность широким распространением повстанческого движения на оккупированных территориях и отметил недостаточность средств, использовавшихся ранее для его подавления. При этом он подчеркнул, „что человеческая жизнь в странах, которых это касается, абсолютно ничего не стоит и устрашающее воздействие возможно лишь путём применения необычайной жестокости“. Ниже он пояснил, о чём идёт речь: „Искуплением за жизнь каждого немецкого солдата… должна служить, как правило, смертная казнь 50–100 коммунистов. Способы этих казней должны ещё увеличивать степень устрашающего воздействия“. Командующим войсками в оккупированных областях поручалось довести этот приказ „до сведения всех военных учреждений и инстанций, связанных с подавлением коммунистических мятежей и восстаний…

Отголоски этого приказа Кейтеля можно найти в многочисленных документах вермахта последующего периода. Например, в приказе командующего 6-й армией генерал-фельдмаршала Вальтера фон Рейхенау от 10 октября 1941 г. „О поведении войск на Востоке“ говорится: „К борьбе с врагом за линией фронта ещё недостаточно серьёзно относятся. Всё ещё продолжают брать в плен коварных, жестоких партизан и выродков-женщин; к одетым в полувоенную или гражданскую форму отдельным стрелкам из засад и бродягам относятся всё ещё как к настоящим солдатам и направляют их в лагеря для военнопленных… Подобное поведение войск объясняется только полным легкомыслием. Пора начальствующему составу пробудить в себе понимание борьбы, которая ведётся в настоящее время… В случае применения оружия в тылу армии со стороны отдельных партизан, применять в отношении их решительные и жестокие меры. Эти

мероприятия распространяются также и на мужское население с целью предотвращения возможных с его стороны покушений“. Этот приказ получил высокую оценку Гитлера и по указанию фон Браухича был отправлен всем частям на восточном фронте в качестве образца для подражания. Так, например, в приказе по 101-му мотопехотному полку 18-й танковой дивизии от 12 декабря 1941 г. указывалось: „По всем мужчинам и женщинам, появляющимся на участке дивизии пешком, на санях или на лыжах, открывать огонь без предупреждения“. Как же выполнялись эти приказы в войсках? В донесении начальника тылового района группы армий „Север“ от 29 сентября 1941 г. подводятся итоги деятельности подчиненных ему дивизий охраны тыла по состоянию на 30 сентября, то есть за три месяца оккупации советской территории. Так, например, в 281-й дивизии охраны тыла было захвачено в плен 129 партизан; убито, расстреляно или повешено — 174. В 285-й дивизии захвачено в плен 140 партизан; убито, расстреляно или повешено — 410. Командующий вермахта в рейхскомиссариате „Остланд“ в приложении к письму рейхскомиссару „Остланд“ от 19 ноября 1941 г. приводит статистику противопартизанской борьбы: захвачено в плен 10 940 человек, из них 10 431, то есть 95 %, расстреляно. При этом изъяты трофеи, я обращаю Ваше внимание: 13 палаток, 11 ручных пулемётов, 21 автоматическая винтовка, 28 винтовок пехотного образца, 8 автоматов, 19 пистолетов и револьверов, 2 ракетницы (то есть всего 87 единиц огнестрельного и 2 единицы сигнального оружия) и некоторое другое снаряжение. Соотношение с количеством уничтоженных людей производит удручающее впечатление.

И всё же, несмотря на все предпринимаемые усилия, добиться успеха в борьбе против партизан вермахту не удавалось. Именно этим можно объяснить появление директивы Гитлера № 46 „Об усилении борьбы с бесчинствами банд на Востоке“ от 18 августа 1942 г., в которой широкий размах повстанческого движения признавался серьёзной угрозой для снабжения фронта и экономического использования оккупированной территории. Для борьбы с ним приказывалось объединить усилия вермахта, СС и полиции. Причём начальник генерального штаба сухопутных войск назначался единоличным ответственным за противопартизанскую борьбу в оперативной зоне. В дополнении к директиве № 46 от 18 октября 1942 г. Гитлер указал, что партизанская война привела к чрезмерно тяжёлым потерям в боевой мощи и только там, где борьба против партизан-нелюдей началась и проводилась с безграничной жестокостью, не преминули появиться успехи. На основании этого он делал вывод, что во всей восточной области борьба против партизан является борьбой за окончательное уничтожение одной из сторон. На основе этих директивных

указаний ОКВ подготовило наставление О борьбе с бандами на Востоке от 11 ноября 1942 г., в котором среди прочего рекомендовалось: Как правило, пленные должны расстреливаться на месте после короткого допроса… Каждый командир подразделения отвечает за то, чтобы пленные бандиты и гражданские лица, захваченные при совершении активных действий (включая женщин), были расстреляны или, что ещё лучше, повешены… Против деревень, в которых банды нашли поддержку какого-либо рода, предлагается применять, как правило, коллективные меры. Эти меры, в зависимости от тяжести вины, могут заключаться в увеличении норм сдачи, изъятии части или всего поголовья скота, отправке работоспособных мужчин для трудового использования в Германию и даже уничтожении всей деревни. Приказ на проведение коллективных мер могут отдавать только офицеры в звании капитан и выше“.

Требуя от вермахта жестокости по отношению к партизанам, Гитлер и военное руководство страны одновременно освобождали его от любой ответственности за содеянное. В директиве ОКВ от 16 декабря 1942 г. Кейтель сообщал, что фюреру стали известны случаи привлечения к ответственности военнослужащих, участвовавших в борьбе с партизанами. В связи с этим Гитлер дал войскам право и обязал их „применять в этой борьбе (также против женщин и детей) любые средства без ограничений, если только они ведут к успеху“. „Милосердие, безразлично какого рода, — заявил верховный главнокомандующий вермахтом, — является преступлением против германского народа и солдат-фронтовиков… Ни один участвующий в борьбе с бандами немец не может из-за своего образа действий в борьбе против банд и их пособников привлекаться к дисциплинарной или военно-судебной ответственности“.

Позволю себе привести ещё один малоизвестный пример. В конце августа 1942 г. советский партизанский отряд численностью около 350 человек совершил нападение на железнодорожную станцию Славное, расположенную на дороге Орша — Борисов. Станция была сожжена, о чём начальник тылового района группы армий „Центр“ доложил по команде 28 августа 1942 г. в утреннем донесении. В 15.45 того же дня оперативный отдел генерального штаба сухопутных войск от имени фюрера приказал командованию группы армий „Центр“ принять репрессивные меры в связи с нападением, не останавливаясь при этом перед жесточайшими мерами устрашения. 30 августа в 14.50 начальник тыла группы армий предлагает командованию группы армий расстрелять около 100 человек, которые, по его мнению, являются участниками партизанских отрядов или членами их семей, проживающими в районе станции. В 19.45 того же дня командование группы армий запрашивает санкцию оперативного отдела генерального

штаба сухопутных войск на расстрел 100 человек, сожжение их домов и оповещение о проведенной акции местного населения. 31 августа в 23.30 оперативный отдел даёт санкцию на указанную операцию, о чём командование группы армий сообщает начальнику тыла 1 сентября в 12.45. Так в течение четырёх дней бюрократической машиной вермахта без суда и следствия была решена судьба 100… ни в чём не повинных людей и их жилищ».

Помимо боевых соединений, расположенных непосредственно на линии фронта, в расположение военного командования были выделены охранные дивизии, части полевой жандармерии и тайной полевой полиции, а также полицейские подразделения из националистически и антисоветски настроенных элементов общества. Численность только полицейских формирований к началу января 1942 г. составляла более 60 тыс. чел., что вдвое превышало состав немецкой полиции порядка, используемой на оккупированной территории. Генерал-полковник Л. Рендулич признавался, что **«ни на одном другом театре военных действий не было такого тесного взаимодействия между партизанами и регулярной армией, как на русском». Он отмечал, что «уже в первые месяцы войны деятельность партизан стала принимать все более широкие размеры… Весной 1942 г. они уже представляли серьезную опасность для тыловых коммуникаций немецкой армии, поэтому для решительной борьбы с ними немецкому командованию приходилось стягивать в уже оккупированные районы большие силы, а для проведения крупных операций, где движение приняло наиболее угрожающие размеры, снимать отдельные части с фронта»**. Начальник военных сообщений немецкой группы армий «Центр» генерал Г. Теске в послевоенных мемуарах отмечал, что **«первая битва, которую проиграл в ней вермахт, была битва против советских партизан зимой 1941–1942 годов. Затем последовали дальнейшие поражения в этой борьбе… В основном они состояли** в **том, что с самого начала инициатива находилась у партизан и оставалась у них до конца войны». Известный нацистский генерал Г. Гудериан впоследствии отмечал в своих мемуарах, что «по мере того, как бои на фронте становились все более упорными, партизанская война стала настоящим бичом, сильно влияя на моральный дух фронтовых солдат».**

25 октября 1941 г. командование сухопутных войск Германии выпустило наставление под названием «Основные положения по борьбе с партизанами», которое было распространено в оккупационных войсковых частях, вплоть до батальонов. В нем впервые была сделана попытка проанализировать истоки и характер партизанского движения, его

организационную структуру, приемы и способы их боевых действий и вооружение партизанских формирований. Гитлеровцы, как видно из приказов их командования, считали партизанами $^{2}/_{3}$ населения оккупированной ими территории СССР. Ещё 19 июля 1941 г. появился приказ Главного командования вермахта (ОКБ) по проведению боевых действий против партизан. Он предписывал поддерживать в частях состояние боевой готовности, создавать специальные конные патрули для охраны коммуникаций, проводить внезапные повторные налеты на населенные пункты, прочесывать местности и т. д.

С первыми частями немецких войск нашу границу перешли два легиона бандеровцев «Роланд» и «Нахтигаль». Они входили в состав дивизии войск СС «Бранденбург». Значительную помощь спецслужбам Германии в борьбе с партизанами оказали эстонские, латвийские, литовские, украинские и белорусские националисты. Много предателей на службе оккупантов было и из числа граждан РСФСР — Российская освободительная армия (РОА), казаки 15-го казачьего корпуса СС, казачьи, калмыцкие и мусульманские легионы. На оккупированной территории стали формироваться разведывательные и карательные органы противника. Из этой среды гитлеровцами рекрутировались кадры для проведения шпионско-диверсионной, террористической и иной подрывной деятельности против СССР.

Начиная с августа 1941 г. немецкое командование приступило к формированию специальных моторизированных и конных отрядов для борьбы с партизанскими формированиями. К осени 1941 г. при многих немецких частях были созданы истребительные команды, отряды и батальоны для борьбы с партизанами. Но развернувшееся партизанское движение вынудило немецкое командование применять в борьбе с партизанами крупные силы, вплоть до дивизий. Уже осенью 1941 г. немецкие генералы признавали, что инициатива в партизанской войне в тылу германских войск принадлежит партизанам. Генерал Роквер в секретном приказе № 1198/41 от 14 сентября 1941 г. указывал, что **«в лице русских партизан мы встречаем очень деятельного, ловкого, подвижного и решительного противника, который отлично умеет использовать местность, проводит свои операции преимущественно по ночам и, действуя в собственной стране, в большинстве случаев, пользуется поддержкой населения»**. Подобное мнение выражал в приказе № 52 от 14 сентября 1941 г. и генерал Шенкендорф. Он отмечал, что **«для успешной борьбы с партизанами… необходимо части дивизий охраны тыла расчленить вплоть до взводов и занять возможно большее число населенных пунктов. При этом проводить внезапные наступления на**

рассвете или незаметный захват населенных пунктов в темноте. Повторные удары проводить спустя 2–3 дня».

В 1941–1942 гг. при продвижении немецких войск вглубь советской территории, штабы фельджандармерии (ГФБ) на оккупированной территории немедленно приступали к организации карательных отрядов. В их задачу входили: вооруженная борьба с партизанским движением; проведение репрессивных мер по отношению к советским патриотам; охрана военных объектов и коммуникаций в тылу действующей германской армии и содействие в проведении мероприятий немецких оккупационных властей на оккупированной территории. Численность карательных отрядов в среднем состояла из 150 человек. Они делились на взводы, а те — на отделения. Они комплектовались в основном из бывших военнослужащих Красной Армии, которые, попав в окружение, возвращались к месту жительства. Начальниками этих карательных отрядов назначались бывшие военнослужащие — изменники Родины, назначенные на эти должности фельджандармерией. Карательные отряды обычно действовали совместно с полицией СД, фельджандармерией, частями немецкой армии и отдельными карательными формированиями. Для уничтожения партизан были созданы и так называемые ягдкоманды (истребительные команды). Их структура давала возможность бороться против партизан весьма ограниченными силами. Они применялись чаще всего для проведения разведки боем. Численность их колебалась от взвода до роты. Главное в их тактике — скрытное продвижение, позволяющее как можно ближе подойти к партизанам, внезапно атаковать их и постараться уничтожить.

Для усиления борьбы с партизанским движением и советской разведкой в оккупированных районах нашей страны наряду с управлениями полиции безопасности и СД в марте 1942 г. был создан специальный орган «Зондерштаб Р» (Особый штаб по России). В его задачи входило выявление дислокации партизанских формирований, их руководящего состава, численности, партийной прослойки и совершение террористических актов в отношении командно-политического состава.

Германские спецслужбы — абвер и гестапо — большое внимание уделяли работе внутри партизанского движения. Начальник тылового района Северного фронта в приказе № 1198/41 от 14 сентября 1941 г. требовал **«создать широкую сеть секретных агентов, хорошо инструктированных и знающих ближайшие пункты явок. Создание этой организации является совместной задачей дивизий охраны тыла и тайной полиции!»**. В партизанские отряды засылалась агентура из числа предателей Родины с задачей разложения их изнутри, проведения террористической и диверсионной деятельности. Часто группы агентов под

видом партизан или разведчиков Красной Армии, снабженных подлинными документами и радиоаппаратурой, забрасывались в партизанские соединения для выявления мест их расположения. Боевые операции против партизан зависели от разведданных, в большинстве случаев добытых агентурным путем. В особых указаниях по борьбе с партизанами, а их в разное время было издано немецким командованием несколько, 11 ноября **1942** г., **10** февраля 1943 г. и **1** апреля 1944 г., говорилось, что **«облавы против партизан без агентуры и проводников всегда будут безрезультатными, поэтому их следует предпринимать только с использованием агентуры»**.

Поэтому одной из важнейших задач ЦШПД считал усиление борьбы с агентурой противника, проникавшей в партизанские формирования. По документам ЦШПД, республиканских и областных ШПД видно, что они придавали особое значение созданию в партизанских соединениях оперативных групп безопасности для борьбы с вражеской агентурой. Они действовали совместно с органами НКВД на правах их особых отделов.

В январе — феврале 1942 г. немцы пытались задушить партизанское движение в зародыше, бросив против них крупные силы. Тяжёлые бои с карателями партизанские отряды и соединения проводили на Украине, в Белоруссии и в западных областях Российской Федерации. Многие партизанские отряды при этом были рассеяны и ушли в города для продолжения борьбы в подполье. Часть отрядов погибла, а некоторые отошли за линию фронта. Уцелели лишь те из них, где во главе были опытные, хорошо подготовленные командиры. В ночь на 26 марта 1942 г. полиция безопасности и части СС и СД нанесли удар по минскому подполью. 28 руководителей подполья были повешены, 251 подпольщик расстрелян. Однако ничего не помогло оккупантам. Уже к весне 1942 г. партизаны стали представлять серьезную опасность для коммуникаций немецкой армии. Поэтому для решительной борьбы с партизанами немецкому командованию приходилось стягивать в уже оккупированные районы страны большие силы. А для крупных операций в областях, где партизанское движение приобрело широкий размах, как в Белоруссии, Брянской области и некоторых других районах, немецкое командование вынуждено было снимать отдельные воинские части с фронта. По оценке немецкого командования, уже в 1942 г. партизанская война в России оттянула на себя более **12** немецких дивизий, **1** горнострелковый корпус и **11** пехотных и кавалерийских бригад.

Гитлеровцы постоянно устраивали карательные экспедиции против партизанских зон и краев, пытаясь разгромить партизанские формирования и уничтожить население, поддерживающее партизан. Из изменников родины

гитлеровцы формировали лжепартизанские отряды, которые занимались всяческой дискредитацией советских партизан. Однако, опираясь на население, партизанская разведка смогла своевременно срывать планы оккупантов и своевременно разоблачать предателей. В 1942 г. отрядом Д. Н. Медведева были разоблачены и уничтожены три лжепартизанских отряда. Один из них, в районе Хотинска, занимался грабежами населения, изнасилованиями женщин, которых потом расстреливали.

По немецким источникам, в 1941 г. против советских партизан действовало **78** специально выделенных батальонов. В 1942 г. их было уже **140**. В первой половине 1943 г. — уже 270, а к концу года их было свыше **500**. В 1942 г. немцы провели ряд крупных карательных экспедиций против партизан, сжигая на своем пути деревни и села и зверски расправляясь с населением. Четыре карательных экспедиции были проведены в Ленинградском партизанском крае, но это не уменьшило масштабов деятельности партизан.

С весны 1943 г. немцы начали широкие военные действия против брянских партизан. Только в мае против них действовала 40-тысячная армия, в том числе 292-я мотопехотная дивизия, 2 полка 492-й пехотной дивизии, 102-я венгерская пехотная дивизия, около 120 танков 18-й танковой дивизии, 3 артдивизиона, 7 специальных батальонов по борьбе с партизанами при поддержке авиации.

Против большой группы белорусских партизан в Минской области действовало до 30 тыс. вражеских солдат при поддержке танков, артиллерии и авиации. Только в одном Минске в период его оккупации партизаны и подпольщики уничтожили свыше 1600 немецких чиновников, в том числе главного палача белорусского народа, гауляйтера Белоруссии В. Кубе, известного белорусского националиста Фабияна Акинчица и многих других. В сентябре 1942 г. белорусские партизаны захватили город Бегомль и ряд населенных пунктов в прилегающих районах. Это лишило противника удобных коммуникаций: Полоцк — Борисов, Витебск — Борисов, Вилейка — Полоцк, Лепель — станция Порфяново и Борисов — Порфяново. Этот партизанский район располагался непосредственно в тылу немецкого укрепрайона Ушачи — Лепель — Беленковичи. Партизаны получили хорошо оборудованный аэродром, через который снабжались их формирования, а также освободили некоторые районы в Витебской, Могилёвской и Вилейской областях. Неоднократные попытки немцев восстановить положение силами окружавших Бегомль гарнизонов не принесли успеха. И немцы стали готовить крупную операцию. В этом районе дислоцировалось **44** партизанских отряда, общей численностью 8158 человек. Немцы сосредоточили против них 62 тыс. солдат и офицеров, 280

миномётов, 218 орудий, 19 танков, 16 бронемашин. Кроме того, к июню 1943 г. из-под Витебска были туда переброшены части двух немецких дивизий и части казаков-изменников. Противник понёс значительные потери, но не добился уничтожения партизан. К 20 июня 1943 г. партизанские бригады «Смерть фашизму», «Железняк», «За Родину» и имени Кирова прорвали кольцо окружения и продолжали действовать по тылам противника и на его коммуникациях. Неоднократные попытки немецкого командования ликвидировать партизанское движение оказались безуспешными.

Предвидя наступление наших войск, немцы обрушили в 1944 г. свои удары против белорусских партизан. В апреле немцам удалось окружить 17-тысячную группировку партизан, которые 25 суток отбивались от 60-тысячной группировки карателей, имевшей 137 танков, 235 орудий. Ее действия поддерживала и авиация. Но партизаны прорвали кольцо окружения и, выйдя в тыл карателей, продолжили борьбу с ненавистным врагом.

*** * ***

В течение всего периода Отечественной войны партизанские формирования своими действиями оказывали неоценимую помощь войскам Красной Армии, открыв в тылу противника действенный второй фронт. В сентябре 1943 г. приказом начальника Украинского ШПД были привлечены партизанские соединения для обеспечения переправ через Днепр, Припять и Десну. Партизанские соединения численностью **16 700** человек, разделенные на две группы, одна численностью **7200** человек действовала на левобережье, другая — численностью **9500** человек — на правобережье. В результате умелого сосредоточения и маневрирования ими были захвачены и удержаны до подхода частей Красной Армии **10** переправ через Днепр и 14 через Десну и Припять.

В 1944 г. частями Красной Армии во взаимодействии с партизанскими соединениями было проведено несколько больших фронтовых операций, названных сталинскими ударами. Они наглядно показали значение согласованных действий армий и партизанских формирований. В январе 1944 г. наступление Красной Армии под Ленинградом и Новгородом сочеталось с ударами по тылам противника **13** партизанских бригад общей численностью более **3500** человек. Им удалось нарушить движение на коммуникациях немцев. К началу этой операции партизаны занимали около **50 %** оккупированной немцами территории Ленинградской, Новгородской и

Псковской областей. В июне 1944 г. Красная Армия начала крупное наступление в Белоруссии. Оно сочеталось с ударами белорусских партизан по коммуникациям противника, которые производили массовые крушения поездов и подрыв рельсов. Численность их соединений достигала **240 тысяч человек**. Совместно с наступающими частями Красной Армии они заняли города Вилейка, Молодечно, Слуцк и многие районные центры республики. В период подготовки этой операции партизанские соединения вели активную разведку. За все время операции ими было произведено **3625** крушений вражеских эшелонов и взято в плен около **45** тысяч вражеских солдат, офицеров и несколько генералов. Действия белорусских партизан имели большое оперативно-стратегическое значение в разгроме немцев в этой операции. В августе 1944 г., во время Львовско-Тернопольской операции Красной Армии, на коммуникациях противника западнее Львова действовало партизанское соединение М. И. Шукаева. Их действия вынудили противника тратить значительные силы на охрану своих коммуникаций. Украинские партизаны с помощью польских партизан парализовали работу транспорта противника северо-западнее Львова в полосе наступления наших войск. В конце августа 1944 г. Красная Армия проводила крупные наступательные действия против Ясско-Кишиневской группировки противника, которые совпали по времени с мощными ударами по врагу в Чехословакии. В эти районы были заброшены организационные партизанские группы для поддержки народного восстания в Словакии. Туда же вышло и партизанское соединение Шукаева. Это отвлекло значительные силы немцев на борьбу с ними. В сентябре — октябре 1944 г. наступление наших войск в Прибалтике сочеталось с действиями партизанских соединений прибалтийских республик.

В 1944 г. наиболее боеспособные партизанские формирования перешли границу СССР и вышли на территорию Польши и Чехословакии для оказания интернациональной помощи народам этих стран в борьбе с нацистской Германией. Советские партизаны приняли участие и в Словацком национальном восстании. В октябре 1944 г. удары Красной Армии между Тисой и Дунаем проводились в тесном взаимодействии с украинскими партизанами и действиями чехословацких партизан в Чехословакии. Все это время партизанские соединения действовали совместно с батальонами подрывников-минеров специальных войск НКВД, а те в свою очередь опирались на партизанские базы. В тот же период партизанские соединения Белоруссии Я. И. Мельника-Бурченко, М. И. Шукаева, А. Ф. Федорова, А. З. Одуха и другие, парализуя движение немцев по железной дороге и уничтожая средства его связи, оказали неоценимую помощь наступательным операциям Красной Армии. В

соединениях и отрядах А. Ф. Федорова, А. Н. Сабурова, К. С. Заслонова, Т. П. Бумажкова, А. З. Одуха, В. М. Ярмчука, Ф. И. Павловского, В. П. Чепиги, М. А. Гурьянова, И. И. Игнатьева и многих других **90 %** боевой деятельности составляли удары по вражеским коммуникациям. Рейдирующие соединения, действуя там, где коммуникации противником охранялись недостаточно, в основном направляли свои удары по мостам, разрушая их, подрывали поезда, вызывая их крушение, и производили другие диверсии на путях сообщений противника. В апреле — мае 1944 г. крымские партизаны — шесть бригад общей численностью более **3500** человек, пережившие трудное время вражеской блокады, активизировали свои действия и по существу заставили немцев открыть в Крыму второй фронт. Эффективно действовало и крымское подполье. В июне 1944 г. операции Красной Армии сочетались с усилением активности карело-финских партизанских отрядов, которые доставляли армии ценные разведданные и действовали на коммуникациях противника.

В связи с освобождением Красной Армией советской территории, по состоянию на 13 января 1944 г., в советский тыл вышли **55** партизанских бригад, **47** отрядов и **15** групп — общей численностью **57 063** человека, большинство из них были направлены в ряды Красной Армии. В это же время на сторону партизан перешло **8887** человек из националистических формирований противника. К началу 1944 г. партизаны Белоруссии удерживали и контролировали территорию свыше **108** тыс. кв. км. Занимаемая ими площадь превышала территорию стран Бенилюкса.

За мужество и отвагу в борьбе с немецкими оккупантами и их сателлитами и огромный вклад в дело победы в Великой Отечественной войне свыше **300** тысяч партизан, подпольщиков и участников движения сопротивления были награждены орденами и медалями, более **200** из них удостоены звания Героя Советского Союза. А двум из них — С. А. Ковпаку и А. Ф. Федорову — это звание присвоено дважды. Имена и подвиги С. А. Ковпака, А. Ф. Федорова, А. Н. Сабурова, К. С. Заслонова, Н. И. Кузнецова, С. В. Руднева, А. Б. Германа, Ф. И. Павловского, Т. Б. Бумажкова, М. А. Гурьянова, В. З. Коржа, М. Ф. Шмырёва, Д. Н. Медведева, И. Г. Старинова, В. П. Шестакова и сотен и тысяч других героев-партизан занимают достойное место в боевой летописи Великой Отечественной войны.

И в заключение хотелось бы еще раз напомнить итоги партизанской борьбы. Ибо это очень важно. А то, что это повтор — ничего страшного. Лучше запомнится! За годы войны партизанами было осуществлено **20 тысяч** подрывов и крушений поездов. Уничтожено **2500** паровозов. Взорвано **12 тысячи** мостов на железных, шоссейных и грунтовых дорогах.

Взорвано **42 тысячи** автомашин, **350 тысяч** вагонов, цистерн и платформ. Выведено из строя примерно **100 тысяч** вагонов. Взорвано, уничтожено в боях и выведено из строя **6 тысяч** танков (между прочим, агрессию против СССР Гитлер начинал с количеством собственно германских танков почти в полтора раза меньшим), самоходных артустановок и бронемашин. Взорвано в воздухе (за счет подкладки мин замедленного действия), сбито в воздухе и взорвано на аэродромах **1100** самолётов, выведено из строя **17 тыс**. км линий связи, уничтожено более **600 тысяч** и взято в плен более **50 тысяч** солдат и офицеров и **десятки** генералов противника. **Это более Шести полнокровных армий!** В результате действий партизан на коммуникациях противника его потери оказались в **Пять раз больше** тех, что ему нанесла англо-американская авиация, сбросившая на Германию **2,5** млн. т бомб!

И вот этот выдающийся вклад партизан в Великую Победу кучка негодяев от Истории смеет называть блефом сталинской пропаганды?! Клеветать по поводу того, что-де партизанское движение было затеяно только ради «рельсовой войны», а остальные направления деятельности партизанских отрядов и засылавшихся в тыл врага специальных групп центр не интересовали, что-де в годы войны отсутствовала взаимосвязь между военной стратегией и партизанским движением?! Я не знаю, какими же надо быть подонками, чтобы нанести такое оскорбление памяти выдающемуся подвигу советских партизан! Да чтоб все негодяи и подонки провалились к чертям собачьим, супостаты окаянные!

А лично я, как, впрочем, и любой нормальный подданный Её Величества России, обязан коленопреклоненно склонить голову и почтить память всех партизан, погибших в борьбе с ненавистным врагом! Ведь в том числе благодаря и их выдающемуся подвигу мы сегодня имеем возможность жить! НИЗКИЙ ВАМ ПОКЛОН, ГЕРОИ ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ!

Миф № 37. Накануне войны Сталин осуществил незаконные депортации населения из западных районов Украины, Белоруссии, прибалтийских республик и Молдавии. В результате, например, чуть ли не половина населения прибалтийских республик была подвергнута геноциду

Миф № 38. В начале войны Сталин жестоко обошёлся с советскими немцами

Миф № 39. Осуществленная в конце войны незаконная депортация крымских татар, чеченцев, ингушей, калмыков и других из мест их постоянного проживания стала актом сталинского геноцида этих народов

Миф № 40. В конце войны и сразу после её окончания центральные власти СССР осуществляли политику геноцида в отношении прибалтийских народов (на примере Эстонии)

Это очень коварно раздутые мифы. Более того. Их специально раздувают еще и комплексно, дабы на уровне противоборствующей идеологии создать нечто вроде единого фронта борьбы против России, дабы укоренить навсегда зоологическую ненависть к России, к русскому народу. Именно поэтому-то их и надо рассматривать в комплексе, несмотря на то, что формально они относятся к разным народам.

А начнём мы свой анализ с приведения очень важного документа Комитета государственной безопасности, который был составлен двадцать лет назад.

Записка написана на бланке КГБ СССР. На первой странице резолюция: «1) Ознакомить чл. ПБ и чл. Комиссии (вкруговую). М. Горбачёв» и подписи А. Яковлева, Л. Зайкова, Н. Слюнькова, В. Медведева, В. Никонова, Н. Рыжкова, Е. Лигачева, Б. Пуго, Г. Смирнова, А. Лукьянова, Г. Разумовского, Э. Шеварднадзе и В. Крючкова.

> «Особая папка
> 23.09.88 № 16 441 — 4. Сов. секретно
>
> В Комиссию Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40-х и начала 50-х годов.
>
> О выселении в 40–50-х годах некоторых категорий граждан из западных районов СССР.
>
> В связи с поступившими в ЦК КПСС предложениями ЦК КП Латвии, Литвы и Эстонии о признании неправомерным административного выселения в 40-х и 50-х годах с территории этих республик некоторых категорий граждан, Комитетом госбезопасности изучены архивные материалы по данному вопросу.
>
> Как видно из имеющихся документов, в указанные годы выселение проводилось не только с территории Прибалтики, но и

из ряда других регионов страны.

5 декабря 1939 года СНК СССР принял постановление о выселении из Западной Украины и Западной Белоруссии офицеров польской армии, полицейских, жандармов, помещиков, фабрикантов, крупных чиновников государственного аппарата бывшей буржуазной Польши и членов их семей. Мероприятия по выселению были осуществлены в феврале 1940 года. В мае и июне 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановления об „очистке“ республик советской Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и Молдавии от „антисоветского, уголовного и социально опасного элемента“. Аресту и выселению подлежали активные члены контрреволюционных партий и участники антисоветских националистических, белогвардейских организаций; крупные чиновники буржуазного государственного аппарата; сотрудники карательных органов; бывшие офицеры польской, литовской, латвийской, эстонской и белой армий, на которых имелись компрометирующие материалы; крупные помещики, фабриканты, торговцы и члены их семей; лица, прибывшие из Германии по репатриации; немцы, подозревавшиеся в связях с иностранными разведками, уголовный элемент, продолжавший заниматься преступной деятельностью.

В послевоенный период, в условиях деятельности организованного и вооруженного националистического подполья, большого числа террористических и диверсионных актов, нелегальной заброски спецслужбами противника своей агентуры, в соответствии с решениями инстанций были арестованы и высланы из западных районов СССР крупные помещики, белогвардейцы, участники профашистских организаций, репатриированные из Англии бывшие военнослужащие армии Андерса, бандпособники и немецкие пособники, кулаки, активные иеговисты и их семьи, а также члены семей оуновцев, главарей и активных участников националистических банд.

Перечисленные выше категории лиц на основании постановлений инстанций арестовывались и направлялись в лагеря на срок от 5 до 8 лет с последующей ссылкой на 20 лет, а члены семей выселялись в отдаленные местности Советского Союза на 20 лет. Имущество конфисковывалось.

Всего из западных областей СССР в предвоенный и послевоенный периоды было выселено 618 084 чел., из них 49 107 арестовано. В том числе по республикам: из Латвии — 57 546 чел.,

7682 арестовано (1941 г. — 15 171, 1949 г. — 42 322, 1951 г. — 53); из Литвы — 108 034 чел., 11 308 арестовано (1941 г. — 15 851, 1948 г. — 39 766, 1949 г. — 29 180, 1950–52 гг. — 22 804); из Эстонии — 30 127 чел., 4116 арестовано (1941 г. — 9156, 1949 г. — 20 702, 1951 г. — 269); с Украины — 250 376 чел., 11 121 арестовано (1940 г. — 121 996, 1941 г. — 41 645, 1947 г. — 77 751, 1951 г. — 8984); из Белоруссии — 105 275 чел., 9401 арестовано (1940 г. — 73 521, 1941 г. — 31 754); из Молдавии — 66 726 чел., 5479 арестовано (1941 г. — 29 839, 1949 г. — 34 270,1951 г. — 2617).

Мероприятия по выселению осуществлялись органами НКГБ и НКВД с участием партийного актива, представителей местных советов депутатов трудящихся. Выселявшимся разрешалось брать с собой деньги, ценности, одежду, продукты питания, мелкий сельскохозяйственный инвентарь общим весом до 1,5 тыс. кг на семью.

Подлежавшие выселению лица направлялись на жительство в районы Казахстана, Башкирской, Бурятской, Якутской и Коми АССР, Красноярского края, Архангельской, Иркутской, Новосибирской, Омской и ряда других областей под административный надзор органов милиции.

На каждого арестованного и направлявшегося в лагерь, а также на каждую выселявшуюся семью заводилось учетное дело. Заключение о выселении утверждалось руководством НКВД соответствующей республики и санкционировалось прокурором. Рассмотрение дел и принятие по ним решений возлагалось на Особое Совещание при НКВД СССР.

Кулаки и их семьи выселялись на основании списков, утвержденных Советами Министров союзных республик.

Кроме того, в период войны по постановлениям ГКО были выселены в отдаленные районы страны: советские немцы — 815 тыс. чел., калмыки — 93 139 чел., крымские татары — 190 тыс. чел., чеченцы — 387 229 чел., ингуши — 91 250 чел., балкарцы — 37 103 чел., карачаевцы — 70 095 чел., турко-месхетинцы — свыше 90 тыс. чел. Таким образом, с 1940 по 1952 г. в целом по стране было выселено около 2 млн. 300 тыс. человек.

После XX съезда КПСС указами Президиума Верховного Совета СССР ограничения со всех выселенных лиц были сняты и они освобождены из-под административного надзора. При этом

снятие ограничений не влекло за собой компенсацию стоимости конфискованного имущества. В связи с отменой ограничений значительная часть выселенных лиц возвратилась на прежние места жительства.

Централизованный учет „спецпоселенцев“ сосредоточен в Главном информационном центре МВД СССР, а учетные дела на них хранятся в архивах органов внутренних дел, осуществлявших административный надзор. Этот вид учета при проверке советских граждан в случаях, когда затрагиваются их права и интересы, не используется.

Как свидетельствует анализ архивных материалов, мероприятия по выселению из западных районов страны являлись чрезвычайной мерой и обусловливались сложившейся внешней и внутриполитической обстановкой, деятельностью агентуры вражеских разведок и значительным количеством лиц, выступавших против Советской власти, вплоть до совершения террористических актов в отношении партийного и советского актива, а в послевоенный период и вооруженными выступлениями националистических бандформирований. В 1941–1950 гг. в республиках Прибалтики бандформированиями совершено **3426** вооружённых нападений. Убито советских активистов — **5155** человек. Органами государственной безопасности ликвидировано 878 вооруженных банд.

Однако в процессе осуществления мероприятий по выселению имели место факты нарушений социалистической законности — необоснованные аресты ряда граждан, огульный подход в оценке их социальной опасности. В течение 60–80-х годов по ходатайствам граждан часть дел на лиц, арестованных и высланных, пересмотрена и они полностью реабилитированы.

С учётом изложенного, Комитет госбезопасности СССР считает, что вопрос об обоснованности административного выселения отдельных граждан целесообразно рассматривать индивидуально при наличии ходатайств, как это и делается в настоящее время в республиках Прибалтики.

Что касается предложения ЦК компартий Латвии, Литвы и Эстонии о признании неправомерными решений союзных инстанций о выселениях в 40–50-х годах, то одновременная реабилитация всех категорий высланных была бы неоправданной, поскольку значительное число лиц, подвергшихся выселению, активно боролось против Советской власти.

Вместе с этим полная реабилитация всех лиц, выселявшихся в административном порядке, потребует денежной компенсации за конфискованное имущество в размере нескольких миллиардов рублей. Учёта конфискованного имущества не имеется.

Председатель Комитета В. Чебриков»[115].

* * *

Зная общую итоговую картину, теперь легче перейти к анализу самих мифов. Начнём с мифа о том, что **«в начале войны Сталин жестоко обошелся с советскими немцами»**.

Существует он давно. Однако в наиболее «демократическом виде» его сформулировал один из главнейших предателей Советского Союза, ныне уже покойный Геббельс ЦК КПСС — А. Н. Яковлев. В книге «По мощам и елей» он написал: «Народ был обвинен только в том, что он принадлежал к нации, государство которой — фашистская Германия — вела войну против СССР». Такая позиция не только неверна в корне — она просто ложна до последней закорючки. Но Геббельс ЦК КПСС на то и Геббельс ЦК КПСС, чтобы лгать. Заявлять, что советские немцы принадлежали к нации, «государство которой — фашистская Германия…» и именно потому их выселили — уже несусветная ложь. Потому как государством германской нации является Германия. Термин же «фашистская» относится к режиму, воцарившемуся в Германии. К тому же называть гитлеровский режим «фашистским» — неверно. Фашистский режим был в Италии, а в Германии — режим был нацистский. Не говоря уже о том, что до Великого 9 мая 1945 г. Советский Союз воевал, если уж быть юридически принципиально точным, с так называемой «демократической» Веймарской Германией — ее-то никто не отменял, даже Гитлер, приведенный к власти на основе Веймарской Конституции. Впрочем, выкинутый на помойку Истории Геббельс ЦК КПСС уже в могиле, так что что-либо объяснять ему бесполезно.

А вот нам, чтобы не попадаться на «туфту» разных негодяев от зоологического антисталинизма, необходимо знать следующее. К началу войны в СССР проживало примерно **1,5 млн.** немцев (если точно — **1 427 222** человека), в том числе в Российской Федерации — **700 231** человек. Исходя из данных советских органов государственной безопасности, советскому правительству было хорошо известно, что еще сразу же после окончания военных действий против Франции в 1940 г.,

германская разведка, особенно абвер, резко активизировала свою деятельность против СССР. Абвер особенно стремился координировать деятельность немецких поселенцев и колонистов, рассматривая их и как отличную вербовочную базу, особенно в приграничных районах, и как «пятую колонну», способную на серьезные подрывные действия. Ввиду многочисленности немецкого населения это была огромная сила, которая, при соответствующем руководстве со стороны нацистских спецслужб, могла натворить много бед. Тем более что органы госбезопасности СССР непрерывно фиксировали попытки вербовок лиц немецкой национальности германскими разведслужбами. Не говоря уже о попытках их внедрения на стратегические объекты, что было очень характерно на вновь вошедших в состав СССР территорий Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и Прибалтики. Причем основным способом воздействия на немцев в СССР был метод разжигания националистических чувств на базе «принципа принадлежности к немецкой крови». Националистический же сепаратизм вне зависимости от своей этнической окраски чрезвычайно опасен для любого государства, И любое государство борется с ним самыми крутыми мерами. Тем более в условиях войны. В СССР же действительно создалась ситуация, когда под воздействием разжигавшей националистические чувства нацистской пропаганды немцы могли поддаться гитлеровским посулам и стать пособниками агрессора. С другой стороны, не менее опасным, в условиях начавшейся войны именно с Германией, было бы и проявление крайней враждебности со стороны советских людей к ним как к немцам, что, к слову сказать, нацистская агентура откровенно пыталась спровоцировать, дабы поднять широкие слои советских немцев на борьбу с советской властью изнутри государства. Полтора миллиона человек — это не шутка и, не приведи, конечно, Господь Бог, всё это могло привести к крайне негативным последствиям, к ослаблению устойчивости тыла, так как громадное, практически абсолютное большинство немцев проживало в Поволжье, Саратовской и Сталинградских областях.

В то же время необходимо указать, что в принципе-то советские власти еще до войны начали операцию по очищению всех западных (формально новоприобретённых, однако на самом деле — возвращенных законному владельцу) районов страны, а также стратегически важных пунктов и прилегающих к ним областей от немцев. В этот список попали Поволжье, Мурманск, Ленинград, Москва, Ростов, Краснодар, Тула, Запорожье, Сталинград, Ворошиловград, Воронеж и одноименные области[116].

В условиях же начавшейся войны с Германией первое решение о выселении немцев Поволжья и иных городов и областей было принято 12

августа 1941 г. Их предполагалось выселить в районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахской и Киргизской ССР, а также в другие регионы. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. уже 29 августа 1941 г. НКВД СССР приступил к реализации приказа **«О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей»**[117]. Выселение немцев из Ленинграда было инициировано секретным донесением от 29.08.1941 г. по ВЧ В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, А. Н. Косыгина и А. А. Жданова на имя И. В. Сталина. Выселение из остальных указанных городов и областей осуществлялось на основании постановлений ГКО СССР: № ГКО — бЗсс от 06.09.1941 г. (соответствующий приказ НКВД СССР № 001 237 от 08.09. 1941 г.), № ГКО — 698сс от 21.09.1941 г., № ГКО — 702сс от 22.09.1941 г., № ГКО — 744сс от 08.10.1941 г.[118]

Считается, что переселение немцев было осуществлено в жесткой форме. Может, оно так и было, но о какой иной форме могла бы идти речь, если война шла именно с Германией, тем более на фоне катастрофы 22 июня 1941 г.?! Нацистское руководство Германии не только возлагало серьезные надежды, но еще с довоенных времен прилагало колоссальные усилия для создания из советских немцев «пятой колонны» в тылу СССР. И угроза участия советских немцев в войне на стороне Германии действительно была нешуточная. Именно поэтому обратите особое внимание на название приказа НКВД — речь шла о **переселении! Точно такое же название (и смысл) был и у постановлений ГКО**. Только благодаря переселению удалось избежать широкомасштабных негативных последствий. Более того. Именно благодаря переселению советские немцы и остались-то живы. В противном случае с ними поступили бы очень круто, как на войне с врагом.

И вот в этой связи хотелось бы привести один малоизвестный факт. Несмотря на все сложности военного времени, переселение не сопровождалось какими-либо притеснениями в области культурной автономии немцев. Спустя многие десятилетия это дало сногсшибательный эффект. Когда в последней четверти прошлого века стала возможной эмиграция советских немцев на историческую родину их предков, то есть в Германию, прежде всего Западную, то ее население, но более всего специалисты-филологи были в шоке. И было от чего. Впервые в своей жизни они услышали давно исчезнувшие из оборота современного немецкого языка его диалекты, на которых немцы разных княжеств, курфюрств и земель говорили еще в XVI–XVIII веках! Российские немцы вживую сохранили эти диалекты!

Более того. Вживую сохранили обычаи и традиции своих далёких предков!

А в завершение темы о немцах небезынтересно было бы заметить, что аналогичные меры по переселению немцев предпринимались еще в царской России. Знаменитая английская газета Times ещё в 1887 г. по этому поводу писала: «Не надо забывать, что большинство выселенных колонистов состоит в резерве германской армии и что в случае войны они могли бы неожиданно образовать враждебные банды, уже знакомые с топографией края, с его средствами и спокойно занимающие самые важные стратегические пункты». Так вот и спрашивается, **почему при всей русофобии англичан это было им понятно ещё в конце XIX века, а некоторым нашим «историкам» от конъюнктуры, а также «демократам» того же порядка непонятно до сих пор?!**

Впрочем, им до сих пор «непонятно» и то, почему советские власти вынуждены обратить пристальное внимание на преступное поведение в годы войны крымских татар, чеченцев, ингушей, калмыков и представителей других народов. Именно поэтому они старательно раздувают коварный миф о том, что-де **«осуществлённая в конце войны незаконная депортация крымских татар, чеченцев, ингушей, калмыков и других из мест их постоянного проживания стала актом сталинского геноцида этих народов»**. К слову сказать, это один из излюбленных методов нагнетания антисталинской истерии. Его очень часто используют не только для заведомо клеветнических нападок на Сталина, но и для разжигания злобного националистического сепаратизма некоторых малых народов. Однако же, а что было в действительности?

А в действительности-то основой для столь сурового решения о выселении и переселении некоторых малых народов СССР в конце войны послужило **массовое дезертирство их представителей из Красной Армии, их массовое сотрудничество с врагом, их массовый переход на сторону врага, их массовая служба в рядах вооруженных сил врага, осуществление ими многочисленных актов вооруженного насилия (включая и диверсионные действия) в тылу собственной страны, в том числе против тылов воюющей Красной Армии, раненых красноармейцев, вплоть до их массового вырезания. И повинны в этом были, причем в массовом порядке, крымские татары, крымские армяне, крымские греки, а также чеченцы, ингуши, калмыки.**

В то время как немногочисленные сыны этих народов мужественно сражались с ненавистным врагом, едва ли не абсолютная часть этих народов, к глубокому сожалению, пошла по пути оголтелого и массового предательства. А предательство испокон веку жестоко карается во всех

государствах мира вне зависимости от существующих в них режимов. И всегда эта жестокая кара является высшей мерой справедливости. Попробуйте найти в истории и современности хоть одно государство, которое сквозь пальцы смотрело бы на предательство, тем более в массовом порядке. Может даже не искать, ибо не найдете. Тем не менее «демократический плач Ярославны» по этому поводу у нас не прекращается. Как будто те, кто стращает современников «ужасами» сталинской депортации, не знают и не понимают, что речь идет о предателях. А то, что это было массовое предательство, — свидетельствуют факты.

Например, в Крыму, по данным 1939 года, проживали:

— русские — 558 481 человек, или 49,6 % от всей численности населения Крыма;

— украинцы — 154 120 чел. (13,7 %);

— крымские татары — 218 179 чел. (19,4 %);

— немцы — 51 299 чел. (4,6 %);

— евреи — 65 452 чел. (5,8 %);

— болгары — 15 353 (1,4 %);

— греки — 20 652 (1,8 %);

— армяне — 12 873 (1,1 %);

— прочие — 29 276 (2,6 %). Всего 1 126 385 человек.

Из крымского населения в Красную Армию в начале войны было призвано **90** тысяч человек, в том числе **20** тысяч крымских татар, которые при отступлении 51-й армии из Крыма в 1941 г. поголовно дезертировали. К примеру, только в одной деревне Коуш из **132** призванных в РККА дезертировали **120** человек. Так что дезертирство крымских татар было действительно поголовным. Ну а от дезертирства до прислужничества гитлеровским оккупантам — менее чем полшага. Впоследствии историки установили, что в дислоцировавшихся в Крыму подразделениях вермахта состояло, по приблизительным данным, более **20** тысяч крымских татар. То есть и предательство в форме перехода на сторону врага у крымских татар было также поголовным.

Конечно, были и исключения, но всего лишь те, которые подтверждали основное правило. На **1 июня 1943 г.** в партизанских отрядах Крыма было **262** человека, однако из всего лишь **6** человек были татарами, а **212** — русскими. По состоянию на **15 января 1944 г.** в Крыму насчитывалось, по данным крымских архивов, **3733** партизана, но татар среди них было всего **598** человек, а русских — **2292** человека. В апреле того же 1944 г. количество татар в партизанах даже уменьшилось — их было всего **391** человек, в то время как число русских увеличилось до **2502** человек. **При**

самом элементарном подсчете выходит, что в 1943 г. в немецкой армии крымских татар служило в 333 раз больше, чем их было в партизанах, в апреле 1944 г., когда крымские татары стали, наконец, задумываться над будущим, все равно в 51 раз с лишним больше! Это ли не поголовное предательство?!

Стоит ли после этого удивляться обращению Президиума Мусульманского комитета от 10 апреля 1942 г., которое было опубликовано в газете **«Азат Крым»** (**«Свободный Крым»**, с 1942 по 1944 г. издавалась в оккупированном немцами Крыму):

> «Освободителю угнетенных народов, сыну германского народа Адольфу Гитлеру. Мы, мусульмане, с приходом в Крым доблестных сынов Великой Германии с Вашего благословения и в память долголетней дружбы стали плечом к плечу с германским народом, взяли в руки оружие и начали до последней капли крови сражаться за выдвинутые Вами общечеловеческие идеи — уничтожение красной жидовско-большевистской чумы до Конца и без остатка. Наши предки пришли с Востока, и мы ждали освобождения оттуда, сегодня же мы являемся свидетелями того, что освобождение нам идет с Запада. Может быть, первый и единственный раз в истории случилось так, что солнце свободы взошло с запада. Это солнце — Вы, наш великий друг и вождь, со своим могучим германским народом».

Ну что касается «великого друга и вождя» крымских татар Адольфа Гитлера и его «могучего германского народа», Советская Армия полностью разобралась к 9 мая 1945 г. Но вот стоит ли после такого обращения крымских татар к Гитлеру поражаться той суровости, с которой советская власть наказала их. Они более чем заслужили свое жесткое наказание. Все честно и справедливо. Практически весь крымско-татарский народ встал на сторону врага[119]. За то и получили столь жесткое наказание. Ни одно государство мира не терпит предательства, тем более в столь массовых формах. Суровая кара всенепременно настигнет изменников и предателей. Так что жаловаться и тем более выставлять себя несчастными жертвами сталинского режима им не следовало. Особенно если учесть, что их всего лишь выселили, а не расстреливали и не резали поголовно, как они поступали с красноармейцами, особенно ранеными.

* * *

Небольшой комментарий. Явно небезынтересно заметить, что болтология насчёт ныне особо пресловутых **«общечеловеческих ценностей»** в западной упаковке началась ещё тогда — в виде **«общечеловеческих идей»**. Президиум Мусульманского комитета уже тогда, в апреле 1942 г. с головой выдал то, что происходит на наших глазах, когда всему миру пытаются навязать эти пресловутые **«общечеловеческие ценности»**. Более того. Выходит, что послевоенный «демократический» Запад попросту спёр у нацистов даже сам тезис об **«общечеловеческих ценностях»**! Вот уж преемники так преемники, не приведи Господь!

*** * ***

После освобождения Крыма от гитлеровцев у арестованных агентов германских спецслужб, изменников и прочих пособников из числа крымских татар — их общее число **5381** человек — было изъято: **5995** винтовок, **337** пулемётов, **250** автоматов, **31** миномёт, огромное количество гранат и патронов. А в ходе самого выселения крымских татар дополнительно было изъято: минометов — **49,** пулемётов — **716,** автоматов — **724,** винтовок — **9888** и боеприпасов к стрелковому оружию в количестве **5** млн. шт. Суммарного количества изъятого оружия хватило бы на комплектацию по штатам военного времени как минимум двух дивизий.

Мог ли Сталин в условиях военного времени оставлять в тылу такую массу вооруженных бандитов, опиравшихся к тому же на массовую поддержку местного крымско-татарского населения?! Особенно если учесть, что при отступлении гитлеровское командование везде стремилось оставить многочисленные вооруженные банды для борьбы с Советским Союзом в тылу. Естественно, что нет. Такого не сделает ни один здравомыслящий государственный руководитель. Так что нечего лаять на Сталина, тем более что он еще весьма мягко обошелся с крымскими татарами — всего лишь выселил.

Не без серьезных оснований «под раздачу» попали и представители других национальностей, населявших Крым. Вот, например, о чем докладывал НКВД СССР председателю ГКО И. В. Сталину в мае 1944 г.: «В период немецкой оккупации значительная часть болгарского населения активно участвовала в мероприятиях по заготовке хлеба и продуктов питания для германской армии, содействовала германским военным властям в выявлении и задержании военнослужащих Красной Армии и советских партизан, получала „охранные свидетельства“ от германского командования. Немцами организовывались полицейские отряды из болгар, а также

проводилась среди болгарского населения вербовка для посылки на работу в Германию». Вот и попробуйте понять этих «дорогих славянских братушек»! Но точно так же вели себя и православные греки в Крыму.

Преступно и подло вели себя в Крыму и местные армяне. Созданный при содействии оккупантов Армянский комитет активно сотрудничал с врагом, проводил большую антисоветскую работу. А в Симферополе была создана даже немецкая разведывательная организация «Дромедар», которую возглавил бывший дашнакский генерал Дро Канаян. Организация руководила разведывательной работой против Красной Армии. В этих целях были созданы несколько подпольных комитетов для ведения шпионско-подрывной деятельности в тылу Красной Армии, а также для вербовки в добровольческий армянский легион, который создали гитлеровцы. При содействии прибывших из Берлина армянских эмигрантов комитет проводил работу по пропаганде «независимой Армении», а местное армянское население оказывало немцам помощь «путем сбора средств» на военные нужды гитлеровской Германии. И что, после всего этого с ними надо было цацкаться?! Естественно, что нет. И эти тоже жестко получили по «заслугам».

Ничуть не лучше были и чеченцы с ингушами. Опираясь на почёрпнутые из книги О. С. Смыслова **«Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера»** (М., 2006) сведения, следует в первую очередь указать на следующее.

9 ноября 1943 г. руководитель специальной бригады работников госбезопасности, заместитель наркома комиссар госбезопасности 2-го ранга Б. З. Кобулов представил Лаврентию Павловичу Берия докладную записку «О положении в районах Чечено-Ингушской АССР» по итогам обследования и анализа оперативной обстановки в автономной республике. В записке говорилось: «Населённых пунктов в республике насчитывается **2288**. Население за время войны сократилось на **25 886** человек и насчитывает **705 814** человек. Чеченцы и ингуши в целом по республике составляют около **450 000** человек. В республике **38** сект, насчитывающих свыше **20** тысяч человек. Они ведут активную антисоветскую работу, укрывают бандитов, немецких парашютистов. При приближении линии фронта в августе-сентябре 1942 г. бросили работу и бежали **80** человек членов ВКП (б), в том числе **16** руководителей райкомов ВКП (б), **8** руководящих работников райисполкомов и **14** председателей колхозов.

Антисоветские авторитеты, связавшись с немецкими парашютистами, по указаниям немецкой разведки организовали в 1942 г. вооруженное выступление в Шатоевском, Чеберлоевском, Итумкалинском, Веденском и Галангожском районах.

Отношение чеченцев и ингушей к советской власти наглядно выразилось в дезертирстве и уклонении от призыва в ряды Красной Армии. При первой мобилизации в августе 1941 г. из **8000** человек, подлежащих призыву, дезертировало **719** человек. В октябре 1941 г. из **4733** человек **362** уклонились от призыва. В январе 1942 г. при комплектовании национальной дивизии удалось призвать лишь **50** процентов личного состава (стрелковая дивизия военного времени **14 833** человека, следовательно, удалось набрать только **7416** человек. — *А.М.*). В марте 1942 г. из **14 576** человек дезертировало и уклонилось от службы **13 560** человек, которые перешли на нелегальное положение, ушли в горы и присоединились к бандам. В 1943 г. из 3000 добровольцев число дезертиров составило **1870** человек.

Группа чеченцев под руководством Алаутдина Хамчиева и Абдурахмана Бельтоева укрыла парашютный десант офицера германской разведслужбы Ланге и переправила его через линию фронта. Преступники были награждены рыцарскими орденами и переброшены в ЧИАССР для организации вооруженного выступления.

По данным НКВД и НКГБ ЧИАССР, на оперативном учете было **8535** человек, в том числе **27** немецких парашютистов, **457** человек, подозреваемых в связях с немецкой разведкой, **1410** членов фашистских организаций, **619** мулл и активных сектантов, **2126** дезертиров. За сентябрь-октябрь 1943 г. ликвидировано и легализовано **243** человека. На 1 ноября в республике оперируют **35** бандгрупп с общей численностью **245** человек и **43** бандита-одиночки.

Свыше **4000** человек — участников вооружённых выступлений 1941–1942 гг. прекратили активную деятельность, но оружие — пистолеты, пулеметы, автоматические винтовки — не сдают, укрывая его для нового вооруженного выступления, которое будет приурочено ко второму наступлению немцев на Кавказ».

Как видите, далеко не безобидными были чеченцы и ингуши в период войны. В этой справке не приведены сведения о том, как они расстреливали и резали красноармейцев, сколько советских людей погибло от рук чеченских бандитов, вставших на сторону врага. Эти данные были сообщены отдельно. Массовое дезертирство и уклонение от призыва в Красную Армию, вооруженные выступления, нападения на опергруппы и отряды НКВД, на тылы воинских частей, убийства, грабежи, а также откровенное пособничество немецким диверсантам — вот чем «прославились» Чечня и Ингушетия в годы войны.

И вот что удивительно. Захваченный НКВД полковник германской разведки Губе Осман на допросе показал: **«Среди чеченцев и ингушей я без труда находил нужных людей, готовых предать, перейти на сторону**

немцев и служить им. Меня удивляло: чем недовольны эти люди? Чеченцы и ингуши при Советской власти жили достаточно зажиточно, в достатке, гораздо лучше, чем в дореволюционное время, в чем я лично убедился после 4-х месяцев с лишним нахождения на территории Чечено-Ингушетии. Чеченцы и ингуши, повторяю, ни в чем не нуждаются, что бросалось в глаза мне, вспоминавшему тяжелые условия и постоянные лишения, в которых обретала в Турции и Германии горская эмиграция. Я не находил иного объяснения, кроме того, что этими людьми из чеченцев и ингушей, настроениями, изменническими в отношении своей Родины, руководили шкурнические соображения, желание при немцах сохранить хотя бы остатки своего благополучия, оказать услугу, в возмещение которой оккупанты им оставили бы часть имеющегося скота и продуктов, землю и жилища». Мало того. Чеченцы еще и умудрились подарить Адольфу Гитлеру белого коня в знак особой признательности. Ничуть не лучше были калмыки, откровенно сотрудничавшие с германскими оккупантами и оказывавшие им массовое содействие.

Мог ли Сталин терпеть в тылу Красной Армии такое предательство и такой бандитизм, когда многие советские люди погибали на фронте, а другие, надрываясь в глубоком тылу, изо всех сил ковали оружие Победы?! Естественно, что не мог. Непозволительная это роскошь. Потому и не следует удивляться тому, что с ними так сурово обошлись — выселили. Но, подчеркиваю это особо, **выселили**, а не уничтожили!

В последние годы некоторые наглецы стали утверждать, что чуть ли не 50 % чеченцев и ингушей погибли во время депортации, что-де это был форменный геноцид. Однако же никакого геноцида этих народов не было и в помине. Это сплошная ложь. Вот конкретные данные. Согласно вполне достоверным сведениям, чеченцев и ингушей в 1937 г. (в материалах переписи они исчислены как единый вайнахский народ) насчитывалось 436 тысяч человек. В 1944 г. их было 459 486 человек, а в 1959 — 525 тысяч человек, в том числе 419 тысяч чеченцев и 106 тысяч ингушей. То есть на 20,4 % больше, чем в 1937 г. и на 14,2 % больше, чем в 1944 г. Ну и где тут геноцид хотя бы 50 %?! Если, например, сравнить с Белоруссией, где от рук гитлеровских варваров погибло 22 % населения (2 миллиона из 9 миллионов человек), то довоенная численность населения в этой славной республике была достигнута только через четверть века, в 1970 г.

Якобы геноцид 50 % депортированного населения Чечено-Ингушетии тем более гнусная ложь, если учесть, что численность населения СССР в целом выросла с 1937 г. по 1959 г. всего на 13 %, а не

на 20,4 %, как у чеченцев и ингушей. К тому же рост численности их населения практически такой же, как и у не выселявшихся народов Северного Кавказа — аварцев, осетин, кабардинцев, кумыков и т. д. У последних рост численности населения за указанный период времени в среднем составил 25 %, а у чеченцев и ингушей, повторяю, 20,4 %. Где тут геноцид?!

И в завершение это темы позвольте предложить вашему вниманию интервью от 9 ноября 2007 г. известного российского историка и талантливого публициста Игоря Пыхалова, которое он дал одному из информационных агентств (цит. по интернету):

К. — Как нам известно, Вы много работали над чеченской тематикой. Что же происходило на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны?

П. — Начиная войну с нашей страной, немцы, среди прочего, рассчитывали разыграть «националистическую карту». Частично им это удалось. Ряд народностей СССР, в частности чеченцы и ингуши, фактически встали на путь массового предательства. Первое обвинение, которое следует предъявить чеченцам и ингушам, — это массовое дезертирство. За первые три года войны из рядов РККА дезертировало **49 362** чеченца и ингуша, ещё **13 389** уклонились от призыва, что в сумме составляет **62 751** человек. Для сравнения: находясь в рядах РККА, погибло и пропало без вести **2,3** тысячи чеченцев и ингушей. По данным на март 1949 г. среди спецпоселенцев насчитывалось **4248** чеченцев и **946** ингушей, ранее служивших в Красной Армии. Вопреки уверениям нынешних публицистов, некоторое количество чеченцев и ингушей за боевые заслуги было освобождено от отправки на поселение. В результате получаем, что в рядах РККА служило не более **10** тысяч чеченцев и ингушей, в то время как свыше **60** тысяч их сородичей уклонились от мобилизации или же дезертировали.

К. — Сейчас много говорят о чеченцах — защитниках Брестской крепости. У Вас есть данные, сколько их там было?

П. — Разумеется, ни о каком «чеченском батальоне», якобы оборонявшем Брестскую крепость, речь идти не может. На сегодняшний день имеется список из 17 установленных фамилий защитников крепости чеченской или ингушской национальности. Что ж, можно отдать им должное. В отличие от десятков тысяч их соплеменников, которые предпочли дезертировать или уклониться от призыва в Красную Армию, эти люди проявили себя достойно. Однако на фоне нескольких тысяч защитников Брестской крепости их вклад достаточно скромен.

К. — Насколько серьёзными были боевые столкновения на Северном Кавказе? Как активно действовали против наших войск тамошние

бандформирования?

П. — Сегодня деятельность тогдашних чеченских «борцов с Советами» нередко героизируется. Пишут о том, что для их подавления якобы были брошены целые дивизии вместе с авиацией, бомбившей контролируемые повстанцами «освобожденные районы». Действительность гораздо скромней и неприглядней. По сути тогдашние чеченские «борцы за свободу» были обычными бандитами. Убить, ограбить, а при появлении войск Красной Армии или НКВД немедленно скрыться — вот их обычная тактика. Что касается масштабов их деятельности. С июля 1941-го по 1944 год только на той территории Чечено-Ингушской АССР, которая впоследствии была преобразована в Грозненскую область, органами госбезопасности было уничтожено **197** банд. При этом общие безвозвратные потери бандитов составили **4532** человека: **657** убито, **2762** захвачено, **1113** явились с повинной. Таким образом, в рядах бандформирований, воевавших против Красной Армии, погибло и попало в плен почти вдвое больше чеченцев и ингушей, чем на фронте. А поскольку без пособничества местного населения в здешних условиях бандитизм невозможен, многих «мирных чеченцев» можно также с чистой совестью отнести к предателям. Кроме того, на территории Чечено-Ингушетии произошло три крупных восстания: в конце октября 1941 года — в Галанчожском, Шатоевском и Итум-Калинском районах, в августе 1942 года — в Итум-Калинском и Шатоевском районах и в октябре 1942 года в Веденском и Чеберлоевском районах.

К. — А у Вас есть данные о непосредственных контактах чеченцев с немецкой стороной: засылка советников, переброска оружия и т. п.?

П. — После приближения линии фронта к Чечено-Ингушетии немцы начали забрасывать на территорию республики возглавляемые кадровыми разведчиками диверсионные группы. Забрасываемые агенты должны были создать и максимально усилить бандитско-повстанческие формирования и этим отвлечь на себя части действующей Красной Армии, провести ряд диверсий, перекрыть наиболее важные для Красной Армии дороги, совершать террористические акты и т. п. Наибольшего успеха добился немецкий унтер-офицер Реккерт, заброшенный в Чечню во главе диверсионной группы в августе 1942 года. Установив связь с бандой Расула Сахабова, он при содействии религиозных авторитетов завербовал до 400 человек и, снабдив их немецким оружием, сброшенным с самолетов, сумел в октябре того же года организовать восстание в ряде аулов Веденского и Чеберлоевского районов. Однако благодаря принятым оперативно-войсковым мерам это вооруженное выступление было ликвидировано, Реккерт убит, а примкнувший к нему командир другой диверсионной

группы, Дзугаев, арестован. Наиболее многочисленная разведывательно-диверсионная группа в количестве 30 парашютистов была заброшена 25 августа 1942 года на территорию Атагинского района, близ села Чешки. Возглавлявший её обер-лейтенант Ланге намеревался поднять массовое вооруженное восстание в горных районах Чечни. Для этого он установил связь с одним из главарей чеченских бандитов Хасаном Исраиловым, а также с предателем Эльмурзаевым, который, будучи начальником Старо-Юртовского райотдела НКВД, в августе 1942 года перешел на нелегальное положение вместе с районным уполномоченным заготовительной конторы Гайтиевым и четырьмя милиционерами, забрав 8 винтовок и несколько миллионов рублей денег. Однако в этом начинании Ланге постигла неудача. Не выполнив намеченного и преследуемый чекистско-войсковыми подразделениями, обер-лейтенант с остатками своей группы сумел с помощью проводников-чеченцев во главе с Хамчиевым и Бельтоевым перейти через линию фронта обратно к немцам. Одновременно с отрядом Ланге 25 августа 1942 года на территорию Галанчожского района была заброшена и группа Османа Губе. Ее командир Осман Сайднуров (псевдоним Губе он взял, находясь в эмиграции), аварец по национальности, белоэмигрант. После начала Великой Отечественной войны он прошел курс обучения в немецкой разведывательной школе и был передан в распоряжение военно-морской разведки. На Османа Губе немцы возлагали особые надежды, планируя сделать его своим наместником на Северном Кавказе. Для поднятия авторитета в глазах местного населения ему даже разрешили выдавать себя за немецкого полковника. Однако планам этим не суждено было сбыться — в начале января 1943 года несостоявшийся кавказский гауляйтер и его группа были арестованы органами НКВД. Кроме засылки диверсантов, немцы широко практиковали и заброску на парашютах оружия для чеченских бандитов. Более того, чтобы произвести впечатление на местное население, они однажды даже сбросили мелкую разменную серебряную монету.

К. — Как относились местные жители к забрасываемым диверсантам?

П. — Местное население встречало «гостей» чрезвычайно благожелательно. Во время допроса тот же Осман Губе сделал красноречивое признание: «Среди чеченцев и ингушей я без труда находил нужных людей, готовых предать, перейти на сторону немцев и служить им. Меня удивляло: чем недовольны эти люди? Чеченцы и ингуши при Советской власти жили зажиточно, в достатке, гораздо лучше, чем в дореволюционное время, в чем я лично убедился после 4-х месяцев с лишним нахождения на территории Чечено-Ингушетии. Чеченцы и ингуши, повторяю, ни в чем не нуждаются, что бросалось в глаза мне,

вспоминавшему тяжелые условия и постоянные лишения, в которых обретала в Турции и Германии горская эмиграция. Я не находил иного объяснения, кроме того, что этими людьми из чеченцев и ингушей, настроениями изменческими в отношении своей Родины, руководили шкурнические соображения, желание при немцах сохранить хотя бы остатки своего благополучия, оказать услугу в возмещение которых оккупанты им оставили бы хоть часть имеющегося скота и продуктов, землю и жилища».

К. — Возникает резонный вопрос: а куда же все это время смотрели местные органы внутренних дел?

П. — Возглавлявший НКВД Чечено-Ингушетии капитан госбезопасности Султан Албогачиев, ингуш по национальности, отнюдь не горел желанием выполнять свои прямые обязанности по искоренению бандитизма. Об этом свидетельствуют протоколы заседаний бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП(б). 15 июля 1941 года: «Нарком тов. Албогачиев не укрепил организационно наркомат, не сплотил работников и не организовал активной борьбы с бандитизмом и дезертирством». Начало августа 1941 года: «Албогачиев, возглавляя НКВД, всеми путями отмежевывается от участия в борьбе с террористами». 9 ноября 1941 года: «Наркомат внутренних дел (нарком т. Албогачиев) не выполнил постановления бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) от 25-го июля 1941 года, борьба с бандитизмом до последнего времени строилась на пассивных методах, в результате бандитизм не только не ликвидирован, а наоборот активизировал свои действия». В чем же была причина такой пассивности? В ходе одной из чекистско-войсковых операций военнослужащими 263-го полка Тбилисской дивизии войск НКВД лейтенантом Анекеевым и старшиной Нециковым был обнаружен вещмешок одного из главарей чеченских бандитов Исраилова-Терлоева с его дневником и перепиской. В этих документах находилось и письмо от Албогачиева следующего содержания: «Дорогой Терло-ев! Привет тебе! Я очень огорчен, что твои горцы раньше положенного времени начали восстание (Имеется в виду восстание октября 1941 года. — *И.П.*). Я боюсь, что если ты не послушаешь меня, и мы, работники республики, будем разоблачены… Смотри, ради Аллаха, держи присягу. Не назови нас никому. Ты же разоблачился сам. Ты действуй, находясь в глубоком подполье. Не дай себя арестовать. Знай, что тебя будут расстреливать. Связь держи со мной только через моих доверенных пособников. Ты пиши мне письмо враждебного уклона, угрожая мне возможным, а я тоже начну преследовать тебя. Сожгу твой дом, арестую кое-кого из твоих родственников и буду выступать везде и всюду против тебя. Этим мы с тобой должны доказать, что будто мы непримиримые враги и преследуем друг друга. Ты не знаешь тех орджоникидзевских агентов ГЕСТАПО, через

которых, я тебе говорил, нужно послать все сведения о нашей антисоветской работе. Пиши сведения об итогах настоящего восстания и пришли их мне, я их сразу сумею отослать по адресу в Германию. Ты порви мою записку на глазах моего посланника. Время опасное, я боюсь. 10.XI.1941 г.». Подстать Албогачиеву были и его подчинённые, например, начальник отдела по борьбе с бандитизмом НКВД ЧИ АССР Идрис Алиев. На районном уровне в органах внутренних дел республики также имелась целая плеяда изменников. Это начальники райотделов НКВД: Старо-Юр-товского — Эльмурзаев, Шароевского — Пашаев, Итум-Калинского — Межиев, Шатоевского — Исаев, начальники райотделов милиции: Итум-Калинского — Хасаев, Чеберлоевского — Исаев, командир истребительного батальона Пригородного райотдела НКВД Ор-цханов и многие другие. Чего уж говорить о рядовых сотрудниках «органов»? Документы пестрят фразами типа: «Сайдулаев Ахмад, работал оперуполномоченным Шатоевского Ю НКВД, в 1942 году ушел в банду», «Ина-лов Анзор, уроженец с. Гухой Итум-Калинского района, бывший милиционер Итум-Калинского районного отделения НКВД, освободил своих родных братьев из КПЗ, арестованных за дезертирство, и скрылся, захватив оружие» и т. п. Не отставали от чекистов и местные партийные руководители: «При приближении линии фронта в августе-сентябре 1942 г. бросили работу и бежали **80** человек членов ВКП(б), в т. ч. **16** руководителей райкомов ВКП(б), **8** руководящих работников райисполкомов и **14** председателей колхозов».

Для справки: в это время ЧИ АССР включала в себя **24** района и город Грозный. Таким образом, со своих постов дезертировали ровно две трети 1-х секретарей райкомов. Можно предположить, что оставшиеся в основном были «русскоязычными», как например, секретарь Ножай-Юртовского РК ВКП(б) Куролесов. Особенно «отличилась» парторганизация Итум-Калинского района, где на нелегальное положение перешли 1-й секретарь райкома Тангиев, 2-й секретарь Садыков и другие партийные работники. В общем, на дверях местного партийного комитета впору было вывешивать объявление: «Райком закрыт — все ушли в банду».

К. — Как проходила депортация чеченцев и ингушей?

П. — Операция по выселению чеченцев и ингушей, получившая кодовое название «Чечевица», началось 23 февраля 1944 года. В 2 часа ночи были оцеплены все населенные пункты, расставлены засады и дозоры, отключены радиотрансляционные станции и телефонная связь. В 5 часов утра мужчин созвали на сходы, где им объявили решение правительства. Тут же участников сходов разоружили, а в двери чеченских и ингушских домов в это время уже стучались опергруппы. Каждая оперативная группа,

состоящая из одного оперработника и двух бойцов войск НКВД, должна была произвести выселение четырех семей. Технология действий опергрупп была следующей. По прибытии в дом выселяемых производился обыск, в ходе которого изымалось огнестрельное и холодное оружие, валюта, антисоветская литература. Главе семьи предлагалось выдать участников созданных немцами отрядов и лиц, помогавших фашистам. С собой выселяемым разрешалось брать продовольствие, мелкий бытовой и сельскохозяйственный инвентарь из расчета 100 кг на каждого человека, но не более полутонны на семью. Деньги и бытовые драгоценности изъятию не подлежали. На сельскохозяйственное оборудование, фураж, крупный рогатый скот выдавалась квитанция для восстановления хозяйства по новому месту жительства. Оставшееся движимое и недвижимое имущество переписывалось представителями приемной комиссии. Все подозрительные лица подвергались аресту. В случае сопротивления или попыток к бегству виновные расстреливались на месте без каких-либо окриков и предупредительных выстрелов. Следует отметить, что подавляющее большинство «воинственных горцев» послушно отправилось к сборным пунктам, даже не помышляя о сопротивлении. При сопротивлении или попытках к бегству было убито всего лишь **50** человек. В ходе выселения было изъято **20 072** единицы огнестрельного оружия, в том числе **4868** винтовок, **479** пулемётов и автоматов.

К. — А всего сколько человек и куда было выселено? Сколько из них скончались по дороге и в местах нового проживания?

П. — Львиная доля выселенных чеченцев и ингушей была направлена в Среднюю Азию, свыше **400 тыс.** в Казахстан и свыше **80 тыс.** — в Киргизию. Обличители «преступлений тоталитаризма» уверяют, будто выселение чеченцев и ингушей сопровождалось их массовой гибелью — во время перевозки к новому месту жительства якобы погибла чуть ли не треть, а то и половина депортируемых. Это не соответствует действительности. На самом деле, согласно документам НКВД, во время транспортировки умерло **1272** спецпереселенца (**0,26 %** от их общего числа), ещё **50** человек были убиты при сопротивлении или попытках к бегству. Часто говорят, будто эти цифры занижены. Дескать, умерших переселенцев без регистрации выбрасывали из вагонов. Подобные утверждения просто несерьезны. В самом деле, поставьте себя на место начальника эшелона, который принял в исходном пункте одно количество спецпереселенцев, а доставил к месту назначения меньшее число. Ему сразу же задали бы вопрос: а где недостающие люди? Умерли, говорите? А может, сбежали? Или освобождены за взятку? Поэтому все случаи гибели депортируемых в пути документировались. Что касается смертности

спецпереселенцев в новых местах жительства, то первое время она действительно была весьма высокой. Хотя, конечно, погибла не половина и не треть высланных. К 1 января 1953 года на поселении находилось **316 717** чеченцев и **83 518** ингушей. Таким образом, общее количество выселенных сократилось примерно на **80 тысяч** человек, из которых, впрочем, часть не умерла, а была освобождена. Так, только до 1 октября 1948 года включительно было освобождено с поселения **7 тысяч** человек из числа выселенных в 1943–1944 гг. с Северного Кавказа.

К. — Чем была вызвана столь высокая смертность?

П. — Сознательного уничтожения чеченцев и ингушей не было. Дело в том, что сразу после войны СССР поразил жестокий голод. В этих условиях государство должно было в первую очередь заботиться о лояльных гражданах, а чеченцы и прочие поселенцы во многом оказались предоставлены сами себе. Естественно, традиционное отсутствие трудолюбия и привычка добывать пропитание разбоем и грабежом отнюдь не способствовали их выживанию. Тем не менее, постепенно переселенцы обжились на новом месте, и перепись 1959 года даёт уже большую цифру чеченцев и ингушей, чем было на момент выселения: **418,8 тыс.** чеченцев, **106 тыс.** ингушей.

Теперь позвольте обратиться к мифу о том, что-де накануне войны Сталин осуществил незаконные депортации населения, в частности, из прибалтийских республик, приведшие чуть ли не к геноциду половины населения прибалтийских республик.

Блистательный коллега по перу — уважаемый Сергей Тарасович Кремлёв — как-то вывел превосходную формулу: **точно так же, как не бывает любви без грусти, так не бывает «демократа» без лжи!** Откровенно говоря, я бы ещё и добавил — **не бывает «демократа» без *махровой* лжи!** Так-то оно будет справедливей. И всего лишь потому, что речь-то идёт о попытке «демократов» обвинить Сталина и органы госбезопасности СССР в ликвидации двух миллионов эстонцев, латышей и литовцев!? И коли это, «по данным „демократов“» считается половиной населения прибалтийских республик, то, следовательно, их предвоенное население составляло четыре миллиона человек. **Однако накануне войне суммарная численность их населения не составляла четырёх миллионов человек!** Это, как говорится, во-первых. Во-вторых, речь идет о тех действиях, которые имели место непосредственно накануне войны. Проще говоря, речь идет о депортации четко определенных контингентов населения этих республик в период с 14 по 17 июня 1941 года. Но за три дня даже такие всемирно известные бандиты, как предводитель гуннов Атилла, или Гитлер, или тот же Трумэн, санкционировавший атомную

бомбардировку Хиросимы и Нагасаки, физически не могли уничтожить столько людей! Между тем ни органы госбезопасности СССР, ни тем более Сталин вовсе и не намеревались хоть как-то равняться на этих мерзавцев, особенно двух первых (об атомном «подвиге» третьего стало известно только в августе 1945 г.). Тогда в чем же дело?! Почему постоянно слышны такие жуткие обвинения?

Если по порядку, то накануне войны советские органы госбезопасности располагали неопровержимой документальной информацией о планах гитлеровцев максимально использовать при нападении так называемую пятую колонну в прибалтийских республиках. На основании этих, многократно подтвержденных, данных народный комиссар государственной безопасности СССР Меркулов еще 16 мая 1941 г. представил в ЦК ВКП(б) докладную записку № 1687/М по «зачистке» Прибалтики от «пятой колонны». Этой же запиской в Инстанцию был препровожден и проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР по этому же вопросу. Принятое на основе этих документов постановление, в частности, гласило:

> «1. Разрешить НКГБ и НКВД Литовской, Латвийской и Эстонской ССР арестовать с конфискацией имущества и направить в лагеря на срок от 5 до 8 лет и после отбытия наказания в лагерях сослать на поселение в отдаленные местности Советского Союза сроком на 20 лет следующие категории лиц:
>
> а) активных членов контрреволюционных партий и участников антисоветских националистических белогвардейских организаций;
>
> б) бывших охранников, жандармов, руководящий состав бывших полицейских и тюремщиков, а также рядовых полицейских и тюремщиков, на которых имеются компрометирующие материалы;
>
> в) крупных помещиков, фабрикантов и крупных чиновников бывшего государственного аппарата Литвы, Латвии и Эстонии;
>
> г) бывших офицеров польской, литовской, латвийской, эстонской и белой армий, на которых имеются компрометирующие материалы;
>
> д) уголовный элемент, продолжающий заниматься преступной деятельностью…»[120] и так далее.
>
> Не были забыты даже проститутки — в п. 3 этого постановления говорилось: «3. Разрешить НКГБ и НКВД Литовской, Латвийской и Эстонской ССР выслать в административном порядке в северные районы Казахстана сроком

на 5 лет проституток, ранее зарегистрированных в бывших органах полиции Литвы, Латвии и Эстонии и ныне продолжающих заниматься проституцией».

Итоги осуществленной в период с 14 по 17 июня 1941 г. и в соответствии с этим постановлением операции таковы:

Республика	Арестовано	Выселено	Всего
Литва	5664	10 187	15 851
Латвия	5625	9546	15 171
Эстония	3178	5978	9156

Итого — 40 178 человек, в том числе 760 проституток и 2162 уголовника[121].

А теперь у нас появилась уникальнейшая возможность вычислить коэффициент не просто лжи, а именно же махровости лжи «демократов». Эти мерзавцы пытаются утверждать, что геноциду в предвоенное время было подвергнуто два миллиона человек из состава предвоенного их населения. На самом же деле не геноциду, а аресту и выселению было подвергнуто всего лишь 40 178 человек, включая шлюх и уголовников. **Коэффициент махровости лжи «демократов» — 50: 1!**

А в завершение не премину еще раз напомнить объективную логику таких действий — ту самую логику, которая была понятна, например, тем же англичанам еще в конце XIX века: **«Не надо забывать, что большинство выселенных колонистов состоит в резерве германской армии и что в случае войны они могли бы неожиданно образовать враждебные банды, уже знакомые с топографией края, с его средствами и спокойно занимающие самые важные стратегические пункты»**. Конечно, арестованные и выселенные накануне войны из прибалтийских республик поголовно не состояли в резерве германской армии (за отдельными исключениями), но то, что они составили бы ядро «пятой колонны» в интересах вермахта — однозначно. Да, не буду отрицать, что мера эта была жесткой, в современные понятия демократии не влезающая. Но надо же понимать и главное — в преддверии неминуемой войны любое государство обязано предпринять все необходимые меры для обеспечения собственной безопасности. И СССР в этом отношении не был исключением. Так поступают все государства. И нечего из этого устраивать «демократическое шоу». Надо просто понимать элементарные вещи.

Наконец, о так называемом геноциде прибалтийских народов на примере эстонского народа в **конце войны и сразу после ее окончания**. Недавно из печати вышла прекрасная новая работа известных историков И. Пыхалова и А. Дюкова — **«Великая Оболганная Война-2»** (М., 2008). Блестящие исследователи не обошли своим дотошным вниманием и эту проблему. Тщательно ее проанализировали, опираясь на рассекреченные документы. И в конце концов пришли к однозначному выводу, свидетельствующему **«о несостоятельности заявлений эстонских историков и политиков о „геноциде“, якобы проводившемся в это время»**.

«Политика руководства СССР в послевоенной Эстонии, — отмечают они, — была обоснованна и гуманна — особенно на фоне массовой коллаборации эстонцев с нацистскими оккупационными властями. Репрессиям и арестам подвергались лишь те, кто во время войны принимал участие в организованном нацистами уничтожении мирного населения оккупированных советских земель, те, кто после освобождения Эстонии вел вооруженную борьбу против советской власти, а также их пособники.

Всего с 1944 по 1953 г. органами внутренних дел и госбезопасности Эстонской ССР было арестовано около 22–23 тысяч человек, большая часть из которых была осуждена к заключению в лагерях и колониях ГУЛАГа. Утверждения эстонских историков о том, что арестованных было от 30 до 53 тысяч, противоречат архивным данным и являются ложными.

* * *

Небольшой комментарий А. Б. Мартиросяна. Если исходить из содержания приводившейся выше записки КГБ СССР от 23.09. 1988 г. № 16441 — 4, то в части, касающейся Эстонии, следовало бы говорить о следующих цифрах выселенных и арестованных: всего — 30 127 чел., в том числе 4116 арестовано. Если по годам, то в 1941 г. — 9156, 1949 — 20 702, 1951 — 269.

* * *

Кроме того, в рамках борьбы с вооруженным националистическим подпольем в марте 1949 г. советскими властями была проведена массовая депортация, в ходе которой в отдаленные районы СССР на поселение было выслано около 20,5 тысячи человек (точно 20 702). Эта достаточно жесткая

операция подорвала социальную базу „лесных братьев“ и способствовала прекращению развернутого ими террора против поддерживавших советскую власть эстонцев.

В отличие от периода 1941–1944 гг., смертность среди заключенных системы ГУЛАГа и спецпоселенцев находилась на низком уровне. После отбытия заключения большинство осужденных в 1944–1953 гг. эстонцев было благополучно освобождено. Освобождены были и находившиеся на спецпоселении депортированные.

Таким образом, репрессии 1944–1953 гг. затронули около 5–6 % населения Эстонии, причем большая часть репрессированных впоследствии благополучно вернулась на родину. Утверждать, что в послевоенной Эстонии имел место геноцид, невозможно.

Тем не менее миф о геноциде в современной Эстонии получает поддержку на самом высоком уровне. Не удовлетворяясь завышенными данными историков, эстонские политики играют „на повышение“, постоянно увеличивая число якобы подвергнувшихся геноциду эстонцев. Например, в начале 2007 г. Чрезвычайный и Полномочный посол Эстонии в РФ госпожа Марина Кальюранд заявила, что „по данным историков, в период с 1944 года погибло более 100 тысяч человек“. Излишне говорить, что это заявление не имело абсолютно ничего общего с исторической правдой».[122]

Так что никакого геноцида не было и в помине. Как, впрочем, не было и никакой незаконной и несправедливой депортации — все получили строго по «заслугам». Такова подлинная правда о тех мифах, которые нам пришлось анализировать!

Миф № 41. «Я солдата на фельдмаршала не меняю»

Речь идёт о том, что, узнав о предложении Гитлера обменять фельдмаршала Паулюса на сына Якова, Сталин якобы произнёс эту, ставшую крылатой и вошедшей чуть ли не во все книги о Сталине, фразу. Надо сразу же отметить, что это один из самых приличных мифов во всей антисталиниане и в мифологии о войне. Правда, и в этом случае пытаются представить Сталина жестокосердным человеком, якобы не имевшим никаких отцовских чувств деспотом. Господь Бог судья тем, кто так рассуждает, да еще и пытается убедить в этом других.

Прежде всего, потому, что, согласно новейшим, тщательно обоснованным данным, старший сын Сталина — Яков Иосифович Джугашвили — в немецком плену не был! А Гитлер никогда не предлагал Сталину обменять Якова на Паулюса!

Что же касается сути этих данных, то она такова. **Во-первых**, все так называемые протоколы допроса Якова Джугашвили-Сталина в немецком плену не имеют подписи допрашиваемого, что не укладывается в рамки немецких правил допроса особо важных военнопленных. А это уже наводит на мысль о том, что он в плен не попадал.

Во-вторых, между датированными всего лишь с однодневной разницей протоколами допросов по одному и тому же вопросу — сугубо принципиальная разница. Речь идет о протоколах от 18 и 19 июля 1941 г. В первом случае об обстоятельствах пленения допрашиваемый говорит немцам: «…Наши бойцы отбивались до последней возможности… Они все обратились ко мне: „Командир! Веди нас в атаку!“ Я повёл их в атаку. Началась сильная бомбёжка, потом ураганный обстрел… Я очутился один… Тут ваши окружили меня со всех сторон… Я бы застрелился, если бы вовремя обнаружил, что полностью изолирован от своих». А на следующий день тот же допрашиваемый заявляет, что «среди солдат возникают панические настроения, и они бегут». А далее объясняет, что солдаты бросают оружие, гражданское население не желает приютить у себя красноармейцев в военной форме. И в связи с этим якобы допрашиваемый немцами Яков Джугашвили-Сталин вынужден был сдаться в плен.

При таком разнобое из уст одного и того же человека не может быть веры ни единому слову.

В-третьих, нет ни одной записи голоса Якова Джугашвили на магнитофон, что для немцев в таком случае не просто непростительная оплошность, а серьезное доказательство того, что он в плен не попадал.

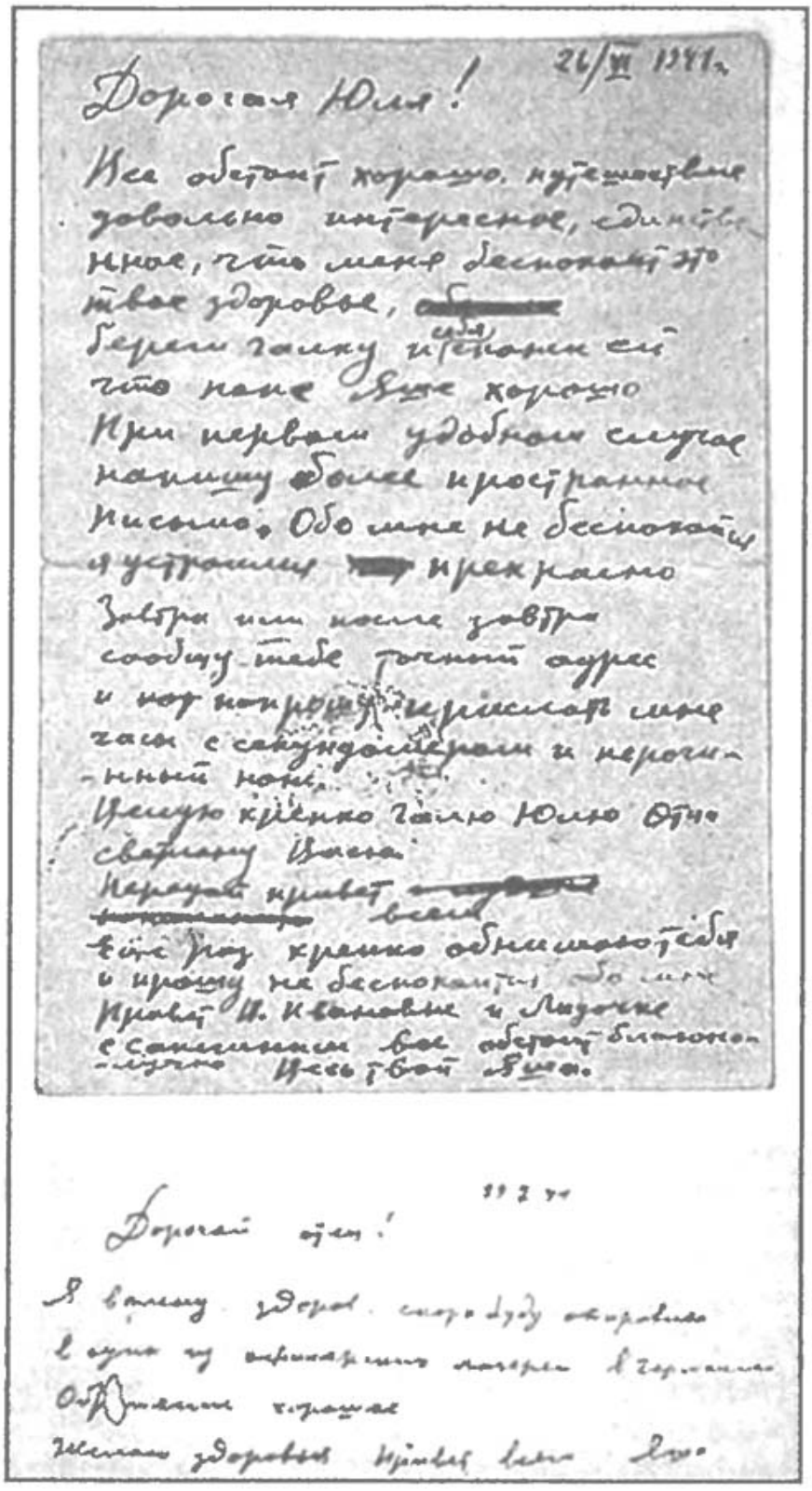
В-четвёртых, нет также и ни одной киноплёнки, на которой был бы заснят Яков Джугашвили, что тем более не только не объяснимо для дотошных в пропагандистских делах немцев, но и откровенно свидетельствует о том, что Я. Джугашвили в плен к немцам не попадал.

В-пятых, в марте — мае 2002 г. Центр криминалистических экспертиз Министерства обороны Российской Федерации провел экспертизу образцов почерка якобы попавшего в немецкий плен Якова Джугашвили-Сталина. Экспертизе подверглось прежде всего письмо к Сталину: «Дорогой отец! Я в плену, здоров, скоро буду отправлен в один из офицерских лагерей в Германию Обращение хорошее. Желаю здоровья. Привет всем. Яша», а также запись из дневника югославского генерала Милутина Стефановича — «…собственноручная запись Якова… „Яков Джугашвили, старший лейтенант, Москва, ул. Грановского, 3, кв. 84, 20.9.42 г.“».

Вывод экспертизы категоричен:

> **«„Письмо к отцу“ на листовках выполнено не Джугашвили Яковом Иосифовичем, а иным лицом с подражанием почерку старшего сына Сталина. Записка от имени Я. И. Джугашвили от 20 сентября 1941 г. исполнена не Джугашвили Яковом Иосифовичем, а иным лицом»!**

Об это свидетельствует даже простое визуальное сравнение подлинного почерка на единственном сохранившемся подлинном письме Я. Джугашвили с фронта с почерком, которым исполнена упомянутая записка.



Дорогая Юля! 24/VI 1941 г.

Все обстоит хорошо, путешествие довольно интересное, единственное, что меня беспокоит это твое здоровье, [redacted]
Берегите Галину [redacted] что нам будет хорошо
При первом удобном случае напишу более пространное письмо. Обо мне не беспокойтесь устроюсь [redacted] прекрасно
Завтра или после завтра сообщу тебе точный адрес и тогда попрошу [redacted] написать мне часа с секундомером в нерогатый конец.
Целую крепко Галю Юлю Ольгу Сергеевну Ивана
Передай привет [redacted] всем
Еще раз крепко обнимаю тебя и прошу не беспокоиться обо мне
Привет И. Ивановым и Лидочке с семейством все обстоит благополучно Жду твой вести.

1942 г.

Дорогой отец!

Я вполне здоров скоро буду отправлен в одну из офицерских лагерей в Германии
Обо мне не беспокойся
Шлю вам здоровья Крепко вас люблю

Документ вверху — подлинное письмо Я. Джугашвили, внизу — фальшивка.

* * *

В подвергнутой критическому анализу ещё во втором томе книге «Великая ТАЙНА Великой Отечественной» её автор А. Н. Осокин попытался из подлинного письма Якова Джугашвили состряпать некое доказательство в пользу своей и без того беспрецедентно беспочвенной версии о некоей «великой транспортной операции» по переброске советских войск через территорию Германии ближе к Ла-Маншу для последующего совместного с вермахтом нападения на Англию. При этом, как и положено злостному фальсификатору, в качестве «аргумента» он избрал прямой подлог (в сочетании с содержанием всей его книги — это уже явно осознанный стиль злостной и злоумышленной фальсификации). Прямо так и написал: «Похоже, что указанная… в качестве даты цифра 26 переделана из 21 (хвостик шестерки — абсолютно прямая линия), из чего следует, что открытка, скорее всего, написана 21 июня 1941 г.»[123]. Так «проанализировал» подлинное письмо Якова.

А. Н. Осокин имеет инженерное образование и даже числится член-корреспондентом Академии электротехнических наук, то есть является человеком, который в принципе должен хорошо разбираться, где прямая линия, а где — закругленная. Однако никто не сможет объяснить причину столь странного искажения его зрения: с какой стати он решил, что хвостик шестерки — абсолютно прямая линия?! К тому же переделанная из единицы!? Взгляните на цифру 26 своими собственным взглядом, желательно с использованием обычной лупы и попытайтесь хотя бы самим себе честно ответить на один простой вопрос: разве в цифре 6 есть хоть малейшие признаки переделки из другой цифры, в данном случае из единицы?! Разве хвостик шестерки столь уж «абсолютно прямая линия»?! Мягко выражаясь, это каким же искажением зрения надо было обладать, чтобы состряпать такой вывод?! Кривым зеркалом, что ли, пользовался?! А ведь на базе этой махровой, но абсолютно пустопорожней фальсификации он настрочил целую страницу всевозможных предположений, которые ничем не отличаются от его, мягко говоря, не соответствующих чему-либо предположений о кончике носа Хаусхофера, о чем говорилось еще во втором томе!

Зачем такие фальсификации?! Разве столь уж трудно понять, что надо коленопреклоненно склонить голову в память о павшем смертью храбрых при защите нашей Родины Якове Иосифовиче Джугашвили и не тревожить ни его память, ни его неизвестно где захороненный прах

пустопорожними фальсификациями, направленными против его отца — Иосифа Виссарионовича Сталина?!

Впрочем, едва ли столь простые мысли посетят голову член-корреспондента Академии электротехнических наук!

*** * ***

В-шестых, экспертизе были подвергнуты также и фотолистовки, которыми немцы забрасывали передовые позиции советских войск еще летом 1941 г. На них якобы сын Сталина стоит среди немецких офицеров в свободной позе, задумчиво склонив голову к плечу. На другой фотолистовке — сидит за столом в компании немцев, довольный, веселый, улыбающийся.

Вывод экспертизы и в этом случае был категоричен: это фотомонтаж с применением обильной ретуши и приема «зеркального отражения»!

В-седьмых, внимательное сравнение подлинных биографических данных Я. Джугашвили с тем, что указано в протоколах германской разведки, позволяет определить грубое несоответствие. В протоколах германской разведки указано, что Я. Джугашвили в качестве места своего рождения назвал г. Баку, в то время как в его паспорте, который сохранился у его дочери, прямо указано, что он родился в селе Бадзи, Грузинская ССР. Что, он не знал, где родился?!

Паспорт Якова Джугашвили. В графе «Месторождения» написано: «Село Бадзи». А не «Баку», как утверждал мнимый сын Сталина

Зачем гитлеровцы пошли на такую пропагандистскую акцию, объяснять, очевидно, нет никакого смысла. И так все понятно. Что же касается реальной судьбы Якова Джугашвили, то она из тех, о которых высшими законами справедливости положено говорить так — **пал смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины!** Потому, что один из уцелевших в том последнем бою в окрестностях села Копти Витебского района солдат впоследствии рассказал приемному сыну Сталина — генералу Артему Сергееву, — что Яков Иосифович, как и все оставшиеся в живых военнослужащие его артиллерийской бригады, пошли на прорыв, в рукопашный бой. Старший лейтенант Яков Иосифович Джугашвили-Сталин, к глубокому сожалению, из этого боя живым не вышел. Последнее, что видел этот солдат перед тяжелой контузией, что Яков был весь в крови. Когда же немцы обнаружили тело погибшего старшего лейтенанта Я. И. Джугашвили-Сталина, то тогда и родилась у них идея разыграть фарс с его пленением с целью массированного пропагандистского воздействия на советские войска. Подрыв авторитета Верховного Главнокомандующего и морального духа подчиненных ему войск во время

войны является одной из самых наиважнейших задач противной стороны. К несчастью, поначалу гитлеровцы вполне неплохо справились с ней.

Что же касается жестокости Сталина по отношению к собственному сыну, то даже в мифологическом изображении — **«Я солдата на фельдмаршала не меняю»** — Сталин был прав. Потому как любая попытка такого обмена означала бы сепаратные переговоры с гитлеровцами, о которых те не преминули бы растрезвонить на весь мир, дабы расколоть антигитлеровскую коалицию. С другой стороны, попытка такого обмена означала бы конец Сталина и как Верховного Главнокомандующего, и как того самого Сталина, на которого едва ли не в буквальном смысле слова молился и весь советский народ, да и весь мир тоже. Причем конец не только политический, но и физический — ни соратники, ни советский народ не поняли бы такого проявления отцовских чувств, в то время как едва ли не полстраны находилось под властью гитлеровских оккупантов, а многие советские граждане — в плену у ненавистного врага. Так что с мифологическим восприятием трагедии Я. Джугашвили пора кончать. Он действительно погиб смертью храбрых и надо коленопреклоненно склонить голову в память о его подвиге защитника нашей Родины.

А в реальности же произошло то, что и должно было произойти. Как только стало известно о пленении якобы Я. Джугашвили, а известно-то стало только по немецким данным, то до выяснения всех обстоятельств его жену — Юлию Мельцер — арестовали в соответствии с постоянно инкриминируемым Сталину приказом № 270 от 16 августа 1941 г. Сталин ясно показал всем, что судьбы его и его сыновей и их семей неразрывны от судьбы воюющего народа и что закон для всех одинаков. К тому же для ареста были и другие основания. Дело в том, что на немецких листовках был «снимок», на котором запечатлен Я. Джугашвили, сидящий с немцами за столом, а на нем — старая куртка, которую он обычно надевал на рыбалку, на охоту. Это был явный монтаж с использованием фотографии из семейного альбома. Считается, что невозможно понять то, каким образом такая фотография могла попасть к немцам. Обычные утверждения, что тогда решили, что жена Якова — Юлия Мельцер — передала эту фотографию, ничего не проясняют. В данном случае единственно пригодная логика объяснения — логика контрразведки. Проще говоря, в дом Я. Джугашвили был вхож кто-то из агентов германской разведки, который, воспользовавшись удобной ситуацией, попросту стащил эту фотографию из семейного альбома. Но это же означает и крайнюю неосмотрительность в быту самого Якова и его жены. Очевидно, именно этой логикой и руководствовались Сталин и Берия, когда на время арестовали Ю. Мельцер. Потому как сегодня агент германской разведки вхож в семью сына Сталина,

а завтра он может оказаться и в непосредственной близости от Верховного Главнокомандующего. Потому и было принято решение, что в порядке превентивной меры защиты Верховного, а заодно и сбережения самой Ю. Мельцер от иных напастей целесообразно на время ее изолировать под предлогом выполнения упомянутого выше приказа Сталина. На принятие такого решения повлияли также и следующие обстоятельства. **Во-первых**, Ю. Мельцер в 30-е годы выезжала на лечение в Германию, вследствие чего у нее могли сохраниться некоторые контакты с немцами. В таком случае контрразведка просто обязана была допустить мысль о том, что, опираясь на эти связи, германская разведка могла попытаться под благообразным предлогом подойти к самой Ю. Мельцер, в том числе и с вербовочным предложением. **Во-вторых**, под влиянием катастрофических событий начала войны далеко не в пользу Ю. Мельцер сработало то обстоятельство, что военный адрес Я. Джугашвили был известен только его жене Ю. Мельцер. В сочетании же с тем, что немцы в июле 1941-го очень быстро окружили полк, в котором воевал Яков, будто знали, что там — сын Сталина, возникло ложное подозрение о том, что-де Ю. Мельцер предала своего мужа. Хотя, если честно, для такого подозрения оснований не было или, по меньшей мере, они были явно недостаточны. Куда правильней было бы допустить, что не Ю. Мельцер была виновата в этом, а агентура германской разведки, которая находилась в непосредственном окружении советских войск еще накануне войны. В полосе Западного Особого военного округа, в котором Яков служил, германской агентуры было хоть отбавляй. Пачками ловили, да вот, к сожалению, не всех выловили. А языки у наших людей нередко бывают настолько длинными, что доведут не только до Киева, но и до серьезной беды. Короче говоря, все это вместе взятое и привело к аресту Ю. Мельцер, который следует рассматривать только как превентивную меру в системе обеспечения безопасности как самого Сталина — как Верховного Главнокомандующего, — так и ее лично, в том смысле, что тем самым ее уберегли от возможных еще более трагических напастей. В 1942 г., когда многое прояснилось, Ю. Мельцер была освобождена.

Что касается по сию пору живущей легенды о том, что-де Сталин направил несколько групп высококлассных разведчиков-диверсантов для того, чтобы вызволить сына из плена, то это полная чушь. Опираясь на те данные, которые автору книги стали известными от бывшего высокопоставленного сотрудника личной разведки Сталина — Константина Мефодиевича, — Сталин уже в начале 1942 г. твердо знал, что какой-то проходимец, попавший в плен к немцам, выдает себя за его сына. И действительно, именно в связи с этим Сталин приказал (главным образом

это касалось партизанской разведки) любой ценой доставить этого негодяя в Москву, на Лубянку, чтобы разобраться с ним и объяснить всему народу, что на самом деле произошло с его сыном. Ведь об этом знала вся страна. Увы, не получилось. Тевтоны тоже были не дураки.

Ну, а впоследствии, когда страсти по Сталину относительно улеглись, особенно после изгнания Хрущёва из Кремля, то для нивелировки ситуации и неявного восхваления Сталина и восстановления его авторитета среди народа в ход была пущена легенда «Я солдата на фельдмаршала не меняю». Конечно, легенда красивая, трагически красивая, но, увы, всего лишь легенда. Кстати говоря, ее появление поразительно точно совпало с очередным всплеском утверждений западных историков о том, что-де в 1943 г. Сталин якобы пытался вступить в сепаратные переговоры с гитлеровцами. Судя по всему, этой трагически красивой и мгновенно воспринятой всем народом за истину в последней инстанции легендой была дана отповедь всем измышлениям западных историков насчет никогда не имевших места попыток Сталина вступить в сепаратные переговоры с гитлеровцами. Что ж, иногда и у дубового советского Агитпропа были несомненные успехи.

---

notes

Примечания

1

По данному вопросу см. мою книгу «Трагедия 22 июня: Блицкриг или Измена? Правда Сталина». М., 2006.

2

АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 424. Л. 11–12. Копия.

3

АПРФ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 22. Л. 67–68. Заверенная машинописная копия.

4

АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 59. Л. 10а — 10б. Автограф.

5

АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 460. Л. 73–88. Автограф.

6

АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 426. Л. 15–18. Подлинник.

7

АПРФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 461. Л. 84–86. Заверенная машинописная копия.

8

АПРФ. Ф. 55. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.

9

История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1975, т. 4, с. 133.

10

История КПСС. М., 1970, т. 5, кн.1, с. 297–299.

11

См. № 9, с. 140.

12

См. № 9, с. 140.

13

Самсонов А. М. Москва в октябре 1941 года // История СССР, М., 1981, с. 5, 69.

14

Кстати говоря, именно с этим связан один из расхожих мифов о Великой Отечественной войне — миф о том, что в начале войны Сталин приказал осуществить незаконное выселение немцев Поволжья, о чём говорится в анализе соответствующего мифа.

15

Патоличев Н. С. Испытание на зрелость. М., 1977, с. 126, 131, 135, 136.

16

Ныне Владикавказ.

17

Поляков Ю. А. Историческая наука: Люди и Проблемы. М., 1999, с. 200–205.

18

Тыл Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне. М., 1977, с. 5.

Необходимо иметь в виду, что далеко не все из них находились непосредственно в местах заключения. Немалая часть из них, формально числясь осужденными и причисленными к ГУЛАГу, оставалась на свободе, работала на своих же предприятиях, но выплачивала определенные штрафы за те или иные нарушения предвоенных экономических законов.

20

АПРФ. Ф. 3. Оп. 46. Д. 34. Л. 21. Подлинник.

21

Задача этих инспекций заключалась в обеспечении выполнения судебных решений в отношении лиц, приговоренных не к лишению свободы, а к отбыванию принудительных работ.

22

Женщины привлекались к уголовной ответственности в основном за растрату, кражи социалистической собственности, мелкие кражи на производстве, кражи личной собственности.

23

Народный комиссариат боеприпасов — один из центральных органов управления в СССР с января 1939 г. по март 1946 г.; руководил заводами по производству порохов и боеприпасов. **Народный комиссариат вооружения** — один из центральных органов управления в СССР с января 1939 г. по март 1946 г.; руководил заводами по производству вооружения. **Народный комиссариат минометного вооружения** — один из центральных органов управления в СССР с ноября 1941 г. по июль 1945 г.; руководил заводами по производству минометов и боеприпасов к ним. В соответствии с постановлениями ГКО все три наркомата курировал лично Л. П. Берия.

24

Главное артиллерийское управление — осуществляло руководство разработкой требований, предъявляемых к артиллерийскому вооружению, устанавливало заказы его промышленности, организовывало приемку и снабжение им войск.

25

По данным видного военного историка, генерала армии М. А. Гареева — **122** тыс. самолётов всех типов. *Гареев М. А.* Сражения на военно-историческом фронте. М., 2008, с.396.

26

По тем же данным — **109 100.** Там же.

27

По тем же данным — **22 195.** Там же.

28

По тем же данным — **9,8** млрд. долларов. Там же, с. 394.

29

Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1989, с. 31.

30

Гареев М. А. Сражения на военно-историческом фронте. М., 2008, с. 396–397. Данное обстоятельство с лихвой компенсировали научно-техническая и военно-техническая разведки НКВД-НКГБ и ГРУ.

31

Гареев М. А. Сражения на военно-историческом фронте. М., 2008, с. 396.

32

Soviet Economic Review, January 1946. NA, RG 59< DF, 861.501–946.

33

Гареев М. А. Сражения на военно-историческом фронте. М., 2008, с. 394.

34

Приведенная характеристика принадлежит американскому учёному-историку Дж. Херрингу. Цит. по: *Гареев М. А.* Сражения на военно-историческом фронте. М., 2008, с. 397.

35

Так на Руси презрительно называли отличившихся в отрицательном смысле.

36

ЦА ФСБ РФ, ф. 12ос, оп. 3, д. 4, л. 241–242. Подлинник. Небезынтересно заметить следующее. Если директива Меркулова была подписана в 9 час. 10 мин. 22 июня, то совершенно секретный приказ № 2/79с коменданта Московского Кремля генерал-майора Н. Спиридонова «О введении усиленной охраны и обороны Московского Кремля» был подписан уже в 8 час. 30 мин. утра 22 июня. ЦА ФСБ РФ, ф. 17, оп. 25, д. 1, л. 201.

37

ЦА ФСБ РФ, ф. 12ос, оп. 3, д. 4, л. 252–254.

38

РГАСПИ. Ф. 644. оп. 1. д. 12. л. 80.

39

К этому моменту НКВД и НКГБ уже были объединены.

40

Впоследствии первый председатель КГБ СССР.

41

ЦА ФСБ РФ, арх. № 20463, т.1, л. 503.

42

ЦА ФСБ РФ, ф. 3ое, оп. 8, д. 49, л.24–25.

43

ЦА ФСБ РФ. Арх. № 20463, т. 1, л. 6. После победоносного контрнаступления советских войск под Москвой и в связи с ликвидацией угрозы захвата Москвы, эта сеть была резко сокращена, а многие сотрудники и агенты были направлены в тыл врага в составе разведывательно-диверсионных отрядов.

44

К слову сказать, одна из моторизованных частей ОМСБОН участвовала в ликвидации прорвавшихся к мосту через Москву-реку близ Шереметьева немецких мотоциклистов и бронетранспортеров.

45

ЦА ФСБ РФ. Арх. № 20463, т. 1, л. 9–11.

46

Евсеев А. Нелегалы в Охотном ряду (интервью с П. А. Судоплатовым) в книге «Спецслужбы и человеческие судьбы». М., 2000, с. 138.

47

В конце января 1942 года переформированы соответственно в 129, 130, 155 и 158-ю стрелковые дивизии (все 2-го формирования).

48

Симонов К. М. Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1988, с.81–82.

Впоследствии — 8-й гвардейской имени И. В. Панфилова.

50

В 1942 г. ничтоже сумняшеся наш подлый «союзник» У. Черчилль призвал всю Европу, а Германию особенно, именно к этому! Обоснование сугубо нацистское — «борьба с русскими варварами»?!

51

Министерство иностранных дел СССР. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Том 2. М., 1976, с. 70.

52

ЦА МО РФ, ф. 32, оп. 11309, д. 21, л. 117.

53

Ныне Тверь.

54

ЦА ФСБ РФ, ф. Зое, оп. 9, д. 3, л. 172–174. Документ настолько красноречивый, что не требует никаких комментариев. Как, впрочем, и предшествовавшие ему примеры.

55

РГАСПИ, ф. 9501, оп. 5, сд. хр. 7, л. 22.

56

Швеция в годы войны представляла интересы СССР в Германии.

57

Опубликована в сборнике Ассоциации исследователей российского общества (АИГО) «Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта в СССР. 1941–1944». Доклады. Под редакцией Габриэле Горика и Кнута Штанге. Москва, АИГО, 2005, с. 25–31.

58

ЦХиИДК, ф. 1/п, оп. 23а, д.2, л. 27.

59

В первый период войны так сокращённо писали Государственный Комитет Обороны.

60

Земсков В. Н. Репатриация перемещенных советских граждан// Война и общество, 1941–1945. М., 2004, кн. 2, с. 338.

61

Дюков А. За что сражались советские люди. М., 2007, с. 355–356.

62

Цит. по: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Издание Верховного Совета РФ. М., 1993, с. 93–94.

63

Гнуснейшее содержание этой речи Хрущёва процитировано по: Известия ЦК КПСС, 1989, № 3, с. 149–150.

64

ВИЖ, 1995, № 3, с. 30.

65

В том-то всё и дело, что негласный! А ведь как было бы здорово, по-мужски, всем прошедшим войну маршалам и генералам, видевшим Сталина в роли Верховного, встать прямо там, на съезде, и дать настоящий, боевой отлуп Хрущёву! Увы … дали возможность этой клевете утвердиться на долгие десятилетия и даже их мемуары после того, как Хрущёва скинули, не смогли переломить ситуацию. Этот поганый миф дожил до наших дней.

66

Цит. по: *Гровер Ферр.* Антисталинская подлость. М., 2007, с. 386.

67

Чуев Ф. Полудержавный властелин. М., 1999, с. 361.

68

Чуев Ф. И. Несписочный маршал. М., 1994, с. 44–51.

Баграмян И. Х. Так начиналась война. Киев, 1977 г.

Независимое Военное Обозрение. 2004. № 48.

71

Герасимова С. Ржев 1942. Позиционная бойня. М., 2007, с. 250–251.

72

Там же, с. 251.

В то время на долю Северного Кавказа и Закавказья приходилось 86,5 % общесоюзной добычи нефти. Кроме того, следует также помнить, что на Кавказе добывались 56,6 %марганцевой руды, без которой, при 100 %-ной сориентированности металлургической промышленности СССР на военные нужды, последняя просто замерла бы. И ещё — это ведь был и богатейший сельскохозяйственный край. А во время войны каждое зернышко имело особое значение.

Захват этой дороги в то время был равнозначен пресечению поставок в СССР по ленд-лизу, не говоря уже об отсечении Русского Севера от остальной части страны.

75

Цит. по: *Барятинский М. Б.* Оборона Сталинграда. «За Волгой для нас земли нет!». М., 2007, с. 7.

76

Там же.

77

Цит. по: *Барятинский М. Б.* Оборона Сталинграда. «За Волгой для нас земли нет!» М., 2007, с. 10.

78

Цит. по: *Барятинский М. Б.* Оборона Сталинграда. «За Волгой для нас земли нет!» М., 2007, с. 8.

79

Мухин Ю. И. Убийство Сталина и Берия. М., 2007, с. 199–200. Ссылка на: *Кейтель В.* Размышления перед казнью. Смоленск, 2000, без указ. стр.

80

Мухин Ю. И. Убийство Сталина и Берия. М., 2007, с. 199–200. Ссылка на: *Кейтель В.* Размышления перед казнью. Смоленск, 2000, без указ. стр.

81

Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н. Утаенные страницы советской истории. М., 2007, с. 140.

82

ЦА МО ф. 32, оп. 11309, д. 139, л. 17.

83

АПРФ, ф. 5, оп. 50, д. 441, л. 32–36.

84

ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11309, д. 140, л. 341–345.

85

Цит по: *Рубцов Ю.* Мехлис. Тень вождя. М.,2007, с. 364.

86

Из доклада Главнокомандования Юго-Западного направления № 00137/оп в ставку ВГК об обстановке, сложившейся к середине марта 1942 г. на фронтах Юго-Западного направления, и соображениях о перспективах боевых действий войск направления в весенне-летний период 1942 г. от 22.03. 1942. См. ВИЖ, 1989, № 12, а также: *Быков К.* Харьковский «котёл» 1942. Крушение надежд. М., 2007, с. 8–9.

87

Быков К. Харьковский «котёл» 1942. Крушение надежд. М., 2007,

88

Известный советский актёр театра и кино Евгений Весник как-то рассказывал, что однажды, много лет спустя после войны, ему довелось ехать в одном купе с Тимошенко. Как полагается на Руси, оба попутчика крепко «вмазали» по коньячку — маршал признавал только этот напиток. Порядком захмелев, Е. Весник, как он сам же и говорил, набрался наглости и едва ворочающимся языком спросил у Тимошенко, как мы выиграли войну. Влив в себя очередной стакан коньяка, Тимошенко, не мудрствуя лукаво, ответствовал: **«А хрен его знает!»** Вот это Маршал Советского Союза, нарком обороны СССР и первый главнокомандующий на войне?!

89

Быков К. Харьковский «котёл» 1942. Крушение надежд. М., 2007, с. 9–10.

90

Там же, с. 10, а также ВИЖ, 1990, № 1.

91

ЦА МО РФ, ф.32, оп. 1, д. 16, л. 19.

92

Рухле Владимир Никифирович (1899–1969), ур. с. Великое Молодечевского района Минской области Белорусской ССР. В указанный период войны — полковник. 21 июля 1942 г. ему было присвоено звание генерал-майора. Однако в октябре 1942 г. был осужден на длительный тюремный срок. Освобожден и реабилитирован в июне 1953 г. Сразу же был восстановлен в армии, назначен командиром корпуса. В 1962 году вышел в отставку. Чрезмерно крутые зигзаги в его военной судьбе, похоже, были обусловлены следующими обстоятельствами. После целенаправленно организованного Тимошенко и Хрущевым катастрофического провала Харьковской операции, Рухле попытались сначала заткнуть рот и представили к генеральскому званию. Однако поскольку он явно не успокаивался, тем более, если учесть, что по указанию Сталина велось тщательное расследование причин этой Харьковской катастрофы, то в целях недопущения продвижения его данных до сведения Сталина, явно по сговору между Абакумовым и Хрущевым против Рухле, было сфабриковано дело, дабы спрятать концы в воду. Потому что, если бы его информация дошла до сведения Сталина, то Абакумов, Хрущёв и Тимошенко пошли бы под расстрел, как поётся в известной песне Виктора Цоя, «связанные одной цепью». В этом можно не сомневаться. Ведь полковник В. Н. Рухле официально предупреждал Абакумова — с просьбой довести до сведения Сталина, — что нельзя разрешать Харьковскую операцию в виде контрнаступления, ибо оно кончится трагедией. А Абакумов мало того, что сообщил о данных Рухле Хрущёву, так еще, ничего не доложил Сталину. В итоге те угробили 20 дивизий. О технике уж и не говорю. Но ещё более крут послесталинский зигзаг в жизни Рухле. Чтобы в июне 1953 года освободить, да ещё и реабилитировать и восстановить в армии в должности командира корпуса — это с какой же скоростью проворачивались по определению скрипучие шестеренки армейского механизма, в том числе и военной Фемиды?! Но самое-то главное состоит в то, что прежде чем он был освобожден и реабилитирован с восстановлением в рядах Вооруженных сил, надо было, чтобы кто-то о нем вспомнил. Но не просто вспомнил, а именно так, чтобы, освободив, реабилитировав и восстановив в армии, тем самым вновь заткнуть ему рот, дабы он не распространялся о том случае с Харьковской операцией. Именно для этого его срочно наградили несколькими орденами, в том числе и орденом Ленина. Чтобы лучше молчал. Вот как Хрущёв и К° прятали концы в воду!

93

Об этом удивительном факте стало известно в результате просмотра отличного документального фильма «Особая миссия», посвященного самоотверженной и трудной работе военной контрразведки Смерш в годы войны. Автор сценария — известная российская журналистка Наталья Метлина. В 15.20 17 апреля 2008 г. упомянутый фильм был показан по 1-му каналу российского телевидения.

94

Быков К. Харьковский «котёл» 1942. Крушение надежд. М., 2007, с. 5.

95

ЦАМО РФ, ф. 48а, оп. 1554, д. 91, л. 314.

96

ЦАМО РФ, ф. 48а, оп. 1554, д. 10, л. 352–353.

97

ЦАМО РФ, ф. 48а, оп. 1554, д. 10, л. 150–151.

98

Цит. по: *Барятинский М. Б.* Оборона Сталинграда. «За Волгой для нас земли нет!» М., 2007, с. 11.

99

Противотанковое препятствие в виде крутой стенки наружного рва укрепления на стороне, ближайшей к обороняющемуся, или на скате местности, обращенном к противнику.

100

Гальдер Ф. Военный дневник. М., 2004, с. 98.

101

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001, с. 441.

102

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13. М., 1997, с. 165–169.

103

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (22 июня 1941–1942 гг.). Т. 13. М., 1997, с. 372–374.

104

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13. М., 1997, с. 294.

105

Русский архив: Великая Отечественная: Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1943 год. Т. 23. М., 1999, с. 331.

106

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.), Т. 13, М., 1997, с. 170.

107

Правда о штрафбатах-2. М., 2008, с. 308.

Правда о штрафбатах-2. М., 2008, с. 203–205.

109

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны № 5. М., 1947, с. 37. Цит. по: Правда о штрафбатах-2. М., 2008, с. 32.

110

Красная Звезда, 16 января 2008 г.

111

Мухин Ю. И. Средства массовой брехни. М., 2008, с. 45–48.

Мухин Ю. И. Средства массовой брехни. М., 2008, с. 45–48.

113

Kuhnrich H. Der Partisanenkrieg in Europa 1939–1945. Berlin, 1965, s. 432.

114

Опубликована в сборнике Ассоциации исследователей российского общества (АИРО) «Истребительная война на Востоке. Преступления вермахта в СССР. 1941–1944». Доклады. Под редакцией Габриэле Горика и Кнута Штанге. Москва, АИРО, 2005, с. 31–42.

115

АПРФ, ф. 3, оп. 108, д. 526, л. 4–8. Подлинник.

116

Приказ НКВД СССР № 00761 от 23.06.1940 г. — см.: История российских немцев в документах (1763–1992). М., 1992, с. 158–159.

117

История российских немцев в документах, с. 159–161.

118

Там же, с. 161–167.

119

Были, конечно, и исключения. Например, одним из Героев Советского Союза стал выдающийся представитель крымских татар, летчик-истребитель, а затем и летчик-испытатель — знаменитый Ахметхан Султан. В благодарной памяти советских людей он навечно. Но вот крымские татары его память не очень-то жалуют. Впрочем, а чего удивляться, если они не очень-то жалуют даже своего выдающегося мыслителя и философа Исмаила Гаспринского. И всего лишь потому, что он ратовал за дружбу с Россией!

120

Цит. по: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 1995, т. 1, кн. 2, с. 144–146.

121

Данные, в том числе и приведенные в таблице, взяты из Докладной записки НКГБ СССР № 2288/М от 17 июня 1941 г. в ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР об итогах операции по изъятию антисоветского, уголовного и социально опасного элемента в Литве, Латвии и Эстонии. См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М., 1995, т. 1, кн. 2, с. 247.

122

Пыхалов И., Дюков А. Великая Оболганная Война-2. Нам не за что каяться. М., 2008, с. 302–303.

123

Осокин А. Н. Великая ТАЙНА Великой Отечественной. М., 2007, фотоальбом, с. 64.